

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сцавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 4 дня, 1851 года.

Всякъ волею здѣсь писать и складно и нескладно;
Простительно отцу лелѣять милыхъ чадъ;
Къ томужь, ввели-ль кого сплнхи его въ развратъ,
Недолговѣчныя шворенія поэза,
Которыя гнѣюшь, не зная дневнаго свѣта?

Милоновъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОФЕЙНИКЪ.

(Волибная сказка.)

Въ прошломъ году мы приглашены были въпроемъ съ Арриго Коги и Педрино Борніоли, также какъ и я, художниками, провести нѣсколько дней въ одномъ помѣщеніи, лежащемъ въ срединѣ Нормандіи.

Когда мы опсправились въ путь, погода была прекрасная; но вдругъ небо обложилось тучами, дождь полилъ, какъ изъ ведра, и выбоистая дорога, по которой мы шли, скоро превратилась въ безконечную лужу. Мы вьзли по колено въ грязи; иль шолспыми слолами присцавалъ къ подошвамъ нашимъ и мы съ трудомъ дошацились до мѣсна, уже съ часъ по захожденіи солнца.

Мы едва могли сидѣть отъ усталости; хозяинъ видя, съ какимъ усиленіемъ мы спарались преодолѣть зѣвошу и казаться бодрыми, шолпчасъ послѣ ужина приказалъ опвести намъ комнаты.

Мнѣ опвели большой залъ; при входѣ въ оный, меня проняла дрожь; мнѣ показалось, что я всшупаю въ новый мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все опшывалось спариною, на-

чинная отъ десюпортныхъ картинъ, представляющихъ четыре времени года, до мебели, украшенной безъ вкуса бронзою и большихъ шрюмо съ разными грубой опдѣлки рамами. Все было на своемъ мѣспѣ. На уборномъ столикѣ лежали щетки, гребенки и пудренная кисть, копорыя, какъ будто накануне еще упопроблялись; на блестящемъ паркешѣ разбросаны были два или три разноцвѣтныя плапья, вѣрь съ серебряными блеспками; и къ удивленію моему, на каминѣ лежала раскрытая черепаховая шабакерка, наполненная свѣжимъ еще шабакомъ. Все это замѣнилъ я по выходѣ слуги, копорый постпая на столикѣ у моей кровати свѣчу, пожелалъ мнѣ доброй ночи. Признаюсь, я началъ дрожать, какъ листъ. Я шоропливо раздѣлся, кинулся въ постель, и чтобы скорее разсѣять пустой спрахъ, закрылъ глаза и опвернулся къ спѣнѣ. Но мнѣ нельзя было оставаться въ семъ положеніи; кровать, казалось, двигалась подомною, глаза мои невольню раскрывались; я принужденъ былъ опять обернуться и посмошрѣть въ комнату.

При свѣчѣ, весь залъ казался покрытъ багровымъ свѣшомъ, шакъ, что безъ шуда

можно было различить изображенія, представлявныя на обояхъ, и закоптившіе поршреты, которые висѣли по стѣнамъ. Это были предки нашего хозяина: рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, важные совѣтники въ длинныхъ парикахъ и прекрасныя, съ размазанными лицами и напудренными волосами, дамы съ розою въ рукѣ.

Вдругъ свѣча запылала необыкновенно ярко, весь залъ озарился блѣднымъ свѣтомъ, и я увидѣлъ очень ясно, что то были живыя существа, которыхъ я почиталъ произведеніемъ живописи; ибо портреты начали поводить глазами, которые сверкали спираннымъ образомъ; губы ихъ шевелились, какъ будто они разговаривали между собою; но я ничего не слышалъ, кромѣ стука маятника и завыванія осенней бури на дворѣ. Непреодолимый ужасъ овладѣлъ мною, волосы мои стали дыбомъ, я не могъ свесити зубъ, холодный потъ облилъ меня. Часы пробили одиннадцать. Послѣдній звукъ опозвенѣлъ пропаянно, и когда онъ совсѣмъ исчезъ... (Я не въ силахъ выговорить, что случилось... никто мнѣ не повѣритъ, или сочтеть меня за сумасшедшаго), восковыя свѣчи вдругъ всѣ загорѣлись; раздувальный мѣхъ, до котораго никто не допрогивался, началъ раздувать огонь въ каминѣ, хрипя, подобно одышливому спарикку, между тѣмъ, какъ щипцы сами собою складывали головни, а лопатка разгребала золу. Потомъ, сползшій на столъ кофейникъ, соскочилъ на полъ и ковыляя къ камину, вскочилъ на шаганъ. Черезъ нѣсколько минутъ застучали кресла, и передвигая спранны выточеныя ножки свои, помѣшались вокругъ камина.

Я не зналъ, что подумать обо всемъ, мною видѣнномъ. Но меня ожидало еще большее чудо. Одинъ изъ портретовъ, представляющій старика съ одышливымъ лицомъ и съ дою бороною, похожаго, если не ошибаюсь, на Сиръ Джона Фалосшафа, какимъ я его воображаю, высунулъ изъ рамы свою голову съ странными гримасами, а потомъ съ большимъ усиліемъ пропашивъ изъ тѣснаго пространства рамъ свои плечи и подставное брюхо, шлепнулся на полъ. Онъ едва успѣлъ опдохнуть, какъ потчасъ вынулъ изъ кам-

зола маленькой ключикъ; онъ подулъ въ дырочку, чтобы удостовериться, не засорилась ли она, и началъ опширать каждую каршину.

И изъ каждой рамы такимъ же образомъ выскакивали разныя фигуры: маленькіе разряженные Аббаты, сухощавыя и желшюлицыя спарушки, важные Члены Магистрата, францы въ шелковыхъ чулкахъ, цвѣшномъ нижнемъ платьѣ, съ корошенькими шпакками, которые концемъ порчали вверхъ, такъ забавно, что не смотря на мой страхъ, я не могъ удержаться отъ смѣха. Всѣ сядочепныя особы чинно усѣлись, кофейникъ проворно вскочилъ на столъ; они кушали кофе изъ бѣлыхъ и синихъ Японскихъ чашекъ, которые сами собою слетѣли со шкафа, каждая съ кускомъ сахара и серебряною ложечкою. Когда опшили кофе, вдругъ чашки, ложки и кофейникъ исчезли; начался разговоръ, подлинно любопытный, какой только удалось мнѣ слышать: ибо никто изъ собесѣдниковъ во время онаго не смотрѣлъ другъ на друга; взоры всѣхъ обращены были на часы; я также не могъ опвесить отъ нихъ глазъ и слѣдилъ спирѣлку, которая непримѣнно приближалась къ двѣнадцати часамъ.

Наконецъ пробилъ полночь; раздался голосъ, котораго звуки шочно походили на бой часовъ: «пора опкрыть балъ.» Всѣ вспаля, спуля сами собою оподвинулись къ стѣнѣ, каждый кавалеръ взялъ свою даму и потъ же голосъ прозвучалъ: «Оркесиръ, начинай!»

Я забылъ вамъ сказать, что обои зала съ одной стороны представляли Италіанской концертъ, а съ другой оленю довою, гдѣ нѣсколько охотниковъ трубили въ рога; доѣзжачій и музыканты, которые прежде казались неподвижными, вдругъ кивнули головами, какъ бы въ знакъ согласія. Капельмейстеръ махнулъ рукою, и на обояхъ концахъ зала загремѣла живая, веселая музыка. Сначала панцовали менуецъ. Но музыка играла слишкомъ скоро для стола важныхъ и тяжелыхъ особъ, такъ что каждой парѣ черезъ нѣсколько минутъ пришлось вертѣться въ вальсъ: Шелковыя платья дамъ, въ семъ бурномъ танцѣ издавали странный

шумъ, подобный голубиному полесу; въперъ, захваченный краями оныхъ, надувалъ ихъ, такъ что они казались вертящимися колоколами.

Смычекъ виртуозовъ такъ быстро леталъ по струнамъ, что изъ нихъ сыпались электрическія искры; пальцы кларнетистовъ поднимались и опускались съ такою невѣроятною скоростію, какъ будто они налишы были ртутью; щеки добъзжачихъ надувались, какъ шары; все сіе составляло такую смѣсь звуковъ и самыхъ прудныхъ пассажей, что сами демоны въ продолженіи двухъ минутъ не выдержали бы такта. Нельзя было видѣть безъ жалости, съ какимъ усиленіемъ сіа чудныя танцовщицы спарались попадать въ тактъ; они дѣлали прыжки, разныя па, и анпрша, прыгая фуша на дпри въ вышину, такъ что потъ лилъ съ нихъ градомъ, смывая мушки и румяны. Но сколько они ни спѣшили, а оркестръ всегда опереживалъ ихъ према или чепырма нопами.

Пробило часъ и я увидѣлъ то, чего прежде не замѣчалъ: женщину, которая не танцевала. Она сидѣла на шабуретѣ передъ каминомъ и, казалось, вовсе не занималась окружающими ее предметами. Никогда, даже во снѣ не видалъ я ничего совершеннѣе: цѣло ея было ослѣпительной бѣлизны, волосы каштановые, длинныя рѣсницы, голубые глаза, столь свѣтлыя, что въ нихъ можно было видѣть душу такъ хорошо, какъ камушки въ ручейкѣ.

Я чувствовалъ, что еслибъ мнѣ когда нибудь случилось влюбиться, то вѣрно въ эту женщину. Я бросился съ постели, гдѣ до тѣхъ поръ не смѣлъ пошевеливаться и какою-то тайною силою, привлеченъ былъ къ ней. Я сѣлъ подлѣ нее, взялъ ее за руку, и завелъ разговоръ, какъ будто 20 лѣтъ былъ съ нею знакомъ, но къ удивленію моему, я замѣнилъ, что она во время разговора движеніемъ головы слѣдовала за тактомъ музыки, которая не переставала играть, и хотя бесѣда съ такимъ прелестнымъ существомъ составляла для меня верхъ счастья, однакожъ я съ прудомъ удерживался отъ танцовъ; но не смѣлъ ей о томъ предло-

жить. Она, казалось, угадала мое желаніе и указавъ другою рукою на часы, сказала: «когда спрѣлка дойдетъ до того мѣста, тогда мы увидимъ тебѣ, милый Теофиль.» Не знаю, отъ чего, только я не нашелъ ничего мудренаго въ томъ, что она знала мое имя и мы продолжали шутить.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

ДЕНЬ ПЕРЕДЪ СВАТЪБОЮ

(*Повѣсти Цюокке.*)

Глава I.

«Какъ мы будемъ счастливы!» говорила Луиза на канунъ своей сватьбы, и щеки ея въ поже время зарумянились, какъ маковъ цвѣтъ.

Всякой знаетъ, кого разумѣешь молодая невѣста, когда говоритъ *мы*.

«Конечно, милая Луиза, опвѣчала ея шепка; поспарайшесь только всегда быть счастливыми.»

— Можно ли въ томъ сомнѣваться, что мы всегда будемъ счастливы? Я себя знаю; нельзя быть совершенною, но любовь придаетъ мнѣ силы исправить свои недоспапки: пока мы будемъ любить другъ друга, до тѣхъ поръ счастье не измѣнитъ намъ; а любовь наша никогда не перемѣнится.

— «Ахъ!» со вздохомъ сказала шепка, «ты говоришь, какъ неопытная, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, упоенная любовію и надеждою. Но, милый другъ, повѣрь мнѣ; сердце также старѣетъ. Наступитъ время, когда обманъ чувствъ исчезнетъ, очарованіе рассеется: тогда-то жена справедливо можетъ сказать, достоинъ ли мужъ ея любви; наканунъ сватьбы подобныя шребованія ничего не значатъ.»

— Понимаю васъ, шепка. Вы думаете, что однѣ добродѣтели могутъ сохранить нашу взаимную привязанность до самой старости; но Карлъ... я не говорю о своихъ ничтожныхъ достоинствахъ... не есть ли соврѣпеннѣйшій изъ молодыхъ людей въ цѣломъ городѣ? не украшенъ ли онъ всѣми добродѣтелями, способными утвердить счастье жизни?

— «Согласна мой другъ, онъ украшаютъ, какъ его благородное сердце, такъ и швое; это я могу сказать тебѣ безъ лести. Но онъ только что расцвѣли, а еще не созрѣли, еще не испытали лѣтнихъ дождей и засухи: это самыя обманчивыя цвѣты, ибо не знаешь, на какой почвѣ они произрастаютъ. Нѣтъ ничего пруднѣе, какъ проникнуть въ глубину сердца. »

— Ахъ, пелушка, вы меня пугаете.

— «Тѣмъ лучше, Луиза; я дѣлаю это для твоего счастья. Мнѣ еще двадцать семь лѣтъ отъ роду, и такъ, ты не сочтешь разсужденія мои какъ ворчанье изжившей свой вѣкъ лицемѣрки; у меня превосходный мужъ, и я очень счастлива; слѣдовательно, я имѣю право открыть тебѣ тайну, которой, можетъ быть, ты не знаешь: ибо это такая вещь, о коей вовсе не говорятъ молодой дѣвушкѣ, а молодой человѣкъ мало о томъ заботится; впрочемъ, это есть важнѣйшее средство утвердить семейное счастье и поспоянную любовь. »

Луиза съ живостью схватила обѣ руки своей теткки: милая пелушка, не правда ли, вы хотѣте сказать, что любовь наша тогда только будетъ вѣчною, когда она внушена сердечными качествами, а не минутными, исчезающими предѣстями. Наши добродѣтели составляютъ драгоцѣннѣйшее наше достоянїе, ибо онѣ не состарѣваются?

— «И добродѣтели старѣются, Луиза, и онѣ со временемъ измѣняются, подобно пѣлестной красотѣ. »

— Что вы говорите, пелушка? назовите мнѣ хотя одну добродѣтель, которую время сдѣлало бы нестерпимою.

— «Когда онъ подурнѣютъ и состарѣются, тогда мы перестаемъ называть ихъ добродѣтелями, подобно какъ молодую женщину красавицей, когда она сдѣлается бабушкою. »

— Но добродѣтели не умираютъ; могутъ ли, на примѣръ, крошечность и доброта быть когда нибудь ненавистными?

— «Когда время превратитъ ихъ въ малодушіе. »

— А храбрость мужчины!

— «Она становится холодною жестокостью. »

— А скромность!

— «Припворною суровостью. »

— А благородная гордость?

— «Глупымъ тщеславіемъ. »

— Нѣтъ, нѣтъ, пелушка, вы меня только пугаете; мужъ мой не можетъ такъ перемѣниться. Онъ имѣетъ качество, которое предохранитъ его отъ всѣхъ сихъ крайностей: глубокое чувство ко всему высокому, ко всему доброму и прекрасному. Это чувство я разделяю съ нимъ, и оно приведетъ насъ къ счастью.

— «А если оно состарѣется и превратится въ несносную разборчивость, оправляющую семейное счастье? Я не запрещаю вамъ предаваться чувствительности, но не дай Богъ, чтобы она превратилась для васъ въ брызгливую спаруху! Знаешь ли ты Графиню С...?»

— Ту самую, которая за годъ предъ симъ развелась съ своимъ мужемъ?

— «Точно такъ; но никто не знаетъ настоящей причины сего развода; она сама мнѣ открыла свою исторію, довольно забавную. Я тебѣ расскажу ее вмѣсто примѣра. »

Глава II.

Луиза приготовилась внимательно слушать, и теткка ея начала такъ:

«Графъ С... и супруга его соснавлили собою прекраснѣйшую чету, какую только можно видѣть. Они давно уже любили другъ друга—и супружество ихъ было для многихъ предметомъ зависти.

«Родители ихъ имѣли между собою вражду, которая заставляла опасаться, что союзъ ихъ долженъ рушиться. Графиня умерла было съ пѣски, а спраспный любовникъ ея клялся, кончить дни подобно Гёттеву Вертеру. Чтобы спасти жизнь обоимъ, родители по неволѣ примирились; но они положили, по причинѣ разсроеннаго здоровья Графини, отложитъ на два года свадьбу.

«Тогда спраспные любовники, въ одну ночь уѣхали на границу и обвѣчавшись, возвратились супругами.

«Съ этой минуты они представляли собою земной рай; ничто не могло равняться съ согласіемъ и счастьемъ этой прекрасной четы.

«Они безпрестанно спарались другъ другу нравиться; и въ первый годъ своего супружества дышали одною любовію, и запахомъ розъ; на другой годъ они посѣщали балы, маскарады, блистательныя собранія; но и здѣсь они видѣли и безпрестанно искали одинъ другаго. Для постороннихъ казалось это слишкомъ скучнымъ, и на слѣдующій годъ всѣ оставили нашихъ спаранныхъ голубковъ. Въ концѣ четвертаго года, казалось, что они довольно уже насладились своимъ упоеніемъ, ибо могли проводить цѣлый день, или вечеръ въ разныхъ обществахъ. Тѣмъ пріятнѣе было для нихъ возвращеніе. Наконецъ наступилъ пятый годъ; Графъ въ состояніи былъ оплучаться изъ дома на нѣсколько недѣль, безъ сильной горесни, а Графиня, при прощаніи съ нимъ, не падала уже въ обморокъ. Но тебѣ надобно прочесть письма ихъ, которыми они безпрестанно мѣнялись. Абеларъ и Элоиза никогда не писали съ такою нѣжностью перомъ Попе.

«На шестой годъ, они почитали доспапочнымъ, во время продолжительной разлуки, писать другъ къ другу не болѣе одного или двухъ разъ, и письма ихъ дышали одною только дружбою. На седьмой, они думали, что можно любить и бытъ любиму, не говоря безъ умолку съ утра до вечера. Этого было уже много, любовь ихъ достигла послѣдней степени совершенства; ибо они питали одинъ къ другому спокойную довѣренность дружбы. На осьмой годъ, они перестали бытъ эгоистами въ любви, и смонрѣть только на себя, считая другихъ людей куклами; они пустились въ свѣтъ. Въ печеніи всего девятаго года, они были самыми предупредительными и любезными существами, и послѣ десятилѣтняго супружества испытали общій удѣлъ другихъ смертныхъ, то есть любовь ихъ, и къ несчастію самая добродѣтели также устарѣли.

«Они замѣтили еще въ первые дни супружества, каждый про себя, что взаимная нѣжность ихъ была не чрезвычайно жива; но пусть они не находили ничего мудренаго; нельзя же вѣчно пылать. Въ послѣдствіи, они открыли нѣкоторыя недоспапки, которые прежде скрывала любовь; но каждый изъ

нихъ былъ снисходительнымъ къ слабостямъ другаго. Попомъ, онѣ сдѣлались уже въ пятокъ, иногда вырывались упреки и колкіе слова; наконецъ Графъ объявилъ женѣ своей:

«Ты очень вспыльчива, я по же, мы не можемъ всегда бытъ согласны; ты неперпѣлива, я слишкомъ скоръ; и такъ, лучше намъ жить по своей волѣ, мы получимъ болѣе свободы, а любить другъ друга будемъ по прежнему.»

«Графиня согласилась на это; они поселились въ разныхъ половинахъ дома, рѣдко видѣлись за споломъ и никогда не спрашивали одинъ другаго: опкуда ты, или куда ты? жизнь ихъ снова протекала мирно и счастливо.

(*Окончили въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАБЪДЪ СЪ БОЛЬНОЙ ДОРОГИ.

(*Зимого 1812 года.*)

Вхожу въ пріятный сельскій домикъ:

Хозяйка ладитъ самоваръ:

Шапаешся безъ бронзы сполникъ;

Въ углу съ дѣтскими играетъ кроликъ;

Опъ кипячка клубится паръ —

И вдругъ запахло славнымъ чаемъ:

«Мы гостя за-просио встрѣчаемъ,

Чѣмъ Богъ послалъ . . . другаго нѣтъ!» —

Огонь въ каминѣ — алый цвѣтъ!

Садимся — слово о дорогѣ,

О поздней осени; попомъ,

Какъ былъ я въ Кіевъ свѣтомъ;

О разныхъ слухахъ, о тревогѣ,

Что всѣ напуганы огнемъ;

О засухѣ и о комешъ;

О чемъ-то страшномъ въ цѣломъ свѣтъ . . .

О томъ, что грустенъ сталъ народъ. . . .

Потомъ, вдругъ рѣзкій переходъ —

Коснулась рѣчь сполничныхъ модъ,

Заговорили о нарядахъ;

Тамъ о торгахъ, тамъ о подрядахъ;

А тамъ — какъ въ *Наполеонѣ*,

О подвигахъ его военныхъ —

О новыхъ планахъ сокровенныхъ,

И рѣчь за рѣчью въ порогонъ. . . .

Жильцы споронъ уединенныхъ!
 Прошелъ и вашъ безпечный сонъ,
 И къ вамъ закралася забоша —
 И горькая ума работа,
 И преволнение души. . .
 Давноль бывало вы въ пиши
 Такъ были крошки, такъ спокойны,
 По воеводствамъ . . . и, въ глуши,
 Не знали, естъ ли въ Свѣтѣ войны. . .
 Скопомъ и хлѣбомъ богачи!
 Домашній мѣдъ и слявикъ пили,
 И — за сто верстѣ на каланчи —
Разъ въ жизни въ караулъ ходили. . .
 Не знали зыбкихъ вы карестъ;
 Ни модъ, ни баловъ, ни газетъ!
 Аптека-ваша — пѣнникъ съ перцемъ;
 И, шарцы, по младенцы сердцемъ,
 Въ непосѣдлыхъ волосахъ!
 Душою къ зашиши влекомы,
 Вы спавили свои хоромы
 Въ завѣпныхъ рощахъ и лѣсахъ! —

О. Глинка.

АРАБЪ И ТРУБОЧИСТЪ.

Басня.

«Смоприте, чучело! какъ черень! вопъ уродъ!»
 На Трубочиста такъ кричалъ Арабъ. — «Я черень»,
 Замыпиль шрубочистъ, — но будь покоенъ:
 Умоюсь — спану бѣлъ; а пы и весь швой родъ,
 Хошь мойшесь вы недѣлю въ банѣ,
 Увѣренъ я заранъ,
 Черяе будете меня.
 Писатель — шрубочистъ, Арабъ — его судья.

А. Якубовицъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: КНЯЗЬ АНДРЕЙ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

Глава пятая.

Въ святой одеждѣ Пилигрима
 Течешъ Андрей. — На ложѣ сна,
 Полусокрыша, полузрима,
 Лежишь окольная страна,
 И попопляешъ крылья снана

Волна прозрѣннаго тумана;
 И сквозь нее, въ шекль рѣки,
 Едва играющъ огоньки,
 Едва бѣлвютъ въ беспорядкѣ
 Военачальниковъ палатки,
 Подобно спавъ лебедей.
 Вдали Княжое знамя дремлетъ
 И кисти древка въ вышинѣ
 Струей незыблемой объемлетъ.
 И все окреситъ въ глубокомъ снѣ!
 Но не зачихнула покоемъ
 Спращами вспѣнная кровь:
 У шѣхъ чело пылаешъ боемъ,
 На шѣхъ улыбка и любовь. . . .
 И снова рашниковъ заноситъ
 Крыло мечпаній въ пламя сѣчь,
 И снова длань хватаешъ мечъ,
 И снова сердце славы проситъ.
 — Онъ шель. Кругомъ сипѣла шепъ,
 Въ дали уснувшій спанъ военный,
 И дымъ огней, и спражей цѣпъ,
 И спражей окликъ повременный,
 И бой копытъ и удилъ звонъ
 Коней решивыхъ слышитъ онъ.
 Бойницы близки. Князь на волѣ;
 Но, медля въ думѣ роковой,
 Онъ ноешъ пѣжкою тоской —
 Предъ нимъ вечерней бѣшвы моле! . . .
 Едва луной озарены,
 Сверкающъ шлемы и кольчуги,
 Тѣла во прахъ и въ крови. . . .
 Теперь узнай и назови,
 Кто недруги швой, кто други?
 Мѣчи въ ихъ раны воцѣпы,
 Впились въ кровавья ножны:
 И шемный рабъ и вождь избранной,
 Пробиты спалю проегранной,
 Къ сырой землѣ пригвождены;
 Коня могучаго спремление
 Въ полетѣ смертъ перегинала.
 И, боемъ гордое храпение
 Съ поздрей широкихъ сорвала. . . .
 Онъ палъ — недвижимо удила,
 Бѣлвютъ пѣной бѣлоенъжной. — —
 Какъ послѣ бури лѣсъ прибрежной. . . .

Какъ вихремъ сбиный виноградъ,
 Во прахъ юпоши лежатъ:
 Умчался жизни духъ крылашый —
 Въ очахъ послѣдняя слеза,
 Попусли ржавчиною лашы,
 По лицамъ хладная роса.
 Но дышешь гнѣвомъ ихъ краса. . . .

Петровъ.

Енисейскъ.

С H A R A D E.

De mon chétif premier, le nom te représente
 Tout ce qui peut s'offrir de plus vil à nos yeux.
 Tu vois dans mon dernier la couche repoussante
 Où l'on vit s'endormir plus d'un guerrier fameux.
 De mon tout au printemps la vue est attrayante.

Въ No 52 помѣщенная шарада значить: *Батюшко-въ.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Негальный закладъ, комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго; *Приключеніе на охотѣ*, балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ; *Дядя на прокатъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, и *Митавская ярморка*, или *Филатка въ Маскерадѣ*, диверсисеменшъ (представленіе на Маломъ театръ 15-го Іюня въ пользу шанцовщика Г. Гольца.)

Мало занимательная и слишкомъ распянушая комедія: *Негальный закладъ*, успѣхомъ своимъ на нашей сценѣ, обязана талантамъ Г-жи Валберховой ст. и Гг. Брэнскаго и Сосницкаго.

Гроза застигла Графа Альберта на охотѣ и заставила его искать убѣжища въ бѣдной хижинѣ Маргариты. Этого случай познакомилъ Графа съ Маргаритиною дочерью, прекрасною Зеліею. Любовь соединила бракомъ бѣдную крестьяночку съ богатѣйшимъ владѣльцемъ. Вотъ содержаніе балета: *Приключеніе на охотѣ*. Балетъ сей, хотя есть одно изъ мѣлочныхъ произведеній Г. Дидло, но и онъ заставляешь насъ жалѣть, что сей балетмейстеръ—поэтъ оставилъ нашу сцену, и желаетъ скорѣе видѣшь dospойнаго его преемника.

Приключеніе на охотѣ было весьма пріятно для зрителей! Въ немъ участвовали Г-жа *Телешова м.* (Зелія), Г. *Гольцъ* (Графъ Альбертъ) и Г. *Дидло* (Маргарита). Г. *Гольцъ* съ Г-жами *Зубовою* и *Телешовою* пропанцовали pas de trois, называемые Folies d'Espagne, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Легкость и чистота pas, твердость въ пируэтахъ и вѣрный аккомпанемъ гитары восхитили зрителей и доставили Г. *Гольцу* заслуженное имъ одобреніе многочисленной публики:

А. И. *Писаревъ*, удачный передѣлатель Шеридановой комедіи: *Школа злословія* (названной имъ: *Лукавинъ*), и многихъ Французскихъ драматическихъ твореній (къ сожалѣнію, похищенный смертію въ юныхъ лѣтахъ), передѣлалъ изъ Французской пьесы: *L'oncle d'Amérique*, водевилъ *Дядя на прокатъ*. Это можно сказать, предсмертное произведеніе успуваешь въ остроупъ куплетовъ, въ легкости версификаціи ихъ, шѣмъ куплетамъ, коими восхищаютъ насъ прежніе водевили *Писарева*; но помнущыя недоспадки въ вышнее представленіе *Дяди на прокатъ*, не были замѣчены, благодаря нашимъ Артистамъ. Они (кроме Г-жи *Шелиховой ст.*) не выучивъ своихъ ролей, исказили прозу и стихи въ этой пьесѣ до того, что трудно было рѣшишь, кому она принадлежитъ, Господамъ ли *Лоджину* и *Каратыгину м.* или *Писареву*.

Диверсисеменшъ: *Митавская ярморка*, или *Филатка въ маскерадѣ* есть сборъ всякой всячины. Тутъ увидишь вы прекрасную Русскую пляску Г. *Огюста* съ Г-жею *Сосницкою* и балаганное коверканье Филатки; услышишь пѣню: *Для одной любви природа насъ на свѣтъ произвела*, прелестно пропѣтую Г-жею *Шелиховою ст.* и неисповый хохотъ Г-жи *Ежовой*? Тутъ улыбаешь вынимъ фарсамъ Филатки—*Воротникова* и поморщипесь оупъ неуклюжей ловкости и дикціи Г. *Каратыгина м.*

Въ куплетѣ, пропѣшомъ какимъ-то Офицеромъ Днѣспровымъ (Г. *Дюръ*) въ заключеніе диверсисеменша, Авторъ онаго, оспующійся неизвѣстнымъ для публики, признаешь, что это его произведеніе—*есть дурачество простое!* Слава Богу, что не *сугубое!*

Собственное признаніе сильнѣе всякой улики, гласящъ наши законы гражданскіе.

М O D E S.

On porte des gants de tricot qui sont assez bien faits de forme.—En tricot de soie, ils ont plus de soutien que ceux de fil d'Ecosse, mais ceux-ci sont d'un contact plus facile, dès qu'ils ont été portés.—Il y en a de blancs qui sont d'une telle finesse que la main n'est pas garantie de l'air ou du soleil.

Les plus jolies ombrelles sont en moire blanche, montées avec du bois de fer cannelé.—Quelquefois on y place une crosse en vermeil; c'est alors un vrai bijou.

Plus simples, elles sont bien à montures de bambous: En moire ou en foulard.

Parfumerie.—Nous avons eu l'occasion d'annoncer diverses préparations dues à M. Saissy, parfumeur, rue de Richelieu.—Et le succès qu'elles ont obtenu doit assurer celui des nouvelles inventions que nous désignons.

Le rouge presque indispensable cause quelquefois quelque fin qu'il soit de l'altération à la peau.—M. Saissy a trouvé son contre-poison, il a composé l'*anti-fard* dont l'effet merveilleux sera vivement apprécié par les personnes qui peuvent d'autant moins se passer de rouge, que l'usage qu'elles en ont fait précédemment a plus altéré leur visage.

Nous ne saurions trop vanter son eau adontalgique; elle laisse à la bouche une fraîcheur, une suavité au-dessus de comparaison.

En général la maison de M. Saissy offre un grand nombre d'objets qui sont en dehors de la toilette et qui seront appréciés par les personnes jalouses de la propreté du chez soi.

Pl. No 17. Costumes Parisien.

М O Д Ы.

Носятъ приковыя перчатки, форма ихъ довольно хороша.—Изъ шелковаго прико, онъ крѣпче держашся, нежели изъ шотландскихъ вышюкъ; но сіи послѣднія пріятнѣе для осязанія, когда нѣсколько поношены.—

Есть бѣлыя, которыя такъ тонки, что рука почти не защищена, ни отъ воздуха, ни отъ солнца.

Самые красивые зонтики (ombrelle) дѣлаются изъ благаго море, утвержденные на вырѣзанномъ желѣзномъ деревѣ.—Иногда ко-спылекъ дѣлають серебряный вызолоченный; тогда это настоящая игрушка.

Есть простѣе изъ море или фулара, сдѣланные на бамбукъ.

Благовопія.—Мы имѣли случай объявить о разныхъ приготовленіяхъ Г-на Сесси, Parfumeur въ улицѣ Ришелье.—Успѣхъ, который они имѣли, позволяетъ надѣяться, что и новыя его изобрѣшенія, о которыхъ мы упоминаемъ, заслужатъ равное одобреніе.

Румяна, какъ бы они мѣлки ни были, однако иногда причиняють вредъ кожѣ.—Г-нъ Сесси нашель сему противудіе, онъ составилъ *anti-fard* т. е. противу-припиранье; чудесное дѣйствіе сего состава весьма будешь оцѣнено особами, которыя испортивъ уже лице употребленіемъ румянъ, не могутъ безъ нихъ обойтись.

Мы не можемъ довольно одобрить его воду адонталгиче; она оставляетъ воршу свѣжестъ и пріятностъ выще всякаго сравненія.

Вообще, магазинъ Г-на Сесси наполненъ множествомъ предметовъ, не касающихся собственно до нарядовъ; но которыя весьма будующъ пріятны для любителей опрятности въ домашней жизни.

Кар. No 17. Парижскія новыя костюмы.

С М Ъ С Ъ.

Природа первая художница: въ ея чудесномъ устройствѣ заключашся намѣреніе, планъ и исполненіе всего шого совершенства, до котораго только человѣческое искусство можетъ возвышашся въ идеаль.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 54.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 8 дня, 1851 года.

Почтенье къ женщинамъ пошервно всездѣ;
Долги не платятся, въ забвеніи объемы;
Благотвореньями полны—однѣ газеты.

Душинъ Борковскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РѢЧЬ ПРОТИВЪ ЖЕНЩИНЪ.

«Женщина владѣетъ шройнымъ арсеналомъ, изъ котораго заимствуетъ она всѣ боевые снаряды для непрерывной войны съ другою половиною рода человѣческаго: умомъ, своею нравіемъ, красою. Всѣ стрѣлы, которыми она нещадно разитъ насъ, искованы въ сей адской лабораторіи, изощрены и закалены въ горнилахъ ея, напишаны симъ шройнымъ ядомъ.

Женщина съ умомъ вѣдаетъ, что нѣтъ спасенія отъ любовной осправы. Сіе-то внушило мысль двумъ великимъ мужамъ и наставникамъ въ правилахъ духовнаго житія, Сенекъ и опцу Гектору Каркалонскому, что женоненавистники гораздо рѣже растѣнія Мандрагоры. Спроситъ сія безпреспанно волнуешь нашу кровь отъ колыбели до гроба, отъ младенческихъ пеленъ до погребальнаго савана. Изнуреніе плоти иногда погашаетъ сей огонь; но женщины спойтъ только улучшить удобное время, какъ сія грѣховная прародительская плоть вдругъ пробуждается. О непокорная, гнусная и брѣнная плоть! Когда ее обуздываемъ, она смиряется; когда ослабляемъ бразды, она спремглавъ кидается на овесъ и сѣно мір-

скихъ наслажденій. Тогда-то женщина обращаетъ на насъ собственное наше оружіе—и опунываетъ насъ сѣтлями, сплешенными изъ собственныхъ нашихъ вервий.

Но женскій умъ не есть еще самое оспрое ея оружіе; нѣтъ, опасная, неизбѣжная стрѣла изъ ея колчана есть красота. Она-то разжигаетъ сердца и на зрѣлищахъ народныхъ, и въ уединеніи, и въ скудной долѣ и въ богатой. Это самый гибельный изъ всѣхъ въшровъ, дуошихъ отъ Сѣвера и Юга, съ Востока и Запада. Недоумѣваю, какое данъ тебѣ названіе, о красота женская! Назовули тебѣ адскимъ приврапникомъ, который отворяетъ настеежъ двери всѣмъ порокамъ? Нареку ли ядромъ *Веельзевуловымъ*, способнымъ разрушить всѣ оплоты добродѣтелей; подкопомъ ли, могущимъ пошрясти храмину мудраго; пулею ли, которая неизбѣжно направлена въ сердце человѣческое?—Нѣтъ, это еще не все: красота превращается въ василиска для взора смертныхъ, въ эхидну для прикасающихся къ ней, въ пиагра для мимоидущихъ, въ крокодила, привлекающаго запахомъ въ свои челюсти невинныхъ звѣрей; она есть магнитъ для твердокаменныхъ сердець, дьявольское навожденіе для слабоумныхъ.

Но что же значить сама по себѣ красота, сей источникъ всякаго зла? Самая прекрасная женщина ничто иное, какъ подѣренная червями роза; эпито цвѣшокъ, увядшій прежде, чѣмъ успѣлъ онъ развернуться; самый легкій шуманъ обнажаетъ его онъ всѣхъ прелеспей; бросьте на него горсть шафрана и охры, — всѣ краски его исчезнутъ. Еслибъ разсудокъ нашъ свѣшилъ намъ хотя слабо, мы увидѣли бы, какъ безразсудные мушкетеры допускаютъ ловить себя посредствомъ зеркала, подобно глупымъ жаворонкамъ. Явился *Диогенъ!* повѣдай намъ о встрѣченной побою на берегахъ Спикса *Елена*, о ея безобразіи, въ ужасъ приводящемъ. «Гнусная вѣдьма, воскликнулъ шы, это ли красота, которая сожгла цѣлую Грецію, какъ пукъ лучины!»

Убѣгайте женщины, возлюбленные слушатели; въ нихъ гнѣздится бѣшенство. Мегеры, лютость львицы, жадность волчицы, прожорливость гарпіи, хитрость лисицы, непреклонность *Цербера*, коварство *Прозерпины*. *Демокритъ* не безъ основанія лишилъ самъ себя зрѣнія, чтобы не видаць ихъ; *Карль XII* также очень хорошо зналъ женщинъ: ибо завидя ихъ, онъ давалъ шпоры своей лошади—и во весь опоръ мчался прочь далѣе и далѣе.

Чего не сдѣлаетъ мужчина, для пріобрѣтенія сердца женщины? Онъ гошовъ изжарился въ знойной Африкѣ и замерзнулъ въ Сибири, для того, чтобы достать красавицамъ дорогихъ каменьевъ и собольихъ мѣховъ. Онъ пробивается сквозь утесы, спускается въ упиробу земли до самыхъ предѣловъ Тарпара; похищаетъ сокровища въ области самаго *Вельзевула*, чтобы украсить своего идола. Золото есть царствующая епрасть въ женщинахъ. Мужчина не блистающій золотомъ—есть призракъ; безденежная мудрость—безуміе; просвѣщеніе—невѣжество; образованность—грубость;—юноша украшенный всѣми дарами природы, кромѣ богатства—деревянный испуканъ. И такъ, по ихъ мнѣнію, бѣлизна лица заключается въ алыхъ, а бѣлизна въ бѣлыхъ ассигнаціяхъ; полный курсъ наукъ въ полномъ кошелькѣ; свѣтлыя мысли въ свѣтлыхъ червонцахъ;

звонкое Витійство есть настоящій Галльскій *Иракль*, все приковылающій къ себѣ золотыми цѣпями; *Ореэй*, плѣняющій молодыхъ звѣрей золотой лирою; *Амогонъ*, при звукахъ золотой свирѣли коего воздвиглись сами собою *Фивы*. Не правъ ли, послѣ сего, *Пѣнопѣвецъ*, создавшій изъ цѣльнаго золота жилище для блаженныхъ душъ? Иначе женщины скорѣе прельстились бы золотыми рогами Сатаны. Вы ослабляетесь, когда рѣчь моя коснулась сего головнаго украшенія, вы почти осмѣливаеетесь издѣваться надъ Орапоромъ; справедливо сказано: не мечите бисера . . . .»

При сихъ словахъ, ревностный Орапоръ, спрадающій удушьемъ, такъ закашлялся, что не кончивъ своей рѣчи и пылая справедливымъ негодованіемъ, сошелъ съ кафедръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОФЕЙНИКЪ.

(*Волибная сказка.*)

(*Окончаніе.*)

Наконецъ пробилъ назначенный часъ; въ комнапѣ снова раздался звонкій голосъ:

«Анжела, если вамъ угодно, вы можете танцовать съ эпитмъ кавалеромъ; но вы знаете, чѣмъ это кончится.»

Что нужды, опивѣчала Анжела угрюмымъ голосомъ.

И она обвила шею мою лилейною рукою.

«Пресписсили!» вскричалъ прежній голосъ, и мы начали вальсировать. Грудь молодой дѣвушки всирѣчалась съ моею, нѣжная щека ея прикасалась къ моей, ея сладкое дыханіе вѣяло на мои уста. Никогда въ жизни я не чувствовалъ такого восторга: нервы мои прешептали какъ струны; Эпитта свирѣствовала въ груди моей, и я слышалъ бѣненіе своего сердца, какъ будто къ ушамъ моимъ привѣшены были часы. Но это состояніе не имѣло въ себѣ ничего мучительнаго; напрошивъ того, я былъ упоенъ живѣйшею радостью и желалъ бы навсегда оспаться въ семъ положеніи; всего замѣчательнѣе то, что мы нимало не оспсывали оиѣ музы-

ки, которая играла съ непоцѣпною быспроіною.

Собраніе, удивленное нашею легкостію, кричало браво! и изъ всѣхъ силъ хлопало въ ладоши, не производя однакожь ни малѣйшаго звука. Анжела, которая до сихъ поръ панцовала удивительно легко и вѣрно, вдругъ почувствовала усталость; она почти висѣла на моемъ плечѣ, какъ будто лишилась ногъ; ея маленькіе ножки, которыя за минушу предъ тѣмъ, изъ милости касались до полу, опяжелѣли, какъ будто они обременены были свинцовымъ грузомъ.

«Вы уснули, Анжела, сказалъ я: отдохнемъ.»

—Я желала бы отдохнуть, ошвѣчала она, опирая плашкомъ лице; но пока мы панцовали, они всѣ усѣлись, и оспаешся одинъ только спульт, а насъ двое.

—«Что до того, прелестный Ангелъ? я посажу васъ на колыни.»

Анжела безъ всякаго противорѣчія сѣла, окруживъ меня руками, какъ поясомъ ослѣпительной бѣлизны и припавъ головою къ груди моей, чшобы нѣсколько согрѣться, ибо она холодна была, какъ мраморъ. Не помню, какъ долго мы оспавались въ семъ положеніи: ибо всѣ мои чувства погружены были въ созерцаніе сего таинственнаго и сверхъестественнаго существа. Я не имѣлъ никакого понятія о пространствѣ и времени; вещественный міръ для меня исчезъ, и всѣ прежнія связи мои были прерваны; душа мол, освобождаясь отъ узъ, плавала въ безпредѣльности: я постигалъ непоспимое для смертныхъ; мысли Анжелы открывались мнѣ безъ словъ, ибо душа ея ошвѣчивалась въ эфирномъ шѣлѣ, какъ огонь въ алебастровой лампадѣ, и лучи, спремещіеся изъ груди ея, вроникали въ мою грудь. Загѣлъ жаворонокъ, и блѣдный свѣтъ заигралъ на занавѣсахъ оконъ.

Какъ скоро Анжела это замѣтила, она шоропливо вспала, кинула на меня прощальный взглядъ и, опойдя нѣсколько шаговъ, испустила громкій крикъ и грянулась на полъ. Пораженный ужасомъ, я спѣшу поднять ее . . . у меня и теперь спынетъ кровь при одномъ воспоминаніи: я не нашель

ничего, кромѣ разбитаго въ мѣлкіе куски кофейника. Принявъ все это за дьявольское навожденіе, я почувствовалъ такой спрахъ, что упалъ въ обморокъ. Пришедъ въ чувство, я увидѣлъ себя лежащаго на постелѣ; у изголовья моей кровати спояли Арриго Когги и Педрино Борніоли. Не успѣлъ я открыть глаза, Арриго вскричалъ: «Какая бѣда! ужъ съ часъ какъ я тпру тебѣ виски Кельвскою водою. Да кой чортъ, что ты дѣлалъ въ эту ночь? Поупру, узнавъ, что ты еще не вставалъ съ постели, я вхожу въ твою комнату и вижу тебя распросперпаго на полу въ старинномъ Французскомъ кафтанѣ, обнимающаго черепокъ разбитаго фаянса, какъ бы молодую, прекрасную дѣвушку.»

—Ба! да это свадебной нарядъ моего дѣда, сказалъ хозяинъ, поднимая полу шелковаго кафтана розоваго цвѣта съ зелеными разводами: воптъ спразовые пуговицы и серебряное шнуръ, которыми онъ намъ шакъ хващался. Теофиль вѣрно отккрылъ его гдѣнибудь въ комодахъ и надѣлъ для шулки.

—Но кстапи, отъ чего ты упалъ въ обморокъ, прибавилъ Борніоли; вѣдь это хорошо для какойнибудь кокешки съ прекрасными бѣлыми плечами: ее разшуровываютъ, снимаютъ брилліанты, поясъ . . сколько случаевъ къ новымъ побѣдамъ!

—«Это произошло отъ слабости, и часто со мною случается;» ошвѣчала я сухо.

Я вспалъ и сбросилъ съ себя смѣшной нарядъ.

Подали завтракъ. Собесѣдники мои, всѣ шрое, много кушали, а пили еще болѣе: я почти ничего не ѣлъ; воспоминанія о минувшей ночи спраннымъ образомъ занимали меня. Послѣ завтрака всякой спарался разсѣять себя, какъ умѣлъ: ибо ненасилье не позволяло выйпи за порогъ дома. Борніоли барабанилъ по спекламъ марши; Арриго съ хозяиномъ присоединились къ дамамъ, а я, вынувъ бѣлый лиспокъ изъ своего Альбома, началъ рисовать.

Сидя въ совершенномъ забытши, я накидалъ карандашемъ легкій очеркъ, который съ чудесною точностію представлялъ кофейникъ,

игравшій споль важную роль во время ночныхъ явленій.

«Удивительно какъ походитъ эта голова на сестру мою Анжелу!» сказала хозяйня, копорый оспавя дамъ, спольмъ, сзади меня и смотрѣлъ на мою рабошу.

Въ самомъ дѣлѣ, я тогда только замѣтилъ, что мнимый кофейникъ представлялъ профиль крошкого и задумчиваго лица Анжелы. «Ради Бога, скажише, живали она, или нѣтъ ея на свѣщѣ?» вскричалъ я пренецивающимъ голосомъ, какъ бы вся жизнь моя зависѣла отъ его отвѣта.

— Два года тому назадъ, какъ она скончалась отъ простуды послѣ бала.

— Увы! . . . отвѣчалъ я гореспно, спараясь удержатъ слезы, и кладя листокъ въ Альбомъ; тогда-то я почувствовала, что для меня уже нѣтъ счастья на землѣ.

ДЕНЬ ПЕРЕДЪ СВАТЬБОЮ.

(Повѣсть Цюокке.)

(Ожончаніе).

«Въ одинъ вечеръ, это было на десятомъ году, они ошужинали вмѣстѣ, возвращаясь изъ псапра, и цомомъ усѣвшись около камина, занялись разговоромъ. Сердца ихъ распроганы были пріятными впечатлѣніями, произведенными на нихъ пьесою Ифланда. Они обворожены были карпиною супружескаго счастья и, казалось, что любовь ихъ оживилась новымъ пламенемъ.

— «Ахъ! сказала Графиня, все было бы хорошо, еслибы только можно было навсегда оспаться молодымъ.»

— «Тебѣ не на что жаловаться. Нельзя найти женщину, копорая лучше сохранила бы свое здоровье, какъ ты. Я не вижу никакой разницы между тѣмъ, что ты теперь, и чѣмъ ты была за десять лѣтъ. Нашъ союзъ можетъ назваться счастливымъ въ свѣщѣ. Еслибы я не былъ еще женатъ, то вѣрно предпочелъ бы тебя всѣмъ другимъ женщинамъ.»

— «Очень мило, отвѣчала Графиня со вздохомъ. Но подумай, другъ мой, мнѣ уже со-

рокъ лѣтъ. Что я теперь? и какова была тогда?»

— «Теперь ты прелеспная женщина, а тогда была прелеспною дѣвушкою; я не промѣнялъ бы теперь первой на послѣднюю;» сказавъ сіе, онъ вспалъ и заключилъ супругу въ свои объятія.

— «Такъ, сказала Графиня, мы были бы очень счастливы, еслибы не недоставало одного только, чтобы сдѣлать союзъ нашъ еще завиднѣе.»

— «Понимаю: дитяпи, копорый наследовалъ бы твои прелеспи и добродѣтели. Но, прибавилъ Графъ, тебѣ не болѣе прицати восьми лѣтъ, мнѣ едва ли сорокъ исполнилось, и пакъ не надобно опчаяваться.»

— «О, какъ была бы я счастлива! впрочемъ одно дитя причинитъ сполько же заботъ и опасеній, сколько радости. Малѣйшій случай можетъ насъ лишитъ его. Хорошо, если бы у насъ было двое.»

— «Ты говоришь правду. Но лучше имѣть троихъ; ибо если одно дитя изъ двухъ умретъ, то заботы наши не уменьшатся. Я увѣренъ, что Небо исполнитъ наши желанія. Мы легко можемъ воспитать троихъ дѣтей.»

— «Милый другъ, сказала она улыбаясь, это слишкомъ смѣло сказано, особливо если будутъ дочери, то намъ трудно будетъ ихъ приспроить.»

— «Хорошо, у насъ 25 тысячъ ефимковъ годоваго дохода. Этого достащочно и для нихъ и для насъ. Старшій сынъ вступитъ въ армію, впорой поидетъ по дипломатической части: правда, оба они дорого будутъ стоить, но надобно только опредѣлитъ ихъ, а тамъ они сдѣлаютъ свой карьеръ; мы знатны, случайны.»

— «Но ты забылъ о прещемъ сынѣ.»

— «Эщотъ избретъ духовное званіе, и будетъ имѣть свой доходъ.»

• Какъ! сынъ мой будетъ каноникомъ! нѣтъ, я этого право не потерплю.»

— «Для чего же? смѣю спросить; онъ можетъ сдѣлаться Аббатомъ, Викаріемъ, Епископомъ.»

— «Нѣтъ, я не хочу, чтобы у меня сынъ былъ монахомъ. Хотя бы у меня было ихъ

тысяча, и тогда я не могу видѣть ни одного изъ нихъ въ монашеской одеждѣ.»

— «У тебя иногда бываетъ спиранное упреки, милая жена. Ты хочешь пожертвовать собственной прихоти счастьемъ нашего семейства.»

— «Говорю тебѣ, что я никогда на это не соглашусь; знаю, что ты хочешь быть повелителемъ въ домѣ, но не забудь, что мать также имѣетъ свои права.»

— «Она не имѣетъ никакихъ. Отецъ во всемъ властенъ.»

— «Такъ, но власть опцовская не всегда бываетъ доспапочно.»

— «Если моей власти нуптъ недоспапочно, Графиня, то вашей вовсе здѣсь не мѣсто. И еслибъ нужно было, то я умѣлъ бы заставить уважать свою волю.»

— «Богъ мой! я очень знаю, что вы мой мужъ и мой повелитель; но я не имѣю чести быть вашей рабою.»

— «Ни я вашимъ угодникомъ, Графиня. До сихъ поръ я былъ слишкомъ снисходителенъ; но хотя я и перпѣлъ ваши прихоти, однакожъ есть случаи, гдѣ это было бы очень глупо.»

— «Очень обязана вамъ за опкровенность, и готова заплатить пою же монетою. Нѣсколько лѣтъ уже сносила я ваши глупости и великодушно извиняла ихъ; но теперь мое терпѣнне испощилось.»

«А мое и подавно, послѣ опытовъ, гораздо болѣе шягоспныхъ, и вы должны почивать себя очень счастливою, что за нѣсколько лѣтъ уже я не сбросилъ этого ига; ибо нѣтъ ничего несноснѣе, какъ поработить себя всемъ вашимъ дурачествомъ.»

— «А вы, еслибъ я только не удерживалась, вы давно были бы, каковы вы и есть, гордецомъ, эгоистомъ, человекомъ безъ сердца, который безпрестанно швердитъ о прекрасныхъ чувствахъ; ибо всегда почти хвастаются шѣмъ, чего не имѣютъ.»

— «За шѣмъ-то вѣрно и выславяете вы вездѣ свою нѣжную разборчивость. Вы можете обманывать другихъ, а не меня, я давно уже опкрылъ глаза; знаю, что ваши добродѣтели ничто иное, какъ одно припворство, и оно мнѣ стало несносно съ ихъ поръ,

какъ я проникъ въ глубину вашего сердца. Если бы я не жалѣлъ о васъ, то давно передалъ бы васъ жить вашей маминкѣ, что бы хотя нѣсколько имѣть спокойствія.

— «Вы, сударь, предупреждаете мои желанія; такой эгоистъ, какъ вы, не можете опсчастливить женщину чувствительную; вамъ легко понять, послѣ этого объясненія, что для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ будетъ пріятнѣе съ вами разстаться.»

— «Прекрасно. Сдержите только ваше слово; завтра же все кончится.»

— «Чѣмъ скорѣе, Графъ, тѣмъ лучше.»

Они разошлись по своимъ комнатамъ. На слѣдующій день позваны Нотаріусъ и свидѣтели; сдѣланъ актъ о разводѣ и подписанъ обоими супругами, не смотря на представленія родственниковъ и друзей.

«Такимъ-то образомъ споръ о сынѣ, котораго еще не было на свѣтѣ, послужилъ поводомъ къ разрыву союза, по видимому самаго счастливаго. И при всемъ томъ, Графъ и супруга его были образцомъ любезности; ихъ ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, кромѣ слабостей, неразлучныхъ съ человеческою природою.»

Глава III.

Вы называете эту повѣсть забавною, сказала подгорюбившись Луиза. Ова совсемъ меня расстроила. Я понимаю теперь, что самые добрые и нѣжные супруги могутъ жить несогласно. Ахъ, разувѣрьте меня, милая шенушка. Вы такъ меня опечалили, что я не могу теперь взглянуть на своего жениха, не спрашась за будущее. Какая ужасная участь!

— Какъ ты думаешь, можно ли избѣжать этого несчастія?

— О, еслибъ я не могла сосшариться! Я тогда была бы увѣрена, что навсегда удержу сердце моего мужа.

— Ты очень обманываешься, моя милая; привычка, эта сильная волшебница, поселила бы въ мужа швоего равнодушне къ цвѣтущей швоей молодости и красоте, такъ же, какъ она дѣлаетъ опаснымъ безобразіе. Но я опкрою тебѣ тайну.

— Ахъ, опскройше, вскричала съ жаромъ Луиза, опскройше ее; я пылаю неперытнѣемъ узнать ее.

— Слушай же: опъ перваго зависипъ счастье жизни; второе научипъ тебя, какъ сохранишь свою красоту.

«Если ты хочешь быть счастливою въ замужствѣ: по воспользовавшись первою послѣ сватъбы, минуною уединенія, попребуи опъ мужа своего кляшвы, копорую и ты должна произнесшь.

«Объщайше никогда другъ другу не говоришь колкостей, даже въ шушку. Я говорю никогда: ибо изъ шушки могутъ родипсь гибельныя слѣдствія. Общайше ничего не пайшь одинъ опъ другаго, въ какомъ бы то ни было случаѣ, и въ поступкахъ всегда наблюдашь опскровенность.

«Но если у васъ должно быть все общее, по не забывайше никогда, что вамъ надобно быпть пайною для свѣта, и что изгибы сердцеъ вашихъ; какъ и вашъ домашній быптъ, кромѣ васъ, пускай будутъ извѣстны одному Богу. Такимъ образомъ, души ваши, тѣсно свлзанныя между собою, сольются и соспалятъ одну. О! сколько молодыхъ супруговъ были бы достойны зависти, еслибъ они знали и умѣли упошребляшь се простое средство!»

Луиза съ признательностью поцѣловала руку у своей тешки. «Я чѣвствую, сказала она, какъ это справедливо; иначе супруги навсегда осмались бы чужды другъ другу; безъ сей совершенной довѣренности, они никогда бы не были счастливы.»

«Теперь скажите, тешушка, какъ сохранишь пріятность и красоту?»

Тешушка улыбулась и продолжала:

«Должно признаться, что пригожій мужчина нравится намъ болѣе, за то и онъ влюбляется въ насъ болѣе, когда мы одарены красотою. Но она состоиптъ не въ одной бѣлизнѣ тѣла, прекрасныхъ волосахъ и гибкости стана; красота заключается въ выраженіи лица, въ душѣ, копорая опсвѣчиваетъ въ глазахъ и въ голосѣ. Чѣмъ болѣе сердечныхъ качествъ опскрываетъ въ насъ мужчина, тѣмъ кажемся мы для него

прелеснѣе, и тѣмъ больше онъ насъ любитъ.

«Молодая женщина, копорая увѣрена въ своей красотѣ, должна заботипсь полько о своей душѣ, сберечь качества сердца, копорыя привязываютъ къ ней ея любезнаго. Вѣра, внуренній союзъ съ Богомъ, одни полько могутъ облегчить сей трудъ. Добродѣтели, предписываемыя человѣческою мудростію, со временемъ спаръютъ и измѣняются, какъ и все на свѣтѣ; но добродѣтели Христіанскія непреложны, какъ самъ Богъ, и если ты обладаешь ими, по навсегда сохранишь красоту души, за копорую обожаетъ тебя женихъ твой.

«Милая Луиза, повѣрь мнѣ, что я не ханжа; что мнѣ полько двадцать семь лѣтъ опъ роду; люблю балы, люблю повеселипсь и подурачипсь: однакожъ, повпоряю тебѣ, будь истинною Христіанкою, и ты не состарѣешь будучи матерью, и даже сдѣлаешь бабкою.»

Луиза бросилась къ тешкѣ на шею, и сквозъ слезы сказала ей: благодарю тебя, ты мой Ангель-Хранитель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАДЕЖДА И ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда надъ колоссальнымъ зданьемъ
Свѣсило гордое спопшь,
И ярко огненнымъ сіаньемъ
Его вершину озариптъ, —
Я говорю: пакъ въ перси пѣсной
Духъ юный радостно кипиптъ,
Когда надежды лучъ небесный
Его мечпы пріосвѣиптъ.
Но если въ ризѣ погребальной
Взойдетъ луна, краса попей,
И блѣдный свѣтъ ея печально
Падетъ на ветхій мавзолей, —
Я говорю: пакъ мръ забытый
Вспоминанья воскресяптъ,
Когда поблекшія ланиты
Слезамъ тихими блестяптъ.

Трилуный.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* въ азбукъ легко пѣбѣ найши,

Онѣ въ жеребѣ намъ выпадаетъ;

Второй мой слогъ скупецъ сквозь зубы повто-
ряетъ,

А *цѣлое* мое на жизненномъ пуши,

Какъ Ангелъ насъ, или какъ Чорнѣ сопрово-
ждаетъ.

Въ No 53 помѣщенная шарада значитъ: *Verdure*.

ИЗВѢСТІЕ О НОВОЙ, ДОСТОПАМЯТНОЙ КНИГѢ.

Г. Полевой можетъ иногда вообразить, что издастель *Лит. Прибавленій*, ошкроденно указывая ему его промахи, невѣжество, дерзкія сужденія, ложный образъ мыслей, — руководствуется духомъ личной къ нему неприязни. Желая увѣрить его въ прошивномъ, мы укажемъ ему на *Телескопъ*, журналъ новый, непосвященный въ таинства паршій, въ духъ котораго видно безприсрастїе: что говоритъ онѣ о *Г. Полевомъ*, о его Исторіи Русскаго Народа и *Московскомъ Телеграфѣ*? То же, что говорили *Вѣстникъ Европы*, *Моск. Вѣстникъ*, *Галател*, *Славянинъ*, что говорятъ *Свѣ. Пчела*, *Сынъ Отечества*, *Литературная Газета*, *Дамскій Журналъ*, *Лит. Прибавленія*... и даже, даже... *Свѣ. Меркурій*.

Выписываемъ изъ No 8 *Телескопа* Библиографическую статью о превосходной книгѣ: *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи*, сочиненной *Иерузалеомъ* и переведенной *Крыловымъ*.

Нашѣ вѣкъ не славится особеннымъ призрастїемъ къ сочиненіямъ, коихъ цѣль и достоинство состоитъ въ душепасительной назидательности; и потому, сіе новое изданіе давно извѣстнаго перевода давно извѣстной книги, предпринятое конечно не для одного удовольствія доставить работу типографскимъ станкамъ, заслуживаетъ вниманіе. Оно показываетъ, что *Размышленія Иерузалема* не такъ еще соспарѣлись для любителей благочестиваго чтенія, какъ угодно провозгласилъ *Московскому Телеграфу*. Да и можетъ ли соспарѣваться достоинство истины?... Если образъ выраженія

сихъ *Размышленій* весьма проситъ и спокойствіе, если не встрѣчается въ нихъ ни мистической глубины, ни экспансивнаго одушевленія — то это ни сколько еще не унижаетъ цѣны ихъ. Слово жизни, возвыщаемое религією, должно принимать всѣ формы, дабы всюду прививалось свободно и безпрепятственно; должно обнажаться со всѣхъ сторонъ, предлагаться на всѣ тоны, выражаться всѣми языками, дабы сдѣлаться для всѣхъ внятнѣмъ и вразумительнѣмъ; должно *быть* — по Апостольскому выраженію — *всѣмъ вся, да вся прїобрѣтеть*. Въ *Размышленіяхъ Иерузалема* ему сообщена форма спрогой діалектической послѣдовательности, подѣ надзоромъ умствующаго *разсудка*, испощающаго всѣ свои усилія для того, чтобы, собственною властію, *плѣнитъ себя въ послушаніе вѣры*. Посему онѣ оспариваются всегда важными и полезными для насъ, въ коихъ раскрывшаяся дѣятельность мысленія, успѣвъ сознать свою силу, но не умѣя очеркнуть для ней должныя границы, препрыкается и соблазняется о таинства вѣры, недостижные для ея условий и законовъ. Правда, полемическій тонъ ихъ, вынужденный современными обстоительствами, не имѣетъ всеобщности: онѣ ограничиваются преимущественно школою невѣрія, извѣстнаго подѣ именемъ Философіи осмнадцатаго вѣка, коей Ферней былъ средоточіемъ. Но къ чести нашего вѣка должно сознаться, что бессмысленное и дерзкое кощунство, бывшее единственнымъ оружіемъ сей школы, тогда столь могущественной и ужасной, нынѣ совершенно пришло въ упадокъ. Глуменіе *Вольтера*, шѣшившее некогда легкомысленную суетность и опозвавшееся было во всѣхъ концахъ вселенной адскимъ хохотомъ, теперь возбуждаетъ одно жалкое презрѣніе. Но люди всегда люди; и для каждаго изъ насъ, въ ходѣ духовнаго образованія, неизбежны эпохи, подобныя роковому осмнадцатому столѣтію, когда духъ пылливый мудрованія, раздраженный сознаниемъ раскрытыхъ силъ своихъ, изъясляетъ немудренныя припязанія и заноситъ ничтожную пядь свою на измѣреніе безмѣрной пучины таинствъ, открываемыхъ вѣрою и

преслѣдуемыхъ упованіемъ для насыщенія не-насыпимой нашей любви къ безконечному. Тогда *Размышленія Иерусалема* могутъ служить для насъ спасительнымъ приближеніемъ! . . Не дай Богъ никому имѣть въ нихъ настоятельную нужды: но благоразумная предусмотрительность пребудетъ, чтобы онѣ были всегда подъ рукою; почто такъ какъ у рачительнаго и осторожнаго хозяина всегда наготовѣ бывающіе лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней, хотябъ онѣ и все его семейство наслаждались совершеннымъ здоровьемъ. Кпожь не удивился послѣ того дерзости, съ копорою *Московскій Телеграфъ* произноситъ рѣшительные приговоры о вещахъ, кои очевидно внѣ предѣловъ его разумнія? Хотябъ богословствовать по отказался онѣ по крайней мѣрѣ! Это уже совершенно не его дѣло! . .»

М О Д Е С.

Ensembles de toilette.—Une robe de gros de Naples rayé cerise su vert-d'eau.—Pélerine à dents.—Collerette de mousseline à petits plis et broderie; une cravate de gros de Naples vert et cerise.—Capote de moire blanche, un camélia seul, sans rubans.—Des brodequins de peau anglaise.

Une robe de mousseline à raies;—l'une nankin, une; l'autre lilas très-pâle, couverte par une très-légère guirlande de cloches violettes nuancées avec leur feuillage.—Une pélerine de batiste plate, ronde, bordée d'un large ourlet, une broderie au-dessus.—Col pareil.—Des brodequins de prunelle et maroquin gros vert.—Un chapeau de paille à bavolet de taffetas blanc.—Un bouquet de pensées.

Une robe de jaconas bleu-turquoise, à dessins perses très-couverts, de chez Delille, rue Choiseul.—Pélerine de mousseline bordée d'une large broderie, terminée par une dent garnie d'une petite dentelle.—Un col carré.—Col double à pointes.—Capote de paille rayée de gaze blanche.—Un bouquet de bruyère, de Mme Rousselet-Vaulout, rue Richelieu, 96.—Des brodequins de prunelle noire.

Toilette habillée.—Une robe de mousseline rose dessins, manches longues, corsage décolleté, plat; une

mantille double de tulle uni.—Dans les cheveux une Ferronière, nu bouquet d'épis vert, posé un peu de côté sur le derrière de la coiffure.—Un collier d'or à deux rangs, fermé par une plaque de pierres variées.—Des souliers de satin noir.—Des gants blancs.—Un bouquet.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.—Гроденаплевое платье, по свѣтло-зеленому (vert d'eau) алыя полоски.—Пелеринка съ зубцами.—Выпищой кисейной борочикъ сложенъ мѣлкими складками; галстучекъ изъ зеленого и алаго гроденапля.—Капотъ изъ бѣлаго море, съ одной камелией, безъ лентъ.—Сапожки изъ Англійской кожи.

Платье изъ полосатой кисеи, одна полоса гладкая нанкиноваго цвѣта; другая блѣдно-лиловаго, и по ней легкая гирланда изъ фиолетовыхъ колокольчиковъ съ листьями.—Круглая, гладкая, баписовая пелеринка, подшита широкимъ рубцемъ, свѣрхъ копорого шитье.—Воротникъ такой же.—Темно-зеленые прюнелевые сапожки съ сафьяномъ.—Соломенная шляпа съ бавелепомъ изъ бѣлой шафты, и букетомъ анюпвннхъ глазокъ.

Жаконетовое платье, бирюзоваго цвѣта, съ Персидскими узорами, (сипцевыми) почти закрывающими грунтъ.—Пелеринка кисейная, по краю широкое шитье и зубцы обшиные узенькимъ кружевомъ.—Воротникъ четверугольный или двойной съ мысками.—Капотъ изъ соломки съ газовыми полосками.—Букетъ изъ зелени, отъ Г-жи Rousselet-Vaulout, въ улицъ Ришелье, 96.—Прюнелевые сапожки.

Вечерній нарядъ.—Платье изъ розовой кисеи безъ узоровъ; рукава длинные, лифъ открытый, гладкій; двойная маншилья изъ гладкаго тюля.—Въ волосахъ Ферроньера и букетъ зеленыхъ колосьевъ, припиленныхъ немного на сторону сзади прически.—Золотое ожерелье въ два ряда, замкнуто бляхою съ разноцвѣтными камефьями.—Черные атласные башмаки.—Бѣлыя перчашки.—Букетъ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Іюля 11 дня, 1831 года.

Случается нерѣдко намъ

И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ спомнить только догадаться,
За дѣло просто взявшись.

Крыловъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИВОПИСЕЦЪ КОЛОННА.

Анекдотъ XVI столѣтія.

«Моя фамилія не *Колонна*. Я родился во Флоренціи. Отецъ мой сдѣлался предметомъ ненависти извѣстнаго Графа *Монтальто*. Преступленіе *Монтальто*, отца моего, состояло въ томъ, что онъ пользовался особенною привязанностію своихъ согражданъ: онъ умерщвленъ злодѣйски... Всѣ знали, что виновникъ сего былъ поэтъ, котораго я называлъ; касательно же исполнителей его умысла, они мнѣ неизвѣстны. Я старался открыть ихъ, и послѣ тысячи шемныхъ подозрѣній, гнѣздившихся въ умѣ моемъ, кои прѣподобно призраку вездѣ меня преслѣдовали, я увѣрился, что *Бароццо*, или самъ былъ убійцею, или употребилъ для того другихъ. Отецъ мой погибъ во время бѣгства въ Далмаціи. *Бароццо* тогда управлялъ оною. Моя жизнь также не безопасна отъ тайныхъ преслѣдованій, которыя вѣрно употребилъ тиранъ Флоренціи. Что мнѣ остается дѣлать? отмстить за гибель моего несчастнаго отца и умереть!»

Сказавъ сіи слова, онъ заплакалъ и большими шагами началъ расхаживать по залу, въ которомъ мы находились.

Вошедшій слуга доложилъ о прїездѣ почтеннейшихъ, желавшихъ видѣть меня, я поспѣшилъ встрѣтить ихъ.

Это былъ самъ *Бароццо* съ своею обручальною невѣстою, прелестною *Лаурою*.

Можно себѣ представить мое замѣшательство. Я спросилъ послѣдствій сей печальной встрѣчи, неукротимаго и буйнаго характера мнимаго живописца *Колонны*; я предвидѣлъ явленія убійства и мщенія.

Но присутствіе духа, оплечающее большую часть Италіянцевъ и никогда неослаблявшее *Монтальто*, при всей его запальчивости, избавило отъ торжести видѣть въ домѣ своемъ кровавую сцену. Онъ представился, какъ простой Венеціанскій художникъ.

Госпи хотѣли видѣть его мастерскую. Они удивлялись произведеніямъ его кисти. *Бароццо* просилъ его написать портреты съ *Лауры Фоскари* и съ себя. Онъ началъ съ *Лауры* и скоро, кончилъ ея портретъ. Дошла очередь до *Бароццо*. Человѣкъ, подозрѣваемый *Монтальтомъ* въ убійствѣ его отца, расположился передъ своимъ живописцемъ.

Молодой человекъ накидалъ на холстъ первый очеркъ сей ужасной физиогноміи; но скоро, оставя работу, устремилъ пронизательный, испытующій, спокойный взглядъ на *Бароццо* и не хотѣлъ приняться за кисть.

«Чтоже вы не рисуете?» вскричалъ *Бароццо*.

Художникъ хранилъ молчаніе. Я видѣлъ, какъ поспешенно воспламенялся гнѣвъ Венеціанца, какъ онъ вспалъ съ своего мѣста. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ съ насмѣшкою на своего злодѣя, *Монтальто* принялъ опять безпечный видъ, положилъ краски свои на палитру, и сказалъ:

«Есть лица, съ кошорыхъ трудно писашь портретъ.»

Между тѣмъ *Бароццо* и самъ, казалось, старался собрать тѣмныя воспоминанія, и въ свою очередь устремилъ на *Монтальто* безпокойные взоры.

«У васъ Тосканскій выговоръ,» сказалъ онъ ему наконецъ. — Это правда. — «Вы не изъ Флоренціи ли?» — Такъ точно. — «Ваша фамилія?» — У меня нѣтъ никакой. — «Есть ли у васъ родственники?» — Ихъ нѣтъ уже въ живыхъ. — «Кто былъ вашъ отецъ? Какъ его имя?» продолжалъ *Бароццо* повелительнымъ тономъ.

Терпѣніе *Монтальто* истощилось. Онъ бросилъ палитру, и подойдя къ *Бароццо*, сказалъ ему съ горькою улыбкою и едва удерживаемою яростію:

«Мой отецъ! онъ дѣлалъ превосходные клинки, у меня есть и теперь еще шпага его работы. . .» Пономъ снѣръ рукою съ полшна очеркъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ сей сцены, предшествовавшей горестнѣйшимъ событіямъ, *Монтальто* возвратясь домой, сказалъ мнѣ: «Все открылось; *Бароццо* — убійца моего отца. Онъ узналъ меня, онъ угадалъ мое происхожденіе. Голова моя уже оцѣнена; подкупленные имъ Греки, находящіеся въ его свитѣ, обѣщали ему доставить мою голову. Выслушайте меня. *Бароццо* всякой день прогуливается по берегу озера, въ сопровожденіи двухъ человекъ изъ тѣхъ Грековъ, кои взяли на умерщвить меня. Завтра вызовишесь раздѣлать съ нимъ сію прогулку и постарайтесь за-

влекъ его въ ущеліе, ведущее къ Пескьерѣ. Доспаньте мнѣ попоръ и надежную шпагу; вопъ все, чего я опъ васъ пребую.»

Я досталъ для него то и другое; на другой день отправился искашь *Бароццо*, который каждый день переправлялся черезъ озеро, для прогулки въ горахъ. Увидѣвъ меня, онъ поклонился, и спросилъ меня, гдѣ художникъ, котораго онъ у меня видѣлъ.

«Рано поупру вышелъ со двора; вѣрно снимаешъ какой нибудь видъ береговъ озера.»

Бароццо промолчалъ. Я спросилъ его, извѣстно ли ему ущеліе, замѣчательное по своей живописности и дикому мѣстоположенію, которое ведетъ по берегамъ озера въ Пескьеру?

— Нѣтъ.

— «Не хотишели шуда прогуляшья?»

— Хорошо.

И мы попянулись по узкой горной пропинкѣ. За нами, въ нѣкоторомъ разстояніи, ѣхали два Грека; мы все были верхомъ.

Мы спустились въ глубокой оврагъ, гдѣ можно было ѣхать только по два въ рядъ. Вдругъ громкій спукъ возвѣспилъ намъ наденіе огромнаго дерева, которое загородило дорогу тѣлохранителемъ *Бароццо*.

«Спѣшшесь, вскричалъ онъ имъ, и проберитесь по узкой пропинкѣ, ведущей чрезъ сіи горы; я поѣду шагомъ, пока вы меня догоните.»

Онъ проклиналъ кресьянина, который помѣшалъ нашей прогулкѣ, и потомъ поѣхалъ далѣе.

Мы были уже у конца оврага, который *Монтальто* избралъ мѣстомъ для поединка. Здѣсь-то ожидалъ, опершись на эфесъ шпаги, непримиримый врагъ убійцы *Бароццо* и мститель отца своего.

«*Бароццо!*» вскричалъ онъ ему издали: «живописецъ *Колонна* — сынъ *Монтальто*; пролиная кровь пребуешъ месни. Злодѣй, долой съ лошади, защищайся!»

Старый воинъ устремлялъ удивленные глаза, то на меня, то на врага своего. Ужась и гнѣвъ изобразились на блѣдномъ лицѣ его.

«Берегись, безразсудный, берегись! Свита моя недалеко отсюда, и готова разорвать»

въ клочки дерзкаго, который осмѣлился меня превозжишь.»

Монтальто схватилъ подъ ушцы лошадь, которою *Бароццо* хотѣлъ распоттѣть его; бурный конь рвался и становился на дыбы. Вдругъ послышался пощипъ двухъ лошадей. Тогда молодой человекъ ударилъ *Бароццо* коня изъ всѣхъ силъ шпагою, такъ что онъ поскакалъ прочь, какъ молнія. Вооружась двумя пистолями, онъ разомъ положилъ на мѣстѣ обоихъ Грековъ, кинувшихся на него съ обнаженными саблями... потомъ пустился вслѣдъ за *Бароццо*.

Въ небольшомъ разстояніи, спарый воинъ, сойдя съ лошади, пытался пробиться сквозь непроницаемыя груди валежника, которыя совершенно загородили дорогу. Послѣ неудачныхъ попытокъ онъ возвратился, какъ вепрь, опутанный шенетами, выхватилъ свой кинжалъ и длинную шпагу и, прислонясь къ одной кучѣ наваленныхъ деревьевъ, ожидалъ нападенія молодаго человека.

Послѣ битвы, полчаса продолжавшейся, онъ вздумалъ употребить не позволенную кипросецъ, которая была причиною его гибели. Въ эту самую минуту, когда прошивникъ нападалъ на него, онъ вдругъ упалъ на колѣна и выпалъ шпагою. *Монтальто* избѣжалъ сей уловки, и ударомъ эфеса обезоружилъ его... Онъ вонзилъ шпагу свою въ грудь *Бароццо*.

пер. В. Соколовъ.

КОНЧИНА ЛУДОВИКА XIV.

(Отрывокъ изъ записокъ Кардинала Дубоа.)

Король кончилъ свои наставленія *Дюфину* и Герцогу *Орлеанскому*: онъ замѣтилъ въ сторонѣ Герцога *Менскаго*, который впаивалъ радовался. «Тотъ, кому ввѣрено охранять юнаго Короля» — сказалъ онъ выразительно: «обязанъ будешь дать отчетъ въ своихъ поступкахъ Богу и людямъ! Я прошу васъ особенно хранить этого сироту!» — И на глазахъ его навернулись слезы: «Дочь моя» — сказалъ онъ Герцогинѣ *Орлеанской*: «не употребляй во зло своего положенія, и не огор-

чай сестеръ своихъ; онѣ имѣютъ нужду въ опорѣ послѣ моей смерти.»

«Madame,» — продолжалъ онъ, обратясь къ Герцогинѣ *Менской*: «будьте покорны вашему супругу; ему болѣе всѣхъ другихъ нужны добрыя, искренніе совѣты.»

Въ эту минуту Герцогиня и Г-жа *Ментенонъ* кинули другъ на друга пронзительныя взгляды, какъ бы желая испребитъ одна другую; *Лудовикъ XIV* началъ увѣщавать побочныхъ дочерей своихъ.

«Прошу васъ жить между собою согласно.»

«Государь, я исполню Вашу волю!» подхватила Герцогиня, воображивъ, что слова сіи относились къ ней и Г-жѣ *Ментенонъ*.

— «Герцогиня, возразилъ Король, вы думаете, что я говорю съ вами; нѣтъ, нѣтъ, я знаю вашу разсудительность; я говорю этимъ Принцессамъ, которыя уступаютъ вамъ въ благоразуміи.»

— Ахъ, Государь! вскричала Герцогиня, пощадите меня!

«Богъ простилъ насъ, и Папиръ *Тальбергъ*, коему я два раза исповѣдывался, двукратно далъ мнѣ разрѣшеніе отъ грѣховъ. Я увѣренъ, по крайней мѣрѣ, что вы меня не забудете, вы, Madame! ибо пока я былъ Королемъ, я нѣжно любилъ васъ, и вы сколько же имѣли добродѣтелей, сколько другія пороковъ.»

— Madame, прервала его *Ментенонъ*, краснѣя съ досады, подите вонъ, Король слишкомъ расстрогался говоря съ вами; подите вонъ, это волненіе можетъ повредить ему.

Она почти насильно увлекла ее вонъ и сказала ей съ лестію:

— Не думайте, чтобы я оклѣвечала васъ предъ Королемъ. —

— Объ этомъ нечего теперь говорить, возразила Герцогиня рыдая. Потомъ удалялась такъ поспѣшно, что столкнулась съ Лейбъ-Медикомъ *Фазомъ*, которой только что вышла отъ Короля.

— «Э, э! Madame, сказалъ этотъ злой человекъ, вы чуть не сбили меня съ ногъ.»

— Что тамъ дѣлается? спросила она.

— «Король умираетъ!» и потчасъ ушелъ.

1 го Сентября аншоновъ огонь дошелъ до сердца, и кончина Короля сопровождалась ужасными спраданіями.

«Мнѣ кажется, сказалъ *Лудовикъ XIV*, что во мнѣ происходитъ большой переломъ.»

—Государь, отвѣчалъ *Фагонъ*, эпитъ переломъ можетъ быть хорошо кончился.

—«Нѣтъ, мои нервы сжимаются и растягиваются. Сегодня среда, Г. Маршалъ?»

—Точно такъ, Ваше В-во.

«Отецъ мой, сказалъ *Лудовикъ XIV*, читайте опходную.»

Духовникъ преклонилъ колѣна у Королевской постели и всѣ предстоящія сдѣлали то же. Король, сложивъ руки, молился; вдругъ раздался громкій хохотъ, и присутствующіе съ негодованіемъ прервали молитву.

«Окончите, прошу васъ,» сказалъ Король, удерживая свой гнѣвъ, которъй извлекъ только двѣ слезы, остановившіяся на его ланинахъ. По прочтеніи опходной, онъ послалъ *Г. Вилльроа* узнать, кто такъ смѣялся. Онъ возвратился въ смященіи.

«Попросили ли вы, сказалъ Король, Герцога *Менскаго* подождать, пока я умру, чтобы предасться полной радости?» *Г-жа Ментенонъ* приходомъ своимъ прекратила сей крошкѣй упрекъ; она замѣтила угасающій взоръ Короля; въ первый разъ почувствовала она истинную горесть. «Я думала, сказалъ Король, что умираеть гораздо труднѣе.» Новый смѣхъ раздакъ; *Г-жа Ментенонъ* поблѣднѣла; одинъ изъ присутствующихъ вспалъ, чтобы прервать столь непристойную веселость; но *Лудовикъ XIV*, сдѣлавъ усилие, велѣлъ оставить эшо безъ вниманія. «Эшо хохочетъ Герцогъ *Менскій*, сказалъ онъ, хотя *Г. Вилльроа* и не хочетъ въ томъ сознаться. Умирая, прощаю его; но еслибъ я осмался въ живыхъ: то и тогда простилъ бы его.» Плачь и стоны придворныхъ раздались въ залѣ; служители Алтара продолжали псалмопѣніе. «Для чего вы оплакиваете меня, произнесъ Король, и ужели вы думали, что я безсмертенъ?» эшо были послѣднія слова его. *Г-жу Ментенонъ* вывели изъ комнаты. Судорога прекратила смертное поменіе. Маршалъ положилъ руку на

сердце *Лудовика XIV*. Священнодѣйствіе прервано внезапнымъ воплемъ: *Король скончался!* сей вопль огласилъ и Дворецъ и Версаль.

Нѣсколько минушь продолжалось безмолвіе. Въ сіе время *Массильонъ* величественно приблизился къ оспанкамъ *Лудовика Великаго*; всѣ взоры были къ нему прикованы; онъ воздѣлъ руки къ небу, успремилъ глаза на усешаго Вѣдннца въ глубокомъ размышленіи, и произнесъ выразительнымъ голосомъ: «*Единъ Богъ великъ, братіе!*» Невозможно описать ужаса, произведеннаго сими высокими словами; холодный препенъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ; многіе изъ присутствовавшихъ пали ницъ на землю. Слова: *единъ Богъ великъ!* выше всякаго краснорѣчія.

пер. *В. Соколовъ.*

ВЕЛИКОДУШІЕ РУССКАГО КРЕСТЬЯНИЦА.

Ямщикъ *Выдробужскаго Яма*, *Андрей Петровъ*, на смершномъ одрѣ, окруженный рыдающею семьею, соспоявшею изъ двухъ сыновей и семи дочерей, объявлялъ имъ такимъ образомъ послѣднюю волю свою: «Дѣти мои, говорилъ онъ, благодарю Бога, умираю съ чистою совѣстію. Мнѣ седьмій десятокъ; я прудился всю мою жизнь, и знаю, что оспавляю вамъ, чѣмъ помянушь мою душу. Сыновьямъ опказываю домъ и поля, дочерямъ денежное приданое, каждой безобидную часть;—а естъ у меня еще денеги—осмнадцать тысячъ рублей, въ людяхъ, розданы по рукамъ; эши деньги, дѣти, я прощаю должникамъ моимъ;—не занималибъ они ихъ, еслибъ не имѣли въ нихъ нужды! И я, слѣдуя словамъ Евангелія, которое велитъ прощать долги, не хочу обижать ближнихъ, пребуя опъ нихъ плашы не по силамъ.»

«Родимый, сказалъ ему шупъ въ опвѣтъ старшій сынъ; кажись на дняхъ кое-кто изъ нихъ, прослынавъ, что ты хвораетъ, приносили къ тебѣ долги-кто? —Анъ, имъ что не будетъ ли обидно?»

«Приносишь-то, приносили, *Потапушка*, да я не взялъ, опвѣчалъ умирающій ста-

рикъ. Коли вамъ еспѣ изъ чего плашишь, сказалъ я, шакъ раздайше бѣднымъ; а я ужъ шакъ положилъ себѣ на душѣ; не возьму долгу назадъ, шакъ не возьму.»

И вправду шакъ вышло. Андрей Петровъ умеръ, не взявъ ни съ кого изъ должниковъ своихъ ни копѣйки. Все простилъ! — и сыновьямъ запретилъ принимать, а еще менѣе, пребывать должные ему, разными лицами, осьмнадцать тысячъ рублей. Дѣти сего добраго Христіанина послѣдовали предписанію своего родителя; и, скоронивъ старика, раздѣлили между собою шолько то, что онъ имъ оставилъ.

Рѣдко и вельможа умираетъ съ такими чувствами безкорыстія и Христіанской любви къ ближнему! Каковъ долженъ быть крестьянинъ, нажившій и прудами своими безбѣдный кусокъ хлѣба девятерымъ взрослымъ дѣтямъ, и простившій при концѣ жизни осьмнадцать тысячъ рублей долгу, — поспороннимъ людямъ!

Присшествіе сіе случилось въ Маршѣ мѣсяцѣ настолщаго 1831 года.

А. С.

АЛБОМЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Продолженіе.)

Какихъ сумазбродныхъ мыслей не раждаетъ въ душѣ отчаяніе!

Не должно ли все милое имѣть конецъ? — Такъ, это удѣлъ его.

Есть горести въ сердцѣ человѣка, къ которымъ не должно прикасаться, какъ къ праху умершихъ.

Ужели нужно много времени, чтобы двѣ родныя души узнали и поняли себя взаимно?

Что можете равняться съ силою, которую Германцы такъ хорошо называютъ *Фантазіей*? — Чтобы произвестъ любовь и создать для нее волшебный міръ, ей нужны шолько волнующіяся перья, которыя служатъ украшеніемъ женщинамъ.

Увы! кто можете противиться судьбѣ своей? . .

Человѣкъ не то, что залепшая птица; дабы что нибудь привязывало его къ жизни, ему нужно имѣть хижину, поле, покрытое жатвою, жену, полдюжины дѣтей и искренняго друга.

Счастіе есть робкій и легкій призракъ; оно бѣжитъ шума и зашѣй глупости. — Будь покосишь, и оно будетъ съ тобою неразлучно.

Говорятъ, что сердце молодой дѣвушки облечено семью перепонками.

Безъ вѣры въ безсмертіе всего прекраснаго, благороднаго, возвышеннаго, любовь была бы горячкою, припадкомъ сумасшествія, достойными болѣе жалости, нежели презрѣнія.

Разсказъ о большомъ несчастіи занимаетъ воображеніе, а о нашихъ горестяхъ, ушомляетъ его.

Опытъ никогда не приходитъ въ пору, когда онъ могъ бы быть полезень; онъ ходитъ на безвременные совѣщанья, послѣ случившейся бѣды, которыя своимъ ничтожествомъ издѣваются надъ нашею скорбію и возмущаютъ ее своею гордостью.

Слово *счастіе* довольно спранно; всѣ твердятъ его; оно вмѣшивается во всѣ спраданія, и часто можно назвать его болѣе несчастіемъ; ибо оно придаетъ самоотверженію спраданптельную силу, шакъ что нерѣдко сіе послѣднее спановится чѣмъ-то среднимъ между желаніемъ и отвращеніемъ.

Сердце мое прихотливо; чтобы быть счастливымъ, оно хочетъ быть увѣрено, что оно дѣлится счастіемъ съ виновникомъ онаго.

Разборчивость имѣетъ свое благородство и простоту, какъ и все возвышенное. Разборчивость есть Геній сердца.

Счастіе не сполько зависитъ отъ обстоятельствошества, сколько отъ характера.

Самые медленные часы бываютъ тѣ, которыя пламенное желаніе спараетъ сократить.

Человѣкъ, довольный собою, ищетъ общества; счастливецъ — уединенія: ибо печаль и счастіе равно скучаютъ шумомъ. Одобреніе щоданы плагосливо для воображенія, занянаго

какою нибудь мыслию или глубоким чувством.

Тайна, съ какою дѣлаются всѣ приготовления къ поединку, и самыя приготовления къ нему, заключающія въ себѣ что-то ужасное; опасенія и предосторожности, коихъ они пребуяютъ, сохраненіе оныхъ въ тайнѣ, все это походитъ на злодѣйскій умыселъ.

Двѣ грусти составляютъ уже симпатію, и два снраждущія существа чувствуютъ другъ друга и сближаются, ибо они увѣрены, что они одно для другаго будущъ понятны.

ХОЛЕРА.

Посреди общей тревоги, причиненной появленіемъ здѣсь сего ужаснаго бича, неизлишнимъ считаемъ предложить здѣсь, для любопытства читателей, нѣкоторыя подробности, заимствованныя изъ одного сочиненія о семъ предметѣ, напечатаннаго въ Парижѣ.

Индѣйская Холера Морбусъ, ея припадки, причины, производящія сію болѣзнь, и леченіе оной, долгое время оставались для Европейцевъ предметомъ догадокъ. Но теперь, когда она проникла въ Россію и Польшу, и не смотря на суровость климата, оцупительно приближается къ средопочію Европы, народы сей части Свѣта съ ужасомъ обратили вниманіе на сей грозный бичъ, и успѣшили учредить карантинныя.

Не входя въ разборъ чрезвычайнаго множества теорій, коими силились доказать, что Холера зависить отъ особеннаго состоянія атмосферы, замѣтимъ, что въ печеніи ізъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ начала она производить свои опустошенія, гибельное свойство ея донынѣ остается одинаковымъ, и ни одинъ случай не доказалъ, чтобы состояніе атмосферы умножило число жертвъ ея. Начавъ отъ успьевъ Ганга, сія испребишительница народовъ продолжала ходъ свой, какъ бы презирая ярость пропивоборствующихъ ей вѣтровъ. Въ то время, когда постоянно дулъ Югозападный вѣтеръ, Холера перешла изъ Бенгала въ область Деканъ: она упорно слѣдовала своему напра-

вленію, не смотря ни на какую погоду, ни на засуху, ни на проливные дожди, ни на бурю или тишину, ни на знойный климатъ Аравіи, ни на снѣги Россіи.

Слѣдуя по теченію судоходныхъ рѣкъ и большимъ дорогамъ, Холера распространилась въ Индіи по берегамъ Ганга и Гоогли. Аравія, Персія, Сирія были поражены ею посредствомъ Персидскаго залива, Тигра и Евфрата. Китай и другія части Восточной Азіи подверглись ей съ моря, и Холера наиболѣе свирѣпствовала въ приморскихъ городахъ. Имѣя въ семъ отношеніи сходство съ эпидемическими болѣзнями, Холера причиняла самыя сильныя опустошенія въ большомъ спеченіи народа, въ многочисленныхъ городахъ, въ воинскихъ спанахъ, въ мѣспахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, въ узкихъ улицахъ, въ неопряшныхъ и тѣсныхъ домахъ.

Постепенный ходъ Холеры и пресѣченіе онаго, одинаковы со всеми заразительными болѣзнями, но они почти не зависятъ отъ воздуха. Она совершаетъ отъ 10 до 18 миль въ день, а часто идетъ гораздо медленнѣе. Въ Зилланъ де Нелморъ она проходила въ 12 дней 32 мили, а въ слѣдующіе 27 дней 80 миль.

Замѣчено, что тѣ, кои не перяли бодрости, и не оспавляли своихъ занятій, избѣгали сего ужаснаго бича, съ немногими изълітіями. Служивели, врачи, солдаты, копорые похороняли тѣла умершихъ, рѣдко подвергались сей заразы.

Зараза сія обнаруживалась припадками Индѣйской судорожной Холеры. Дѣйствіе ея чрезвычайно быстро. Въ исторіи Холеры встрѣчаются многіе примѣры, что солдаты на маршѣ падая въ рядахъ, потчасъ умирали, не испустивъ ни малѣйшаго крика, какъ бы громомъ пораженные. Часто гибли ремесленники съ инструментомъ въ рукахъ, и земледѣльцы за плугомъ.

Врачебныя средства, употреблявшіяся съ успѣхомъ въ Южной Азіи, оказывали на Сѣверѣ пропивное дѣйствіе, и кровопусканіе въ весьма многихъ случаяхъ оказывалось гибельнымъ; но одинъ Смоленскій мѣщанинъ съ успѣхомъ употребилъ средства, производя-

щія испарину; метода сія принята была Мѣдиками, и съ тѣхъ поръ во многихъ случаяхъ болѣзнь сія излѣчивается.

Весьма много занимались разрѣшеніемъ задачи: прилипчивая ли это болѣзнь, или эпидемическая. Изъ наблюдений многихъ Англійскихъ врачей, находившихся въ Калькутѣ, явствуетъ, что она имѣетъ и то и другое свойство. Во первыхъ, она признана положительно прилипчивою. Во вторыхъ, когда она распространяется въ большомъ многочислѣ, какъ-то въ арміи или въ гошпиталяхъ, тогда самыя тончайшія миазмы дѣлаютъ ее эпидемическою. Сильнѣйшимъ доказательствомъ заразительности Холеры и необходимости въ учрежденіи карантинныхъ мѣръ служитъ то, что она появляется не иначе, какъ вслѣдъ за прибытіемъ людей изъ зараженныхъ мѣстъ. Въ Персіи не пропустили въ Испагань каравана, который казался зараженнымъ. Караванъ сей принужденъ былъ взять путь чрезъ Гердь: вскорѣ послѣ того Холера испребила въ семъ мѣстѣ 7000 человекъ, а Испагань спасся отъ сего бича.

Холера очень прихотлива въ выборѣ своихъ жертвъ. Больные и хилые прежде всѣхъ падаютъ подъ ея ударами; но и самое цвѣтущее здоровье не защищаетъ отъ нея. Негры столько же поперчили отъ ней, какъ и бѣлые; ибо увѣряютъ, что въ Индіи съ 1818 года погибло отъ сей эпидеміи болѣе 4 милліоновъ. Люди, преданные пьянству, неумѣренному употребленію пищи, гнѣву, развращу и раздражительности, наиболѣе подвержены Холерѣ; спокойствіе духа, простой и одинакій образъ пищи, большая опрятность, могутъ предохранить отъ сего ужаснаго бича.

Въ заключеніе сего краткаго изложенія успѣха Холеры, повторимъ, что судя по всему; нами читанному и слышанному отъ другихъ, отъ чего бы ни происходила Холера, во всякомъ случаѣ она есть болѣзнь рѣшительно прилипчивая.

(Изъ *Furet.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖЕНІЕ ПЕТРАРКЪ.

Одною думою докучной,
 Непокидающей на часъ,
 Мой умъ объемлемъ неразлучно!
 Томимый ею, я не разъ,
 Съ надеждой въ сердцѣ, замешаю
 Въ край запредѣльный далеко
 И, взявъ поленъ мой высоко,
 Въ сіяньи славы уповаю! . . . .
 Тогда меня ни зимній холодъ,
 Ни лѣта зной, — не тяготятъ;
 И страшный слѣдъ печали лютой
 Съ чела сбываетъ мой минушой
 И забываю недугъ свой! —
 Напрасно я хочу порой
 Убить мысль эту: снова пуще
 Въ груди рождается моей,
 И сердце бурей мянущей
 Сильнѣе давитъ и сильнѣй! . .
 Она съ пелень еще запала
 И возрастаетъ съ каждымъ днѣмъ;
 И я спрашусь, чтобъ не перзала
 Меня и въ мракъ гробовомъ! —
 Ахъ! эти праздныя желанья,
 Къ чему они — когда мой духъ
 Опдѣлился, стяхнувъ недугъ
 Здѣсь брэннаго существованья?
 Пусть обо мнѣ заговоритъ
 И цѣлый міръ послѣ кончины:
 Все суета! Исчезнетъ бытъ,
 И всѣ заботы мигъ единый
 Разрушитъ! Такъ! — Но какъ бы я
 Лишь истину обняшь святую
 Желалъ, душою къ ней паря,
 И славу позабыть *земную*
 Въ надзвѣздномъ лонѣ бытія!

В. Романовичъ.

К Р У Ж К А.

Прекрасную кружку нашель я случайно,
 Хотя не изъ золота, — изъ глины она,
 Но золота дороже; мила чрезвычайно;
 Хотя просто, но чудно она слеплена!

И пайна лежить въ ней: чѣмъ болѣе ея
Любуешься взоръ, какъ *измѣнчивыя* искусства,
Тѣмъ сладостнѣй сердцу: сказать не умью —
Какихъ въ немъ сіяше таинственныхъ чувствъ!

Когда прикоснешься къ ней, жаждой помимой,
Пить нектаръ, чпобъ душу свою освѣжишь—
Всѣ болѣе жаждой помясь невредимо,
Не хочешь устъ жаркихъ отъ ней отлѣпить!

Но должно хранишь эту кружку со щцапьемъ;
Разбить её можно — изъ глины она!
И я берегу её; пью со внимапьемъ,
И шо если жажда, я вижу, сильна.

Со временемъ, крѣпко увивши цвѣтами,
Не буду я даже и пить изъ неё,
Лишь только лобзашъ её буду уснами,
Въ ней счастье на вѣкъ погребая моё! —

В. Романовичъ.

CHARADE.

Mon premier invite au repos,
Et mon second peut inviter à boire:
Mon tout, sur les pas d'un héros,
Conduit souvent les soldats à la gloire.

Въ № 54 помѣщенная шарада значитъ: *Же-па.*

MODES.

Coiffures.—On continue à porter, à cause des chapeaux anglais, les cheveux tombant sur les joues, peu crépés, formant le *fin-bouchon*. —

Quelquefois on laisse passer entre les touffes de papilottes, au-dessus du front, un gros anneau de cheveux, qui paraît, à l'oeil, être la coiffure de derrière qui a été prise dans le chapeau. —

Les cheveux en bandeau sont abandonnés.—Les jeunes femmes ou jeunes personnes qui, pour la chaleur, voudraient se dégager le front, devront plutôt les relever à la chinoise, en faisant avancer tout-à-fait sur le devant, au-dessus du front, les boucles de derrière. —

De jolies capotes simples, négligées sont en paille fine travaillée, rayée de gaze brochée.—Elles ont la forme des chapeaux de paille.—On peut y poser des fleurs simples comme un bouquet de fleurs de champs, des épis, de la bruyère; etc.—Le mieux peut-être est un noeud de taffetas en cocarde.

Façon de robes.—Excepté le peu de changement dans les corps de robes que nous avons déjà désignés; les jupes froncées et non plissées, trois petits poignets aux manches; quelquefois un très-petit volant au-dessus de l'ourlet; nous ne pouvons guère nous arrêter qu'aux pélerines, qui nous offrent plus que tout quelques variétés.

МОДЫ.

Уборка волосъ.—Какъ Англійскія шляпки все еще въ употребленіи; шо волосы продолжаютъ опускаться на щеки, мало взбиваются, и дѣлаютъ локонами.

Иногда сверхъ лба, между куспиками локоничиковъ кладутъ толстое кольцо изъ волосъ, копнорое, какъ бы прихвачено шляпою.

Волосы повязкою (en bandeau) оставлены.—Молодыя дамы и дѣвицы, которыя во время жаровъ, хотѣли бы облегчить лобъ, могутъ зачесывать волосы по-Китайски, задніе волосы должно зачесать совершенно напередъ, довыше лба.

Красивыя простыя капоты дѣлаютъ изъ тонко-выработанной содомки, съ полосками изъ зашканнаго газа—Они похожи формою на соломенныя шляпки.—Къ нимъ можно прикалывать только простыя цвѣтны: букеши изъ полевыхъ цвѣтцовъ, изъ колосьевъ, изъ зелени и проч.—Всего лучше кокарда изъ шаффы.

Покрой платьевъ.—Выключая немногихъ перемѣнъ въ ссипавъ платьевъ, на которыя мы уже указали, шо естѣ: юбки сборками, а не складками, при узенькія обшивки на рукавахъ, иногда самая узенькая оборочка сверхъ рубца; мы не можемъ ни на что обратить особеннаго вниманія, какъ развъ на пелеринки, въ которыхъ найдемъ болѣе всего разнообразія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 15 дня, 1831 года.

..... Давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора рѣшиться;
И я ужь радъ жениться,
Какъ скоро лишь примѣръ найду.
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.
Хелмицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАСЧЕТЛИВОЕ ОТКРЫТІЕ (*).

Господа Издатели! Вы часто извѣщаете насъ о новыхъ открытіяхъ; позвольте и мнѣ сообщить вамъ одно, сдѣланное мною самимъ, и которое можетъ, со временемъ, быть чрезвычайно полезно.

Нѣсколько дней тому назадъ, я проводилъ вечеръ среди многочисленнаго общества, въ одномъ домѣ, гдѣ въ первый разъ были зажжены, для пробы, вновь изобрѣтенныя лампы Г-дѣ Кенке (Quinquet) и Ланжа. Все собраніе любовалось яркимъ ихъ свѣтомъ; но всѣ, шутя бывшіе, вообще много полковали о томъ, не больше ли выдесть на оныя масла, нежели на обыкновенныя лампы, и будешь ли какой расчетъ въ употребленіи оныхъ?—Никто изъ присутствовавшихъ не могъ рѣшить вопроса сего, хотя всѣ желали удостовѣриться, можно ли было уменьшишь симъ средствомъ издержки, пребудемаго освѣщеніемъ покоевъ, въ такое время, когда всѣ другіе расходы ежедневно увеличивались.

(* Писано на Французскомъ языкѣ, въ Парижѣ, и помѣщено въ *Парижскомъ Журналь*, 26 Апрѣля, 1784.

Прим. Переводщицы.

Я слушалъ разсужденія сіи съ крайнимъ удовольствіемъ, и восхищался симъ всеобщимъ духомъ расчетливости; ибо я чрезвычайно люблю расчетливость и расчетливыхъ людей.

Возвратясь домой, я легъ спать не прежде трехъ часовъ по полуночи, не переставая думать о разговорѣ предыдущаго вечера. Около шести часовъ утра, меня разбудилъ стукъ, происшедшій въ верхнемъ этажѣ, и я очень удивился, увидя необычайный свѣтъ въ моей комнатѣ. Полусонный, я сперва вообразилъ, что она была освѣщена по крайней мѣрѣ дюжиною лампъ, изобрѣвенія Г-на Кенке; но прощеревъ хорошенько глаза, увидѣлъ ясно, что свѣтъ входилъ въ нее чрезъ окна. Я всталъ съ постели, чтобъ посмотреть, откуда происходилъ эшотъ свѣтъ, и увидѣлъ, чтобы вы думали? — Увидѣлъ, что солнце, только что начинало возвышаться надъ горизонтомъ, и при томъ проливалось самый яркій свѣтъ въ мою горницу; ибо слуга забылъ закрыть окна спавшими. Я посмотрѣлъ на часы, которые у меня всегда въ большемъ порядкѣ, и коняхъ у меня нѣсколько, и увидѣлъ, что было только шесть часовъ; но не вѣря, чтобы солнце

вспавало такъ рано, я посмощрѣлъ въ календарь, гдѣ и нашель, что солнце, почно должно было вспашь того числа въ шесть часовъ ушра. Я продолжалъ свои изслѣдованія, и узналъ, что солнце должно было вспашь ранѣе и ранѣе, каждый день, до конца Юня мѣсяца (а); и что ни въ какое время года, оно не вспашь позже осьми часовъ (б).—Конечно, многіе изъ ванихъ чинапелей, Милостивые Государи, подобно мнѣ, никогда не видывали солнца прежде полудня, и припомъ никогда не размашпривали въ календарь Астрономическихъ исчисленій. Я не сомнѣваюсь, что они споль же сильно удивляея, услышавъ, что солнце вспашь такъ рано, сколько я самъ удивился, видя то въ самомъ дѣлѣ. Они изумяшя еще болѣе, когда услышашь отъ меня, что солнце, не только вспашь рано, но даже *спитъ лишь только встанетъ*. Я имѣю пому самыя вѣрныя доказательствя, и не могу сохранять на сей счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; ибо я самъ былъ свидѣтелемъ сего явленія, и продолжая опыты мои и наблюденія въ теченіи прехъ слѣдующихъ дней, каждый разъ получалъ безошибочно тошъ же самый уепъхъ.

Не менѣе того, когда я началъ объявляшъ въ обществяхъ о моемъ опкрытіи, я очень хорошо замѣшилъ на многихъ лицахъ нѣкоторую недовѣрчивость къ словамъ моимъ, хотя изъ вѣжливости, никто не хотѣлъ сказать мнѣ прямо въ глаза, что мнѣ не вѣришъ.

Опкрытіе сіе привело меня къ весьма важнымъ и основательнымъ размышленіямъ. Я разсудилъ, что безъ особеннаго приключенія, разбудившаго меня въ по уиро такъ рано, я бы проспалъ шестью часами долѣе, въ продолженіи коихъ, солнце уже освѣщало насъ; слѣдовательно, шестью часами болѣе прожилъ бы яри свѣтѣ лампъ, или свѣчъ; а такъ какъ сей послѣдній родъ освѣщенія гораздо убыточнѣе перваго: по, склонность моя

къ бережливости и заспавила меня употребить въ семь случаевъ все мои слабыя позванія въ Арифметикѣ, дабы сдѣлать нѣкоторыя исчисленія, копорыя при семь, Милостивые Государи, къ вамъ и препроваждаю, замѣчал между шѣмъ, что всякое опкрытіе погда только полезно, когда приводишя въ исполненіе, и что напропавъ, по, коимъ никто не пользуется, аикуда не голипся.

Вотъ мое исчисленіе. Положимъ, что въ Парижѣ живешъ сто тысячъ семействъ, изъ коихъ каждое, въ продолженіи вечера, шрашшъ по полу-фуншу восковыхъ, или сальныхъ свѣчъ, въ часъ. Расчетъ сей весьма умѣренъ: ибо, ежели есть семейства, кои шрашашъ менѣе сего, съ другой стороны есть такія, кои употребляютъ несравненно болѣе.—А пошомъ разсудимъ, что мы по крайней мѣрѣ, по семи часовъ въ сутки проводимъ въ поспелѣ, между шѣмъ какъ солнце уже на горизонтѣ; слѣдовательно, въ продолженіи семи часовъ въ сутки, освѣщаемъ себя посредствомъ лампъ и свѣчъ. Ся два разсужденія производашъ слѣдующій расчетъ.

Отъ 20 Марша до 20 Сенпября, шесть мѣсяцевъ, что соспавишъ 183 ночи. Помноживъ оныя 7-ю часами, (кои мы проводимъ при свѣтѣ лампъ), получимъ 1281, копорыя, опашъ помноженные на сто тысячъ, (предполагаемое число семействъ), доставяшъ намъ 128,000,000 часовъ, въ продолженіи коихъ горяшъ у насъ лампы, восковыя, или сальныя свѣчи. Полагая, какъ я сказалъ выше, что въ каждомъ семействѣ сгоритъ по полуфуншу сала, или воску въ часъ, мы найдемъ, что въ одномъ Парижѣ, сихъ матеріаловъ испребляеяся 64,050,000 фуншовъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Если же оцѣнимъ воскъ и сало, кругомъ, по 30 су за фуншъ: по въ годъ выдешъ на сіи предметы 96,075,000 ливровъ сумма ужасная! Она оставалась бы неиспращенною, елибъ Парижане, только въ продолженіи шѣща, предпочитали сіяніе солнца свѣшу сальныхъ и даже восковыхъ свѣчъ.—Вотъ, Милостивые Государи, въ чемъ состоишъ мое опкрытіе, и вотъ какія предлагаю я перемѣны, для достиженія моей цѣли.

(а) По новому спялю.

Прим. Переводщицы.

(б) То есть: во Франціи.

Прим. Переводщицы.

Знаю, что спануть ссылаюсь на спарья привычки; что найдуть их непреодолимымъ препятствіемъ для приведенія въ дѣйство моего предложенія. Знаю, что *многихъ*, будетъ слишкомъ трудно убѣдить вставать съ постели прежде одиннадцати часовъ, или полудня; и что по симъ причинамъ, открытіе мое останется совершенно бесполезнымъ; но я отвѣчаю, *яко никогда не надо отягаться*. Я почти увѣренъ, что всѣ разсудительные люди, кои прочитають письмо сіе, и посредствомъ онаго узнають, что *солнце свѣтитъ, какъ только встанетъ*, рѣшатся вставать вмѣстѣ съ нимъ; чтожь касается до прочихъ, то, дабы внушить имъ то же самое намѣреніе, я предлагаю Правительству, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1-е, Положить по луидору пошлины, съ cadaго окна, закрытаго въ шесть часовъ утра, спавшими, препятствующими солнцу освѣщать покой, при самомъ его восходѣ.

2-е, Прислать часовыхъ къ лавкамъ всѣхъ фабрикантовъ сальныхъ и восковыхъ свѣчъ; и не позволять ни одному семейству, прапнуть болѣе одного фунта свѣчъ въ недѣлю.

3-е, Звонить во всѣ городскіе колокола при самомъ восходѣ солнца; а если и сего недоспачно: то въ каждой улицѣ сдѣлать по нѣскольку пушечныхъ выстрѣловъ, дабы открытъ глаза лѣнливыхъ, на счетъ ихъ собственныхъ выгодъ.

Все зашрудненіе будетъ состоять въ двухъ или трехъ первыхъ дняхъ, по прошествіи конхъ, эпохъ новый родъ жизни будетъ казаться споль же обыкновеннымъ и споль же покойнымъ, какъ и потъ безпорядочный образъ поведенія, коему мы шеперь слѣдуемъ; ибо, во всякомъ случаѣ, *только первый шагъ труденъ*. Принудите себя встать въ чепыре часа утра, вы конечно захотите спать въ восемь часовъ вечера, и проспавъ восемь часовъ сряду, безъ труда встанете на другой день, опать въ чепыре часа утра.

Сбереженіе 96,075.000 лавровъ, употребляемыхъ нынѣ на освѣщеніе покоевъ искусственнымъ образомъ, не была бы единственная выгода, происходящая опъ моего предложенія. Вы могли замѣтить, что расчеты мои

касались полько одной половины года, и что по пѣмъ же причинамъ, кои описаны выше, можно бы также сберечь много маперіала и денегъ и въ зимніе мѣсяцы, хотя дни тогда и короче. Припомъ большое количество сала и воску, оставшееся опъ уменьшенія лѣпныхъ расходовъ, сдѣлало бы вещества сія несравненно дешевле на слѣдующую зиму, и впредь, покуда бы поддерживались перемѣны, мною предлагаемыя.

Хотя открытіе мое должно непременно доставить обширныя и несомнѣнныя выгоды, я, однако, не прошу за сообщеніе онаго во всеобщее свѣдѣніе, ни мѣста, ни пенсіи, никакихъ привилегій, и ниже какихъ другихъ награжденій. Желая полько, чтообъ мнѣ опдали должную справедливоспъ, и чтобы мнѣ одному спалась вполнѣ вся слава сего открытія. Я предвижу, что иные ограниченные и зависливые умы спануть его у меня споривать; они скажутъ, что древніе имѣли ту же самую мысль прежде меня; можетъ спаться даже найдуть въ какихъ нибудь старыхъ книгахъ нѣкоторыя разсужденія на эпохъ счетъ. Я и не спорю, чтобы древніе въ самомъ дѣлѣ не знали въ какіе часы солнце вставало въ старину; можетъ быть даже имѣли они, подобно намъ, календари, въ коихъ часы сіи были означены, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы они знали ту истину, которую я первый открылъ, что *солнце свѣтитъ, какъ только встанетъ*; вошъ, что я починаю собственнымъ своимъ открытіемъ. Впрочемъ, если бы древніе и знали сію послѣднюю истину, по всему видно, однако, что ее совѣмъ, и давно забыли; она, безъ сомнѣнн, сдѣлалась вовсе неизвѣсною въ наши времена, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, что и можно доказать весьма простыми доводами: извѣсно, что Парижане не успунають въ разсудительности и просвѣщеніи ни одному народу въ свѣтѣ (а); всѣ они, подобно мнѣ, имѣють большую

(а) Я весьма въ эпохъ сомнѣваюсь, когда вспомню всѣ бывшія во Франціи кровопролитныя и звѣрскія ея революціи.

склонность къ бережливости (а); объявляющъ себя искренними послѣдователями сей добродѣтели, и кажется, имѣютъ весьма доспащочныя причины любить оную. И такъ, удостоверясь въ сей истинѣ, я утверждаю, что невозможно, чтобы народъ разсудительный поступалъ сполъ неосновательно въ семъ случаѣ, употребляя въ печеніи сполъ многихъ сполъшій, чадный, вредный и убыточнѣйшій свѣтъ сальныхъ и восковыхъ свѣчъ, если бы *точно* зналъ, что можно освѣщать себя даромъ, чистымъ и прекраснымъ свѣтомъ солнца.

(изъ Франклина.)

Перевела Анна Ситникова.

1831.

С. Петербургъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРИИ.

Женева.

Мнѣ кажется, что при въездѣ въ Женеву, каждому иностранцу бросится въ глаза картина жизни и дѣятельности, здѣсь царствующей.

Ж. Ж. Руссо.

Удовольствія, доставленныя намъ обозрѣніемъ окрестностей Лемана, не могли изгладить воспоминанія о Лозаннѣ. Видъ Женевы имѣетъ въ себѣ что-то важное и менѣе говоритъ воображенію. Мы не можемъ сказать, представляетъ ли она болѣе выгоды и удобностей для постоянного мѣстопробыванія; но всякой путешественникъ, который ищетъ живописной страны, мѣста, гдѣ красоты природы заставляющъ его забыть шумъ и скуку большихъ городовъ, не осуждая его на уединеніе, безъ сомнѣнія предпочтутъ сей красивый *Английскій* городъ. Женсва въ самомъ дѣлѣ долго служила любимымъ мѣстопробываніемъ Англичанъ, которые удалились теперь въ горы и разсѣялись по прекраснымъ

дачамъ, украшающимъ Сполицу Ваадскаго кантона.

Прежде всего мы постарались отыскать гостиницу *Равновѣсія*, гдѣ намѣрены были на нѣсколько времени разспавить своихъ дорожныхъ пенатовъ.

У насъ были рекомендабельныя письма ко многимъ особамъ въ Женевѣ, но мы хотѣли посвятить первый день на обозрѣніе рѣдкостей сего города.

Для сего мы совѣтовались съ нашимъ хозяиномъ, который предлагалъ намъ прежде всего взойти на колокольню церкви св. Петра, откуда виднѣ весь городъ и мы можемъ расположить свои изысканія, какъ намъ угодно. Впрочемъ, онъ чрезвычайно хвалилъ соборную церковь, построенную въ древнемъ вкусѣ, увѣряя, что мы не можемъ видѣть лучшаго храма. По крайней мѣрѣ такъ думалъ нашъ хозяинъ. Мы послѣдовали ея совѣту и съ помощію даннаго имъ проводника, которому велѣно было просить церковнаго спорожа, чтобы провелъ насъ на колокольню, мы скоро очутились на Пепровской площади. Въ то время, какъ проводникъ нашъ обыскивалъ спорожа подъ сводами храма, мы успѣли бросить первый взглядъ на сей древній памятникъ зодчества XII столѣтія; коего сооруженіе приписываютъ *Конраду тиролю*, принадлежащему ко второй отрасли Бургиньонскихъ Королей. На семъ мѣстѣ существовали уже три храма, одинъ послѣ другаго. Первый изъ нихъ разрушенъ пожаромъ, бывшимъ въ г. Женевѣ во время правленія *Гондебо*. Второй, возникшій изъ пепла первого, успунилъ мѣсто прешнему, который былъ свидѣтелемъ, какъ первые Викаріи его, преемники соорудителей сего храма, смѣнены были служителями новой секты. Храмъ сей расположенъ въ видѣ Лапинскаго креста, по которому легко можно узнать въ немъ древній соборъ Римской церкви. Народъ сохранилъ наименованіе храма св. Петра. Впрочемъ оно служило для различенія отъ прочихъ церквей. Колокола его остались частію еще древніе. Колоколь, извѣстный въ цѣлой Женевѣ подъ названіемъ Климентова, подаренъ однимъ изъ прежнихъ Епископовъ. Другой, серебряный, служилъ только для наба-

(а) Сомнѣваются и въ расчелствости Французовъ! Франклинъ долженъ былъ ихъ хвалить: ибо находился между ими, и припомъ Отечество его нуждалось въ ихъ помощи.

па въ случаѣ пожара. Часы съ музыкаго, на той же колокольнѣ, показываютъ Женевцамъ бѣгъ времени. Готическій порталъ сего храма сломанъ въ 1749 году, вмѣсто косяго построены другой Коринтскаго Ордена, похожий на ворота Пантеона въ Римѣ.

Между тѣмъ проводникъ нашъ лвился съ спорожемъ и поручилъ насъ ему. Мы слѣдовали за нимъ съ ступени на ступень до самой вершины колокольни. Съ сего возвышенія, городъ Женева какъ бы терялся у ногъ нашихъ; мы окинули однимъ взглядомъ весь кантонъ его, простирающийся не болѣе, какъ на 22 мили, что составляетъ нынѣшнюю Французскую Швейцарію, хотя Столицу оной можно назвать самымъ многочисленнымъ и значительнѣйшимъ городомъ. «Когда я пряхну наикомъ, сказалъ Вольперъ, то насыплю пудрою цѣлую республику.» Спойтъ только взглянуть на оную, и Вольперъ покажется правымъ; но какъ мы предположили обозрѣть самый городъ: то и ограничили свой небосклонъ его окопами. Женева не есть крѣпость, но сильныя ея довольно защищаютъ ее отъ нападенія. Говорятъ, что твердыни сіи были преградою къ занятію города въ 1792, 1814 и 1815 годахъ. Онѣ защищали ее также отъ приступа, произведеннаго ночью въ 1602 году Герцогомъ Савойскимъ. Женевцы дали ему сильный отпоръ, при которомъ онъ потерпѣлъ значительный уронъ въ людяхъ и военныхъ снарядахъ. Въ Женевѣ на каждомъ почти шагу встрѣчается памятникъ, напоминающій о сихъ геройскихъ подвигахъ, коими всѣ граждане хвастаются. Видъ окоповъ не представляетъ ничего разительнаго; они не судобы, пошому, что въ городѣ находится очень мало воровъ, такъ что для входа въ него, должно дѣлать большой крюкъ; но по причинѣ продолжительнаго мира, валы сіи сдѣлались мѣстомъ публичныхъ гульбищъ.

Въ открывающейся осюда панорамѣ, главный предметъ составляетъ р. Рона, капающая у ногъ зрителья свѣплымъ воды свои при выходѣ изъ озера, гдѣ онѣ смѣшаны съ иломъ и пескомъ. Рѣка сія разсѣкаетъ городъ на двѣ неравныя части, и, пошомъ раздѣляясь на два рукава, образуетъ островъ,

составляющій трѣтью, самую малую часть города. Передъ нами простиралось предместье Женевы, называемое Сенъ - Жерменскимъ, самое малое, лежащее на лѣвомъ берегу рѣки. Другая часть на правомъ берегу, гдѣ мы находились, заключаетъ въ себѣ весь старый городъ. Эта часть подраздѣляется еще на двѣ, на верхній и нижній городъ. Въ сихъ названіяхъ сохранился единственный остатокъ Аристокраціи. Въ самомъ дѣлѣ, невольно представляется вопросъ, какимъ образомъ могло бытъ различіе между Женевскими гражданами, конырые оказались отъ всѣхъ привилегій и опличій, и коихъ опечесиво заключено въ сподъ тѣсныхъ предѣлахъ, что и одинъ порядочный помѣщикъ не можетъ имѣть довольно мѣста для своихъ маешностей. Однакожъ Аристокрація сія существуетъ; но ея начало представляетъ нѣчто возвышенное и благородное, если она, какъ увѣряютъ, обязана своимъ происхожденіемъ несчастію. Женева, убѣжище независимости, всегда служила приютомъ для изгнанниковъ, отверженныхъ опечесивомъ за вѣру и политическія мнѣнія. Подобнымъ гоненіямъ часто подвергаются люди съ достоинствомъ, а уваженіе къ несчастію еще болѣе возвышало въ глазахъ Женевцевъ дарованія и качества ихъ новыхъ согражданъ. Опсюда произошла тѣкопорого рода Аристокрація, составившаяся изъ знатныхъ Италіанскихъ и Французскихъ семей, лишенныхъ опчины гоненіемъ или несчастіями. Сей промышленный и трудолюбивый народъ уважалъ сихъ знаменитыхъ изгнанниковъ, опличившихся еще болѣе смѣлою рѣшимостью, и такимъ образомъ, въ Женевѣ составился классъ людей, поселившихся въ Сенжерменскомъ предмѣстѣи, называемомъ Вышгородомъ. Впрочемъ Женева не можетъ жаловаться на преимущество сего сословія. Абозитъ принадлежалъ къ оному. Одинъ иностранецъ сказалъ Вольперу, что онъ привлеченъ любопытствомъ видѣть перваго человека своего времени. «Такъ, вы хотите видѣть Г. Абозита,» отвѣчалъ ему философъ, коимъ сказано это не изъ прищворной скромности. Сей великій человекъ родился въ Юль, и принадлежалъ къ Протестанскому исповѣ-

данію; матъ его опослала сына своего въ Женеву, на 10 году отъ рожденія, чпобъ избавить его отъ преслѣдованія закона, которымъ велѣно было опбираць всѣхъ младенцевъ у Кальвинистовъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ПЕТРЪ ПРИСТАИ.

Сей дюжій вечеранъ былъ въ одно время церковникомъ, могильщикомъ и масперомъ надгробныхъ камней богатаго Ваксфильдскаго прихода въ Йоркширѣ. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ почтенныхъ спарожилловъ сего города, гордился соединеніемъ въ своемъ лицѣ разныхъ должностей и совершенно чуждъ былъ суевѣрнаго страха. Еслибы онъ и былъ дугливъ отъ природы: то долговременныя сношенія его съ мирными обитателями усопшихъ, въ состояніи были бы испробить оспапокъ природной робости.

Въ одинъ осенній темный вечеръ, тогда была Суббота, Петръ вышелъ изъ дома, намѣреваясь окончить надгробную надпись на памятникъ, который до разсвѣта надлежало уже поставитъ на мѣсто. Прійдя на церковную паперть, гдѣ Петръ оставилъ свою работу, чпобы защититься отъ нечестья, онъ поставилъ фонарь на полъ, зажегъ другую свѣчу, вопкнулъ ее въ каршофель, служившій ему вмѣсто подсвѣчника, и принялся за работу. На колокольнѣ давно уже пробило одиннадцать, а ему оставалось еще вырѣзать нѣсколько буквъ, какъ вдругъ странннй шумъ остановилъ рѣзецъ его; Петръ кивнулъ вокругъ себя испуганный взглядъ. Звукъ сей нельзя лучше выразить, какъ междометіемъ: *циссъ!*

Отведя духъ, Петръ подумалъ, что онъ слышался, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ слишкомъ тонкаго органа слуха; почему спокойно опять взялся за рѣзецъ. Но черезъ нѣсколько минутъ въ ушахъ его снова опозвался тотъ же ужасный шумъ.

На сей разъ Петръ поднялъ голову и, зажегши фонарь, напрасно старался найти причину сего необыкновеннаго шума. Онъ уже готовъ былъ оставить паперть, какъ мысль

о исполненіи обѣщанія и необходимость остановили его и придали бодрости. На колокольнѣ въ большой колоколь пробило полночь.

Петръ, которому оставалось тогда только пересмотрѣть и пройсти рѣзцомъ готовыя буквы, наклонился ниже и со вниманіемъ занялся симъ дѣломъ, какъ спрашннй шумъ въ претпій разъ раздался въ ушахъ его, гораздо сильнѣе прежняго.

Тутъ ужасъ овладѣлъ имъ. Изъ сомнѣнія родилась боязнь, а изъ нея страхъ. Ему пришло на мысль, что онъ не долженъ былъ работать подъ праздникъ, и что ему невѣдомый голосъ повелѣваетъ оставить работу. «Кто знаетъ, думалъ онъ, можетъ быть надо мною уже судъ совершился, и кости мои скоро улягутся между симъ собраніемъ друзей и знакомыхъ, прежде меня опошедшихъ къ вѣчному покою.» Онъ съ претпомъ возвратился домой и легъ спать; но сонъ не смыкалъ глазъ его. Напрасно жена допытывалась узнать причину его безпокойства. Она во всю ночь ухаживала за нимъ, и сдѣлала все, чего можно ожидать отъ доброй хозяйки, но тщетно. Поутру, случайно взглянувъ на большія креслы, гдѣ Петръ вѣшалъ свой парикъ, она вскричала: «скажи пожалуйста, какъ ты это сжегъ весь перѣдъ своего дарика?» — Ужъ не Богъ ли тебѣ внушилъ эту мысль, отвѣчалъ Петръ, вскочивъ съ постели; ты вывѣчила меня этимъ вопросомъ. Тайнственное шипѣніе тотчасъ объявилось; оно произошло отъ загорѣвшагоса парика на свѣчкѣ, а Петръ принялъ сіе за ужасный шумъ. Сіе открытіе и подробные рассказы Пепра много пошѣвили Ваксфильдскихъ весельчаковъ, и долго служили предметомъ насмѣшекъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р Ы Б А К Ъ.

Цѣлую зному корнѣль надъ свѣями

Опважный веселый рыбакъ!

Яржей лчейки крѣпилъ узелками.

«И шука и бойкой судакъ,

Окунь, плотица и ёришкы коспливой
Моею обманутся съшью счасливой!»—
Такъ пѣлъ за работою рыбакъ молодой!

Красной весны онъ дождался,
Чайки визися надъ быстрой рѣкой;
На ловаю рыбакъ собирался,
Лодку съшями навьючилъ верхомъ;
Якорь надежный и спасши съ багромъ,
Торбочку съ пищей, взялъ Образъ съ собою,

Кожаный запанъ—свой щипъ.
Въ веслы ударилъ; просиялъ съ семьёю,
Стрѣлой на работу летишь!

Къ тихому берегу приплылъ щасливо,
Пристань, шалашикъ устроилъ радиво,
Рыбъ чешуистыхъ гдѣ добрый припишь.

Якорь на дно опускаешь;
Нижесть мерѣжки на свасши одинъ,
За рыбою въ глубь посылаешь.

Самъ утомляся прилегъ на покой,
Крѣпко забылся рыбакъ молодой!
Дружно товарищи упромъ лешъли

Рыбъ на щасливой подъемъ;
Видящъ—колышешся лодка вокругъ мѣли
На моръ съ легкимъ весломъ;

Вътеръ гудишь въ шалашъ одинокомъ,
Съши съ добычею въ моръ глубокомъ.
Ловець на работу спѣшилъ, попѣвалъ,

Надежда его веселила,
О прибыли счасшья онъ думалъ, гадалъ,
Но смершь самага изловила!

Родные не льстившесь далекой мечтой,
Прости, другъ сердечный, рыбакъ молодой!

О. Салтыковскивъ.

А Н А Г Р А М М А.

Орелъ двуглавый я—въ коронахъ и съ державой;
На оборотъ—предѣлъ рѣки я величавой.

Въ No 55. помѣщенная шарада значить: *Drap-eau.*

М О Д Е С.

Objet pourvuaux.—De jolis cadres simples. et d'un fort bon goût pour placer des dessins ou des aquarelles sont en sapin du nord et en citron à filets ama-

ranthes ou filets d'ébène.—Ils sont plats, en raison du travail.

De nouvelles couleurs d'aquarelle préparées au miel en petits pains, ont l'avantage de s'employer en passant simplement le pinceau dessus; sans qu'il soit nécessaire de les délayer sur une palette.—Elles sont d'ailleurs faites avec perfection.—On les désigne *couleurs Mercier.*

Ces deux objets se trouvent chez *Susse*, place de la Bourse.

Les personnes qui ne connaîtraient encore des fleurs en pain à cacheter que celles qui se sont faites pour les premières bobèches, n'auraient aucune idée de celles qui se font maintenant.—On fait des pains de toutes façons, de manière à imiter toutes les fleurs.—Pour des oeillets, il y en a de panachés.—On les monte sur des tiges avec les calices préparés, les feuillages, de sorte qu'elles ressemblent beaucoup à un bouquet artificiel.

On fait, avec ces sortes de fleurs, de jolis tours de lampes.

Parmi les morceaux de musique les plus récents, ceux qui nous paraissent dignes d'être cités, sont:—*Le Retour en Bretagne?* romance de madame du Chambge;—*Appelle-moi, je reviendrai*, romance de Panseron.

—*Terpsychore parisienne*, deux quadrilles de contredanses pour le piano, par Romagnesi.

—*L'Orage nocturne* d'Osborn.

М О Д Ы.

Новыя вещицы.—Красивыя, простыя рамки въ опличномъ употребленіи, для рисунковъ карандашемъ и водяными красками; дѣлающіяся изъ сѣверной сосны и лимоннаго дерева съ амараншовыми или чернаго дерева полосками.—Онѣ плоскія.

Дошечки новыхъ водяныхъ красокъ, пригиповленныхъ съ медомъ, пѣмъ выгодны, чпю ихъ можно употреблять не расширяя на доскѣ, а прямо брать кистью съ дошечки; сврхъ того онѣ сдѣланы, съ большимъ совершенствомъ; онѣ извѣсны подъ именемъ красокъ *Мерсье.*

Все сіе находится у *Эюсса* на биржевой площади.

Тѣ, которые не видали другихъ цвѣтшвъ изъ облапокъ, кромѣ сдѣланныхъ въ самомъ началѣ, не могутъ имѣть никакого понятія о дѣлаемыхъ шеперь; облапки дѣлаются всякой формы, такъ, чтобъ можно было подражать всякимъ цвѣтамъ; для гвоздикъ есть зубчатые, ихъ прикрепляютъ къ спелбелкамъ, приготовленнымъ съ чашечками и зеленью; цвѣты сіи чрезвычайно походятъ на искусственный букешъ.

Сими цвѣтками очень красиво окружають лампы.

Между новѣйшими музыкальными пьесами, заслуживающими особенное вниманіе, назовемъ:—*Le Retour en Bretagne*, романсъ Г-жи de *Chambge*;—*Appelle moi, je reviendrai*, романсъ Пансерона.

Парижская Терпсихора (*Terpsichore parisienne*), двѣ кадрили для фортепiano, сочиненія *Romagnesi*.

Ночная буря (*orage nocturne*) Осборна.

С М Ъ С Б

Какъ бы ни вѣрны были подробности ландшафта, если онъ возбуждають одно холодное любопытство: картина не можетъ имѣть достоинства. Для насъ упоминательно смотрѣть на искусную отдѣлку частей, которые, показывая только мастерское преодоленіе трудностей, оставляють сердце безъ движенія и участія въ картинѣ.

Лиры, равно какъ и сполы были у древнихъ изъ кости, *Сенека*, въ своемъ домѣ въ Римѣ, имѣлъ пнясоцъ кедровыхъ споловъ, на ножкахъ изъ слоновой кости.

Глупая книга есть небольшое зло въ Свѣтѣ.

Свѣтъ есть адъ для добрыхъ и рай для злыхъ.

Самая умѣренная похвала бываетъ часто великимъ одобреніемъ для юнаго паланта.

Скупой богачъ бѣднѣе распочителя.

Ничто, казалось бы, такъ не прискорбно, какъ бѣдность, но дурное поведеніе и того прискорбнѣе.

Не скупой обладаетъ богатствомъ, а богатство обладаетъ скупымъ.

Римлянинъ, достигшій сана, съ которымъ сопряжена была почестъ кресель, имѣлъ оныя изъ слоновой кости у себя въ домѣ.

Самая нужнѣйшая изъ всѣхъ наукъ: умѣть предохранить себя отъ заразы худыхъ примѣровъ.

Одно благо, котораго никто лишиться насъ не можетъ, есть удовольствіе отъ сдѣланнаго добра.

Чтобъ хорошо понимать, надобно сохранять существенное условіе: представлять себя всѣ вещи въ приличномъ для нихъ видѣ.

Всякій человекъ, какъ рѣдко не заглядывалъ бы онъ въ Свѣтъ, можетъ быть уверенъ, что его злословящъ.

Въ изящныхъ искусствахъ всякая подробность, несодѣйствующая общему интересу, всякое украшеніе, неотносящееся къ цѣлому, вредитъ дѣйствию цѣлаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 57.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-хъ картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюля 18 дня, 1831 года.

..... Родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честивѣ,
Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.

Князь Кантемиръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

В О Р Ъ.

(Истинный анекдотъ.)

«*Розалия!*» сказала, ложась въ постель, прекрасная Г-жа *Меранжъ* своей горничной, вышедшей изъ ея спальни: «еще не пробило полуночи, у меня нѣтъ сна, подай мнѣ книгу, лежащую на шифонеркѣ.»— Не прикажете ли подать *Жана Сбогара?*— «Поищи другую, моя милая; иначе во всю ночь будушь грезить-ся мнѣ разбойники.»— Если вы, сударыня, нѣсколько пугливы, то вамъ конечно не годится читать такія книги, прибавила горничная, разсматривая заглавія. — «Сегодня для воровъ была бы у меня хорошал пожива. Какъ беспокоятъ меня эти тридцать тысячъ франковъ, которыя лежатъ въ моемъ бюро; хорошо, что завтра придетъ за ними мой повѣренный. Это что за книга?»— Последній *Абесерагъ.* — «Слишкомъ занимательна, я не сомкну глазъ во всю ночь: нѣтъ ли еще другой?» 8-й томъ записокъ Г-жи *Жанлисъ.*— «Подай сюда; это стоить хорошаго приема соннаго порошка.»

Горничная положила книгу передъ своею Госпожею, поставила подсвѣчникъ съ зонти-

комъ, пододвинула колокольчикъ и удалилась. Она заперла дверь спальни; Г-жа *Меранжъ* осталась одна. Она подперла локошкомъ прелестную головку—и руховая подушка смялась подъ сею тяжестью; маленькая ручка, полузакрытая манжетами, съ трудомъ переворачивала спираницы полстпой книги. Шумъ листовъ, хотя слабый, превозмилъ духъ прекрасной читательницы; розовыя завязки ея кофточки чаще спали подниматься; беспокойные взоры ея блуждали по богатой мебели, пусному камельку и голубымъ занавѣсамъ. Но за чѣмъ, такая робкая и милая женщина одинока? Для чего нѣтъ подлѣ нее страстнаго супруга? Его нѣтъ въ живыхъ. Но онъ былъ такъ старъ и гадокъ, что пугалъ собою. Впрочемъ, онъ оставилъ жалкой вдовѣ своей 40,000 дохода, и молодая красавица не скучала одиночествомъ. Она шутила надъ своею прусосщью и снова принялась за чтение; но едва упомянутые глаза ея начали смыкаться, какъ легкое движеніе кровати ея, заспавило ее пробудиться и сердце красавицы сильно забилося. Чтожъ почувствовала она тогда, когда черная рука протянулась къ колокольчику, когда вылезъ изъ подъ кровати человекъ и, приставивъ пистолетъ къ груди ея, сказалъ

грубымъ голосомъ: «если вы закричите, то я васъ убью.» Слова сіи были напрасны; видъ челоуѣка совершенно испробилъ всѣ способности Г-жи *Меранжъ*, такъ, что она не могла вымолвить ни слова, и только оцпъ невольнаго движенія въ шорфпахъ уронила знаменитую писапельницу *Жанлисъ* на полъ, потомъ сложивъ на груди руки крестомъ, обратилась съ умоляющимъ видомъ къ снрашному незнакомцу. Онъ, казалось, былъ пронупъ и спряпалъ свой пистолетъ: «мнѣ ваша жизнь не нужна;» сказалъ онъ тѣмъ же опривиснымъ и грубымъ голосомъ: «но въ этой комнапѣ спряпано 30,000 франковъ; отдайте мнѣ ихъ.» Молодая вдова указала ему рукою на бюро.—«Нѣтъ, сударыня, я не оставлю васъ, опвѣчалъ незнакомецъ, на дикія черны коего не емѣла взглянуть его жертва: вы безъ сомнѣнія позовете людей на помощь, и я принужденъ буду васъ заопрѣлить, а это, признаюсь, было бы очень жаль. Сдѣлайте одолженіе, вспаньте и опдайте мнѣ сами свои деньги.»—Согласилась, что вы слишкомъ неучинвы, возразила хозяйка, хопя измѣнившимся голосомъ. Я не могу вспанъ при васъ съ пистолетомъ; я раздѣла.—«О, если дѣло соснопнъ только въ этомъ, сударыня, то я выведу васъ изъ замѣшательства; на этомъ стулѣ лежатъ вашъ упреннй капотъ, накиньте его на себя, а я спрячусь за ширмы, и мы кончимъ дѣло безъ нарушенія благопрнстойности.»

Въ самомъ дѣлѣ, ночной посѣлитель спалъ за ширмы; Г-жа *Меранжъ*, видя бесполезность всякаго сопротивленія и почиталъ себя счастливою, что пребуемою цѣною можеть спасти свою жизнь, поспѣшно одѣлась, сошла съ постели и, опкрывая занавѣсъ, украдкою взглянула на потаенную дверь своей спальни — «Она заперта, сударыня,» сказалъ незваный гость, опгадавъ ея намѣреніе; «не ждите ни опкуда помощи; и такъ вамъ опспаетея исполнить мое пребуваніе.» Онъ взялъ ео сполу свѣчу.—Э, государь мой! возразила съ досадою Госпожа *Меранжъ*, идучй къ бюро, кому придетъ на мысль опказанъ челоуѣку, копорый приспаетъ къ вамъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Однакожь, вы опсправляете слишкомъ низкое ремесло.—

Ей показалось, что она услышала вздохъ.— Вошь банковые билеты на 30 тысячъ франковъ, прибавила она, вынимая ихъ изъ записной книжки.—Воръ схватилъ ихъ дрожащею рукою, повернулъ къ себе пранспаранпъ подсвѣчника и увидѣлъ прелестное лице молодой вдовы.—«Теперь, сударыня,» подхватилъ онъ, «я долженъ побыть съ вами еще нѣсколько времени. Ваши люди поздно ложатся спать, и именно нѣ изъ нихъ, копорые живутъ подлѣ вашей черной лѣспницы, могутъ меня схватить.»—Боже мой! какъ вы хорошо знаете все, что дѣлается у меня въ домѣ!—«Вамъ угодно, сударыня, сдѣлать мнѣ компанію?»—Этого уже слишкомъ много!—«Въ такомъ случаѣ займемъ свои прежня мѣспа, вы на поспеть, а я подѣ поспелью.»—Скорѣе соглашусь умереть, вскричала съ ужасомъ Г-жа *Меранжъ*. Ахъ, сударь, вы жеспико со мною поспуающе и дорого заставляете меня плащитъ за мою самондѣянность; копорая внушила мнѣ глупую мысль удалять оцпъ себя моихъ служанокъ! Но пусть такъ, я опспаетъ съ вами, пока вамъ угодно будетъ уйпн.—Воръ при сихъ словахъ, задулъ свѣчу.—Что вы дѣлаете? продолжала съ безпокойствомъ молодая вдова; къ чему эта темнота?—«Свѣтъ можеть погубить насъ обоихъ сударыня; если ваша горничная подумаетъ, что вы не почиваете, войдетъ сюда и заставитъ насъ вмѣстѣ то можеть приписать мое посѣщеніе другой причинѣ, копорое повредитъ вашей чести.»—Это правда, прнмолвила пренещущая Г-жа *Меранжъ*; но если вы имѣете дурное намѣреніе; если вы замышляете низость во сноп разъ хуже грабительства, то заспрѣлите меня; умоляю васъ, заспрѣлите меня; въ такомъ случаѣ, я не боюсь смерти!—«Вы меня обижаете, съ жаромъ возразилъ воръ; а что бы вамъ доказать, сколько ваши опасенія напрасны, вошь вамъ мой пистолетъ; клянусь честною, что у меня нѣтъ другаго оружія и я сперъ въ вашей власти.»—Что вы дѣлаете, вскричала Госпожа *Меранжъ*, почувснвовавъ холодное желѣзо въ рукѣ своей. Возьмите назадъ свой пистолетъ: одинъ видъ огнестрѣльнаго оружія приводитъ меня въ пре-

петь. Судите, могу ли я употребить его? Воръ кладетъ страшное оружіе на полъ, и опиходитъ въ уголь. Г-жа *Меранжъ* съла у камина и, бросивъ въ него нѣсколько сухихъ дровъ, развела яркій огонь. Она одѣта была въ голубой гроденаплевой плафрокъ; соболѣй-мѣхъ опщѣнялъ близну шея, а щегольской ночной чепчикъ довершалъ прелестнѣе небрежно-накинутой одежды. Она подняла глаза на вора; онъ шакже смолчалъ на нее, опершись на мраморъ камина. Его высокій, спиройный станъ обрисовывался подъ темною шинелью; его смуглое и молодое, но выразительное лицо, освѣщаемое по временамъ вспышкой дровъ въ каминъ, напоминало изумленной молодой хозяйкѣ о прекрасныхъ порцретцахъ *Салватора Розы*. Черты его переслали казаться ей дикими; въ глазахъ его, на нее усурмененныхъ, находила она чувство; уста его приятно улыбаались. Припомъ, исключая похищеніе банковыхъ билетовъ, онъ велъ себя благородно. Это было странное существо. Онъ начинаетъ говорить, голосъ его не показываетъ болѣе грубости; наиронивъ, онъ доходитъ до сердца, и разговоръ незнакомца напоминаетъ о лучшемъ обществѣ. Изъ словъ его можно было заключить, что онъ хорошо знакомъ съ словесностию, съ изящными искусствами, что онъ много путешествовалъ; его замѣчанія были шонки, иногда глубокомысленны; когда же заводилъ онъ рѣчь о чувствительныхъ предметахъ, выраженія его сами собою изливались изъ сердца. Красавица-вдова слушаетъ его съ удовольствіемъ, но не смѣетъ взглянуть на него: все это кажется ей сновидѣніемъ... Онъ разрушилъ это очарованіе; пробило два часа.—«Пора мнѣ уйти отсюда,» сказалъ онъ оставая уголь камина, къ которому онъ прислонился: «къ милостямъ вашимъ, прибавьте еще одну; проводите меня по вашей черной лѣстницѣ; я опасуюсь не забыть ли я выхода.» Г-жа *Меранжъ*, какъ бы невольно повела его; сойдя нѣсколько ступеней, она спросила: гдѣ вашъ пистолетъ?—«Въ вашей комнапѣ; онъ мнѣ уже не надобенъ»—Они еще прошли нѣсколько ступеней, какъ вдругъ послышался легкій шумъ. Тише! ска-

зала она незнакомцу, за него слѣдовавшему, оставившись, васъ могутъ услышать!—«О! я смѣло могу на васъ положиться!» отвѣчалъ онъ распроганнымъ голосомъ.—Въ самомъ дѣлѣ, Г-жа *Меранжъ* сама не понимала, какимъ образомъ рѣшилась она помогать избѣгнуть опъ бдительности ея служителей челоуку, который обокралъ и, сверхъ того, ужасно перепугалъ ее... Наконецъ они очутились въ проходныхъ сняхъ; воръ осмѣлился поцѣловать руку своей прелестной проводницы—и распростился съ нею. Она стояла неподвижно; незнакомецъ оподвинулъ запоръ, опворилъ окно и выпрыгнулъ на дворъ; собаки замаяли...кинулись за нимъ. Госножа *Меранжъ* едва переводитъ духъ. Онъ ускользнулъ опъ нихъ и перескочилъ черезъ высокій заборъ. «Онъ спасся!» съ радостью вскричала она...

Мы оставили молодую вдову въ воспоргѣ опъ того, что ей удалось спасти похищенія ея денегъ. Услышавъ лай дворныхъ собакъ, дворникъ кинулся узнать, на кого онъ бросились; всѣ жившіе въ домѣ проснулись, выскочили на дворъ полуодѣтые и спрашивали дворника. Молодая дама поспѣшно удалилась въ свою спальню, заперла дверь, ведущую на лѣстницу и позвала къ себѣ горничную *Розалію*, къ которой она имѣла справедливую довѣренность. Она открыла ей пайну сумашохи, случившейся въ ея домѣ; при этомъ, ей должно было разсказать и необыкновенное ночное явленіе; *Розалія* не могла опомниться.—Но, сударыня, это вѣрно былъ самъ *Жанъ Сбогаръ!* удивительнѣе всего, что когда онъ сошелъ съ лѣстницы, вы, зная объ оставленномъ имъ вверху пистолетѣ, не закричали: воры! тогда онъ не ушелъ бы опъ слугъ и дворника.—«Какъ, *Розалія*, мнѣ предать челоука, который къ ногамъ моимъ положилъ оружіе, который вѣтрился мнѣ!»—Однакожь это шъ благородный кавалеръ силою опиллъ у васъ 30,000 франковъ.—«Это правда; я не знаю, какъ это случилось; но я была очень рада, что онъ спасся.»—Положено, чтооь *Розалія* хранила въ глубокой тайнѣ сіе приключеніе: опкрытие исторической части онаго подвергло бы опасности жизнь похищенія де-

негъ, а опкрытіе романической, доставило бы пищу злорѣчію на счетъ Госпожи *Меранжъ*.—Надобно было убрать писмо; Госпожа не смѣла до него дотронуться, но горничная была смѣла, она взяла его и начала разсмапривать.— «Берегись, Розалія, чшобъ онъ не выстрѣлилъ.»— О нѣщъ, не бойшесь, сударыня: какой прекрасный писмо-летъ! да посмотрише, на немъ насѣчены буквы. Госпожа *Меранжъ* осмѣлилась взглянуть.— *A de L.* продолжала *Розалія*; проказникъ изъ дворня!— Госпожа *Меранжъ* предалась задумчивости; ей нужно было успокоиться; однако же, она кинулась не на постель, а на диванъ. *Розалія* опнесла писмо-летъ въ свою комнату, въ намѣреніи, на другой день разрядить его; потомъ увѣрась, что въ домъ все опять спокойно и что никто не узналъ причины суматохи, возвратилась въ спальню своей Госпожи, чшобы сдременуть подлѣ нея въ креслахъ; но сонъ убѣгалъ опъ молодой Госпожи. Она часно обращала взоры на каминъ, на который облокачясь стоялъ чудный незнакомецъ; наконецъ усналость усыпила ее, и она во снѣ увидѣла опять вора... Между тѣмъ забавы и побѣды, оживляющія бытъ молодой богатой дамы, мало по малу ослабили впечатлѣнія одной ночи. Прошло два года послѣ ночнаго явленія, и Госпожа *Меранжъ* никому еще не опдала руки своей. Одна изъ ея пепушекъ осьшала ее за то безпреспанными упреками.— «Тебѣ скоро будетъ 23 года, а ты все еще осуждаешь себя на печальное вдовство; пора кончить, пора выпшти за мужъ, я уже пригошвила для тебя партію.»— Какъ, пепушка, возразила съ усмѣшкою Госпожа *Меранжъ*, если не ошибаюсь, эпо уже пятнадцатый женихъ въ нынѣшнемъ году!— «Можетъ спашься, милая племянница; но у меня опъ эпого кружится голова. Вообрази себѣ молодого человека 26 лѣтъ, прекраснаго, любезнаго, богатнаго, прѣхавшаго изъ Турціи послѣ двухъ-лѣтнаго отсутствія; украшеннаго за храбрость орденомъ. Эпотъ женихъ мой крестникъ, мой любимецъ; однимъ словомъ, эпотъ *Адольфъ де Люзи*, котораго ты никогда не видала и который спраспно желаетъ съ шобою познаться; право, спдишь, чшобъ

ты объ эпомъ подумала!» Молодая вдова не совѣтъ опвергала предложенія своей пспкв; она сама чувспвовала потребность сосредопочить все желанія свои въ одномъ предметѣ; но гдѣ найши человека, который, получивъ руку вѣжной женщины, не заспавилъ бы ее раскаяньемъ въ своей легковѣрности? . . . Въ сихъ-по мысляхъ, занимавшихъ молодую вдову въ ея спальнѣ, заспала ее *Розалія*, и доложила о прѣздѣ *Г. де Люзи*. «Какъ, онъ уже здѣсь?» вскричала Госпожа *Меранжъ*, опирая слезы: «онъ слишкомъ успѣшенъ! Хорошо! скажи, что принимаю; иначе пепушка моя съ ума соидетъ, если опкажусь принять ея крестника; введи эпого Господина въ мою сиреневую комнату, вѣтъ, въ гостиную. Къ счастью, я кончила свой шуалетъ; пеперь не больше 12 часовъ!»—

Горничная не успѣла выпшти, какъ незнакомый вспрѣтился съ нею въ дверяхъ спальни. Онъ кланяется и произноситъ звучнымъ голосомъ имя *Адольфа де Люзи*. «Но не сюда, сударь!» подхватила *Г-жа Меранжъ*, вспавая съ нѣкопорою досадою... Она подняла голову, взглянула на него и вскрикнула. «Ахъ, Небо! эпо вы!» сказала она, опершись на кресла и прижавъ руку къ сердцу!— Вы меня узнали! вскричалъ онъ съ восторгомъ. . . Но она слабѣетъ, онъ приближается къ ней, сажаетъ ее въ кресла, опступаетъ опашь и говоритъ: «Такъ, сударыня, я эпотъ дерзновенный, который за два года предъ симъ осмѣлился ночью войти въ вашу комнату; который употребилъ насиліе, чшобы получить 30,000 франковъ, который причинилъ вамъ смертельный испугъ своимъ преступнымъ явленіемъ; ахъ, эпогда я имѣлъ варварство поступить съ вами такимъ образомъ, а пеперь скорѣе готовъ умереть, нежели нанести вамъ малѣйшее безпокойство: вы видите во мнѣ *Адольфа де Люзи*, вашего должника, который пришелъ сюда заплатить свой долгъ.» Онъ положилъ свою записную книжку на мраморъ камина.

Госпожа *Меранжъ* взглянула на него, хотѣла что-то сказать, но слова замерли на устахъ ея. *Адольфъ де Люзи*, эпотъ же сямый, какимъ казался онъ эпогда при опнѣ камина, но робкій и еще болѣе привлекательный

пелый, продолжалъ: «Вы конечно, не можете понять моего поступка; вопль мой пайна:

«На канунъ моего опъзда съ однимъ изъ друзей въ Русскую армию, дѣйствовавшую тогда пропивъ Турокъ, я вошелъ въ игрецкій домъ, чѣобы спасти моего сопушника опъ совершеннаго разоренія. Усилія мои были напрасны. Тщешно я общалъ ему, если онъ оставитъ игру, раздѣливъ съ нимъ 15 тысячъ Франковъ, полученные мною опъ дяди моего, который былъ единственною моею опорой; несчастный, съ распроеннымъ видомъ, требовалъ опъ меня шолько денегъ, я опдалъ ему и онъ проигралъ ихъ. Желаніе спасти его овладѣло мною: я хопѣлъ въ свою очередь обыграть счастливаго его соперника; сажусь за карты, проигрываю, разсудокъ меня оставилъ, я упорно стремлюсь къ своей гибели, мои 15 тысячъ Франковъ перешли въ руки корысполубиваго противника, я проигрываю еще 30,000 Франковъ на слово, заплачивъ ихъ на другой день. Имъ дяди моего, безъ сомнѣнія, ручалось за меня. Мы вышли изъ проклятаго дома—и въ двухъ шагахъ опъ меня несчастный товарищъ мой проспрѣлилъ себѣ голову. Казалось, онъ напоминалъ мнѣ, что и я долженъ послѣдовать его примѣру. У меня былъ также писполетъ; дядя мой великодушень, но спрогъ, и я предпочелъ смерть стыду, признаюсь въ своемъ безуміи. Вы смѣетесь, сударыня, надъ моею рѣшимостью?... Однако, я обрекъ себя на смерть; я бѣгу къ одному стричему, съ которымъ нужно было мнѣ поговорить прежде, нежели лишу себя жизни. Онъ при мнѣ говорилъ съ кѣмъ-то о 30,000 Франкахъ Госпожи *Меранжъ*, которые на другой день должны были взять опъ нее и опдать съ выгодою въ проценты. Точно та же сумма мнѣ была нужна; ваше имя и жилище мнѣ были извѣсны: странная мысль, но свойственная челоуку, рѣшившемуся застрѣлиться, мелькнула у меня въ головѣ: она мною овладѣла. Если, спасая жизнь, я успѣю сохранить опъ безчестія втораго опца моего, то фортуна не всегда будетъ ко мнѣ неблагопріятна, и дядя мой, по возвращеніи моемъ изъ Турціи, опдастъ

мнѣ во владѣніе небольшое помѣстье. Жду, пока ночь накинетъ свой покровъ на Парижъ и пока все утихнетъ; въ 11 часовъ я былъ у вашихъ воротъ; случай мнѣ благопріятствовалъ: нерадѣніе дворника и безрасудность слугъ открыли мнѣ входъ на вашу льспницу; я всхожу, прлчусь подъ кровать. Я не разсуждалъ о послѣдствіяхъ моего поступка; писполетъ избавилъ бы меня опъ участи, ожидающей преступника; благодаря вамъ, я узнаю, что деньги, предметъ моихъ желаній, находятся у васъ, въ вашемъ бюро; но я хочу получить ихъ изъ вашихъ рукъ; это было необходимо для меня, чѣобы не быть схвачену. Вы знаете, какое насиліе я долженъ былъ употребить для достиженія своей цѣли. О! мнѣ дорого стоило возбудить въ васъ ужасъ; я съ какимъ-то упоеніемъ разсмапривалъ васъ, когда взоры ваши вспрѣшались съ моими. Ваше очаровательное присутствіе, странность вашего положенія, успокоили мое волненіе, и я въ состояніи былъ вспушиться съ вами въ разговоръ. Я лишилъ себя этого удовольствія; оставя васъ, я успѣшилъ заплачивать кирпичный долгъ, выгѣхалъ изъ Франціи, прибылъ въ Русскій лагерь, сражался съ Турками, жилъ на Сѣверѣ. Умирающій дядя мой хопѣлъ меня видѣть; уже было поздно; я не нашелъ его въ живыхъ. Онъ оставилъ меня полнымъ наследникомъ довольно значительнаго имѣнія. Оплакавъ потерю добраго старика, я изыскивалъ средство возвратить вамъ ваши деньги; ваша родственница говорила мнѣ о васъ съ восхищеніемъ; весь Парижъ подтверждалъ то же. Я имѣлъ свои причины добиться случая поговорить съ вами безъ свидѣтелей: ахъ! съ спіе превзошло мою надежду; вы припомнили черты мои! Но соединяется ли съ ними ненавистное и страшное воспоминаніе? Я стоюко былъ виновень! простите ли мое преступленіе? Говорите, ахъ! говорите, мнѣ нужно заслужить ваше уваженіе.»

Госпожа *Меранжъ* была слишкомъ распрогана, однако же произнесла великодушное прощеніе. Счастливый *де Люзи* подошелъ ближе къ милой вдовушкѣ.—«Ахъ, вы меня ошасчастливили!» сказалъ онъ: «со времени ноч-

наго свиданія, образъ вашъ безпрестанно занималъ мои мысли: Здѣсь, въ этой комна- шѣ провела я нѣсколько сладостныхъ ча- совъ. Голова ваша склонилась на грудь вашу, и ваши прелести, продолжалъ съ жаромъ молодой человекъ, не скрываема, какъ ше- перь, ревнивыми нарядами, предспавлялись очарованнымъ глазамъ моимъ». Не говорите, прервала его, краснѣя, Госпожа *Меранжъ*... «О! я повторяю вамъ, я былъ очень вино- вать», подхватилъ *Адольфъ*; спавъ на ко- лѣна; «естъ одно только средство успоко- нить вашу разборчивость и очистишь не- приятное воспоминаніе.» Госпожа *Меранжъ* не отвѣчала на сіе послѣднее предложеніе; на противъ, она удалила молодаго человека изъ своей комнаты... но для того, чтобы черезъ недѣлю ввести его шуда, какъ своего мужа.

(изъ *Furet.*)

пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

(изъ *А. Мицкевича.*)

«Сступайте-ка за городъ, дѣтки, проворно
На горку къ столбу при дорогѣ большой,
И шамъ помолитесь святой Чудотворной
Иконѣ Спасителя, чтобы родной
Скорѣй возвратился счастливо домой.

«Я упро и вечеръ съ слезами, въ превогѣ
Родимаго жду, что не вдесть онъ къ намъ!
Вдѣ множество слышно бродягъ по дорогѣ,
И звѣрей голодныхъ по нашимъ лѣсамъ,
Да рѣки еще разлились по полямъ.»

И слыша то, за городъ дѣти проворно
На горку бѣгутъ при дорогѣ большой,
И молятся шамъ предъ святой Чудотворной
Иконой Спасителя, чтобы родной
Скорѣй возвратился счастливо домой.

Усердно все вмѣстѣ, земные поклоны
Малюпки съ слезами предъ Спасомъ кладутъ,
И смотрятъ на ликъ Чудотворной Иконы,
И вынувъ моливиеникъ набожно чпуть,
И гимны церковные хоромъ поютъ.

Вдругъ слышитъ топъ конскій и облако пыли.—
То вдуны повозки, колеса скрипятъ,
И дѣти скорѣе, все вмѣстѣ вскочили,
Узнали повозки, на встрѣчу лепятъ;
«Ахъ, шайничка вдесть!» бѣгутъ и кричатъ.

Купецъ ихъ увидѣлъ, залился слезами,
И съ радостью къ нимъ изъ повозки скорѣй:
И—здоровы-ли, дѣтки, что дѣлалось съ вами?..
И—«небось вносковались по мнѣ?..» И дышей
Цѣлуетъ и жметъ ихъ ко груди своей.

«Родимая жъ? Тѣтка? все-ль поже здоровы?
Вопъ наме-жъ госпоинца; я васъ не забывъ!»—
И дѣти, цѣпляясь за руки отцовы,
Цѣлуютъ его, топъ на шею вскочилъ,
Топъ въ поясъ ручонкой онца обхватилъ.

И другъ передъ другомъ лепечуть все разомъ,
И радости полонъ, кричатъ сей народъ,
Онца занимаютъ разладнымъ разговоромъ,
И вопъ онъ опираетъ повозки впередъ,
А самъ съ ребятишками въ городъ идетъ.

Идутъ... вдругъ разбойники ихъ окружаютъ...
Числомъ ихъ съ двѣнадцать, ужасныхъ на видъ!
Съ густыми усами, глаза ихъ сверкаютъ,
За поясомъ ножъ, у бедра мечъ спучитъ,
Въ рукахъ пребольшая дубина свиститъ.

И крикнули дѣти, къ родителю жмулся,
И полны ихъ очи и страха и слѣзъ,
И слуги въ болзнии, робѣя трясутся,
И самъ онъ дрожащія длани вознесъ
Къ убійцамъ, нападшимъ на цѣлый обозъ.

И—«берите вы все, все богатства берите,
Которые видите здѣсь предъ собой,
Насъ только живыми, молю, опустите,
О, сжалысь надъ сею несчастной семьей,
И бѣдной жены не оставьте вдовой!»

Не слушаютъ шайка; обозъ обступили;
Одни выпрягаютъ изъ повозокъ коней;
Другой кричитъ: *денегъ!* Мечи обнажили,
И вопъ уже лезвія блещутъ мечей,
И вопъ изрубить ужъ головы людей. —

Вдругъ. . . «Стойте!» вскричалъ Ашаманъ на
нихъ строго,
И шайку съ дороги прочь къ лѣсу прогналъ,
Опца же съ дѣшми опустилъ — онъ и — «съ Богомъ,
Идите домой себѣ смѣло!» сказалъ. —
Купецъ съ благодарностью въ ноги упалъ. —

Но грозный, свирѣпый Начальникъ надменю,
Възчалъ ему: «И правду скажу я тебѣ,
Я бѣ первый дубиной своей непремѣнно
Расшибъ тебѣ черепъ, но кропкой молебъ
Дѣшею благодарнымъ бышь должно тебѣ!

«Малюшкамъ обязанъ, что такъ невредимо
Уходишь онъ насъ! Не побой дорожу;
Для дѣшокъ твоихъ, хоть я неумолимою,
Твою жизнь и здоровье, купчишка, щажу;
Послушай какъ было, я вкрапцѣ скажу.

«Давно уже въспи до насъ доходили,
Что вѣдешъ богатый купецъ симъ пушѣмъ;
И вошь, мы добычу свою сморожили,
Здѣсь въ мѣсѣхъ удобномъ засѣвъ подъ лѣскомъ,
Тебя караулимъ и съ жадностью ждѣмъ.

«Сегодня-жъ, смошрю я: на горку молишься
Малюпки пришли, чтобы далъ тебѣ Богъ
Скорѣе счастливо домой возвратишься, —
Сперва я онъ смѣха скрѣпился не могъ,
Но послѣ сирахъ съ жалосишью въ сердце замѣгъ!

«Я вслушался сердцемъ — и край мой родимый
Пришелъ мнѣ на мысль и родная семья;
И — бросивъ дубину, тоскою поминный,
Подумалъ, что пожь и голубка моя,
Бышь можешъ грустинишь такъ съ сыномъ безъ
меня.

«Схупай же ты въ городъ, купецъ, Богъ съ
побою!
Я долженъ вернуться къ поварицамъ въ лѣсъ;
Вы-жъ бѣгайте, дѣшкн, сюда, и порою
Въ молишвахъ невишнихъ предъ ликомъ Небесъ
Равно-жъ и меня не забудите опидесь!»

съ Польскаго *В. Романовичъ.*

Въ подлинникъ названа сія пьеса: *Возращеніе тѣти.*
Это нѣсколько странно было бы на Русскомъ языкѣ; къ
тому же, и развязка сей *Легенды*, основана на молитвѣ
малюшокъ.

Прии. Переводника.

С H A R A D E.

Mon premier, petit mot, rend un amant heureux,
Lorsqu'il est prononcé par l'objet de ses feux.
Sans mon second, utile quadrupède,
Ne pourrait subsister le triste Samoyède:
Mon entier, chère lecteur, capitaine vaillant,
Jadis, au champ d'honneur, mourut en combattant.

Въ No 56 помѣщенная Анаграмма знач: *Гербъ и брегъ.*

M O D E S.

Ensembles de Toilette. — Une robe de mousseline de laine à raies lilas, baies et vertes, de Burty, rue Richelieu. — Pélerine de batiste à pans bordés d'une petite dentelle. — Chapeau de paille d'Italie, trois branches de jacinthes doubles. — Des brodequins noirs.

Une robe de mousseline, fond sablé bleu pâle, des branches de cloches bleu foncé. — Une collerette de dentelle en ruche; une écharpe de mousseline de soie fond chamois, petits dessins noirs et verts. — Une capote de moire paille avec une branche d'iris posée un peu élevés. — Souliers de peau anglaise. — Une ombrelle de moire blanche.

Une robe de mousseline blanche, une broderie au-dessus de l'ourlet. — Corsage à draperie croisée. — Une guimpe de mousseline brodée en plain, une ruche de dentelle. — Manches longues avec trois petits poignets brodés. — Dans les cheveux une Ferronnière attachée par un camée. — Des souliers de gros de Naples noirs. — Une chaîne d'or. — Une écharpe de gaze bleue. — Une ceinture bleue brochée blanche.

Une robe de mousseline jaune soufre. — Couleur unie. — Corsage à pélerine décolletée, bordé tout autour d'une dentelle. — Dans les cheveux un nœud de ruban gaze jaune; liseré noir. — Une parure d'émail noir. — Des souliers de taffetas noir. — Des gants blancs.

Coiffures. — Encore des Ferronnières pour petites ou grandes toilettes. — Des fleurs en deux bouquets. — Un nœud au-dessus de la coiffure. — Des cheveux séparés au milieu par devant. — Ceux de derrière en couronne.

Pour les chapeaux, les petites formes se soutiennent; généralement on y place un bavolet. — Bien qu'alors le chapeau devienne capote, il n'en est pas moins fort bien placé pour toilette pun eu habillée.

Un bouquet de trois jacinthes doubles, de différentes couleurs, est tout ce qui se peut voir de plus joli sur de la paille de riz.

Celles de Nattier sont d'une perfection rare.

Pl. No 17. Poney - Phaëton.

М О Д Ы.

Полный нарядъ.— Платье изъ шерстяной кисеи, съ лиловыми, темными и зелеными полосами, у *Бюрсти*, въ улицъ Ришелье. — Башмачная пелеринка съ концами обшита узенькимъ кружевомъ. — Итальянская соломенная шляпа, съ тремя въпками махровато гяцинта. — Черные сапожки.

Кисейное платье, по блѣдно-голубому грунту мѣлкя крапинки и въпки темно-голубыхъ колокольчиковъ. — Кружевный борочекъ, сдѣланный рюшемъ, шарфъ изъ шелковой кисеи верблюжьяго цвѣта, съ мѣлкими черными и зелеными узорами. — Капотъ изъ море соломеннаго цвѣта съ въпкою касатика, припиленнаго немного кверху. — Башмаки изъ Англійской кожи. — Зонтикъ изъ бѣлаго море.

Платье изъ бѣлой кисеи, вышито сверхъ рубца. — Лиць съ крестообразными складками. — Высокая щемизетка вся вышита, съ кружевнымъ борочкомъ. — Длинные рукава, съ тремя узенькими вышитыми обшивками. — Въ волосахъ ферроньера, замкнутая антикомъ. — Черные гроденаплевые башмаки. — Золотая цѣпь. — Голубой газовый шарфъ. — Голубой полсъ, зашканный бѣлымъ.

Кисейное платье сѣрнаго цвѣта. — Безъ узоровъ. — Лиць съ открытою пелеринкою, обшитою вокругъ кружевомъ. — Въ волосахъ бантъ изъ газовыхъ желтыхъ лентъ, съ черною косынкой. — Уборъ изъ черной эмали. — Черные шафляные башмаки. — Бѣлая перчатка.

Головные уборы.— Ферроньеры все продолжаютъ носить, въ большой и небольшой

нарядъ. — Два букета цвѣтовъ. — Или бантъ сверхъ прически. — Волосы спереди раздѣляются въ срединѣ. — Заднѣ дѣлающъ короною.

Шляпки все дѣлающъ еще съ низкими пульями и вообще съ баволейнами. — Хотя шляпка тогда дѣлается капотомъ, но все очень прилично для полу-наряда.

Ничего не можетъ быть красивѣе, щеголеватѣе на басовой шляпкѣ, букета изъ прехъ махровыхъ, разноцвѣтныхъ гяцинтовъ.

Дѣлаемые у *Натъе* превосходны.

Кар. No 17. Поней-Фаэтонъ.

С М Ъ С Ъ.

Избирай себѣ въ друзья людей, которыхъ признаешь за самыхъ добродѣтельнейшихъ. Не пропивъ ихъ кропкимъ совѣтамъ — и слѣдуй полезному ихъ примѣру.

Никакой блескъ фортуны не можетъ быть блистательнѣе того, какъ другъ твой, удручаемый жестокимъ бѣдспіемъ, найдетъ себя всегда одинаково къ нему расположеннымъ.

Остерегайся ссориться за бездѣлку съ своимъ пріиселемъ.

Не допускай, чтобъ разумъ твой впалъ въ изнеможеніе: его сонъ гибельнѣе сна смерти.

Привыкни повелѣвать обжорствомъ, сномъ, роскошью, сладоспіемъ и гнѣвомъ.

Мало того, если только ты оуждаешь просупки другихъ; воздерживай лучше стѣхъ, которые готовятся ихъ сдѣлать.

Самый несчастнѣйшій попъ, кто не умѣетъ переносить несчастія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 58.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками мѣсяцъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сказкою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, Юля 22 дня, 1834 года.

Когда таланты судишь ты,
Считаешь ихъ слабости трудовъ не трахъ напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умъ различны ихъ постигнуть высоты,
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢЩНИКЪ.

ЧТО ЕСТЬ СЧАСТЬЕ?

Въ послѣднее Воскресенье поздно вечеромъ сидѣлъ я въ Лѣпнемъ саду на скамейкѣ. Расположеніе души моей было самое грустное: я получилъ извѣстіе о кончинѣ моего четверыхлѣтняго сыночка, о пожарѣ, бывшемъ въ Московскомъ домѣ моемъ и о томъ, что Холера, не смотря на всѣ предосторожности, опустошила мою Ярославскую деревню.

Было уже 10 часовъ вечера, когда подошелъ ко мнѣ Офицеръ, какого ранга не вѣдаю: ибо мундирный серпукъ опскаванныхъ не красуется эполемами. У него не было лѣвой руки и праваго глаза; взамѣнъ того на шеѣ блистала алмазный орденъ св. Анны, Прусскій за *достоинства* и Командорскій св. Іоанна Иерусалимскаго; лѣвая спорона груди завѣшена была крестами и медалями. Съ невольнымъ почтеніемъ я нѣсколько отодвинулся, чтобы дать болѣе мѣста заслуженному воину. Между нами завязался разговоръ—и, мало по малу, спяновясь ошкровеннѣе, превратился въ дружескій. Перебирая всѣ предметы оныя погоды до внезапной кончины Фельдмаршала Графа *Дибича* и, находя въ моемъ собесѣдникѣ человека, прошедшаго весь курсъ

науки жить въ школѣ опыта, самъ не знаю ошъ чего, я спросилъ у него: *что есть счастье?* Бодрый спарикъ вскопчалъ съ своего мѣста, однимъ прыжкомъ спалъ прошивъ меня и, усапя на меня свой голубой глазъ, мгновенно заблеставшій изъ подъ гусной, сѣдой брови, отвѣчалъ мнѣ, что—«изъ тысячи милліоновъ жителей земнаго шара—нѣтъ двухъ человекъ, согласныхъ между собою объ этомъ предметѣ.» — — —

— Обмыслите же мнѣ, по крайней мѣрѣ, возразилъ я, что вы, именно *вы* починаете счастье, относительно къ собственной вашей особѣ? Вы болѣе, чѣмъ *остраулины*, вы *благоразумный человекъ*: вамъ легко удовлетворить меня.

— «Ничего нѣтъ легче; сподѣшъ только мысленно пробѣжати обстоятельства моей жизни ошъ колыбели до той счастливой минуты, въ которую сдѣлалъ я ваше пріятное для меня знакомство. — Мой образъ мыслей на сей счетъ покажется вамъ смрачнымъ, а самъ я чудакомъ; но думайте обо мнѣ, что хотите, а я буду говорить съ вами столько же ошкровенно, какъ въ Великую Пятницу на исповѣди съ моимъ духовникомъ, ошцомъ *Геронимомъ*.»

«Я считаю за превеликое благо то, что родители мои были люди небогатые. Эпо

доставило мнѣ *счастье*, знашнымъ людямъ почти неизвѣстное, пишашся молокомъ моей родной мапери, а не наемницы; другое то, что я выросъ на рукахъ ея. *Счастье*, что я родился дворяниномъ: ибо это дало мнѣ право быть приняту въ Кадетскій Корпусъ, гдѣ получилъ я порядочное образование; *счастье*, что меня выпускали въ Офицеры въ концѣ 1798 года, и въ такой полкъ, кошорый пошчасъ выступилъ въ походъ. Получи я чинъ гогомъ позднѣе: по не имѣлъ бы *счастья* участвовашъ въ знаменитомъ Ишаланскомъ походѣ, переходилъ Черповъ мостъ и съ гордостью говорилъ: *я служилъ подѣ начальствомъ Суворова!* — Попади я Прапорщикомъ въ другой полкъ: то, *несчастливецъ*, просидѣлъ бы я сложа руки до Бородинскаго и даже... чѣмъ Фортуна не шутишь? ... до Лейцигскаго сраженія! Могло случишься еще хуже: я могъ попасъ въ *несчастную* Голландскую Экспедицію; могъ поперяшь глазъ и руку въ *бѣдственномъ* сраженіи подѣ Цирихомъ. *Счастье*, что я лишился одного глаза, а не обоихъ: кто знаетъ... можетъ бытъ, что моя *Авдотья Яковлевна* и не пошла бы за слѣпаго—урода! *Счастье*, что у меня оборвало руку въ сраженіи подѣ Бородинымъ, въ глазахъ Князя Багратиона, въ двухъ шагахъ отъ храбраго изъ храбрыхъ Генерала Чоглокова. *Счастье*, что я потерялъ руку, а не ногу, лѣвую руку, а не правую. Неупрашимый Генералъ Графъ Остерманъ-Толстой, потерявъ подѣ Кульмомъ руку, сказалъ золотую правду: *слѣвая рука роскошь, правую мы крестимъ и держимъ шпагу на оборону православной церкви, Бллаго Царя и матушки—Руси.*» Превеликое для меня благополучіе, что я пролилъ кровь свою въ такое время, когда вѣчно-незабвенный другъ человечества, Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ уже издавалъ *Русскій Инвалидъ* въ пользу изувѣченныхъ на полѣ чести воиновъ, и когда вскорѣ Александръ Благословенный учредилъ Комитетъ 18 Августа для призрѣнія раненыхъ: я получаю 700 рублей пенсіона изъ Государственнаго Казначейства, да 700 же изъ этого благотѣльнаго Комитета. При маленькомъ моемъ родовомъ недвижимомъ имѣніи: это мнѣ сильное по-

собіе—*счастье*. *Счастье* также, что покойный сослуживецъ и другъ мой Пешръ Александровичъ Огнищевъ.... дай ему Богъ царство небесное!...былъ моимъ соседомъ. А то я не могъ бы находишься при его кончинѣ, приключившейся ему отъ тяжкой раны пулею въ грудь на вылетѣ, подѣ Бородинымъ, подѣ меня имъ полученной; я не закрылъ бы ему глазъ, не былъ бы выбранъ опекуномъ къ малолѣтней его дочери и не женился бы на его вдовѣ. *Счастье*, что я, мѣлкопомѣстный дворянинъ, исправный солдатъ, но плохой домостроитель, нашель въ женѣ кладъ. Справедливо премудрый Царь Соломонъ, знавшій все отъ кедровъ до иссопа, написалъ: *мудрыя жены создаша дома: безумная же раскопала рукама своимъ.* *Счастье*, что моя *Авдотья Яковлевна* всего мастерица: спрясть-ли, ситкашь-ли, выкрасишь-ли, скроишь-ли, сшишь-ли? еѣ дѣло! А какъ она копшишь вѣшчину, солишь балыки, варишь варенья, сушишь полотки, наспаиваетъ наливки, дѣлаешь каршофельную и зеленую крупу, поспилу... объядънѣ! У неѣ ключи отъ кладовой, отъ погреба, отъ хлѣбныхъ анбаровъ. Сама дѣлаешь замолотъ, часно сама спряпаетъ на кухню... объядънѣ! Но мое *счастье*, главное въ томъ, что она никогда не ворчитъ, не бранишья, а все дѣлаешь съ веселымъ духомъ. Отъ того и я весель, и люди живутъ припѣваючи, и крестьяне не хнычуть. *Счастье*, что я разумью немножко по Нѣмецки и Машемашикъ, и могъ самъ двоимъ реблѣшкамъ, сыновьямъ своимъ, преподашь начальныя правила Русской Грамматики и Геометрии, и всю Ариеметику. *Счастье*, что я ранень; тяжелья раны мои ошворяють мнѣ двери вельможъ и, съ перваго взгляда, располагають сердца ихъ въ мою пользу. Этому *счастью* обязанъ я *счастьемъ*, что въ такую пору, когда ошановленъ пріемъ молодыхъ дворянчиковъ не только въ Кадеты, но и въ Кандидаты Военныхъ Училищъ, когда пущатый Секретаръ нашего Земскаго Суда и рыжий Пovýшчикъ нашей Гражданской Палаты и съ деньгами не могли никуда помѣстись своихъ дѣпокъ, я, не испрашивъ ни гроша, пріютилъ своихъ обоихъ. Сегодня я благословилъ ихъ; сплакнулъ и просишься на

долго... можетъ бышь... до свиданія на шомъ Свѣшъ! Теперь у меня на умъ отъѣздъ въ деревню; я уже опкляндилъ за милоспи благодѣтелей, за-хлѣбъ-за-соль благопріятелей. Подорожная у меня въ карманѣ, въ 4 часа утра приведушъ мнѣ шройку почповыхъ, въ 5 я буду за заспавою. Черезъ недѣлю надѣюсь обняшь свою добрую хозяйку, милую падчерицу и малютку сына, который родился во время моего здѣсь пребыванія. Видите, Милоспивый Государь, что я, не мѣша вдаль; умѣю бышь *счастливъ по своему*; онѣ всей души же даю вамъ бышь *счастливыми по вашему*. Заслуженный воинъ снлль карпузъ, вѣжливо мнѣ поклонился—и побрѣлъ на свою квартиру.

А. Кораблинскій.

14 Юня
1831.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЫСЛИ ЛАРОШФУКО.

Сколько ни сдѣлано опкрытій въ спранѣ самолюбія, но въ ней оспаеся еще много неизвѣстныхъ областей.

Зло, кѣторое мы дѣлаемъ, не навлекаетъ намъ сполько говеній и ненависти, сколько добрыя наши свойства.

Кажется, что природа, споль мудро устроившая всѣ органы нашего тѣла, для нашего же счастья дала намъ гордость, чтобы изба-вить насъ отъ огорченія видѣшь свои несовершенства.

Искренность есть отверженіе сердца (*ouverture du coeur*). Мы находимъ ее въ весьма немногихъ людяхъ; а та, которую встрѣчаемъ обыкновенно, есть ничто иное, какъ тонкая скрытность, служащая для привлеченія довѣренности другихъ.

Любовь, подобно огню, не можетъ существовать безъ непрерывнаго движенія, и уничтожаеся, какъ скоро перестаетъ надѣ-ляться или спрашиваться.

Есть множество дѣлъ, которыя кажутся смѣшными; но коихъ скрытыя причины очень благоразумны и основательны.

Есть два рода поспоянства въ любви: одно происходитъ отъ того, что мы без-

прерывно находимъ въ любимой особѣ новыя свойства, заслуживающія любовь; другое отъ того, что мы ставимъ себѣ въ достоинство бышь поспоянными.

Пороки входятъ въ составъ добродѣтелей, какъ ядовитыя вещества въ составъ лѣкарствъ. Благоразуміе собираетъ и распола-гаетъ и съ пользою употребляетъ ихъ про-тивъ бѣдспивій жизни.

Лицемѣріе есть почестъ, воздаваемая до-бродѣтели порокомъ.

Благодарность подобна честности торговецъ, поддерживающей торговлю; часто мы платимъ не потому, что справедливость этого требуетъ; но потому, чтобы скорѣе найши людей, которые бы насъ впередъ сужали.

Люди легче ограничиваютъ свою благо-дарность, нежели свои надежды и желанія.

Юность есть безпреспанное упоеніе.— Эпо горячка разсудка.

Есть люди, назначенные для глупости, которые дѣлаютъ дурачества, не только по собственному произволу, но и по неиз-бѣжной волѣ судьбы.

Иногда встрѣчаются такіе случаи въ жизни, отъ которыхъ—чтобы безъ вреда отдѣлаться, нужно бышь не много просто-вашимъ.

Въ ревности болѣе самолюбія, нежели любви.

Счастливые люди рѣдко исправляются: они всегда почитаютъ себя правыми, когда счастье оправдываетъ дурные ихъ поступки.

Предель новости тоже для любви, что цвѣтъ для плодовъ; она придаетъ ей блескъ, который легко исчезаесть и никогда не воз-вращаеся.

Фортуна никому не кажется споль сча-стью, какъ тѣмъ, копорымъ она не благо-пріятствуетъ.

Есть заслуга безъ возвышенія; но нѣтъ возвышенія безъ какихъ нибудь заслугъ.

Хвалить хорошія дѣла отъ чистаго сердца, значитъ, нѣкопорымъ образомъ въ нихъ участвовать.

Старость есть ширанъ, запрещающій подъ смертною казнію всѣ удовольствія мо-лодости.

Гордость, заспаляющая насъ осуждашь пороки, копорыхъ мы почиаемъ себя не причастными, принуждаетъ насъ также презирашь добрыя свойства, копорыхъ мы не имѣемъ.

Зависть наша существуетъ всегда долѣе счастья шѣхъ, кому мы завидуемъ.

Легче узнать людей вообще, нежели одного человека въ особенноти.

Какъ ни рѣдка истинная любовь; но истинная дружба еще рѣже.

пер. съ Франц. *Ипполитъ Гльбовъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

Женева.

(Продолженіе.)

Мы скоро оставили свою обсерваторію и сойдя въ придѣль храма Св. Петра, кинули послѣдній взглядъ на его памятники. Они не представляютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ слѣдовъ минувшаго бытія; при видѣ сей обители вѣчнаго спокойствія невольно возбуждается мысль о преслѣдованіи и изгнаніи шѣхъ, кои почли здѣсь непробуднымъ сномъ. Изгнанный неблагодарнымъ опечесствомъ за нѣкопорыя историческія сочиненія, Федоръ Агриппа д Обинье, завѣщаль Женевѣ прахъ мужественнаго воина, ревнишеля своей вѣры, друга Генриха IV. Намъ показывали также бѣлую мраморную гробницу извѣснаго Герцога Рогана, главу Протестантовъ XVII столѣтія. Она воздвигнута его супругою Маргаритою, дочерью великаго Сюлли. Памятникъ сей въ 1794 году былъ снятъ по приказанію Правительштва, но въ послѣдствіи опять поставленъ.

Хотя Женева есть одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ, ибо въ немъ еще сохранились слѣды Юлія Цесаря, впрочемъ онъ не былъ свидѣтелемъ ни какихъ важныхъ событий въ среднихъ вѣкахъ. Кромѣ пребыванія Кальвина, въ немъ не случилось ничего важнаго, что могло бы произвести важные перевороты. Сосѣдство Вольтера, нелюбившаго Женевцевъ, рожденіе Руссо, въ коемъ любовь къ опечесиву не успунала всѣмъ дружимъ

чувствамъ, болѣе прославили его уже въ новѣйшіе времена.

Желая поспшишь домъ, въ копоромъ родился Жанъ-Жакъ Руссо, мы прибыли въ улицу, называемую по его имени и надъ воротами дома подъ No. 69 прочли слѣдующую надпись: Здѣсь родился Ж. Ж. Руссо 28 Іюня 1712 года.» Впрочемъ съ большею достовѣрностію полагаюмъ, что Авпортъ *Эмилл* родился въ другомъ домѣ, находящемся на большій улицѣ, противъ большаго дома Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, гдѣ нынѣ помѣщается Музей.

Улица Ж. Ж. Руссо находится въ предмѣстїи Сенъ-Жерве; на возвращномъ пути опшуда мы проходили чрезъ улицу *Coutance*, осмошрѣвъ оспашки храма, посвященнаго Угоднику, по имени коего названо цѣлое предмѣстїе. Это древнее зданіе, все почти построенное изъ кирпича; въ немъ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ надписи, сохранившей имена 77 гражданъ, надшихъ въ 1602 году, при оборонѣ города ихъ опъ Герцога Савойскаго. Единствѣнный выходъ изъ сего предмѣстїя составляютъ Корнавенскіе ворота. Въ улицѣ *Coutance* прежде показывали домикъ кандинера, друга Руссо, у копорого сей великій человекъ часто обѣдывалъ. Онъ еще существоеть, но однѣ только стѣны его, къ копорымъ прикасалась рука Философа, обращаютъ на себя внимание; все прочее исчезло. Въ нѣсколькихъ шагахъ опшуда находилась деревянная лавочка его кормилицы. Сидя на скамейкѣ, Руссо почти каждый день бесѣдовалъ съ сего почтенною женщиною, между шѣмъ полна любопытныхъ, собиравшихся у воротъ, глядела на своего знаменитаго соопечесвенника. Если бы все сіи памятники сохранились, они имѣли бы болѣе цѣны, нежели башня Цесаря, при всемъ уваженіи нашмъ къ побѣдшелю Галловъ и Авпору *Записокъ* (*commentaria*). Большая четвероугольная башня, напоминающая о немъ, лежитъ въ предмѣстїи, называемомъ оспровомъ, при въздѣ на одинъ изъ двухъ мостовъ, соединяющихъ оспровъ съ собиивенно называемымъ городомъ. Женевцы не утверждаюмъ, чтобы мостъ сей былъ шомъ самый, копорый

построены Цесаремъ въ этомъ мѣсяцѣ. Сооруженія сего великаго Полководца исчезли, и на развалинахъ ихъ построена вышняя башня, которая впрочемъ не имѣетъ ничего достойнаго замѣчанія.

Гораздо любопытнѣе было для насъ видѣть усилениую на опрорѣ гидравлическую машину, которая въ одну минуту черпаетъ по 600 пиппъ воды и снабжаетъ ею всѣ фонтаны въ городѣ. Она состоитъ изъ 8 насосовъ, раздѣленныхъ на двѣ системы, по четыре въ каждой, посредствомъ совокупнаго дѣйствія коихъ, вода собирается въ нѣсколькихъ водоемахъ, а оттуда распространяется по всему городу. Машина эта прежде окружена была деревянною башнею, на мѣсто коей недавно построена каменная.

Вышедъ на правый берегъ рѣки, мы слѣдовали по теченію ея, и нѣсколько минувъ упоиребили для осмотра работъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ пристають суда. Впрочемъ это не составляетъ еще главнаго шорга Женевцевъ. Богатство ихъ заключается болѣе въ вывозѣ собственннхъ издѣлій. Ихъ ювелиры и часовыхъ дѣлъ мастера донынѣ пользуются прежнею славою. Мы видѣли мастерскія Гг. *Пиге* и *Мейлана*, механиковъ и фабрикантовъ отличныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Мы рѣшились также воспользоваться однимъ изъ своихъ рекомендацельныхъ писемъ къ Г. *Ботту*, котораго въ Женевѣ считаютъ первымъ фабрикантомъ часовыхъ дѣлъ. Сей искусный механикъ принялъ насъ вѣжливо, и самъ показывалъ свои собственныя и товарищей своихъ мастерскія. Въ числѣ учениковъ, мы замѣтили много весьма способныхъ и занимающихся своимъ дѣломъ съ большимъ успѣхомъ. Хозяинъ ихъ указывалъ намъ пѣхъ, кои имѣли посредственныя способности, это напомнило намъ о Руссо, который подвергался пѣмъ же упрекамъ. Къ несчастію, ни въ одномъ изъ нихъ не таилось дарованія Автора *Эмилля* и *Новой Элоизы*. Г. *Боттъ* прибавилъ шутя, что если такъ, то мы найдемъ много великихъ людей, но мало часовщиковъ.

Держась правила, что надѣно сокращать посвященіе мастерской, дабы не останавивать работъ, мы разстались съ Г. *Боттомъ*, не сморивъ на его вѣжливостъ и просьбы остаться у него долѣе. Мы прошли нижнія улицы, сосѣднія съ лежащею позади Роны, гдѣ находилъ заведеніе Г. *Ботта*. Проходя чрезъ Моларову площадь, мы увидѣли ворота стараго города. Впрочемъ и безъ этого признака, намъ не трудно было узнать, что мы вступили въ старый городъ. Это легко опгадать по худой постройкѣ старыхъ городовъ. Единственннмъ вознагражденіемъ за скучный видъ сихъ мрачныхъ алей, сихъ шемныхъ и узкихъ улицъ служитъ то, что куда ни помотришь, вездѣ встрѣчаешь карпину дѣяшельности и прудолубія. Мы перешли всю нижнюю, пошомъ береговую улицу, до самыхъ воротъ того же имени и до Гессенскаго бастиона, откуда увидѣли недавно построенный исправительный домъ, по образцу находящагося въ Американскихъ Соединенныхъ Облостяхъ и Нью-Йоркской шюрмы, столь справедливо выхваляемой. Здѣсь-то Женѣва распредѣляетъ по разрядамъ и занимаетъ работою людей, отчужденныхъ временно отъ общества преступленіями. Въ семь, хорошо построенномъ зданіи, могутъ содержаться до 56 преступниковъ, такъ, что прежде бывшій Епископскій дворъ, который долгое время служилъ городскойю шюрмою, сдѣлался совершенно излишнимъ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

БѢДНАЯ МАТЬ.

Въ исходѣ Октябрия, когда наступили первые ушренники, все спѣшило съ дачъ въ Парижъ. Любя уединеніе, я оставилъ сію столицу и выѣхалъ за заставу.

Осень обнажила деревья; ихъ изсохшіе и пожелтѣвшіе листья кружились въ воздухѣ или съ шумомъ валились на землю; сырые туманы, сѣрою пеленою простершись надъ окрестностью, то поднимались, то опускались.

Прошло уже нѣсколько минувъ, какъ скрылся влѣвъ ошь меня Бельвиль. Будучи

въ грустномъ расположеніи, я шель медленными шагами, съ поникшею головою; успыя или глубокия размышленія, мрачныя и спрашныя мечпы, увлекли меня далеко отъ Сполицы, въ лучшей мірь.

Вдругъ раздался вопль въ ухахъ моихъ. Это былъ пронзительный вопль опчаянія, подобный надгробному плачу.

Я очутился близъ восточной спороны кладбища; дроги медленно везли покойника къ послѣдней его обихели; спорожъ свисшомъ сзывалъ могильщиковъ на работу.

Кладбище было пусто; изрѣдка вдали бродили, какъ тѣни, гуляющіе, скрывалась почти въ туманъ; это любовники, пришедшіе въ жилище мертвыхъ искать уединенія; они рѣзвились, смѣялись, говорили о любви, спупая по землѣ, устланной костями.

Могилы сѣмались для нихъ перасами; мудро ли, когда вѣтренныя сердца ищупъ однихъ удовольствій, однихъ цвѣповъ?

Я медленно поднялся на холмъ, на коемъ спояла часовня. Взойдя на верхъ, я сѣлъ на одну могилу. Откуда я обращалъ взоры во весь спороны.

Кладбище, Парижъ, окресиноспти его, все покрыто было необозримою тѣленою паровъ. Тяжелые туманы разспилались по землѣ. У ногъ своихъ я видѣлъ бѣлую плеву изморози; надъ головою моею безоблачное небо простиралось голубымъ шапромъ; вершина горы озмашаема была бѣдными лучами безжизненнаго солнца. Гордый Парижъ совершенно казался мертвымъ. Подобно усопшимъ, окружавшимъ меня, онъ казалось, почилъ вѣчнымъ сномъ. Туманъ волновался надъ кровлями домовъ его, какъ зыби моря, и столпъ на Вандомской площади, возвышался подобно бронзовой мачпѣ надъ симъ туманнымъ океаномъ.

Видъ сего новаго зданія между небомъ и землею, сей безлюдной вселенной, имѣлъ нѣчто возвышенное и печальное. Я былъ окруженъ ничтожествомъ, и мысли унылыя и веселыя попеременно тѣснились въ душѣ моей.

Внезапно громкій смѣхъ извлекъ меня изъ сего пріятнаго положенія. Умиленіе успуцило во мнѣ мѣсто негодованія. Я съ доса-

дою обратился въ ту спорону, откуда происходилъ хохопъ.

Это было въ самой опдаленной части кладбища, въ одной изъ долинъ его. Тамъ сидѣла на могильномъ камнѣ женщина съ бѣдными и впалыми щеками; глаза ея покраснѣли и опухли; слезы еще видны были на лицѣ ея. Однакожь хохопъ былъ ея, ибо она еще смѣялась.

Она увидѣла меня, отвернула голову, и пшанственнно приложивъ перспъ къ ушамъ, произнесла: «чу, молчи!» какъ будто она бесѣдовала съ невидимымъ пришельцемъ; «чу, здѣсь кто-то есть. . .»

Я приблизился: бѣдная женщина занялась своею работою; лице ея сѣмалось спокойнымъ; глаза были опущены.

Между тѣмъ подвнялся туманъ; уже нѣсколько минутъ, какъ онъ превратился въ мѣлкій дождикъ. Платье несчастной было мокро. Она окоспенѣла отъ холода. Волосы ея покрывались влажною рососою, и въ носинѣвшихъ рукахъ ея едва примѣтно двигались вязальныя иглы.

Это былъ живой образецъ спраданія и самоопверженія.

«Теперь очень холодно, сударыня, сказалъ я, вамъ невозможно оспаваться на опкрышомъ воздухѣ. Вы вѣрно дожидаетесь поварища, съ которымъ вы разговаривали?»

Бѣдная спраданница хранила молчаніе; потомъ женщина сія поспѣшно вспала, и указала перспомъ въ землю: «этомъ спущникъ здѣсь;» опвѣчала она, смотря на могилу.

На камнѣ изображена была надпись: «*Юлію Ренье, умершему на 19 году отъ рожденія, бѣдная мать его.*»

Увы! злополучная воображала слышавъ сына изъ глубины гроба; она бесѣдовала съ нимъ, смѣялась; она помѣшалась отъ материнской любви и горести.

Я спарался опвесить ее съ кладбища; она опвергла мои просьбы: «какъ, оставишь бѣднаго Юлія, до наступленія ночи! О, нѣтъ, сударь. . . намъ обоимъ вмѣстѣ такъ хорошо! . . . Если онъ останетса одинъ, то ему соскучится.»

Мимо насъ проходилъ спорожь кладбища; онъ равнодушно поѣввалъ пѣсни.

«Вы кажется безпокоишесь, сударь, объ эпой женщинѣ? сказалъ онъ шупливымъ пономъ. Оставыше ее; вы не первой ее угариваете.»

— Какъ такъ?

— «Съ шѣхъ поръ, какъ годъ тому назадъ умеръ сынъ ея, она по цѣлымъ днямъ сидитъ на его могилѣ, разговариваетъ съ нимъ; думаетъ, что онъ ей отвѣчаетъ... Ну, умора, да и только!.. Она приноситъ съ собою кушанье, и малюли еще дѣлаетъ разныхъ другихъ глупостей.—Ей все равно, она не боится холода.»

Несчастливая дрожала отъ холода.

Спорожь пошелъ далѣе, насвистывая самую веселую арію изъ водевилля.

Я не смѣлъ оторвать бѣдную мамъ отъ могилы ея сына; не смѣлъ разрушить обманъ, которымъ она была счастлива; но тревожился о ея здоровьи; мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ приставить къ ней надзоръ.

Я добѣжалъ за спорожемъ.

«Смошрѣшь за нею» сказалъ онъ, «ея родственники уже поручили ее моему попеченію. Она богата; родная ея»...

— Какъ же они позволяютъ ей...?

— «Они допускаютъ это по неволѣ. За полгода предъ симъ Г-жѣ Ренѣ запрещено было ходить на кладбище; ее запирали на антресоли; она выскочила изъ окна.»

При сихъ словахъ спорожь захохоталъ. Я удалился съ спѣшеннымъ сердцемъ.

Съ шѣхъ поръ каждую недѣлю посѣщала Г-жу Ренѣ, и всякой разъ находилъ ее на кладбищѣ, сидящею на могилѣ сына съ рабосою въ рукахъ.

Увы! однажды я не засталъ ее на могилѣ. Спрашиваю спорожа: отъ чего нѣтъ бѣдной мамери? не заперли ли ее опять? не лишилась ли она разсудка?

Спорожь прервалъ на минушу свою пѣсню, поднявъ громкій смѣхъ.

«Нѣтъ сударь, отвѣчалъ онъ поширая руки, она не помѣшалась, слава Богу... Но это все равно, сегодня она опять пожалуетъ на кладбище.»

Онъ обернулся и посмошрѣлъ вдоль аллеи, ведущей къ главнымъ ворошамъ кладбища.

«Да вошь и она!» вскричалъ онъ, указывая на дроги, кошорые медленно поднимались на гору.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗМѢНЕНІЕ.

Я въ дѣтствѣ дикъ былъ и угрюмъ;
Но мальчика онъ ласкали
И улыбаясь юный умъ
Заранѣ къ узамъ пріучали.
Мнѣ досаждалъ ихъ шумный кругъ;
Ихъ рѣзвыхъ шушокъ я спыдился,
Бѣжалъ какъ хищника ихъ рукъ,
И поцѣлуевъ ихъ спрашивался.
Не мѣла кровь въ груди моей
Когда станъ гибкій къ ней сключался,
И шелкъ вьющихся кудрей
Лица и успѣ моихъ касался.
Но наконецъ въ меня проникъ
Ядъ тонкій сладосныхъ лобзаній,
И женщины прекрасный ликъ
Зажегъ въ душѣ огонь мечшай.
Чтожь хитрья? — Что ихъ люблю,
Едва лишь я признался, спраспно —
Раздался смѣхъ: съ шѣхъ поръ гремлю
У ногъ ихъ цѣпью я напрасно.

А. Гльбовъ.

ШАРАДА.

Мой *первый* слогъ опасенъ покушеньемъ,
Второй зовушъ мѣспонменьемъ,
А *цѣлое* мое — лешающій крикунъ,
И хищникъ, и вѣщунъ.

Въ No 57 помѣщенная шарада значитъ: *Tu-venne.*

MODES.

Façon de Robes.—Nous n'avons rien à dire de nouveau.—Les jupes unies.—Des pélerines pareilles aux robes négligées.—Rondes ou à pans croisés.—Des pé-

лерияхъ à pointes decolletées pour celles plus habillées.

Nouveautés.—Pour le matin, négligé, chez soi, il ne se porte rien de mieux que les tissus à mille raies, basinés;—à dessins de fleurs jetées, un peu espacées.

Burty en a plusieurs pièces qui, parmi la nombreuse collection qui nous a été offerte, nous ont paru remarquables; entre autres, une feuille disséquée, minutieusement pointillée, d'une charmante teinte rose.

Un sablé violet avec des mouches oblongues disposées en quadrilles violettes et rouges.—Des barreaux lilas et noirs.—Et mille autres encore, dont le détail serait trop long.

Dans ce même magasin: une variété d'un goût extrême de mousselines de laine.

Un mot sur ces étoffes qui sont portées avec une exclusive distinction.—Ayant fort peu d'apparence elles n'ont point été adoptées de tout le monde, et sont restées parfaitement *comme il faut*.—La mousseline de laine est portée chez soi le matin; pour des courses en négligé; pour la promenade.—Elle est précieuse à la campagne où les toilettes sont simples.—Quand les soirées sont fraîches, qu'une robe de mousseline serait trop légère.

Aux eaux c'est une ressource de toutes les occasions.—La forme en fait un négligé, ou une parure de réunion.

Le tissu en est simple et fin.—Les couleurs sont vives et pures.

М О Д Ы.

Половой платье.—Нового сказать нечего.—Юбки гладкія.—Пелеринки изъ такой же матеріи къ проснымъ платьямъ.—Круглыя или съ концами, положенными крестіообразно.—Открытая пелеринка съ мысками, дѣлающъ платье наряднымъ.

Новости.—Дома, запросто, упрямъ ничего нѣтъ приличіе тканей, съ мѣлкими разноцвѣтными полосками, на подобіе каніфасовъ.—Или съ узоромъ изъ разбросанныхъ зеръдка цвѣтовъ.

У *Бюрти* между множествомъ намъ показываемыхъ кусковъ, мы замѣтили нѣкоторыя; между прочимъ, съ разрѣзанными листками, сдѣланными мѣлкими почками, прелестнаго розоваго цвѣта.

По мѣлкимъ фіолетовымъ крапинкамъ, продолговатыя мушки фіолетоваго и краснаго цвѣтовъ, расположенныя въ клѣтку.—Съ васильками лиловаго и чернаго цвѣтовъ, и множество другихъ, кошорые описывашъ подробно было бы слишкомъ длинно.

Въ томъ же магазинѣ множество разнообразныхъ и прекраснѣйшихъ шерстяныхъ кисей.

Скажемъ нѣсколько словъ о свѣхъ матеріяхъ, кошорыя въ особенномъ употребленіи.—Имѣя наружность весьма простую, онѣ не вошли въ общее употребленіе, и принадлежатъ къ отличной одеждѣ.—Шерстяную кисею носятъ упрямъ дома, выходя запросто, и на гуляньяхъ. Она очень хороша для деревни, гдѣ одѣваются просто.—И когда въ холодноватые вечера, обыкновенное кисейное платье было бы слишкомъ легко.

На водахъ такое платье можно надѣть во всякомъ случаѣ.—Покрой дѣлающъ его наряднымъ или проснымъ.

Ткань сія проста и тонка.—Краски яркія и чистыя.

С М Ъ С Ъ.

Когда повосишь ны своего недруга, размысли, что можешъ быть, онъ сдѣлается твоимъ другомъ

Любовная связь есть препровожденіе времени праздныхъ.

Дураки не знаютъ середины между лестною и ругательствомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 59.

Цѣна годовому изданію,
оспознающему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сказкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 25 дня, 1834 года.

Иной твердишь: *сижу за дѣломъ день и ночь!*

И подлинно сидишь, отъ мѣста не отходишь,
Да перья по пуспу съ бумагой переводишь.

Измайловъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ КАРТИНЪ ПРИРОДЫ.

... Ночь была дождливая, темная. Мѣсяць выплылъ изъ-за-тучъ и освѣтилъ купу деревъ. Сухіе, желтые листья, сквозь копорые сквозили лучи, казались изъ яркаго золота, а крупныя капли дождя горѣли на нихъ, какъ алмазы.

*

Заходящее солнце опразилось въ трехъ разныхъ изгибахъ рѣки, и, казалось, при солнца рядомъ горѣли... Но я пошелъ далѣе—и увидѣлъ настоящее солнце. Въ видѣ огромнаго круга пылало оно на самомъ краю горизонта: всѣ лучи его слились въ одинъ золотой столпъ, копорый ярко горѣлъ въ серебряномъ разливѣ водъ...

*

Изъ окна укромной сельской хижинны смотрѣлъ я на бурную картину ночнаго, осенняго неба. Сѣдыя, дымновидныя облака громоздились какъ горы: небо казалось имъ тѣсно... Багровая луна съ каждымъ мгновѣніемъ по шерялась, по выказывалась изъ-за-облаковъ; изъ копорыхъ длинными, красными чертами вырывалась зарево, въ видѣ густа-

го пламени; однимъ словомъ: все небо казалось подернутымъ пеленою изъ огня и дыма. Изрѣдка только показывался мѣсяцами темноглубой эвиръ, и звѣзды, какъ искры, сверкали... Между тѣмъ, на землѣ шумѣла влажная буря: она выплеснула всѣ окрестныя ручьи изъ береговъ и высоко вздула хребетъ рѣки... Въшерь колыхалъ густыя, пестрыя вершины яблонь, грушъ и другихъ плодородныхъ деревъ, и сухія волны ходили по нивамъ, еще недожатымъ...

*

Осеннія сумерки въ городѣ.

Всякое время имѣетъ свои пріятности: осень имѣетъ свои—особливо въ городѣ.

Холодная пора вызываетъ людей изъ окрестныхъ загородныхъ мѣстъ въ городскіе дома: она какъ будто дружитъ и сближаетъ разсѣянныхъ лѣтомъ.

Осеннія сумерки предшавляютъ для меня картину всегда живую, всегда занимательную. Солнце угасаетъ на холодномъ небѣ; сизый оплѣнокъ ложится на всѣ предметы; сквозь свѣдлыя окна домовъ миловидно блиспаешь освѣщеніе.

Весело въ это время, окушавшись плащемъ, гулять по площадямъ, по улицамъ большаго города; любопытно заглядывать, мимо-

ходомъ, въ ярко освѣщенныя лавки, гдѣ сіяетъ богатство, и въ укромныя приюты нижнихъ жильевъ, гдѣ мѣспитъ бѣдность съ своею всегдашнею заботой, съ своими налѣпными радостями!

Темноша какъ будто сгущается и постепенно спановишся темнѣе.

Не хочу заходить въ дома, гдѣ, рабъ приличія и моды, изъ пустой учтивости даешь приковывать себя къ каршочному сполу, гдѣ навѣрно проиграешь—время!

Иду все далѣе. Тамъ и тамъ весело сверкаютъ первые фонари, какъ первыя идеи въ головѣ человѣка, какъ первыя радости въ сердцѣ его.

Но вотъ, въ споронѣ опъ большой улицы, спойитъ величественный храмъ. Войдемъ. Множество свѣчъ зажеплено предъ Иконами, и лучи ихъ скользятъ, отражаясь, въ позолопѣ Иконъ.—Сквозь высокія, готическія окна видно сѣдое, беззвѣздное небо. Въ церкви такъ свѣтло и благолѣпно! Молясь празднику:

Всѣ, и богатый и бѣдный, и чиновный и нищій, споятъ на одной черпѣ. Всѣ равны предъ алтаремъ, какъ предъ закономъ. Какъ усердно они молятся!—Заботы и спраспи, суепсы и спрахи—сіи демоны, терзающіе человѣчество въ его гражданскомъ бышу—удержаны за порогомъ храма. Кажется, Ангелъ милоспи лепашетъ въ ароматномъ облакѣ и ласковымъ криломъ своимъ свѣваетъ грусть съ лица огорченного и муку опчаянія съ сердца кающагося.

И нищій возвращается въ свою хижину еъ богатствомъ вѣры: чѣмъ замѣнитъ ея дары незамѣняемые? Осенній вѣсперъ, погружая человѣка еъ самага себя, склоняетъ болѣе къ уединенію, къ молитвѣ сладкой и къ мыслямъ свашнымъ и высокимъ.

Ө. Глипка.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЬМА ГЕРЦОГА ЛЕВИЗА,

о Глазгофскомъ долпѣ ума лишенныхъ.

... Прочія изобрѣшенія свидѣтельспвуютъ о проницательности человѣколюбивыхъ начальниковъ сего заведения.—«Мы за-

мѣшили, говорилъ одинъ изъ нихъ, бывшій нашимъ вожатымъ, что нѣкоторыя слабоспи такъ глубоко вкорѣнились въ характеръ, что онъ пережили лишеніе ума. Въ женщинахъ, на примѣръ, все оспаается поже шщеславіе, таже спраспѣ къ уборамъ.» Мы воспользовались симъ замѣчаніемъ. «Видите ли, прибавилъ онъ, эту молодую женщину съ пріятною наружностью, сидящую на скамьѣ, въ концѣ аллеи (мы были въ саду)? Она любуется браслетомъ, оправленнымъ золотомъ и дорогими камнями, кошорый ни что иное, какъ кандалы; ибо въ ея положеніи надобно было сковать ей одну руку. Прежде, всякой разъ, когда надобно было употреблять сіе средство, дѣлалось это силою, и несчастные предавались печали и увывію. Съ тѣхъ поръ, какъ кандалы приняи видъ украшеній, наши больные ими забавляются и даже гордятся. Когда припадки бѣшенства усиливаются и нужно связывать обѣ руки, тогда надѣваютъ на нихъ муфту съ спальными обручами, кошорая сверху покрывается въ зимнее время мѣхомъ, а въ лѣтнее красивою шелковою матеріею; обманъ сей успокоиваетъ безумныхъ.»

... Трудно выразить, какое спранное впечатлѣніе производитъ на нравственное расположеніе лишенныхъ ума, видъ огня, или солнечныхъ лучей. Замѣчено, что осенью они спановились печальными и угрюмыми. Сіе расположеніе души нельзя было приписать уменьшенію теплоты: ибо, посредствомъ душниковъ, въ комнашахъ содержалась всегда умѣренная температура. Врачи придумали средство перемѣнить образъ топки. Въ спомъ печи поставленъ былъ каминъ и въ ономъ разведенъ большой огонь. Сумасшедшіе топчасъ окружили его съ веселымъ и довольнымъ видомъ. Они какъ будто оживились подобно растѣніямъ, распускающимся опъ лучей солнца. Послѣ сего удачнаго опыта, надлежало шолько взять нужныя предосторожности для опвращенія несчастныхъ случаевъ. Для сего устроена желѣзная рѣшетка въ видѣ очажнаго колпака, запирающаяся на замокъ, опъ кошораго ключъ находится у Надзирателя.

Не думайте, мой почтенный Докторъ, чпобы можно было воспользоваться сими Шопландскими изобрѣшеніями для улучшенія участи лишенныхъ ума во Франціи, въ коихъ я принимаю тѣмъ болѣе участія, чпо ни какъ нельзя предвидѣть всѣхъ случаевъ. Я не менѣе беспокоюсь и о врачахъ, имѣющихъ дѣло съ больными сего рода. Для собственнй безопасности, первымъ надобно наблюдать большую осторожность въ обхожденіи съ послѣдними. Вотъ, что рассказывалъ мнѣ почтенный Директоръ Глазгофскаго дома лишенныхъ ума: «Главный врачъ, котораго мы недавно лишились,—говорилъ онъ,—былъ человекъ съ дарованіями и спрочно любилъ свое искусство. Онъ въ особенности занимался пользованіемъ оптъ помѣшательства ума, и исправлялъ свое дѣло, какъ говорятъ Испаліанцы, *con amore*. Онъ не довольствовался вседневымъ посѣщеніемъ больныхъ; чпобы лучше наблюдать ходъ ихъ умственной болѣзни, онъ часто проводилъ цѣлыя часы въ обществѣ ихъ, кои начинали приходиль въ разсудокъ. Полагаясь на власть свою надъ ними, которая легко пріобрѣтается швердымъ и вмѣстѣ нѣжнымъ обхожденіемъ, онъ забывалъ всякую предосторожность. Небрежность сія сдѣлалась бы для него гибельною, еслибъ не спасло его одно шолько присутствіе духа. Однажды нѣсколько выздоравливающихъ больныхъ жаловались ему, чпо ихъ кормятъ дурною похлѣбкою. Желая удостоверитьсь въ справедливости ихъ жалобъ, онъ пошелъ съ ними въ кухню, гдѣ кипѣлъ огромный котелъ. Вдругъ одинъ изъ сумасшедшихъ, дюжій дѣтина, подошелъ къ нему и,—посмотрѣвъ на него сверкающими глазами, показывающими начало припадка бѣшенства, сказалъ ему: «Докторъ, вы дородны и жирны: я увѣренъ, чпо изъ васъ выйдетъ прекрасная похлѣбка. Попробуемъ!» Товарищи его захопали въ ладоши и окружили медика; они уже подняли его и уже совсѣмъ готовились кинуть въ котелъ, когда онъ хладнокровно опвѣчалъ имъ: «поспойте, ваша мысль прекрасна; но вы забыли, чпо плашь мое испорчиль бульонъ! Прежде всего я пойду и раздѣнусь.» Сія слова сумасшедшимъ

показались дѣльными, и они выпустили его изъ кухни.» —

Сей небольшой анекдотъ забавенъ и даетъ пищу мыслямъ: онъ напоминаетъ мнѣ о другомъ, который нѣсколько разъ слышалъ я опъ одного важнаго человека, большаго разскащика. Онъ сказывалъ, чпо въ одномъ Французскомъ городѣ, коего названія я не упомяну, надъ домомъ сумасшедшихъ усроенъ былъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный видъ. Вожатаемъ любопытныхъ посѣщителей по сему бельведеру былъ сумасшедшій. Съ давняго времени не обнаруживались въ немъ признаки безумія, а потому и заключили, чпо онъ совершенно излѣчился. Это былъ человекъ рослый и сильный. Однажды случилось ему взвести на бельведеръ путешественника, очнь пожилаго и хилаго; вдругъ вожапый его, въ кошоромъ возобновились прежніе припадки, схвативъ его за воротъ, сказалъ: «я брошу васъ черезъ перилы. Мнѣ любопытно знать, во сколько времени вы долепите до низу.»—Оставъ меня, возразилъ спаричокъ, освобождаясь изъ рукъ сго, я покажу тебѣ шшуку, гораздо удивительнѣе. Останься здѣсь, я сойду на дворъ и снизу вспрыгну на терась. Сказавъ сіе, онъ посѣшно спустился съ лѣстницы, и оснавиль на верху сумасшедшаго дожидаться новаго чуда.

Какой счастливый даръ — присутствіе духа!

ДОМЪ НАПОЛЕОНА ВЪ АЯКЧІО.

Якорь брошенъ, мы очутились среди пышнаго залива Аякчіо, подъ небомъ, шполь же чиспымъ, какъ Неапольское; передъ нами возвышается городъ уступами. «Выдемъ на берегъ: какіе прекрасные и огромные дома; изящная архитектура ихъ напоминаетъ о великолѣпныхъ памятникахъ Испаліи. Вотъ, сказалъ Капшанъ, домъ, построенный Посланникамъ.—Неправда ли, чпо отечество всегда удерживаетъ права свои, не смотря на политическіе происки? А это необъяпное зданіе?—Оно принадлежиль десяти штысячамъ семействъ; каждое изъ нихъ участвовало въ построеніи онаго, и имѣеть въ немъ

свое жилье. Одинъ ярусъ составляетъ собственность двухъ или трехъ хозяевъ.»—Но, Г. Капитанъ, любопытство влечетъ насъ къ другому предмету.—«Понимаю; оставимъ сію широкую набережную и повернемъ въ эту кривую улицу. Въ то время, когда вступилъ сюда первый намѣстникъ Франціи, здѣсь не было того, чему вы теперь удивляетесь, и домъ, который мы намѣрены посѣтить, былъ лучшимъ въ городѣ.»—Въ самомъ дѣлѣ? Насъ увѣряли въ противномъ.—«Васъ обманули; цѣлый островъ готовъ опровергнуть сіи клеветы. Впрочемъ, загляните въ общественный архивъ, вы найдете тамъ подлинный актъ, который стоитъ извѣденныхъ червями грамотъ вашихъ дворянъ. Я говорю о постановленіи, относящемся къ XIV столѣтію, по которому жители избрали двѣнадцать начальниковъ, для предводительствованія ночными разъѣздами, тогда, какъ мы столь мужественно описывали свою независимость противъ Генуэзцевъ. Бывшій въ то время главою сей фамилиі принадлежалъ къ числу тѣхъ двѣнадцати храбрыхъ предводителей.»

Но гдѣ же домъ, Г. Капитанъ, въ который вы насъ ведете?—«Взгляните вправо; видите ли трехъ-этажный желтый домъ о четырехъ окнахъ въ каждомъ ярусѣ, съ выкрашенными недавно ставнями? это онъ...» — Кію же насюущій владѣлецъ онаго? — «Почтенный старикъ, нѣсколько брюзгливый на счетъ мѣръ правительсва и болтливый, единственный членъ сей фамилиі, живущій на семъ островѣ, впрочемъ весьма обходительный съ иностранцами, любопытство коихъ видѣть его жилище, кажется ему всегда удивительнымъ. Онъ приметъ васъ очень хорошо... Да вотъ онъ и самъ споймъ у воротъ; вѣроятно онъ вышелъ, по своему обыкновенію, посмотреть новыя украшенія, сооружаемыя въ нашемъ городѣ, похвалитъ работы и побранитъ рабочихъ.»

Мы подошли къ хозяину; онъ встрѣтилъ насъ радушно, и вызвался быть нашимъ Чичероне. Мы вступаемъ въ домъ; онъ ведетъ насъ въ просторныя залы, красиво убранныя въ новѣйшемъ вкусѣ. «Я долженъ просить у васъ, господа, извиненія, сказалъ

онъ; можетъ быть теперь мода переменилась; вы Парижскіе жители, и глаза ваши привыкли видѣть иную мебель, передъ которою эша ничтожна, какъ старина. Впрочемъ, она была лучшею въ 1818 году; я выбралъ ее самъ, когда мои сограждане назначили меня депутатомъ.»

Мы скрыли свое удивленіе и истощались въ увѣреніяхъ, что нельзя видѣть ничего лучше, что никогда не могутъ выйти изъ моды вещи, съ такимъ вкусомъ отдѣланныя; но... «Понимаю васъ, сказалъ онъ, стараясь скрыть нѣсколько язвительную улыбку; вы хотите видѣть мое старье, которое существуетъ уже болѣе 50 лѣтъ: я приказалъ убрать его на верхъ, вы его увидите. Между тѣмъ, вотъ комнаты моей Августѣйшей сестры Императрицы Матери. Вотъ мѣсто, откуда возникъ распадникъ царей.—Вотъ комната того, который самъ себя обязанъ величіемъ, и который одинъ возводилъ другихъ на ступени Государей, помѣтивъ ихъ на ступеняхъ своего прона. Здѣсь-то пропекли первые лѣта его жизни, до тѣхъ поръ, когда по милости намѣстника онъ принялъ былъ въ Бриеннѣ. Но слѣдуйте за мною, я вполне удовлетворю ваше любопытство.»

Мы поднялись въ самый верхній ярусъ дома. Хозяинъ приведя насъ на чердакъ, показалъ намъ вѣхкіе кресла и самый простой столъ орѣховаго дерева, почти совсѣмъ изрѣзанный. «На этой старой мебели, сказалъ онъ, началъ ученіе свое шопъ, который дѣсять лѣтъ былъ нашимъ Государемъ; вы видите, что любопытныхъ очень много, и что они оставили слѣды своихъ посѣщеній. Послѣдуйте примѣру ихъ, если вамъ кажется, что это стоитъ труда.» Мы воспользовались симъ дозволеніемъ, и каждый изъ насъ опрѣзалъ себя кусокъ дерева.

Спустя два мѣсяца, когда мы уже готовились опплыть на твердую землю, я опять былъ въ семъ прославившемся домѣ. Старыхъ креселъ и стола уже не было. Я узналъ, что хозяинъ подарилъ ихъ нашимъ соотечественникамъ, и что сей драгоценный залогъ, переплывъ моря, перевезенъ во Францію.

А Л Б О М Ъ Ж Е Н Щ И Н Ы .

(Продолженіе.)

Сомнѣніе оставляетъ въ сердцѣ друга мѣсто для боязни, которая истрепляетъ первое.

Вообразите себѣ возможное на землѣ счастье, повящите о немъ всегда будете смѣшано съ уныніемъ, раждаемымъ вѣрою. Каково бы ни было искушеніе перваго человѣка, мы не можемъ утверждать, чтобъ оно не было стремленіемъ къ безконечному. Какое пиршество, какое упоеніе, какой снрастной поцѣлуй прелестной женщины, не оставляетъ послѣ себя горечи въ устахъ! Какія наслажденія въ свѣтѣ не заспаляютъ насъ желаніемъ увидѣть небесныя селенія!

Не правда ли, что опасность, которою угрожаютъ вамъ остріе кинжала, обращеннаго къ сердцу, и любовь, которая почти тоже, что поле сраженія, имѣютъ свою пріятность тамъ, гдѣ искренно можно сказать женщицѣ: «я люблю тебя болѣе жизни;» потому, что иногда оставляютъ ей жизнь у ворогъ ея дома.

Надежда заглушитъ совѣсть естъ пустая мечта.

Когда истина воспаляетъ свой свѣспильникъ, тогда люди напрасно подражаютъ дѣламъ, запыкающимъ уши и зажмуривающимъ глаза во время бурной ночи. Молнія смѣется произвольной слѣпотѣ также, какъ истина безмолвію, которое служило для ней ничтожною преградю.

Нѣтъ ничего позорнѣе измѣны! Осыпѣте поцѣлуями, гонюясь поразить кинжаломъ; льстите своей жерпвѣ; поддерживайте слабаго для того, чтобы ввергнуть его въ пропасть; играйте клятвою; принимайте благодѣянія отъ тѣхъ, которыхъ умышляете продать пошломъ; это послѣдняя степенъ позора, верхъ безчестія!

Любовь заступается мѣсто спокойствія въ сердцѣ.

Безчестіе унижаетъ, презрѣніе вредитъ.

Свѣспъ великъ. Кто хочетъ жить въ неизвѣстности, тому далеко ходить не нужно, часто одна перегородка разделяетъ существа, которые рождены другъ для друга.

Уединеніе имѣетъ свои удовольствія, свое спокойствіе, свое счастье.

Мущина, который прощаетъ, кажется намъ нѣсколько слабымъ; непримиримая женщина напротивъ унижаетъ себя.

Есть положенія въ жизни, которыхъ не должно упускать изъ вида, чтобы правильно судить о поведеніи другихъ.

Безпрестанно привуждать себя; спрашивая движеніемъ руки обнаружить свое согласіе; вспрѣпятъ взоръ, который ищетъ вашего; объясняться намѣками, когда сердце полно и изъ устъ вырываются пламенные вздохи; наконецъ, выдумывать тысячу предлоговъ къ ревности, отъ того только, что слы ревнивецъ; это состояніе мучительное; это значить мечтать о небѣ, терзаясь въ адѣ!

Одно слово, одинъ поступокъ, самая маловажная вещь, ведутъ къ большимъ открытіямъ; хитровѣ имѣетъ свои предѣлы, ложъ свой конецъ. Самая наружность пайны измѣняетъ ей; излишнія предосторожности обличаютъ ее; пресступники, воображая, что они искусно умѣютъ все вывѣдать, сами всегда умножаютъ случаевъ для своей гибели; они, такъ сказавъ, ищутъ ее.

Неужели вы думаете, что доброе намѣреніе независимо отъ ложныхъ понятій? Развратъ не естъ ли поступокъ совершенно произвольный и обдуманый?

Еслибъ вы знали, какъ дорого платитъ за свою увѣренность шопъ, кто сдѣлался жертвою измѣны, и сколько добродушіе приносятъ огорченій! Я понимаю Каина!.. Палачъ ничто; онъ колесуетъ кости, а не сердце. Погибнуть отъ руки другаго, этого мало; но я, я самъ себя казню.

Люди, которые проводятъ жизнь за двойною стѣною, одарены желѣзными сердцами. Имъ незнакомы снрастни, но они изобрѣли слова, коими очерняютъ ихъ, осуждаютъ нѣвѣрность и превозносятъ искреннюю привязанность; они щедры на правила, но жестоки къ послѣдствіямъ; требуютъ, чтобы человекъ жилъ въ обществѣ, и терзаютъ его, когда онъ подвергается неизбѣжнымъ слѣдствіямъ сего состоянія.

Я не перплю Ироніа; это лишняя упорченность злова ума. Въ ней не представляется ничего опкровеннаго, кромѣ глупости и клеветы.

МОЛОЧНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Мы обязаны Г. Гумбольдту открытіемъ любопытнаго дерева, известнаго подъ названіемъ: *Молочнаго*; оно производитъ очень хорошее молоко и находится въ провинціи Венецуеллѣ.

Года за два передъ симъ, Г. Фаннингъ, Директоръ Каракскаго сада, привезъ въ Европу нѣсколько корней сего дерева; они продавались по 25 лудоровъ каждый. Самой большой изъ нихъ увѣнчанъ наградою на Нидерландской выспавкѣ.

Нынѣ кажется, что не одно открытое Г. Гумбольдтомъ дерево имѣетъ свойство производить хорошее и питательное молоко. Г. Джемсъ Смитъ, въ письмѣ своемъ къ Г. Джемсону въ Единбургъ, сообщаетъ, что въ одну изъ своихъ поездокъ къ берегамъ рѣки Демерари, онъ нашелъ другое дерево, производящее годное для питья молоко. Когда дерево сіе было срублено и упало въ ручей: то вода отъ молока приняла бѣловатый цвѣтъ. — По разрѣзаніи ножемъ коры его, вышло большое количество молока; оно было весьма жирно и гораздо гуще коровьяго, но безъ горечи; подливъ его въ кофе, нельзя различить съ первымъ.

Есть еще, издавна известнае подъ именемъ *Непенѳа* (*Nerenthes*); растѣніе, которое составляетъ важную рѣдкость въ растительномъ царствѣ: на оконечности листьевъ оно имѣетъ покрывала (мѣшечки), наполненные водою, которая можетъ служить къ утоленію жажды путешественниковъ. Давно уже открыто было другое дерево, имѣющее сія мѣшечки въ видѣ лейки. Докторъ *Валлишъ*, Директоръ Калькутскаго сада, Авторъ превосходнаго сочиненія объ Индійскихъ растѣніяхъ, недавно прислалъ нѣсколько экземпляровъ сего дерева.

О ключахъ прѣсной воды на днѣ морсколь.

Ключи сіи находятся къ Сѣверо-Востоку отъ острова Барайна, также въ Западной и Сѣверной споронахъ отъ острова Арада, въ Южной части Персидскаго залива. На островѣ Арадѣ они выходятъ изъ подъ соленой воды, глубиною на 1, 2 и 3 шоаза. Песокъ сихъ низкихъ острововъ состоитъ изъ разбитыхъ раковинъ и коралловъ. Ближній, возвышенный берегъ Персіи, около мыса Вердистана, въ Конгоо, Ассилоо и проч. состоитъ изъ массы чернаго, грубаго мрамора и гипса. Въ 20 миляхъ болѣе къ Западу отъ Барайна, край близъ Элькапифа, довольно возвышенъ. Къ Востоку отъ Барайна, всѣ берега песчаны и весьма низки до самыхъ Муссендомскихъ горъ.

пер. В. Сополовъ.

ВАРВАРСТВО РАЗБОЙНИКА.

Въ одномъ Корсиканскомъ селеніи случилась однажды свадебная пирушка. На дворѣ было уже очень поздно. Родители и знакомые новобрачныхъ забавлялись пляскою: вдругъ является Ашаманъ разбойничьей шайки *Гаспарони*, съ нѣсколькими поварищами: «не оспалось ли для насъ чего нибудь отъ свадебнаго обѣда?» — Ни крошки! — «Посмотримъ.»

Онъ нашелъ цѣлый ужинъ, пригопшвенный для гостей. При семъ видѣ брови его нахмурились.

— «Какъ, опказашъ въ ужинѣ Ашаману *Гаспарони* и поварищамъ его въ день свадьбы? Довольно! Молодая должна идти за мною. Если она нужна тебѣ, прибавилъ онъ, обращай къ ея мужу: то послѣ завтра пришлешь мнѣ выкупъ боо ефимковъ. Иначе ты ее никогда неувидишь.»

Всякое сопротивленіе было бесполезно. Гости, пораженные ужасомъ, видѣли, какъ несчастную вырвали изъ объятий мужа, и не смѣли пошевелиться. *Гаспарони* увелъ ее въ горы.

На другой день, несчастный молодой человекъ, собравъ, съ помощію друзей своихъ, требуемую за выкупъ сумму, поспѣшилъ съ однимъ изъ своихъ работниковъ

Ашаманъ, имѣя уже выкупъ въ своихъ рукахъ, повелъ посланнаго въ пещеру, гдѣ бѣдная новобрачная привязана была къ дереву, съ связанными назадъ руками.

— «Ты пришелъ сюда за женою своего хозяина?» сказалъ Ашаманъ: «я сдержу слово.»

Онъ выхватилъ длинный окровавленный кинжалъ и поразилъ въ сердце невинную жертву. Ударъ былъ такъ силенъ, что булатъ прошелъ насквозь.

— «Теперь отнеси ее къ хозяину, и пожелай ему счастливаго супружества; да скажи ему, чипобы онъ на второй свашьбѣ принималъ радушнѣе своихъ гостей.»

Успрашенный работникъ отнесъ трупъ хозяйки домой. При видѣ бездушнаго тѣла, злополучный мужъ грянулся объ полъ и испустилъ духъ.

Гаспарони, преслѣдуемый сыщиками, оставилъ Корсику и удалился въ окрестности Террачини, съ небольшимъ числомъ оппорбнѣйшихъ разбойниковъ изъ своей шайки.

Онъ попадался нѣсколько разъ, но всегда ускользалъ, и эпою удачею, какъ говорятъ, онъ былъ обязанъ приверженности одного мальчика, своего крестника. Ребенокъ сей, не уступая въ звѣрствѣ Ашаману, превосходилъ его хитростію. Съ семилѣтняго возраста, онъ никогда не оставлялъ его. Онъ безпрестанно былъ на спорожѣ, хотя никто изъ шайки не думалъ объ опасности. Всѣ старанія усыпить его бдительность были бесполезны. Онъ пребылъ вѣренъ Ашаману и умеръ, защищая его. — *Гаспарони* и шеперь его оплакиваютъ.

Голова сего мальчика въ желѣзной кльпкѣ выставлена была въ Римѣ на ворошахъ крѣпости св. Ангела.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОКРОВЪ СВ. БОГОРОДИЦЫ.

Она идетъ по облакамъ,

Она окинешь міръ покровомъ,

Она посредницею намъ,

Она искупишь землю словомъ!

Тамъ, тамъ съ Младенцемъ на рукахъ

За Русь Пречистая въ моленьи —

И милость свѣплая въ очахъ,

И смерть бѣжитъ ея воззрѣнья!

Чего боитесь? — День чудесъ!

Когда дѣшею покинешь маперь? . .

Межь насъ и карюю небесъ

Въ слезахъ возстала Богоматерь.

Якубовицъ.

С H A R A D E.

Mon premier sert dans les tripots;

Mon second se met sur le dos

D'un animal d'humeur mutine;

Dans la plus simple question,

Parfois pur un oui, pour un non,

Mon entier prend son origine

Le plus souvent sans rime, ni raison.

Въ No 58 помѣщенная шарада значить: *Воронъ.*

M O D E S.

De tous les châles d'été qui se font, une seule sorte est encore très-distinguée.—Ce sont les cachemires unis, imprimés en mosaïques, de six quarts de long.—Carrés.

D'autres on paru, en grenadine unie ou imprimée, en tissus de laine, à raies ou à fleurs. Mais la comparaison ne peut pas s'établir.

De jolis tabliers sont en gros de Tours, glacé.— Cette étoffe a un soutien extrême, peu brillant.

Méubles et objets nouveaux. De charmantes petites tables pour placer dans un salon de travail ou une chambre à coucher, sont carrées, dans le genre des étagères.— Dans la hauteur sont des rayons.— Le dessus est un pupitre de maroquin, qui se lève et s'abat.— A droite et à gauche est une petite tablette, qui se tire afin d'agrandir la table lorsque c'est nécessaire.— Et un tiroir qui est destiné à recevoir de l'encre, de la poudre, du papier, etc.

Ce petit meuble nous a été montré confectonné avec grand soin, sous le nom *d'indispensable*, chez Alph. Giroux.

Le service de table, en cristal, est d'un genre tout opposé à celui qui se faisait précédemment.— Les carafes étaient massives; taillées à lourdes tailles.

Aujourd'hui, entière différence il semble que le moindre choc va briser ce verre fragile dont le poids est à peine sensible.— Les carafes sont de formes ron-

des, comme un globe; le gouleau long et étroit s'élève sans sinuosités. — Le cristal est mince comme un papier, il n'y a point de fond épais; autour du globe, au bas, est une légèrè gravure en guirlande.

Les verres sont également légers; à pied: — Le calice est arrondi. — Le montant à peine plus gros qu'une paille.

М О Д Ы.

Кашемировые, гладкіе, четверугольные плашки, печатные мозаиками, въ полтора аршина величины; изъ всѣхъ лѣшнихъ шалей и плашковъ, до сихъ поръ почитаются отличными.

Показались еще другіе, гренадиновые гладкіе или печатные; также и изъ шерстяныхъ тканей, полосатые и съ цвѣтами. — Но съ первыми не можно ихъ сравнить.

Дѣлаютъ красивые передники изъ двуличневаго гро-дѣ-пура. — Машерія чрезвычайно плотная и имѣющая мало блеска.

Мебели и новыя предметы. — Весьма красивые небольшіе, четверугольные столики, въ родѣ эшажерокъ, для рабочихъ кабинетовъ или спальни. — До верху полки. — Сверху сѣбянный пулчешъ, который подымается и опускается. — Съ права и съ лѣва по небольшой дощечкѣ; онъ выдвигается, если столикъ нужно увеличить. — Есть еще ящичкѣ для чернилъ, песку, бумаги и прочаго.

Эту небольшую мебель, показывали намъ, сѣбянную съ великимъ шщаніемъ; подъ названіемъ *необходимой* (indispensable), у *Альфрѣдса Жиру*.

Хрустальные, споловые приборы дѣлаютъ совсѣмъ иначе, нежели предъ симъ. — Карафины были тяжелые, граненые крупной гранью.

Нынѣ совсѣмъ другое; кажется, что брѣнное сіе стекло разлетится на части отъ малѣйшаго прикосновенія; тяжесть его едва чувствительна. — Карафины дѣлаютъ круг-

лые, какъ шаръ, горлышко узкое и длинное безъ изгибовъ. — Хрусталь полциною въ бу-мажный листъ; дна толстаго нѣтъ; вокругъ шара, къ низу, легкая рѣзная гирланда.

Рюмки также чрезвычайно легки. — Чашечка округленная. — Ножка едва ли толще соломенки.

С М Ъ С Ъ.

Варварскій обычай Индѣйцевъ.

Между нѣкоторыми горами и жителями прибрежныхъ мѣстъ въ Индіи существуетъ родъ ужаснаго состязанія. Оно состоитъ въ томъ, чшобъ превзойти своихъ соперниковъ въ перенесеніи жесточайшихъ мученій и смерти, приводящей въ содроганіе зрителей, не обнаруживъ ни малѣйшаго чувства справедливій. Недавно одинъ изъ горцевъ предложилъ подобный вызовъ жителямъ долинъ. Множество прибрежныхъ жителей собралось на сіе безчеловѣчное позорище. Индѣецъ велѣлъ согнуть одно камышовое дерево и привязавъ волосы свои къ вершинѣ онаго, сказалъ противникамъ: «смотрише, я однимъ махомъ опрублю себѣ голову эшой саблею; вы опустите верхушку дерева, и увидите, какъ голова моя взлеститъ съ громкимъ смѣхомъ.» Онъ въ самомъ дѣлѣ опрѣзалъ себѣ голову, которая поднялась на верхъ; но Индѣйцы не слышали смѣха, вопреки ожиданію своему. Впрочемъ никто не отважился превзойти горца въ семъ случаѣ, и онъ признанъ побѣдителемъ.

Безпристрастный восхищается прелестями прекраснаго пола, плѣняется ею, очарованъ ею; но женщину почитаетъ женщиною. Влюбленный называетъ красавицу — Гурією, вѣсною Пери, Ангеломъ и даже — божествомъ!

Разсужденіе есть ничто иное, какъ сплѣсеніе мыслей, одна отъ другой зависящихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 60.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 29 дня, 1851 года.

Мы все учились по не-многоу
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

Первая картина.

«Что за чудный городъ—Парижъ!... Лавки въ немъ походятъ на храмы. Конторы изукрашены шочно какъ алтари. Огромная эпа столица изящныхъ искусствъ превращена въ вертепъ пороковъ. Природа, добрая природа, ты навсегда изгнана изъ Парижа! Милая сельская невинность, проспитиа родимой хижинѣ, я спосковался по васъ—мнѣ здѣсь душно, тошно.»

Такъ, сквозь зубы бормоталъ, прогуливаясь по Сенмаршинскому бульвару, одинъ мудрецъ, прѣхавшій наканунѣ въ колымагѣ (en palache) изъ провинціи въ Парижъ, въ подшпюмъ фризовомъ кафтанѣ, въ брюкахъ изъ плюща шабачнаго цвѣта, въ кожаныхъ щиплепахъ, въ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями.

Чудакъ нашъ еще не брился съ самаго своего прѣзда въ Парижъ, а надобно было обрить бороду: съ эшою великою цѣлью зашелъ онъ въ магазинъ, коего передній фасъ голубаго цвѣта, являлъ за стеклами цѣлый приборъ скляночекъ, щепочекъ и разнаго сорпа помадъ и духовъ. Онъ обратился къ хозяйкѣ сего дома: «Не можете ли вы мнѣ, государи-

ня моя, указать цирюльню?» Въ эшой части города нѣтъ цирюльни. Найдете ихъ, можете статься, въ грязныхъ переулкахъ предмѣстій, или на Сен-Мишельскомъ мосту. Однако, если вамъ благоугодно, сударь, вы можете взойти въ магазинъ и здѣсь васъ выбрѣютъ. «Какимъ же эшо образомъ? вишь здѣсь нѣтъ цирюльничковъ?»—Мы Арписисты, посвятившіе себя изящнымъ искусствамъ, а въ особенно-сти щипательно занимаемся чистотою лицъ и симетрическимъ расположеніемъ головъ. Посему-по двойному званію мы за честь себѣ посчитаемъ обрить вашу бороду. Какого желаете мыла, à la maréchale, розоваго, à la jonquille? — «Марсельскаго мыла, нельзяли?»

Тогда щегольски разодѣшый Арписистъ съ особыми ужимками зашкнулъ и подвязалъ подъ подбородокъ нашему бородачу шонкую, узорную салфетку, намазалъ ему лице душистымъ мыломъ—и свѣтлою бризвою обрилъ его. Бѣлорумяная женская ручка обшѣрла ему лицо духами.

— «Милая сельская невинность, проспити родимая хижина, вы опсеода далѣко, далѣко!»

Окончивъ сію важнѣйшую часть псуалепа, Художникъ сказалъ: позволите ли замѣтить вамъ, Милостивый Государь, что волосы ваши всклокочены, пахнутъ саломъ и

ваша голова похожа на спогъ сѣна. Это обезображиваетъ благородное чело ваше, придаетъ дикій видъ вашей величественной физиогноміи. Мое искусство къ вашимъ услугамъ, я въ полномъ вашемъ распоряженіи: приказывайте! Хотите ли, чтобы я обстригъ васъ à la Titus, à la Caracalla?—«Нѣтъ... Это слишкомъ модно.»—A la Duc d'Orléans?—«Согласенъ.»

—То-то будетъ раздолье моимъ ножницамъ!

Нашъ цирюльникъ взглянулъ зависплыми окомъ на длинныя, прекраснаго цвѣта волоса, завившыя по спарияному, съ косою на затылкѣ у нашего деревенскаго жителя, и положилъ въ душѣ ихъ подпирить. Но, чтобы сей не спохватился и не помѣшалъ его кражѣ, онъ далъ ему въ руки цѣлую пеперадь карриашуръ, копорья спалъ нашъ чудакъ разсмапривашъ съ шакимъ вниманіемъ, что и не слыжалъ, какъ его англизировали. Взглянувъ въ зеркало . . . зѣвака испугался. . . «Боже мой!» воскликнулъ онъ жалобно: «я пеперь спалъ шочный пудель. Гдѣ же моя шолсшая коса?»—Я ее бросилъ въ помойную яму. Но не плачьте, Милоспивый Государь, мы постараемся заспавить васъ забыши свою гадкую, вѣшхозавѣпную косу. Вопль вамъ парикъ à la faufan съ двумя репаншврами en tige-bouchon и два аккрошь-кѣра, копорья прѣлеспнѣйшимъ образомъ сольются съ вашими баккенбардами: вы будете прѣлеспны, плѣнительны.—Говоря это, Аршиспъ нѣжною рукою надѣлъ на него парикъ и убралъ по законамъ власочесательнаго искусства, а цирюльница. . . . Аршиспка, хотѣлъ я сказать, воскликнула отъ восхищенія «Ахъ, какъ вы похорошѣли! какая Римская профиль! позвольте мнѣ обнять себя!»

—«Милая невинность сельской жизни, любезная проспота родимой хижины!» мыслить про себя нашъ добрый провинціалъ.

Онъ расплапился и побрѣлъ далѣе по булевару, осмаприваясь на обѣ спороны.

Вдругъ онъ оспановился. . . . Его поразила надпись золотыми буквами на вывѣскѣ одной лавки: «C'est ici qu'est le temple des plaisirs. . . .»

(Продолж. въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ.

(Повѣсть Гофмана.)

Буря, предвѣстница скорой зимы, ярспно бушевала; изъ мрачныхъ тучъ шумными пошюками лился дождь съ градомъ.

«Сегодня»—сказала Полковница Г. . . . своей дочери Анжеликѣ—«сегодня никто къ намъ не будетъ; кому охота выгѣзжать со двора въ шакую погоду. Ахъ, еслибъ шолько опецъ швой поскорѣй возвратился.»—Въ эту минушу вошелъ Роммиспръ Р. . . . . Вслѣдъ за нимъ молодой Адвокатъ, любезный весельчакъ и оспроумецъ, копорый былъ душою общеспва, по чепвергамъ собиравшагося въ домъ Полковницы. Эпаго было довольно, какъ замѣшила Анжелика, чтобы соспавить домашній кругъ, копорый вполне могъ замѣнить большое общеспво.—

Въ залѣ было холодно; Полковница приказала развеспи огонь въ каминѣ и пододвинуть поближе къ нему чайный столъ: «васъ, Госнода, сказала Полковница, копорые показали на опынѣ истинно рыцарскій духъ, прѣхавъ къ намъ не смотря на бурю, градъ и дождь, я не смѣю подчивашъ нашимъ бездушнымъ, вялымъ чаемъ; для васъ мамзель Маргарита пригоспвитъ другой напишокъ, копорый очень кспаши Русскіе называютъ живилепемъ сѣверныхъ сердецъ; это лучшее средство отъ всякой непогоды.»

Явилась Маргарита, молодая Француженка, собесѣдница Анжелики, и начала разливашъ чай.

Самоваръ шипѣлъ, пуншъ дымился, огонь прѣщаль въ каминѣ; всѣ усѣлись вокругъ столика. Внезапно какая-то дрожь пробѣжала по плечамъ собесѣдниковъ; за минушу предѣшпѣмъ, расхаживая взадъ и впередъ по залѣ, они весело и громко разговаривали, но вдругъ воцарилась тишина, и въ это мгновение, съ новымъ порывомъ бури раздался въ трубѣ свистъ и пропяжный вой.

«Должно признашьясь,» сказалъ наконецъ, прервавъ молчаніе, Дагоберпъ, молодой Адвокатъ: «что осень, буря, огонь въ камелькѣ, пуншъ, все это вмѣстѣ, чрезвычайно спо»

собно произвестъ въ насъ самое шайное содроганіе.» —

— И весьма пріятное, продхватила Анжелика: для меня по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего восхищительнѣе чувства, какъ сей паинственный шрепешъ, объемяющій весь сонспавъ нашъ, при которомъ на яву чудятся самыя спранныя грезы. —

«Ваша правда,» продолжалъ Дагобертъ: «Мы теперь чувспвовали эшотъ пріятный шрепешъ, и при одномъ взглядѣ, невольнo брошенномъ въ міръ видѣній, на минуту призадумались. Хорошо, что эшо прошло, и что такъ скоро возвратились мы изъ него въ прекрасный міръ вещественный, о которомъ напоминаешъ намъ сей дивный напитокъ!»

При сихъ словахъ онъ вспалъ и, почпипельно поклонясь Полковницѣ, допилъ споавшій передъ нимъ спакантъ.

— Онъ чего же, — сказалъ Морицъ, — ты не хочешъ продлинитъ сего шрепеша, сего мечпательнаго сосшоянія души, коего сладость мы оба чувствуемъ сполькоже, какъ и прелесцпная Анжелика?

«Позволь сказать себѣ, другъ мой, быспро подхвалилъ Дагобертъ: тупъ дѣло идетъ не о мечпательности, въ которой душа произвольно забавляется рѣзвою, причудливою игрою воображенія. Наше содроганіе, возбужденное бурнымъ въпротъ, дылающимъ камелькомъ и пуншемъ, естъ ни что иное, какъ первый признакъ шого неповишнаго, паинственнаго сосшоянія, которое неразлучно съ природою человѣческою, прошивъ котораго шщетно возспаешъ умъ, и котораго мы весьма должны остерегаться. Я разумѣю спрахъ, возбуждаемый привидѣніями. Извѣстно каждому изъ насъ, что паинственныя сонмы духовъ сполько ночью, и особенно въ непогоду, любящъ покидаешъ свои мрачныя жилища и бродитъ по свѣшу; и такъ, мудрено ли, что въ такую пору мы спрашимся какого нибудь ужаснаго посѣщенія.»

— Вы шупшите Дагобертъ, — сказала Полковница, — ну, можно ли согласиться, чтобы дѣтскій спрахъ, которому иногда мы предаемса, непременно заключался въ нашей природѣ; я готова скорѣе приписать его небы-

лицамъ и бреднямъ о духахъ нашихъ мамушекъ и нянюшекъ, кошорыми онъ съ самага дѣтства набиваютъ намъ голову.

«Извините, сударыня!» воскликнулъ Дагобертъ съ живостью: «сказки, кошорыя сполько нравились намъ въ дѣтствѣ, никогда не връзались бы такъ глубоко въ нашей памяти и вѣчно не отзывались бы въ душѣ, еслибъ въ груди нашей не таились соопвѣспвующія имъ спруны. Нельзя опвергать паинственнаго міра духовъ, насъ окружающаго, и часто намъ опкрывающагося не сполько въ спранныхъ звукахъ, но и въ чудныхъ видѣніяхъ. Чувство спраха, ужаса, можетъ быть, естъ слѣдспвіе пѣлеснаго организма. Симъ вѣрояпно обнаруживаешся спраданіе, пѣсно заключеннаго въ земной оболочкѣ, духа нашего.»

— Вы духовидѣць, — замѣшила Полковница, — какъ и всѣ люди съ пылкимъ воображеніемъ. Еслибъ я и согласилась съ вашимъ мнѣніемъ; еслибъ повѣрила, что жипели невѣдомаго міра могутъ опкрываться намъ въ слышимыхъ звукахъ и даже въ видѣніяхъ; то все же я не могу понять, для чего нужно было бы Природѣ пославить васалловъ сего паинственнаго царства въ споль непріятенномъ къ намъ опшошеніи, что всякая вспрѣча съ ними причиняешъ намъ спрахъ и разрушительный ужасъ? —

«Можетъ быть,» продолжалъ Дагобертъ: «въ эшотъ-то заключается кара нашей матери-Природы, опъ попеченія и воспитания коей мы уклонились. Я полагаю, что въ золотой вѣкъ, когда родъ человѣческой жилъ еще въ искреннѣйшемъ согласіи со всею Природою, ни спрахъ, ни ужасъ не разрушали человѣка, по шой причинѣ, что среди глубочайшаго міра, среди счастливѣйшаго согласія всего созданія, не могло быть врага, котораго онъ долженъ былъ бы шрепешать. Я говорилъ о спрашныхъ голосахъ привидѣній; но опъ чего же всѣ явспвенные звуки, происхождение коихъ намъ очень хорошо извѣспно, подобно самымъ пронзительнымъ воплямъ, поражаютъ сердце наше величайшимъ ужасомъ? — Самый достошримѣчательнѣйшій изъ сихъ звуковъ Природы естъ воздушная музыка, или такъ называемый чершовъ голосъ на оспровѣ Цейловѣ и въ со-

сѣдспивенныхъ ему земляхъ. Сей природный звукъ, подобный жалобному человѣческому голосу, слышится въ тихія ночи, по въ чрезвычайной дали, по вблизи. Онъ такъ сильно дѣйствуетъ на душу, что самые холодные, самые разсудительные наблюдатели не могутъ воздержаться отъ сильнаго ужаса.» —

Да,—прервалъ Ропмистръ своего друга: я это самъ испыталъ. Я не былъ ни на Цейлонѣ, ни въ сѣдспивенныхъ оному странахъ, но слышалъ сей страшный природный звукъ, и не одинъ я, всякій, кто внималъ оному, испыталъ надъ собою дѣйствіе, описанное Дагобертомъ. —

«Разскажи же намъ свое похождение,» подхватилъ Дагобертъ: «мнѣ очень пріятно будетъ, если увѣришь Полковницу въ справедливости моихъ словъ.» —

— Вамъ извѣстно, что я служилъ въ Испаніи подъ знаменами Веллингтона. За два дни передъ сраженіемъ при Витпоріи, мы спояли ночью на бивакахъ съ отрядомъ Испанской и Англійской конницы. Упомянутый до упада отъ пруднаго перехода, я крѣпко заснулъ; вдругъ меня пробудилъ пронзительный жалобный голосъ. Я испрепенулся, полагая навѣрное, что подлѣ меня лежалъ какойнибудь раненый, коего смертные вздохи прервали сонъ мой; но товарищи мои вокругъ меня храпѣли, и болѣе ничего не было слышно. Первые лучи утренняяго солнца пробивались сквозь темную ночную; я всматривалъ и поспѣшилъ найти среди спящихъ воиновъ, раненаго или умирающаго, дабы оказать ему помощь. Ночь была тихая, чуть вѣялъ утренній вѣтерокъ, едва колыхалъ древесные листья. Тупъ вторично раздавался въ воздухъ прощяжный жалобный звукъ и глухо зачолкъ вдали. Казалось, будно съ поля сраженія воспарили тѣни убитыхъ, оглашая страшнымъ воплемъ обширное пространство неба. Сердце мое замерло; меня объялъ неописанный ужасъ.—Что значить человѣческой бользненный голосъ, когда либо мною слышанный, въ сравненіи съ симъ раздирающимъ душу звукомъ! Тупъ начали прощянься и мои товарищи. Въ третій разъ, еще громче и ужаснѣе, пронесся по воздуху

попъ же самый жалобный звукъ. Мы отцепѣли; даже кони всшревожились, ржали и били копытами въ землю. Многіе Испанцы пали на колѣна, и вслухъ молились. Одинъ Англійскій Офицеръ увѣрялъ, что онъ въ Южныхъ странахъ неоднократно наблюдалъ сіе явленіе, которое онъ элекпричества раждается въ атмосферѣ, и что онъ вѣроятно предвѣщаетъ перемѣну погоды. Испанцы, которые охотно вѣрили чудесному, почтили сіи звуки за страшное предзнаменованіе какогонибудь великаго событія. Предзнаменованіе сіе, по ихъ мнѣнію, исполнилось: ибо на другой день запылала кровопролитная битва при Витпоріи. —

«Нужно ли,» сказалъ Дагобертъ: «ѣхать на Цейлонъ или въ Испанію, чтобы услышать сіи чудесные жалобные звуки Природы? Развѣ глухое завываніе бури, шумъ низвергающагося града, визгъ и стоны флюгера, не могутъ также, какъ и шѣ звуки, вселить въ насъ невыразимый ужасъ?—Прислушайтесь теперь къ дикой музыкѣ, играющей въ каминѣ, или обратите благосклонное вниманіе на таинственную пѣсню, которую сію минутою запѣлъ самоваръ!» —

—Безподобно! воскликнула Полковница—несравненно!—Дагобертъ хочеть заключить даже въ самоваръ духовъ, воющихъ страшными жалобными голосами! —

—Нашъ другъ не совсѣмъ неправъ, милая маменька! — подхватила Анжелика: «этопъ чудный свистъ, прескъ и шипѣніе въ каминѣ дѣйствительно могли бы возбудить во мнѣ содроганіе, а пѣсенка, которую столь жалобно навѣваетъ самоваръ, теперь мнѣ кажется столь страшною, что сей часъ погашу конфорку, дабы поскорѣе заткнуть ротъ самовару.» —

Анжелика вспала и уронила свой плапокъ; Морницъ, поспѣшно наклонясь, поднялъ его. Она взглянула на него, души исполненнымъ взоромъ; онъ схватилъ ея руку и съ горячностью прижалъ ее къ устамъ.

Въ эту самую минуто Маргарита сильно вздрогнула, какъ будно пораженная элекприческимъ ударомъ, и уронила на полъ стаканъ пуншу, который она только хотѣла поднести Дагоберту. Громко рыдая,

она кинулась Полковницѣ въ ноги, называла себя глупою, неловкою, и просила у нея позволенія удалиться въ свою комнату; говоря, что рассказы нынѣшняго вечера, хотя она и не все поняла, до крайности ее напугали, что она чувствуетъ здѣсь у камина невыразимый страхъ, что она больна и хочетъ лечь въ постелью.— Она цѣловала руки Полковницы, орошая ихъ горячими слезами, которыя ручьями лились изъ глазъ ея.

Дагобертъ чувствовалъ всю тяжесть сей сцены и необходимость, дать этому дѣлу другой оборотъ. И онъ внезапно кинулся Полковницѣ въ ноги, и самымъ плаксивымъ голосомъ умолялъ о пощаду преступницѣ, которая дерзнула пролить вкуснѣйшій напитокъ, когда либо орошавшій языкъ правовѣдца и согрѣвшій его зябкое сердце.— «Что же касается до пуншеваго пята на паркетѣ,» продолжалъ онъ: «то завпретнѣй же день привинчу я къ ногамъ полопѣрныя щетки, и въ самыхъ граціозныхъ шухрахъ, какіе никогда не приходили въ голову и ноги самому искуснѣйшему балетмейстеру, цѣлый часъ провальсирую по залѣ.» —

Полковница, которая очень угрюмо смотрѣла на Маргариту, развеселилась шуткою Дагоберта. Она, смѣясь пропаянула обонимъ руки, и сказала: вспаньте и осушите ваши слезы; вы получили прощенье передъ моимъ грознымъ судилищемъ! Маргарита, ты обязана единственно своему искусному Адвокату и его геройскому самоотверженію класишельно пуншеваго пята, что я не подвергла тебя пляжкому наказанію за свое неслыханное преступленіе. Но не могу освободить тебя вовсе отъ наказанія. И такъ, приказываю тебѣ, не опговаривайся болѣзненными припадками, чаще прежняго подносишь пуншь нашимъ гостямъ, а на сей разъ, въ знакъ искреннѣйшей признательности; поцѣлуй своего избавителя!

«Добродѣтель не осматривается безъ возмездія!» воскликнулъ Дагобертъ съ комическою шоржественностью, и схвативъ Маргаритину руку, продолжалъ: «Будьте увѣрены, моя милая! на свѣтѣ есть еще спрячтіе-герои, которые безкорыстно приносятъ себя въ жер-

тву невинности и справедливости!—Но, покоримся нашему строгому судѣ: исполнимъ его приговоръ, прошивъ котораго нѣтъ апелляціи.»—При сихъ словахъ онъ напечатлѣлъ быстрый поцѣлуй на устахъ Маргаритиныхъ, и переважно повелъ ее на прежнее мѣсто. Маргарита, покраснѣвъ по уши, громко захохотала сквозь слезы.— Какъ я глупа!—воскликнула она по Французски: какъ я глупа! Развѣ я не обязана слушаться приказаній Г-жи Полковницы? Я не буду пугаться; буду наливать пуншь, и спокойно слушать исторіи о привидѣніяхъ!—

«Браво!» подхватилъ Дагобертъ: «браво, мой ангелъ! я тебя одушевило мое героиство, меня одушевила сладость твоихъ милыхъ устъ!—Мое воображеніе вновь окрилось, и я чувствую себя въ состояніи, къ общему нашему удовольствію, угостить васъ самымъ спрашнымъ изъ regno di pianto.»

— Не лучше ли, — сказала Полковница, — во все оспавить эти спрашныя шайншвенныя повѣсти? —

— Маменька, — перебила рѣчь ея Анжелика: милая маменька! позвольте рассказывать нашему другу Дагоберту. Виновата, я какъ ребенокъ, ужасно люблю слушать такіа спрашныя исторіи, отъ которыхъ какъ листъ дрожишь.

«Безподобно!» воскликнулъ Дагобертъ: «безподобно! Нѣтъ ничего милѣе пугливыхъ дѣвицъ, и если я женюсь: то жена моя непременно должна страхъ какъ болѣе привидѣній.» —

— Ты недавно утверждалъ, любезный Дагобертъ, сказалъ Морицъ, — что надобно осперегаться всякаго мечпательнаго содрганія, какъ перваго припадка страха отъ привидѣній, но ты не объяснилъ намъ, почему? —

— «Хорошо, еслибъ мы только опдѣлались,» возразилъ Дагобертъ: «этимъ пріятнымъ мечпательнымъ содраганіемъ, слѣдствіемъ перваго припадка. За нимъ скоро слѣдуетъ смертная попка, ужась, отъ котораго волосы спановятся дыбомъ, и такъ сіе пріятное чувство есть ничто иное, какъ обольстительная приманка, которою спарается привлечь насъ шайншвенный

міръ дѣховъ. Мы прежде говорили о поилпныхъ намъ звукахъ Природы и о спрашномъ дѣствіи оныхъ на наши чувства. Но часто слышимъ мы гораздо удивительнѣйшіе звуки, происхожденіе коихъ для насъ совершенно неоспимимо, и копорья наводятъ на насъ величайшій ужасъ. Мы силимся увѣришь себя, что какое нибудь скрившееся животное, сквозной вѣперъ, или что нибудь иное, произвело сіи звуки самымъ еспественнымъ образомъ, но ничто не помогаетъ. Кто не испыталъ на себѣ, что ночью малѣйшій шумъ, по временамъ возобновляющійся, вовсе лишаетъ насъ сна, и поспепенно увеличиваетъ внутревнее безпокойство, опъ копорого всѣ чувства приходяшь въ расстройство?»

(Продолж. въ слѣд. листьѣ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

Женева.

(Окончаніе.)

По окончаніи дня, проведеннаго съ такою пользою, мы ничего не могли сдѣлать лучшаго, какъ возвратишь въ свою гостиницу. Мы довольны были своими изысканіями, осмопрѣвъ большую часть Женевы. Впрочемъ намъ еще оставалось видѣшь многое, что мы или просмопрѣли, или чего не знали; при томъ удовольствіе стоило намъ не малой усталости, почему мы рѣшились было выбрашь въ другой разъ *Чигероне*, изъ тѣхъ особъ, къ коимъ имѣли рекомендабельныя письма. Великіе люди нигдѣ пакъ не доступны и не опличаются такою простотою въ обхожденіи, какъ въ Женевѣ. Однакожь, чтообъ не употребишь во зло столю предупредительной ихъ услужливости, мы предпочли лучше воспользоваться знакомствомъ съ однимъ изъ молодыхъ богатыхъ Женевцевъ, копорый изъ особенной спрасти занимался науками, и слушалъ въ Парижѣ лекціи Вильмена и Андрио.

Онъ принялъ насъ съ отверспыми объясніями; тысячу разъ благодарилъ за сдѣланное ему предпочтеніе, и просилъ располагать

имъ, какъ намъ угодно. Но намъ напротивъ того оставалось самимъ отдашь въ его волю: ибо мы уже испостили весь свой запасъ топографическихъ свѣдѣній и должны были предашь его руководству. Послѣ завтрака мы пустились въ путь; сначала напъ вожатый повелъ насъ на площадь *Bourg de Four*. Первымъ предметомъ наблюденія нашего была Рапуша. Это неправильное зданіе, неимѣющее ничего замѣчательнаго. Сѣверный и Западный фасады перестроены были въ 1618 году; но они уже носятъ на себѣ печать древности, и совершенно соотвѣтствуютъ остальной части строения. Въ залахъ онаго мы нашли большое число иллюминированныхъ видовъ Альпъ, работы Линка. Лѣстница, ведущая въ залу собранія, чрезвычайно оплога и безъ ступеней. Сей родъ строения напоминаетъ о глубокой старости прежнихъ Сенаторовъ, копорые привыкли вѣзжати туда верхомъ или быть вносимы въ портшезѣ. Воспоминаніе сіе включаетъ въ себѣ нѣчто благородное и патриархальное; оно наполняетъ душу удовольствіемъ; вы воображаете видѣшь Сенаторовъ древняго Рима, и между ними Аппія, восьмидесятилѣтняго слѣща, копорый, почти умирая, произносилъ еще твердымъ голосомъ мудрые совѣты для блага общаго. Арсеналь, Музей, были пакже предметомъ нашихъ посѣщеній. Мы не нашли въ нихъ ничего достойнаго особеннаго замѣчанія; здѣсь, какъ и во всѣхъ Швейцарскихъ Арсеналахъ и Музеехъ, показывали намъ древнія оружія, Ботаническія и Геологическія собранія, составленныя изъ Альпійскихъ растений и царства ископаемаго, Римскія древности, а особенно предметы, напоминающіе о славной защитѣ 1602 года. «Вамъ кажется смѣшнымъ, сказалъ намъ вожатый, что Женева почитаетъ сей подвигъ столю важнымъ; но вы ошибаетесь; имъ искуплена наша свобода; опъ сего-пю мы имъ столюко гордимся.»

Больница построена на мѣстѣ бывшаго монастыря св. Клары, основаннаго Юландою, де Франсъ, сестрою Людовика II и суругою Герцога Савойскаго Амедея IX. Заведеніе сіе находится въ хорошемъ состояніи. Въ немъ пользуются лѣкарствами приходящіе боль-

ные; почти половина расходовъ ея дѣлается изъ добровольныхъ приношеній.

Отсюда мы отправились въ Коллегію. Женева можетъ похвалиться своею щедростію въ разсужденіи учебной часпи. Публичные уроки въ ней преподаются безденежно. Но какъ всякая вещь имѣетъ свою дурную сторону, то и въ семъ случаѣ нельзя не замѣтить большихъ несообразностей. Ослѣпленные родители заспаваютъ дѣтей своихъ учиться бесполезнымъ наукамъ, и такимъ, къ которымъ они вовсе не имѣютъ склонности. Отсюда происходятъ усилія вытиски изъ своего состоянія, и бѣдность, необходимое слѣдствіе сихъ жалкихъ усилій. Вниманіе жителей и правительства безпрестанно обращено на Коллегію; раздача наградъ, производимая въ церкви св. Петра, служить похвалою для цѣлаго города. Сначала раздаются награжденія отличившимся успѣхами въ наукахъ, а черезъ нѣсколько дней въ поведеніи; благонравіе въ свою очередь получаетъ должное возмездіе, и тѣ, кои удостоены были наградъ за успѣхи, не избавляются отъ заслуженныхъ упрековъ. Это служитъ признакомъ, что въ Государствѣ есть нѣчто выше блеска, нипающего суетности, и. е. духъ порядка, добрые нравы, благоразумное и строгое поведеніе.

Ученики раздѣлены на 9 классовъ; всѣ имѣютъ право проходить ихъ и могутъ даже слушать курсы Словесности, Исторіи. Наставники вообще отличные и поставляютъ за честь ревностное исполненіе своихъ обязанностей, недоспаютъ вознаграждаемыхъ. Между ими есть много знаменитыхъ ученыхъ. Женева, можетъ быть, единственный городъ, который произвелъ самое большее число великихъ людей, или далъ имъ право гражданства. Кромѣ упомянутыхъ нами, мы назовемъ *Лесфорта*, друга Петра Великаго, *Неккера*, Математика *Лесажа*, *Давье*, *Арто*, *Трошена*, *Петито*, *Лиотара*, Публициста *Дюмона*, двухъ *Соскаровъ*, *Боннета*, *Трамбле*, а изъ современниковъ, Ботаника *Кандоля*, Историка *Сизмонди*, Инженера *Дюфура*, воспитанника Парижскаго Политехническаго Института, который первый началъ строить цѣпныя мосты. Науки оплакива-

ютъ еще недавнюю утрату братьевъ *Пикеттовъ*, главныхъ издавателей и сочинителей *Всеобщей Библиотеки*, изданія, пользующагося Европейскою славою.

Нимало не удивительно, что Женевская Библиотека столь превосходна, когда въ Женевѣ находится множество ученыхъ обществъ и собраній, которыя съ невѣроятною почти быстротою распространяютъ область наукъ. Самая замѣчательная рѣдкость, какую мы нашли въ городской Библиотекѣ, есть переводъ *Квинта-Курція*, найденный въ Моравѣ, въ спавкѣ Карла безразсуднаго.

Лучшими гульбищами въ Женевѣ служатъ: улица *de la Corraterie*, *Аллея изъ виноградныхъ лозъ* и *Ботаническій садъ*. Прочіе, извѣстные подъ именемъ *Бастіоновъ*, также пріятны, но на нихъ мало бываетъ публики. Въ концѣ улицы *de la Corraterie* находится Музей искусствъ, который сначала былъ только Скульптурною залою, но въ послѣдствіи распространенъ. Здѣсь также лежатъ лучшая гостиница *Эйнаръ*; это самое лучшее зданіе въ Женевѣ, и весьма замѣчательное по своей изящной архитектурѣ. Ботаническій садъ очень богатъ растеніями; онъ основанъ *Кандолемъ*.

Въ Женевѣ есть Казино, гдѣ часто даются прекрасные праздники; концерты бывають очень часто; также есть театръ, съ довольно полною труппою, такъ, что лучшіе Парижскіе Актеры нерѣдко на время пріѣзжаютъ сюда блеснуть передъ Женевцами своими талантами. Мы, съ своимъ знакомцемъ, были нѣсколько разъ въ театрѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э П И Г Р А М М А.

«Вчера лишь изъ Столицы я;

И обнадежилъ Клипъ меня,

Что дѣло кончилось оплочно:

Ахъ, дай-то Богъ!» —

— «И ты ему повѣришь могъ?» —

— «А отъ чего же нѣтъ?» — «Эхъ, милый, онъ
столикой!»

П. Манаскинъ.

Мѣтава.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

По мхамъ меня собирають,
И такъ ѣдять, вапипокъ соснавляютъ.
Вторую литеру откинь съ конца —
Опорой я служу для дряхлаго слѣнца.

Въ No 59 помѣщенная шарада значитъ: *Débat*.

М О Д Е С.

Coiffures. Une jolie coiffure négligée est une chienne par devant.—Les cheveux de derrière faisant deux coques dont l'une tourne autour du peigne, reviennent sur un des côtés où ils retombent en boucles. — Cette touffe de papillottes accompagne la tête en laissant le visage dégagé.

Les plumes ont une telle majorité pour toute toilette, qu'on peut remarquer que dans une réunion de trente femmes bien mises, il y aura cette proportion de vingt-cinq chapeaux à plumes.

Pour le soir, ou toilettes de visites et promenades habillées, la paille de riz est fort bien.

Le crêpe et la moire sont toujours également bien. Sur de la paille d'Italie, on place huit ou dix plumes de coq blanches et vertes. Ces plumes sont emblématiques. Le blanc, le vert, sont des couleurs adoptées bien plutôt par ce sentiment qui fait choisir une cocarde ou un drapeau, que par la frivole légèreté qui place une fleur plus ou moins haut ou moins droite.

Les plumés blanches et vertes sont un panache qu'une femme porte avec orgueil et respect.

Lingerie. — Les pélerines et les canezous de tulle sont infiniment moins distingués que ceux de mousseline, batiste ou jaconas.

Pour le matin, négligé, une jolie forme est une pélerine ronde à pans arrondis. — Garnie tout autour, soit d'une dentelle plate ou d'une dentelle à tuyaux, ou encore d'une petite bande de mousseline brodée, festonnée à dents, plate, haute d'un doigt.

Les cols d'homme sont ronds; ils se taillent de manière à surmonter la cravate sur tout le bord. — Ils doivent s'élever davantage sur les côtés de la joue que sous le menton où les deux parties coupées de biais se joignent sans intervalle.

М О Д Ы.

Уборка волосъ.— Красивая прическа запро-
спо.—Спереди по Кишайски.—Заднія волосы
сдѣланы въ двѣ пепли, изъ которыхъ одна
обернута около гребня; завитые концы упа-
даютъ на сторону.—Эпопъ кустикъ локо-
новъ, прикрываетъ голову, не закрывая ни
мало лица.

Перья въ большомъ употребленіи при вся-
комъ нарядѣ; можно опредѣлить такъ: что
между шрицашью хорошо одѣтыми жеп-
щинами, вѣрно на двадцати пяти шляпки
съ перьями.

Баспювыя шляпки очень приличны для
вечеровъ, для нарядныхъ визитовъ и гуляній.

Крепъ и морè все въ употребленіи. — На
Итальянскія соломенныя шляпки накалыва-
ють восемь или десять бѣлыхъ и зеленыхъ
пѣпюшскихъ перьевъ. Цвѣта, бѣлый и зеле-
ный, приняты болѣе по чувству, которое
заставляетъ выбирать кокарду или знамя,
нежели по легкомыслію, которое застав-
ляетъ пришилишь цвѣпокъ выше или ни-
же, болѣе или менѣе прямо.

Женщины носятъ съ гордостью и почте-
ніемъ букетъ изъ бѣлыхъ и зеленыхъ перь-
евъ.

Бльбе. — Кисейныя, баписповыя и жако-
нетовыя пелеринки и канзу, болѣе принад-
лежатъ къ опличному наряду, нежели пю-
левыя.

Для упра, за просто, дѣлають красиваго
покроя пелеринки круглыя съ округленны-
ми концами, — обшивають вокругъ круже-
вомъ вгладь, кружевомъ въ шрубочки, или
узенькою кисейною полоскою вгладь, не шире
пальца, выметпанною зубцами.

Мужскіе ворошники дѣлають круглыя;
они вырѣзываются такъ, чтобы видны бы-
ли кругомъ изъ подъ галстука. — Они къ
щекамъ выше, нежели на подбородкѣ, гдѣ
объ половинки, вырѣзанныя вкось, соединя-
ются безъ промежутка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ во

Средамъ и

Субботамъ.

№ 61.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 1 дня, 1851 года.

Нѣтъ, нѣтъ, всѣ роскоши, всѣ пышности на Свѣтѣ
Тебѣ не удовлетворяюшь,
О сердце! ты любви ошиблся въ предметѣ;
Желанія твои къ безсмертію парятъ.

Каннисть.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

Картина вѣторая.

(Входитъ въ храмъ Сирень.)

(Продолженіе.)

И вошь, онъ слышитъ, что кто-то сладостнымъ шопотомъ журчитъ ему: «бѣлокуренькій красавчикъ! склони свой слухъ на голосъ Сирень; онъ вѣдаютъ, что не могутъ ни на одинъ волосъ придашь прелесть своимъ благороднымъ чертамъ, своему спиройному, какъ пальма, стану, блестя очаровательнымъ очамъ своимъ.» Поцеди же меня, сударыня... Вы слишкомъ милостивы!—«Но онъ могутъ предложить тебѣ легкой, блестящій нарядъ, который еще болѣе, еще съ выгоднѣйшей точки зрѣнія выпавитъ твои природныя достоинства...» Вы меня заставляете краснѣть, сударыня; вы такъ обязательны. —

Въ слѣдъ за симъ приглашаю, онъ вступаетъ въ храмъ. Попугай, сидя на своихъ жердочкахъ, повспорила разомъ: «здравствуйте, блестящій Рыцарь! Послушайте голосъ Сирень.»

Едва переступилъ онъ чрезъ порогъ, какъ одна изъ нихъ отвѣтила ему въ сторону — и, ласково и вѣжливо, сказала: «Позвольте ли говорить съ вами откровенно?» — Извольте, извольте.—«И такъ выслушайте благосклонно; отдайте справедливости моему въ васъ сердечному участию, съ обыкновенною вашею проницательностію. Эпошь фракъ мордоре, эпошь плюсовый камзолъ, шипый въ шамбуръ, эти шелковые шерстяные чулки, эти кожаные щиблеты и эти подкованные башмаки порпятъ все, что вы имѣете въ себѣ прелестнаго. Примѣняйте, это лѣтнее платье, шипое изъ одного куска; оно вамъ замѣнитъ панталоны, чулки, щиблеты, обувь. Сѣму платью дали прозваніе панталонъ въ обтяжку. Вошь, если вамъ благоудно, широкія (bouffant): въ обтяжку спиройная ножка ваша легче обрисовывается, формы виднѣе; широкія свободнѣе, прохладнѣе. Попробуйте надѣть, сударь, попробуйте. *Альциноа*, укажи уборную.» —

Когда надѣлъ онъ и объявилъ, что ему очень ловко: «*Клигя!*» воскликнула Сирена: «надѣнь на него сандалии à la *Talma*.» — Вы ошибаетесь, сударыня, я не принадлежу къ театральнѣй шруппѣ.—«Однако же вы любите прохаживаться; и такъ, что за нужда,

какъ бы ни называлась эта новая обувь: башмаками или сандалями, сапожками или туфлями.—Приличіе пребуешь, чтобы вы съ ногъ до головы были благоприспосойно одѣты; иначе вамъ нельзя показаніе: васъ засмѣюшъ. Вы въ половину одѣты щегольски, а въ половину по деревенски. *Аврелія*, подай ему венгерку; надѣнь жилетъ, на которомъ дышашъ шипки розъ; повяжи ему галстукъ *à la Circasienne*. Но можешъ быть вамъ, сударь, больше къ лицу *à la St. Aulaire*, или *à la Braque?*—Нѣшъ, сударыня, я хочу шакой, какой придется по моей шеѣ. — «Эпо уже само собою разумѣется; вы въ эпомъ очаровательны; онъ какъ будто бы по васъ сшитъ.» — Концы косынки сбились на лѣвую сторону; я хопѣлъ бы ихъ по срединѣ. — «Фуй, какъ вамъ не стыдно! Непременно надобно, чтобы эпо легкая шейная повязка имѣла видъ, брошенной небрежно; никто не повязываетъ шейнаго планка по срединѣ, а всегда на боку.» — Однако же, сударыня, у меня носъ на срединѣ лица. — «Эпо по ошибкѣ, общей вамъ со многими людьми; еѣ легко бы исправить, если бы принялись за эпо пораньше. Мы живемъ въ вѣкъ высшей образованности, и должны надѣяться, что со временемъ человѣчскія лица, выѣпленные въ дѣтствѣ, будутъ преобразованы. *Леонида*, возьми у милостиваго государя трехъ-угольную шляпу; сбѣгай въ шляпный магазинъ и возьми тамъ шелковую бѣлую шляпу.» —

Но, сударыня, я не посмѣю ее надѣть на мой парикъ *à la Fanfan*; я боюсь попортить *акрошь-кѣры* и *репантуры*. — «Вы въ рукахъ понесете шляпу, сударь; эпо придется вамъ еще больше ловкости и прѣстности: теперь взгляните, если вамъ угодно, въ зеркало.» —

И онъ посмотрѣлся, и, съ самодовольствомъ, смѣшаннымъ съ какою то пайною грустною, вскричалъ: милая сельская невинность, простиота родимой хижины! гдѣ вы? .. что съ вами? —

(Продолж. въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ.

(Повѣсть Гофмана.)

(Продолженіе.)

«За нѣсколько лѣтъ передъ симъ,» продолжалъ Дагобертъ: «во время моего путешествія, остановился я въ гостиницѣ, гдѣ мнѣ отвели большую, свѣтлую комнату. Въ глухую полночь я вдругъ пробудился. Луна, сквозь незаперенныя окна, ярко освѣщала комнату, такъ, что я могъ явственно различать въ ней не только всѣ мебели, но и самыя мѣлкіе предметы. Тутъ послышался мнѣ звукъ, какъ будто дождевая капля канула въ мѣдальническій сосудъ. Я приспавилъ ухо!—Звукъ сей по временамъ возобновлялся. Собака моя выползла изъ-подъ кровати, и съ воемъ кидалась туда и сюда, царапая полъ и стѣны. Я оледѣлъ отъ ужаса; на лбу моемъ выступили крупныя, холодныя капли пота. Но проливъ воли ободрясь, сперва громко вскрикнулъ, потомъ соскочилъ съ кровати, и дошелъ до середины комнаты. Тутъ капля канула влошь подлѣ меня, и какъ будто пролетѣвъ сквозь меня, на металлъ, который пронзительно зазвенѣлъ. Ужасъ отбросилъ меня къ полу, и я почти безъ памяти завернулся въ одеяло. Тутъ показалося мнѣ, какъ будто нѣсколько разъ возобновлявшійся звукъ, выше и выше отъзываясь, исчезалъ въ воздухѣ. Я погрузился въ глубокой сонъ, и проснулся довольно поздно; собака лежала прижавшись ко мнѣ, и когда я ужъ всталъ, она соскочила съ постели; какъ будто и она тогда только освободилась отъ всякаго страха. Мнѣ пришло на мысль, что можешъ быть одному *мигъ* неизвѣстна весьма естественная причина сего чуднаго звука, и потому разсказалъ я хозяину о своемъ странномъ приключеніи, дрожа всѣми членами. Надѣюсь, прибавилъ я, что вы все мнѣ объясните; впрочемъ вамъ надобно было бы предупредить меня. Хозяинъ поблѣднѣлъ и упрашивалъ меня не сказывать никому, что происходило въ той комнатѣ, увѣряя, что иначе онъ можешъ лишиться пропитанія. Многие

путешественники, рассказывалъ онъ, уже въ прежнія времена жаловались на сей звукъ, который слышался имъ въ лунныя ночи. Онъ увѣрилъ, что все изслѣдовалъ съ величайшимъ вниманіемъ; что даже велѣлъ сдѣлать опыты не только въ этой комнатѣ, но и въ другихъ покояхъ; однако никакъ не могъ отыскать причину сего страннаго звука; что въ продолженіе почти цѣлаго года ничего не было слышно, и потому онъ было увѣрился, что освободился отъ докучливаго домоваго, который, къ несчастію его, снова началъ пощаливать. Наконецъ, онъ далъ мнѣ слово, что никому болѣе не опведетъ этой проклятой комнаты.» —

— Ахъ! сказала Анжелика, вздрагивая, какъ будто въ лихорадочномъ ознобѣ: это спрашно, очень спрашно; нѣтъ, я бы умерла, еслибъ чтонибудь такое со мною случилось. Впрочемъ со мною случалось, что я, внезапно просыпаясь, чувствовала невыразимую тоску, какъ будто видѣла что-то ужасное, хотя вовсе не помнила, чтобы мнѣ снилось чтонибудь спрашное; напротивъ того, мнѣ казалось, будто я пробуждаюсь отъ смертнаго оцѣненія. —

«Это явленіе мнѣ также извѣстно,» продолжалъ Дагобертъ: «быть можетъ, оно доказываетъ могущество поспороннаго физическаго вліянія, которому мы невольно предаемся. Какъ ясновидящая вовсе не помнитъ своего состоянія и того, что въ ономъ съ нею происходило, такъ можетъ быть сіе мучительное шомленіе, причина коего остается для насъ тайною, если опголосокъ какогонибудь сильнаго чародѣя, недоступнаго нашему зрѣнію.»

— Я помню, какъ шенеръ, — сказала Анжелика: что года четыре тому назадъ, упрямъ, когда мнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ отъ роду, пробудилась я въ такомъ состояніи, ужасъ коего на нѣсколько дней меня совершенно распроялъ. Мнѣ очень хорошо помнился, что я во снѣ нѣсколько разъ рассказывала сей ужасный сонъ многимъ, особенно же моей доброй маминкѣ, но при пробужденіи оснѣлось у меня въ памяти только то, что я рассказывала сей сонъ, а содержанія онаго никакъ не могла припомнить.

«Это чудное физическое явленіе,» замѣпилъ Дагобертъ: «нѣтъ сопряжено съ началомъ живописнаго магнетизма.» —

Разговоръ нашъ частъ отъ часу спановишся хуже, воскликнула Полковница: мы углубляемся въ разсужденія о такихъ вещахъ, о которыхъ и подумать для меня несносно. Прошу васъ, Морицъ, рассказать намъ чтонибудь веселое, смѣшное; надобно положить конецъ этой нестерпимой таинственности.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня, исполню ваше приказаніе; позвольте только рассказать еще объ одномъ спрашномъ происшествіи, которое давно уже у меня вершилось на языкѣ. Оно до шого занимаетъ теперь всю мою душу, что я вовсе не расположенъ говорить о веселыхъ предметахъ.

Такъ скорѣ же, возразила Полковница: выскажите намъ все спрашное, которыми шенеръ наполнено ваше воображеніе. Мужъ мой вѣрно скоро возвратишся, и тогда я съ удовольствіемъ гопова буду разделять съ вами опасность въ какомънибудь сраженіи, или съ воспоргомъ спрашныхъ охотниковъ слушать рассказы о лихихъ коняхъ, чтобы только выйши изъ шого мучительнаго состоянія, въ которое привели меня ваши гадкія спрашныя исторіи. —

— «Во время послѣднаго похода» — началъ рассказывать Морицъ, — «познакомился я съ однимъ Австрійскимъ Подполковникомъ, ко- ему едва ли было тридцать лѣтъ отъ роду. Союзныя войска сосредоточивались; я споялъ съ нимъ въ одномъ мѣстечкѣ, и потому сіе знакомство очень скоро обратилось въ искреннѣйшую дружбу. Шпейнбахъ, такъ назывался Подполковникъ, обладалъ всеми качествами, способными пріобрѣсть ему любовь и уваженіе. Онъ былъ высокаго, величественнаго роста; имѣлъ умное, мужественно-прекрасное лице; былъ оплично образованъ; человекъ добрѣйшій, и при томъ храбръ, какъ левъ. Въ особенноти же былъ опимѣнно веселъ и любезенъ за бушылкою вина, но нерѣдко омрачало его воспоминаніе о какомъ-то ужасномъ событіи, вѣроятно съ нимъ случившемся, которое на лицѣ его оснавило слѣды глубочайшей горести. Онъ вдругъ задумывался, оставлялъ общество и

бродилъ въ уединеній. Въ полѣ онъ часто скакалъ, какъ сумасшедшій, опъ одною аванпоспа къ другому, и измучивъ себя такимъ образомъ, предавался сну. Судя по тому, что онъ часто безъ крайней нужды кидался въ опасности, и, казалось, искалъ въ битвахъ смерти, — но мечъ и пуля щадили его, — можно было заключить, что какая нибудь невольная поперя, а можетъ быть и невольное преступленіе оправдали его жизнь.

«Въ предѣлахъ Франціи мы взяли приступомъ укрѣпленный замокъ, и расположились тамъ на нѣсколько дней, дабы дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ. Комнаты, опведенныя Шпейнбаху, тѣсно примыкали къ моимъ. Однажды ночью разбудилъ меня тихій спукъ въ дверь моей спальни. Я вслушиваюсь; меня зовутъ; я узнаю голосъ Шпейнбаха; вспаю и отворяю дверь. Входящъ Шпейнбахъ въ халатѣ, распроенный, блѣдный какъ смерть, — дрожа всѣми членами, опъ не можетъ вымолвить ни слова. — Ради Бога скажи, что случимось съ тобою, любезный Шпейнбахъ! спросилъ я; посадилъ лишеннаго чувствъ въ ближайшія кресла, поднесъ ему стаканъ Бургонскаго, которое сполло у меня на столѣ, жаль ему руку, ободрилъ и успокаивалъ его, сколько могъ, не поспигая причины его ужаснаго состоянія.» —

«Черезъ нѣсколько минуць Шпейнбахъ пришелъ въ себя, пылко вздохнулъ и сказалъ тихимъ, глухимъ голосомъ: Нытъ! — Нытъ! — Я съ ума сойду, если не возьмешь меня смерть, которой давно уже ищу! — Тебѣ, любезный Морницъ, повѣрю я мою спрашную пайну. — Тебѣ извѣстно уже, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ я жилъ въ Неаполѣ. Тамъ увидѣлъ я дочь одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ и почувствовалъ къ ней пламенную любовь. Прелестная полюбила и меня; родители не пропивались нашему союзу; я упопалъ въ блаженствѣ. Уже назначенъ былъ день свадьбы; вдругъ явился какой-то Сицилійскій Графъ, и началъ явно волочиться за моею невѣстою. Я пошребовалъ опъ него объясненія, — онъ смѣлся надо мною. Я вызвалъ его на поединокъ, заколотъ его и поспшилъ къ моему невѣстѣ. Она

упопала въ слезахъ, называла меня гнуснымъ убійцею своего возлюбленнаго, отвергла мои ласки съ явными знаками ужаснаго омерзѣнія; была безумна, и когда я схватилъ ея руку, она упала въ обморокъ, какъ будто уязвленная ядовитымъ скорпиономъ! — Кто можешь предсавить себѣ мой ужасъ! Дяди родипелей совершенно непонятна была сія перемѣна дочери. Никогда не обращала она вниманія на искапелство Графа. Отецъ скрылъ меня въ своемъ замкѣ, и великодушно заботился о моемъ бѣгствѣ изъ Неаполя. Терзаемый фуріями, я поскакалъ въ Вѣну! — Не измѣна моему возлюбленной, нытъ! — ужасная пайна разрушила мою жизнь! — Съ того самаго несчастнаго дня въ Неаполѣ, пресѣдуютъ меня всѣ ужасы преисподней! — Часъ по днемъ, а еще чаще ночью слышу я по въ дали, то подлѣ себя тяжкіе стоны умирающаго! Это голосъ убитаго Графа. Голосъ сей поражаетъ грудь мою жесточайшимъ ужасомъ. Среди оглушительнаго грома орудій, среди преска ружейнаго огня, раздаются въ ухахъ моихъ сіи спрашные вопли, и вся ярость, все опчаяніе безумія пробуждаются въ моемъ сердцѣ! — Въ эту самую ночь... Шпейнбахъ умолкъ, и какъ мною, такъ и имъ овладѣлъ ужасъ: ибо въ ближайшемъ коридорѣ послышался жалобный, дѣшу раздрающій голосъ. Помню, казалось, какъ будто кто-то, споная и охая, съ трудомъ приподнимается съ полу, и приближается тяжелою, дрожащею спонюю. Тупъ Шпейнбахъ, вдругъ собравъ всѣ свои силы, вскочилъ съ кресель, и съ пылающимъ зоромъ вскричалъ громовымъ голосомъ: явился мнѣ, гнусный! если можешь — не спрашуй ни меня, ни адскихъ духовъ, тебѣ подвластныхъ. — — Тупъ раздался оглушительный ударъ.» — — —

Въ эту самую минуту двери залы съ шумомъ растворились настежь.

Вошелъ человекъ, съ головы до ногъ одѣтый въ прауръ, блѣдный лицомъ, съ важнымъ, пронцашельнымъ взглядомъ. Съ благороднѣйшею осанкою подошелъ опъ къ Полюковницѣ, въ опборныхъ выраженіяхъ извиваясь передъ нею въ томъ, что опъ, будучи приглашенъ ранѣе, прѣхалъ такъ поздно.

ибо неожиданные гости, которыхъ онъ не могъ не принять, къ великой его досадѣ его задержали.— Полковница, не будучи въ силахъ опомниться опъ внезапнаго испуга, дрожащимъ голосомъ произнесла нѣсколько словъ, коихъ смыслъ походилъ на просьбу, чтобы незнакомецъ сѣлъ. Онъ близко придвинулъ стулъ къ Полковницѣ, насупротивъ Анжелики, сѣлъ и взоромъ окинулъ собраніе. Никто не могъ вымолвить ни слова; казалось, что увсѣхъ насъ ошнлся языкъ.— Я вдвойнѣ виноватъ, сказалъ наконецъ незнакомецъ: во первыхъ въ томъ, что прѣхалъ такъ поздно, во вторыхъ, что вошелъ съ такимъ шумомъ. Впрочемъ послѣднее не моя вина, примолвилъ онъ: ибо не я, а слуга вашъ такъ неоспорочно растворилъ двери.— Полковница, съ трудомъ преодолевая непріятное чувство, ею овладѣвшее, спросила, кого она честь имѣетъ у себя видѣть. Незнакомецъ, казалось, не слышалъ сего вопроса, будучи занята Маргаритою, которая вдругъ вѣя перемѣнилась, громко засмѣялась, подбѣжала къ незнакомцу, и съ безумнымъ хохотомъ рассказала ему на Французскомъ языкѣ, что общество весь вечеръ забавлялось самыми спрашными исторіями о духахъ, и что, по волѣ Г. Роммистра, только что должно было явиться ужасное привидѣніе, какъ онъ, незнакомецъ, вошелъ въ залу. Полковница, чувствуя, сколь безразсудно было съ ея стороны, что спросила гостя, который самъ объявилъ, что его пригласили, о имени и званіи, болѣе же встревоженная его присутствіемъ, не повторила своего вопроса, не сдѣлала выговора Маргаритѣ за поступокъ, почти выходявшій изъ предѣловъ благоприспосойности. Незнакомецъ положилъ конецъ болтанью Маргариты: онъ обратился къ Полковницѣ, пошомъ къ прочимъ и завелъ разговоръ о какомъ-то весьма неважномъ происшествіи, недавно въ томъ мѣстѣ случившемся. Полковница ошвѣчала; Даробершъ вышала вмѣшпаться въ разговоръ; но кончилось одними корешкими вопросами и ошвѣтами. Маргарита опъ времени до времени пошвала Французскія пѣсенки, вертѣлась и кружилась, какъ будто желая припомнить новѣйшіе шуры гавота, тогда, какъ другіе

сидѣли какъ вкопанные. У всякаго грудь была спѣснена; всякаго тяготило присутствіе незнакомца, какъ душный зной передъ грозою. Всѣ изъ подлобы посмаптривали на покрытое смерпною блѣдностью лице паншвеннаго гостя. И при всемъ томъ, сей послѣдній въ голосѣ и движеніяхъ вовсе не имѣлъ ничего необыкновеннаго; напрошивъ того, все въ немъ показывало опытнаго, образованнаго свѣпскаго человѣка. Хотя онъ говорилъ правильно и бѣгло, по—Нѣмецки и по Французски, но, по иноземному рѣзкому произношенію можно было догадываться, что онъ ни Нѣмецъ, ни Французъ природный. —

(Продолж. въ слѣд. листкѣ.)

О ПРОИСХОЖДЕНІИ КОРСЕТОВЪ.

Нѣтъ сомнѣнія, что системы Гогарцовъ, Эдмондовъ, Бурковъ, Винкельмановъ, Лафатеровъ, весьма замысловаты; но какъ при всѣхъ усилияхъ воли нашей и искусства, мы не можемъ придать женщинамъ очаровательныхъ формъ Венеры Праксипелевой: по гораздо важнѣе умѣть сохранить полученную опъ природы красоту, нежели опредѣлить легкія черты, ее опличающія.

Очень вѣроятно, что необходимость удерживать стройный станъ, при болѣзняхъ, сопряженныхъ съ родами, домашнихъ занятіяхъ или частомъ танцованьи, съ самой древности, заставляла женщинъ употреблять поясъ. Пока поясъ служилъ только для красиваго соединенія складокъ волнующейся одежды, онъ былъ пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ украшеніемъ. У древнихъ были разнаго рода пояса. Назначенный для сохраненія круглостя груди у Грековъ назывался *κακιδιον*, а у Римлянъ *Strophium*.

Капудль и Овидій предписываютъ женщинамъ правила, на счетъ употребленія сей повязки. Въ Римѣ онѣ были въ такомъ болшомъ употребленіи, что торговлею ихъ занимался особый классъ купцовъ, называвшихся *Stropharii*. Другая повязка называлась *Tainia-Zona*, а иногда *Mitra*; она употреблялась для опоясыванія спана и прикрѣпленія волнистыхъ складокъ одежды.

Одинъ изъ Нѣмецкихъ писателей, Г. Бѣш-
днеръ, въ прекрасномъ сочиненіи своемъ,
извѣстномъ подъ заглавіемъ: *Утро Римлянъ*,
въ подробностіи сообщаетъ намъ, какимъ
образомъ употреблялась *Strophium*, или груд-
ная повязка:

« Сабина, говоритъ онъ, надеваетъ подъ-
низъ тунику, теже что сорочку. Туника
сія подвзана подъ грудь, до того мѣста,
гдѣ кончится пуалецъ. Молодая невольни-
ца снимаетъ сей поясъ, и потомъ онаяс-
ваетъ свою Госпожу багряною повязкою,
которая въ древн спл служила для дамъ
вмѣсто киповыхъ усовъ и эластическихъ
корсетовъ, и была гораздо простиѣ и удоб-
нѣ сихъ послѣднихъ. »

Косильные корсеты, носимые женщинами
для поддержанія красоты спана, совершенно
противны своему назначенію, и употребле-
ніе оныхъ соединено съ важными неудоб-
ствами. Спанъ человѣческой обрисованъ са-
мою природою; самая лучшая форма его та,
которую дала природа; спарашься придашь
ему болѣ изящности, значить искажашъ
его; утоняшь его книзу, и возвышашъ
сверху, значить безобразишь; стѣсняшь пѣ-
ло въ семь родѣ панциря, значить убивашъ
его, совершенно обезображивашъ.

Цѣль корсета состоить единственно въ
помъ, чшобы поддержашъ спанъ, но не дол-
жно такъ крѣпко заплгивашься, чшобы пре-
пятствовашъ дѣйствию мускуловъ и вну-
реннихъ частей груди. Всякой корсетъ, не-
выполняющій сихъ условий, не только не со-
одвѣтствуетъ цѣли, но и вреденъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ БИТВЫ.

(Изъ Кернера.)

Боже, взываю къ Тебѣ!

Жгущаго дыма обляпъ облаками,
Молий гремящихъ уеинный зміями,
Боевъ Влспшшель! взываю къ Тебѣ:

Будь Ты вожааемъ мнѣ!

Будь Ты вожааемъ мнѣ!

Лавру победы ли, смерти ль на встрѣчу,

Воля Твоя! но въ кровавую свчу,
Господи! будь Ты вожааемъ мнѣ:
Боже, взываю къ Тебѣ!

Боже, взываю къ Тебѣ!

Въ шопотъ ль лисшьевъ, шумящихъ на дровъ,
Битвы ли грозной въ губилельномъ рѣвѣ, —
Благоспи вижу вину я въ Тебѣ:

Боже, покровомъ будь мнѣ!

Боже, покровомъ будь мнѣ!

Жизнью моею властвуешь, Боже:

(Власпешъ ошнпашъ Онъ, даа опъ Него же)

Къ жизни ли, къ смерти ль, — покровомъ будь мнѣ,

Боже, хваленья Тебѣ!

Боже, хваленья Тебѣ!

Мечь извлекли не изъ блага земнаго:

Кровь льеня въ защипу намъ края свпшаго;

Смерть ль побѣда мнѣ, — слава Тебѣ!

Боже, покровомъ будь мнѣ!

Боже, покровомъ будь мнѣ!

Громъ смертоносный на мнѣ ль разразится,

Кровь ли потокомъ изъ ранъ заструится, —

Боже мой, Боже, покровомъ будь мнѣ!

Боже, взываю къ Тебѣ!

II. Манассея.

С H A R A D E.

Rose avec une grâce extrême,

En brodant pousse mon premier;

Mon second s'observe en carême.

Ah, quel bonheur pour moi de prendre mon entier

En tête-à-tête avec celle que j'aime.

Въ Но бо помъщенный Логогриъ значишь: *Ключьва*.

НОВАЯ КНИГА.

Удивительный Человѣкъ! — Соч. П. Л. Яков-
лева; въ 5 частяхъ, Москва. 1831 г. въ Тип.
Импер. Моск. Унив. (Въ 1-й части 94, во 2-й
96; въ 3-й 95, въ 4-й 105 и въ 5-й 132 стр.
въ 12 д. л.) (*).

Въ наше Романпическое время, когда — если
не Трагедіи, то по крайней мѣрѣ Воденія
и Романы пишущся и переводящся дюжина.

(* Цѣна за всѣ 5 частей 8 руб. съ перес. 10 руб.

ми, безначальнымъ повѣспямъ—нѣспъ конца, а спиховъ-по, спиховъ-по! Въ сіе время, говорю я, Романъ Г. *Яковлева*—безъ сомнѣнія, еспъ пріаиное явленіе на блѣдномъ и блѣдномъ горизонтѣ Русской Словесности. Мы говоримъ *Романъ*, хопя Авшоръ, въроапно изъ скромности, не назвалъ его симъ именемъ; но не-смотря на сіе, книга Г. *Яковлева* имѣетъ всѣ достоинства хорошаго Романа: характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны вѣрно; положенія забавныя смѣняющія сценами чувствительными и возвышенными; интересъ возрастаетъ болѣе и болѣе; разсказъ легокъ, живъ, свободенъ даже до излишества, словомъ: эпопѣ Романъ не осмивши, не прочитавъ его до конца.

Сочинитель, какъ будшо опдернулъ занавѣсъ и показалъ намъ нѣсколько самыхъ занимательныхъ сценъ въ жизни челоѣка, копораго:

Лелвала судьба и уважали люди.

Ни за-что, ни-про-что, такъ, по пословицѣ: не родись ни уменъ, ни хорошъ—родись счастливъ. Совсѣмъ шѣмъ Бригадиръ *Удивленьскъ*, герой Романа, заставляетъ брать самое живое участіе въ критическіе минуты его жизни. Это не безцвѣтный сколокъ съ повошенной каршины, нѣтъ, эпо вѣрная, живая копія съ природы; чтобъ удословѣриться, сповипъ только *посравнить, да разсмотреть*.—*Удивленьскыихъ* найдется еще не мало, хопя и спановится меньше.

Повторяю: въ Романъ Г. *Яковлева*, мы видимъ міръ дѣйствительный, людей, какъ они еспъ: съ ихъ пороками, слабостями и добрыми, благородными качествами сердца; это не Ангелы и не Дьяволы—просто люди и притомъ люди *Рускіе* по духу и дѣламъ.

Почтенный О. М. *Соловъ*, въ 34 Но издаваемой имъ на 1831 годъ Липерапурной газеты, опозвался съ похвалою о Романъ Г. *Яковлева*. Намъ пріапно въ семъ случаѣ ослашся на опзывъ писателя, извѣснаго по своему эстетическому вкусу и Липерапурнымъ заслугамъ.

С. П. Бургъ.
16 Июля 1831.

M O D E S.

Nouveautés. Les robes de mousseline blanche ne deviennent pas communes pour être portées par tout le monde.—La forme décide si elles sont plus ou moins de toilettes parées.

Les cravates seules bien sont de gros de Naples; les mieux sont de deux couleurs par moitié, de sorte que, coupée en fichu, il se trouve que la cravate a chaque bout entièrement d'une seule couleur.

Les pantouffles de tapisserie sont remplacées par celle de maroquin à dessins de marquetterie en maroquin de couleur.—Le dessus du pied doit être garni d'un petit frisé de ruban à petits plis.

A une matinée de musique, deux jeunes femmes habillées en mousseline blanche portaient à leur cou des colliers de rubans de satin à petites coques, comme celles qui se placent sous les chapeaux, noués derrière par un nœud en rosette.—L'un était rose, l'autre bleu.—Elles les appelaient des 1722.—Du nom de la pièce donnée à la comédie française.—Ces deux femmes étaient très-blanches, et cette parure tout étrange leur séyait à ravir.—C'est une jolie innovation pleine de grâce et de coquetterie.

Meubles et objets nouveaux. Des tables en rose-wood; à pupitre tournant.—Petites, carrées, nous ont été montrées dans les magasins de *Lesage*.—Dans la hauteur, des tablettes disposées pour faire bibliothèque.—Ce meuble est plus massif que celui dans le même genre que nous avons annoncé.

Négligé de promenade. Robe de jaconas rouille à pèlerine longue, de madame Alexandre. Capoté de batiste doublée de gros de Naples, fichu de batiste à petits plis festonnés.

Figure de devant. Capote de paille rayée de gaze, un bouquet de bluets. Robe de mousseline de laine à dessins d'hieroglyphes blancs de Burty.

Pl. No 18. Britschka.

M O D E S.

Новости.—Бѣлая кисейная плащя не сдѣлались обыкновенными, потому, что ихъ всѣ носятъ.—Покрой дѣлаютъ ихъ болѣе или менѣе нарядными.

Галспуки только и хороши гроденаплевые; всего красивѣе двухъ-цвѣтные; когда они сдѣланы косыночкою, то каждый конецъ галспука разнаго цвѣта.

Сафьянныя туфли, съ узорами изъ разноцвѣтныхъ сафьяновъ, замѣнили туфли шипыя по канвъ; вверху туфля обшита узенькою ленточкою въ складку.

Въ одномъ музыкальномъ собраніи по ушпру, двѣ молодыя дамы были одѣты слѣдующимъ образомъ.—Плащя бѣлыя кисейныя; на шеѣ галспуки изъ атласныхъ ленгъ, сдѣланныхъ маленькими пеплями; шочно какъ носятъ подъ шляпами, завязанные сзади бантомъ, сдѣланнымъ репейкомъ.—Одинъ былъ розовой, другой голубой.—Онѣ называли ихъ *des 1722*, по названію піэсы, представленной на Французскомъ театрѣ.—Эти дамы были чрезвычайно бѣлы собою, и нарядъ сей какъ ни спиранень, былъ на нихъ прекрасень.—Сія новостъ исполнена прелестіи.

Мебели.—Небольшіе четвероугольные столики, изъ розоваго дерева, съ вершнящимся пулпешомъ, въ магазинѣ *Лесажа*.—До верху полки для книгъ.—Онѣ не такъ легко сдѣланы, какъ тѣ, которыя мы уже описывали.

Неглиже для прогулки.—Жаконеповое платье цвѣта ржавчины, съ длинною пелеринкою, отъ Г-жи *Александръ*. Бапистовый капонъ подложенъ гроденапдемъ; шемизетка бапистовая, вымешанная городками и сложенная въ мѣлкія складочки.

Капонъ изъ соломки съ газовыми полосками, съ букетомъ васильковъ. Платье изъ шерстяной кисей, съ бѣлыми узорами изъ *Геролифовъ*, отъ *Бюрти*.

Карц. No 18. Бричка.

С М Ъ С Б.

Въ *Бостонскомъ Альманахѣ* на 1850 годъ сообщаются слѣдующія статистическія свѣденія о Соединенныхъ Обласіяхъ:

Чины, состоящіе въ разныхъ Департаментахъ, получающіе слѣдующее жалованье: Президентъ по 135,000 франковъ въ годъ; Министры, Спашсъ - Секретари внутреннихъ дѣлъ, Финансовъ, Военный, Морской и Почтъ-Директоръ, каждый по 32,500 франковъ; Вице-Президентъ и Верховный Судья 27,100 франковъ; каждый изъ Судей Верховной Палаты 24,300 франковъ; Судьи разныхъ Обласей всего 54,208,136 франковъ.

Военные расходы съ 1775 до 1784 года, полагая въ помѣ числѣ накопившіеся во время войны долги (231,477,956 франковъ) соспавляли 732,749,810 франковъ.

Населеніе Соединенныхъ Обласей въ 1820 году проспиралось до десяти милліоновъ; въ 1810 году оно заключало въ себѣ не болѣе 7-ми, а нынѣ соспавляетъ до 14 милліоновъ.

Въ 1820 году считалось въ сей странѣ по 150 невольниковъ на 1,000 человекъ, а въ 1776 году по 177-ми на 1,000.

Въ Соединенныхъ Обласіяхъ находится нынѣ 7,530 почтовыхъ конторъ, а въ 1789 году ихъ было только 75. Большія дороги содержатъ въ себѣ разстояніе 43,899 Франц. миль.

Съ 1790 по 1815 годъ выдано 2,227 пашенповъ; съ 1815 по 1828 годъ 3,289, и въ помѣ числѣ 1,098 пашенповъ Нью-Йоркскимъ гражданама.

Штаты имѣютъ 41 военную крѣпость, 11 арсеналовъ, семь линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 2 корветы, 12 военныхъ шлюповъ и 7 гоэлешовъ. Сверхъ того, нынѣ спространя 5 военныхъ кораблей и 6 фрегатовъ. Корабельныхъ верфей находится 7, и 20 каналовъ, соспавляющихъ проспранство на 946 часовъ пути.

22 секты имѣютъ у себя около 19,000 церквей; слѣдовательно по одной на каждыя 737 душъ.

Во всѣхъ Обласіяхъ считается 43 Коллегіи или Лицея, изъ коихъ 33 въ 1828 году произвели 682 Доктора и 2,809 Баккалавровъ; въ 50 Библіотекахъ сихъ Коллегій считалось 28,118 томовъ, а въ 25 Студенскихъ Библіотекахъ 66,750 томовъ; сверхъ того находится 20 Семинарій для образованія Студентовъ Богословія, коихъ Библіотекъ вмѣстѣ соспавляютъ около 40,000 томовъ.

Въ Соединенныхъ Обласіяхъ издается 802 журнала. За позволеніе издавать оныя не платится ни какой пошлины, но разсылка ихъ доспавляетъ значительный доходъ почтовому управленію.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 62.

Цѣна годовому изданію,
соспоющему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
савкомъ и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 5 дня, 1831 года.

... Мы любимъ все во зло употребляя,
И чѣмъ полезней вещь, тѣмъ можешь быть вреднѣе.

А. Писаревъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Картина шрепья.

(Объѣдъ въ Ресторациіи.)

Такимъ образомъ въ щеголя превращенный нашъ Провинціалъ, раскланиваясь на право и на лѣво съ своею бѣлою шелковою шляпою въ рукахъ, вошелъ въ двери большаго пракпира и встрѣтилъ въ стѣнахъ какого-то Господина въ большомъ нарядѣ и съ шляпою подъ мышкой.

«Милостивый Государь, сказалъ онъ ему: я голоденъ; поленобрюхѣ опкунцаки называли бы мой аппетитъ божественнымъ; я называю его просио мучипельнымъ. Не можете ли вы мнѣ указать съѣсной пракширь, гдѣ бы я могъ пообѣдать?» — Въ здѣшней части города нѣтъ ни харчевень, ни съѣсныхъ пракшировъ. — «Смѣю думать, что вы хозяинъ сего великолѣпнаго дома?»... — Я значу нѣчто болѣе эпатаго: я Ресторанторъ; вотъ моя респорација. — «Мнѣ совершенно обрѣменяешь васъ вопросами; однако же, позвольте узнать, гдѣ ваша кухня?» — У меня нѣтъ кухни, но есть у меня Лабораторія для приспѣшенной химіи, коюрою я занимаюсь: она помѣщается именно здѣсь, подъ нашими ногами. Видите ли, какъ благовожные пина-

пельные пары синимъ облакомъ вьются къ небу сквозь эпю желѣзную трубу? — «Этотъ запахъ возбуждаетъ охоту ѣсть.»

— Я очень радъ, что онъ вамъ нравится. Вамъ потчасъ подадутъ обѣдать; а чего прикажишь, сударь? Смѣю вамъ предложить блинки à la fleur d'асасія, пѣшушья гребешки съ раковыми шейками, снигирии Филе съ шрюфелями въ раковинахъ усприць, ножки раковъ, облишные цыплячьимъ рагу и... и... и... — «Извинишь, сударь, конечно мой парикъ à la fanfan, мой жилетъ à la roze-pom-ron, моя бѣлая апласная шляпа могли вамъ подать обо мнѣ несправедливое мнѣніе. Я деревенскій жипель — люблю плотно покушати; и такъ прошу васъ дать мнѣ просио шей (soupe aux choux).» — Извольте-съ, васъ потчасъ удовлетворять. Мальчикъ, подай эптому Господину крѣпительнаго бульѣна изъ черепахи и двадцать пѣшь коченей Бриссельской капуста. — «Послѣ шей вы подадите мнѣ жареной пеляпины съ какою нибудь сышною подливкою» — Мальш, подай кусокъ недодержанной шеляпины съ ципровною кислотою и расшительными приправами. — «Нѣтъ, я лучше люблю жирную баранину въ бѣломъ соусѣ съ грибами и огурчиками.» — Все къ вашимъ услугамъ. — «Еще прибавьте картофельное блюдо и хлѣбное, на пр: кудри, или кольца; а въ десертъ подадите des pѣts de poppe.» —

Изжарьте маленькихъ круглыхъ блинковъ съ ванилью и ананаснымъ сиропомъ, взбитыхъ на жидкихъ газахъ. Какое питье предпочтительнее вы употребляете?—«Разумѣея виноградное вино, лишь бы было не поддѣльное, не кислое.»—На пр: бупылку Аи, очищеннаго водою, лишенною своего пеплорода.—«Обѣд мой кончу, если позволите, Милостивый Государь, чашкою кофе и маленькою рюмочкою наливки. Сокомъ боба Аравійскаго жасмина и рюмочкою химически перегнаннаго и настоеннаго на вишневыхъ косточкахъ ликера.»—Теперь, остаеся вамъ, Милостивый Государь, назначить, въ какой комнагѣ вамъ кушать благоудно: въ одной изъ залъ, въ гостиной, въ особенной маленькой комнагѣ, въ галлерейхъ, въ паркѣ, въ саду, въ цвѣтничкѣ, въ кіоскѣ, пагодѣ, на бельведерѣ, въ мшистомъ прохладномъ гротѣ, вокругъ котораго бьются кристальныя воды и порхаютъ пшцы? Прикажете!

—Нашъ голодный Провинціалъ прошелъ длинную галерею, вымощенную разноцвѣтнымъ мраморомъ и вснулъ въ живописный садъ. Онъ расположился въ прелестной бесѣдкѣ, гдѣ вокругъ его порхали ручныя пшцы: изъ нихъ однѣ стали щбетать на его графинѣ, другія пить изъ его стакана, между пѣмъ, какъ чижи щипали *репантиры* его парика *à la fanfan*. «Капусты! Капусты!» закричалъ онъ, сѣвъ за накрытый столъ. И удовлетворивъ первый аппетитъ, началъ прогуливаться по сему эдему, и вопъ передъ нимъ изъ персей мраморной Наяды бьетъ чистая вода, сливая свое журчаніе съ гармоническимъ пѣніемъ пшчекъ, и перьясь въ водоѣмъ, въ коемъ отражаются деревья и декорации сего прелестнаго ландшафта. Повсюду гирландами обвивающіеся живые цвѣты и шаящіеся въ разсѣлинахъ скалъ наполняли воздухъ благоуханіемъ, а горлицы жалостно ворковали надъ урною, посвященною памлци одного изъ ревностнѣйшихъ посѣпителей сего храма роскоши, умершаго отъ несваренія желудка посреди сего очарованія. Вдругъ внемлетъ онъ голосъ, выходящій изъ глубины лабиринта и поющій Тирольскую арію; прислушивается... такъ тихо... это бѣднѣ овчекъ... ревъ коровъ... свирѣль

паспущеская... Провинціалъ растерялся. Онъ въ восторгѣ вскричалъ: «Полно!— Полно!— Сельскія наслажденія покинули свои кущи и поселились въ сей прелестной обители.— Здѣсь еще болѣе сельскаго, чѣмъ въ самой деревнѣ. Сюда собрано въ маленькомъ видѣ все, что прелестнѣйшаго представляетъ намъ природа.»

Навшисъ до сыща, нашъ Провинціалъ вспалъ — и, обратясь къ хозяину, вѣжливо спросилъ: сколько вамъ, Милостивый Государь, за обѣдъ заплачить слѣдуетъ?—Пятьдесять франковъ, небольшие! почтипельно отвѣчалъ Рестораторъ.—«Пятьдесять франковъ за щи, за баранью ногу, да за карпюфель!!!...»—Возьмите въ уваженіе, что я плачу за помѣщеніе въ годъ 25,000 франковъ, 4,000 франковъ за дозволеніе содержать мою ресторацію, болѣе 6,000 франковъ обходится мнѣ мой паркъ, садъ и цвѣтнички; держу четырехъ конторщицъ, которыя прекрасны, какъ Венера, двухъ сверх-комплексныхъ, Нимфъ, двѣнадцать мальчиковъ для прислуги.—«Но все дорого, М. Г., ужасно дорого, требовашъ шридцать шесть франковъ за двѣнадцать вашихъ крошечныхъ блинковъ, взбитыхъ какими-по жидкими газами; это, по нашему, по деревенски, значитъ — брать деньги за новомодныя, непоняшныя названія, которыми вы загромождали поварню.»—Съ нѣкотораго времени, испочники нашихъ доходовъ спановяшся скудны; припасы портяшся, и кухмистерская химія, въ упонченномъ и усовершенствованномъ видѣ, пребуешъ рукъ Артиста; Артисты же большова жалованья.

— «О милая сельская невинность, простопта родимой кровни, какъ мнѣ васъ жаль!» ворчалъ обобранный жишель деревни.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ.

(Повѣсть Гофмана.)

(Продолженіе.)

Полковница вздохнула свободнѣе, когда передъ домомъ остановились всадники, и слышался голосъ ея мужа.

Вслѣдъ за тѣмъ Полковникъ вошелъ въ залу. Лишь только увидѣлъ незнакомца, онъ бросился къ нему на встрѣчу и вскричалъ: добро пожаловать, любезный Графъ! — Сердечно радъ, васъ видѣть въ моемъ домѣ. Потомъ, обратясь къ женѣ, сказалъ: это Графъ З—и, мой искренній другъ, съ которымъ я познакомился въ опдаленномъ Сѣверѣ, и нашелъ его опять на Югѣ. —

Полковница, освобождаясь отъ всякаго спраха, съ милою улыбкою увѣряла Графа, что виноватъ мужъ ея, который забылъ предупредить ее о семъ пріятномъ посѣщеніи, если онъ принялъ былъ, можетъ статься, нѣсколько странно, и совѣтъ не шакъ, какъ бы слѣдовало принять искренняго друга. Потомъ она спала рассказывать мужу, что во весь вечеръ говорили только о духахъ, привидѣніяхъ и другихъ таинственныхъ предметахъ; что Морицъ рассказывалъ спрашную исторію, случившуюся съ нимъ и однимъ изъ его друзей; что въ ту самую минуту, когда Морицъ произнесъ: «шупъ раздался оглушительный ударъ,» — расшворились двери залы и вошелъ Графъ.

— Прекрасно! — воскликнулъ Полковникъ, съ громкимъ смѣхомъ: прекрасно! Васъ, любезный Графъ, приняли за привидѣніе! Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, будто и теперь еще на лицѣ моей Анжелики остаются слѣды испуга; будто Морицъ все еще занятъ рассказомъ своей спрашной повѣсти, и даже Дагобертъ упряталъ свою веселость. Скажите, пожалуйста, Графъ! не ужасно ли, что васъ приняли за привидѣніе, за неприязненнаго духа? —

— Развѣ есть во мнѣ чтонибудь спрашное и таинственное, подхватилъ Графъ, спрашно взглянувъ на общеснво. — Вѣдь говорятъ же, что есть люди, которые, посредствомъ особеннаго физическаго очарованія, могутъ приводить другихъ въ трепень. Можетъ быть и я владѣю подобнымъ волшебствомъ? —

— Вы шутите, Графъ! подхватила Полковница: но надобно признаться, что теперь опять стали гоняться за самую спрашную таинственностью. —

— Да, да, — возразилъ Графъ: весь свѣтъ опять пристраснился къ сказкамъ нянюшекъ, и зараженъ какою-то чудною мечтательностью. Надобно остерегаться сей странной заразы. — Впрочемъ я долженъ просить извиненія у Г. Готмистра, что прервалъ въ самомъ замѣчательномъ мѣстѣ его повѣсти, и потому покорнѣйше прошу продолжать; вѣроятно, все желаю узнать конецъ развязку этого происшествія.

Для Готмистра, присутствіе иноземнаго Графа не только было непріятно, но совершенно противно. Онъ находилъ въ его словахъ, почти всегда сопровождаемыхъ отвращительною улыбкою, что-то колкое, язвительное, и потому, устремивъ на него сверкающій взоръ, отвѣчалъ рѣзкимъ тономъ, что онъ опасается своею нянюшкиною сказкою расстроить веселое расположеніе, въ которое появленіе Графа привело угрюмое досель общеснво, и что посему почитаетъ за лучшее молчать. —

Графъ, казалось, не обратилъ вниманія на слова Готмистра. Небрежно играя золотою табакеркою, онъ обратился къ Полковницѣ съ вопросомъ, не Француженка ли эта веселая дама?

Онъ разумѣлъ Маргариту, которая, припѣваячи безъ умолку, прыгала по залѣ. Полковникъ подошелъ къ ней и спросилъ въ полголоса, не съ ума-ли она сошла? Маргарита вздрогнула, съ поникшею головою пошла къ чайному столу и, молча, сѣла.

Тутъ Графъ завелъ весьма замѣчательный разговоръ о послѣднихъ происшествіяхъ.

Дагобертъ съ трудомъ могъ произнести нѣсколько отрывистыхъ словъ. Морицъ былъ весь въ огнѣ и, сверкающимъ взоромъ, помахивалъ на Графа, какъ будто ожидая знака къ нападенію. Анжелика, казалось, вся занята была своимъ рукодѣльемъ; она ни разу не подняла глазъ! — Гости ушли въ самомъ худомъ расположеніи.

«Ты счастливецъ!» воскликнулъ Дагобертъ, находясь наединѣ съ Морицомъ: «ты спрашно любимъ Анжеликою. Я сего дня проникъ въ ея сердце, я прочелъ въ глазахъ ея, что она пылаетъ къ тебѣ вѣчною любовію. Но Сашана не дремлетъ и поршистъ всякое доб-

рое дѣло. Маргарита питаешь безумную страсть. Она любитъ себя со всеѣмъ неистовымъ пламенемъ, къ какому только способно пылкое сердце. Давишніе безразсудные поступки ея были ни что иное, какъ порывъ самой бѣшеной ревности. Когда Анжелика уронила платокъ, когда ты его поднялъ, когда ты поцѣловалъ у нея руку, тогда бѣдною Маргаритою овладѣли всеѣ фуріи ада. И ты самъ тому причиною. Не правда ли, что ты прежде много волочился за миловидною Французскою. Я очень знаю, что ты всегда думалъ объ одной только Анжеликѣ; что всеѣ твои учтивости, распускаемыя передъ Маргаритою, относились только къ Анжеликѣ, но эпошъ опводъ сдѣлался гибельнымъ для первой. Теперь не миновать бѣды, и я право не знаю, какъ выпушашься изъ этой суматохи!» —

— Поди ты съ своею Маргаритою, возразилъ Роппмистръ. Если Анжелика меня почтно любитъ, въ чемъ я все еще сомнѣваюсь — то я счастливейшій человекъ, и все Маргариты въ свѣтѣ, со всеѣмъ ихъ безуміемъ, для меня ничто! Но меня прервожишь со всеѣмъ другое! Эпошъ чужеземный шайнштвенный Графъ, которій вошелъ, какъ мрачная страшная тайна, которій всеѣхъ насъ распроилъ; его-то я опасуюсь. Мнѣ кажется, какъ будто изъ глубины минувшаго исходитъ воспоминаніе — почти могу сказать — сонъ, который представляеть мнѣ эпого Графа въ страшныхъ отношеніяхъ! Мнѣ кажется, будто тамъ, гдѣ онъ появился, непременно должна разразиться бѣда ужасная, чарами его вызванная изъ мрака почнаго. — Не замѣнилъ ли ты, какъ часно взоръ его покоился на Анжеликѣ, и какъ необыкновенный румянецъ вспыхивалъ на его блѣдныхъ щекахъ, и потомъ опять исчезалъ? Сей ужасный человекъ опасенъ для любви моей; за шѣмъ-то рѣчь его, ко мнѣ обращенная, была такъ лзвительна; но я готовъ съ нимъ биться на смерть!

Дагобертъ называлъ Графа шайнштвеннымъ пройдохомъ, съ которымъ надобно поступать смѣло, рѣшительно. Впрочемъ, думалъ онъ, можетъ быть напрасно возмѣтъ мы объ немъ шакое мнѣніе; можетъ

быть должно приписать непріятное впечатлѣніе тому мрачному расположенію, въ которомъ находилось общешво, когда вошелъ Графъ. «Съ нею ко тебимою шверлосією духа,» прибавилъ Дагобертъ: «съ вѣрою въ жизнь должны мы встрѣчать всякую губительную непріязнь. Никакія мрачныя силы не въ состояніи подавить человека, идущаго спезею добродѣтели!» —

Прошло довольно времени. Графъ, частыми посѣщеніями своими, сдѣлался почти домашнимъ въ семействѣ Полковника. Все согласны были въ томъ, что упрекъ въ шайнштвенности Графа падаетъ на тѣхъ, которые сдѣлали его шайнштвеннымъ. Не въ правѣ ли былъ Графъ, говорила Полковница, насъ самихъ, сидѣвшихъ съ блѣдными лицами, разширенными, угрюмыми, по справедливости почестъ за людей шайнштвенныхъ? — Графъ въ разговорахъ обнаруживалъ обширныя познанія; хотя онъ былъ родомъ Итальянецъ, и не всеѣмъ число изъяснялся на чужомъ языкѣ, но говорилъ весьма пріятно. Разказы его невольно увлекали живосією, такъ, что Морицъ и Дагобертъ, сколько ни худо были къ нему расположены, забывали свою ненависть, такъ, что Анжелика и всеѣ прочіе жадно ловили слова его; когда онъ что ни будь разказывалъ: то его блѣдное, но правильное, выразительное лице одушевлялось пріятною улыбкою.

Дружба Полковника съ Графомъ завязалась въ шакихъ общешельствахъ, которыя относились къ чести сего послѣдняго и доказывали благородство его характера. Случай свелъ ихъ въ глубокомъ Сѣверѣ, гдѣ Графъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ выручилъ Полковника изъ крайности, которая, для его состоянія, и даже для добраго имени и чести его, могла имѣть самыя дурныя послѣдствія. Полковникъ, глубоко чувствуя, чѣмъ обязанъ онъ Графу, былъ привязанъ къ нему всею душею.

«Пора,» — еказалъ Полковникъ однажды своей супругѣ, находясь съ нею на единѣ: «пора открыть тебѣ причину посѣщеній Графа. Тебѣ извѣстно, что во время пребыванія моего въ городъ П —, чешыре годъ тому назадъ, мы заключили между собою

соезъ искреннѣйшей дружбы, такъ, что наконецъ жили въ одной квартирѣ. Въ то время случилось, что Графъ, навѣстивъ меня однажды рано поутру, увидѣлъ на моемъ письменномъ столѣкъ миніашюрный портретъ Анжелики, который я взялъ съ собою. Посмотрѣвъ на него пристально, онъ осполбентѣлъ. Не будучи въ силахъ отвѣчать на мои вопросы, онъ вперлъ неподвижный взоръ на портретъ, и пожирая его глазами, наконецъ воскликнулъ, какъ бы вдохновенный: «никогда не видалъ я прекраснѣе и милѣе эпой женщины; никогда я не понималъ, что такое любовь, которая теперь только возгорѣлась въ моемъ сердцѣ яркимъ пламенемъ.» Я шутилъ на счетъ чудеснаго дѣйствія портрета, называя Графа новымъ *Калафомъ*, который вѣроятно въ моей доброй Анжеликѣ не найдетъ впорой *Турандотъ* (*). Наконецъ я далъ ему довольно ясно разумѣть, что въ его лѣтахъ, (ибо его нельзя назвать уже молодымъ человѣкомъ) влюбиться вдругъ въ портретъ, кажется мнѣ довольно страннымъ романизмомъ. Тутъ онъ покаялся, со всѣмъ жаромъ, со всѣми знаками неистовой страсти, свойственной его націи, что онъ невыразимо любитъ Анжелику, и умолялъ меня именемъ всѣхъ святыхъ, чтобы я, если не хочу повергнуть его въ глубочайшую бездну опчаянія, позволилъ ему искать любви и руки Анжелики. Вотъ причина его сюда прѣзда; вотъ почему онъ такъ часто насъ посѣщаетъ; вчера онъ объявилъ мнѣ рѣшительно, что желаетъ жениться на Анжеликѣ. Ты что думаешь объ этомъ? —

Полковница сама не знала, почему послѣднія слова мужа поразили ее внезапнымъ ужасомъ. — Боже милосердый! — вскричала она: выдашь Анжелику за этого чужеземца? —

— Чужеземца, возразилъ Полковникъ, наморщивъ чело: чужеземца, которому я обязанъ добрымъ именемъ, свободою, можешь быть даже жизнію? — Я согласенъ, что онъ, человѣкъ уже не молодой, и въ этомъ отношеніи составилъ не совсѣмъ ровную партію для нашей дочки; но онъ человѣкъ благородный; и при томъ богатъ — очень богатъ. —

(*) Два лица изъ Шиллеровой драмы: Турандотъ.

— И не спрося Анжелики? — перебила рѣчь его Полковница: она, можешь быть, со всѣмъ не такъ къ нему расположена, какъ онъ воображаетъ.

Неужели, — вскричалъ Полковникъ, вскочивъ со стула, и съ пылающимъ взоромъ подоидя къ супругъ: неужели ты можешь счищать меня безразсуднымъ, жестокосердымъ опцемъ, который въ состояніи пожертвовать своего дочерью для какихъ нибудь видовъ? — Но я не могу терпѣть вашего романическаго, сенсимашиальнаго бреда! — Ну, что ипуть, по вашему мнѣнію, непонятнаго и страннаго, когда два лица разныхъ половъ вступають въ супружество? Анжелика вся слухъ, когда Графъ говоритъ; она посматриваетъ на него съ неприщворною благосклонностію, она краснѣетъ, когда онъ прижимаетъ къ ушамъ ея руку, которую охотно осваиваетъ въ его рукъ. У девинной дѣвушки потчасъ обнаруживается расположеніе, составляющее истинное счастье мужа. Тутъ вовсе не нужно романической любви, которая очень часто сводитъ васъ съ ума! — —

— А я думаю, — подхватила Полковница: что сердце Анжелики не ии къ ужъ свободно, какъ она, можешь спасться, сама воображаетъ.

— Какъ! вскричалъ Полковникъ, и хопѣлъ уже предаться гнѣву; въ эту минуту опворилась дверь, и вошла Анжелика съ очаровательною улыбкою самой преганельной невинности.

Полковникъ, внезапно забывъ свое негодование, свой гнѣвъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ, схватилъ ея руку, подвелъ къ кресламъ, и сѣлъ подлѣ милой дочери. Тутъ онъ завелъ разговоръ о Графѣ; хвалилъ его благородную наружность, его умъ, его образъ мыслей, и пош мъ спросилъ, прощивенъ ли ей Графъ? Анжелика отвѣчала, что сначала онъ казался ей очень страшнымъ, но она вовсе преодолѣла сіе чувство, и теперь весьма охотно его видитъ —

Прекрасно! — воскликнулъ Полковникъ, исполненный радости: слава Богу! теперь я утѣшенъ, теперь я спокоенъ! — Послушай,

милое дитя! Графъ 3—и, сей благородный человекъ, любить тебя всѣмъ сердцемъ; онъ сванася за тебя; надѣюсь что съ твоей споронъ не будетъ онказа. — Едва Полковникъ успѣлъ произнести сіи слова, какъ Анжелика съ глубокимъ вздохомъ упала въ обморокъ. Полковница пришла ея въ свои объятія, бросивъ значительный взглядъ на мужа, который, молча, смотрѣлъ на нее неподвижнымъ взоромъ. — Анжелика пришла въ себя; слезы ручьями лились изъ глазъ ея; она вскричала раздирающимъ душу голосомъ: Графъ — эшто ты ужасный Графъ! — Нытъ, нытъ — никогда! —

Со всею крѣпостию Полковникъ упрашивалъ ее, сказать ему причину, почему Графъ для нея такъ спрашенъ? Тутъ Анжелика призналась, что въ эту самую минушу, когда отецъ извѣстилъ ее о свановствѣ Графа, во всей силѣ ожилъ въ душѣ ея тотъ страшный сонъ, который нился ей четыре года тому назадъ. на канунъ дня ея рожденія, когда ей исполнилось 14 лѣтъ, послѣ коего пробудилась она въ смертельномъ спрахѣ. — «Мнѣ казалось,» говорила Анжелика, «будно я прогуливаюсь въ прелесномъ саду, усаженномъ иноземными кустами и цвѣтами. Вдругъ очутилась я передъ дивнымъ деревомъ съ темными листьями и огромными, необыкновенно благоухающими, цвѣтами, почти похожими на самбуку. Сіе дерево такъ сладостно шумѣло своими вѣтвями, какъ будно приглашая меня подъ свою гостепріимную сѣнь. Невольно увлеченная, я сѣла подъ дерево на дернъ. Тутъ показалось мнѣ, будно слышныя жалобные звуки пронеслись по воздуху, и подобно дуновенію въ пирѣ, коснулись дерева, которое заспонало. Меня объяла невыразимая тоска; въ груди моей пробудилось живѣйшее состраданіе, но я сама не знала тому причины. Тутъ огненный лучъ внезапно уснремился въ мое сердце, какъ будно его разѣкалъ! — Крикъ, который я хотѣла испоргнуть, не могъ вырваться изъ груди, опягченной неопытнымъ помленіемъ; онъ замеръ въ глубокомъ вздохѣ. Но лучъ, поразившій мое сердце, былъ взоръ двухъ человеческихъ глазъ, которые неподвижно смотрѣли на меня изъ

густого кустарника. Въ эту минушу глаза очутились предо мною, и показалась блѣдная рука, которал описывала около меня круги. Тѣснѣе и швѣнѣ спановились круги, опупывая меня огненными нпшями, такъ что я наконецъ не могла пошевеливаться въ часной пкани. И припомъ казалось мнѣ, будно шопъ мучительный взоръ ужасныхъ очей, все глубже проникалъ въ мою внутренность, совершенно овладевалъ моими чувствами; смертная тоска облила меня холоднымъ потомъ. Дерево глубоко наклонило ко мнѣ цвѣты свои, изъ коихъ сладостный голосъ юноши говорилъ: Анжелика! а спасу тебя — спасу тебя! — Но — —»

Анжелика была прервана; слуга доложилъ о Роммистрѣ фонъ П . . . , который пріѣхалъ къ Полковнику по дѣламъ службы. Лишь только Анжелика услышала имя Роммистра, какъ снова заливаясь слезами, вскричала съ выраженіемъ жеспочайшаго спраданія, такимъ голосомъ, который можетъ испорнуться только изъ груди, спѣсенной помленіемъ любви: Мориць! — ахъ, Мориць! —

Роммистръ, при входѣ, услыпалъ сіе восклицаніе. Онъ увидѣлъ Анжелику, упоающую въ слезахъ, простирающую къ нему руки. Внѣ себя, онъ сбросилъ съ головы каску, которал звеня покатила на полъ, кинулся передъ Анжеликою на колѣна и заключивъ ее въ свои объятія почти бездыханную отъ восторга и горести, съ горячностію прижалъ ее къ сердцу. — Полковникъ съ безмолвнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на группу. «Я предчувствовала,» сказала Полковница шпихимъ шопотомъ: «что они любящъ другъ друга, но не знала о томъ ни слова.» —

— Господинъ Роммистръ! — сказала съ гнѣвомъ Полковникъ: что эшто значишь? что вамъ до моей дочери?

Мориць, потчасъ опомнясь, тихо опустилъ полумертвую Анжелику въ кресла, потомъ поднялъ каску съ полу, съ пылающимъ лицомъ и потупленнымъ взоромъ подошелъ къ Полковнику, и увѣрялъ честною, что онъ пламенно, невыразимо любитъ Анжелику, но что доселѣ не выходило изъ устъ его ни малѣйшее слово, которое хотя сколько нибудь походило бы на признаніе въ люб-

ви; ибо онъ до сихъ поръ все еще сомнѣвался, что Анжелика отвѣнствуетъ его чувствамъ. Одинъ только сей случай, коего онъ не въ силахъ разгадать, открылъ ему все блаженство неба, и попому онъ надѣялся, что Полковникъ, какъ человекъ благороднѣйшій, какъ отецъ нѣжнѣйшій, не отвергнетъ его просьбы, и благословитъ союзъ, заключенный честнѣйшею, искреннѣйшею любовью.

Полковникъ съ мрачнымъ взоромъ посмотрѣлъ на Роммисира, на Анжелику; попомъ съ поджатыми руками, безмолвный, спалъ ходишь взадъ и впередъ по комнапъ, какъ человекъ, которъ въ борьбѣ съ собою, которъ не знаетъ, на что рѣшиться. Онъ остановился передъ женою, которая, принявъ Анжелику въ объятія, успокоивала и утѣшала ее: какую связь съ Графомъ имѣетъ твоя глухой сонъ?—спросилъ онъ угрюмо, спараясь подавить гнѣвъ. —

Тупъ Анжелика спала передъ нимъ на колѣна, цѣловала руки его, орошала ихъ слезами, и сказала прерывающимся голосомъ: «ахъ, папунька—милый папунька! Тъ спрашныя глаза, которые пожирали мое сердце, были глаза Графа; его страшная таинственная рука опунывала меня огненною сѣпью!— Но утѣшительный голосъ юноши, взывавшій ко мнѣ изъ благовонныхъ цвѣтловъ чудснаго дерева—это былъ Морицъ—мой Морицъ!» —

Твой Морицъ?—вскричалъ Полковникъ, поспѣшно опворотаясь, такъ, что Анжелика едва не упала на полъ. Попомъ глухо провнесъ: для ребяческихъ причудъ, для запрещенной любви жершвовалъ родительскимъ желаніемъ, искаптельствомъ благороднаго человека!—Онъ началъ опять безмолвно расхаживать по комнапъ. Наконецъ, обратился къ Морицу, сказалъ: Господинъ Роммисиръ! вы знаете, сколь высоко я васъ уважаю; вы были бы мнѣ самый милый зяпъ; но я далъ уже слово Графу З—и, которому я обязанъ, сколько человекъ только можете быть обязаны другому. Впрочемъ не думайте, что я буду играть роль оица—пирана. Нѣтъ! Я сей часъ поѣду къ Графу; я ему все опкрою. Ваша любовь мнѣ будетъ спойтъ кровавой

ссоры, быть можетъ жизни; но нечего дѣлать!—Дождитесь здѣсь моего возвращенія!—

Роммисиръ увѣрялъ съ жаромъ, что онъ скорѣ самъ пожертвуетъ жизни, нежели допуститъ, чтобы Полковникъ подвергнулся хопя малѣйшей опасности. Не отвѣчая ни слова, Полковникъ поспѣшно удалился.

(Продолж. въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Ъ В Е Р Ъ.

Изъ зимней пшмы какъ изъ могилы
Освобожденная Нева
Вновь съ плескомъ жизни, хопъ ужаснымъ,
Свои лобзаетъ острова.
Блѣдитъ страшный мракъ полночи;
Свѣтлеть Финскій небосклонъ,
И доль, доль блещетъ въ очи
Ижорскихъ водъ свободный склонъ.
Вопъ дальше—ночь мрачнѣе не смѣетъ
Безвъздный и безлунный сводъ:
Еще одна заря алѣетъ —
Другая край его зажжетъ.
Въ безмолвный часъ успокоенья,
Средь злчныхъ, свѣжихъ острововъ,
Безъ ночи пшпашъ сновидѣнья
Балпійскихъ жипеля бреговъ.
Но лѣпшею красотой лѣненный
Природы Сѣверной своей,
Не спуетъ въ снѣгахъ рожденный
О Южной роскоши ночей.

А. Глбовъ.

Май 1831.

О М О Н И М Ъ.

У древнихъ воиновъ бывалъ въ большой я модъ,
Полезенъ и щеперь Башкирцамъ, Калмыкамъ;
Роспу, зелѣный, въ огородъ —
И куомъ лакомымъ въ день постный мужикамъ.
Въ Но-б-помъщенная шарада значитъ: *Déjeuner.*

М О Д Е С.

Une robe de mousseline à bouquets de fleurs jetés du magasin des dames à la mode.—Chapeau de paille de riz, avec des plumes roses de madame Céliane Martin, place Vendôme n° 2. Pélerine de batiste brodée.

Une robe de foulard du Bengale à rosaces blanches, au milieu desquelles se trouvent une fleur.—Chapeau de paille de riz de madame Céliane. Fichu de mousseline à col en sautoir, de madame Minette, rue de Rivoli.

Une robe de mousseline.—Chapeau de paille d'Italie des magasins d'Herbault.

Habit de drap noir et pantalon de coutil anglais de chez Bin, rue d'Amboise.

Ensembles de Toilette.—Une robe de châly fond blanc, bouquets jetés de grappes de lilas.—Une pélerine de mousseline plate, un peu carrée devant, faisant la pointe sur l'épaule, brodée dans les dents qui la bordent tout au tour.—Double col de mousseline brodée.—Une cravate de gros de Naples moitié vert moitié rouge.—Un chapeau de paille d'Italie avec une touffe de plumes d'autruches.—Des brodequins de prunelle gros vert.

Une robe de jaconas blancs, pélerine de batiste brodée.—Cravate et ceinture vertes.—Chapeau de paille de riz, — bouquet de dix plumes blanches et vertes, de madame Hocquet, rue Ventadour, n° 11.—Brodequins de gros de Naples et maroquin noir.—Gants de fil d'Écosse, blancs.

М О Д Ы.

Платье из кисеи съ разбросанными букетами цвѣтвъ.—Басшовая шляпка съ розовыми перьями, опъ Г-жи Céliane Martin, на Вандомской площади.—Батисшовая вышитая пелеринка.

Платье изъ Бенгалскаго фуларъ съ бѣлыми ренейками, въ срединѣ которыхъ по цвѣтку.—Басшовая шляпка, опъ Г-жи Céliane.—Шемизетка кисейная, воропникъ крестообразно, опъ Г-жи Minette, въ улицѣ Риволи.

Кисейное платье.—Итальянская соломенная шляпка, изъ магазина Harbault.

Черный фракъ; панталоны изъ Английскаго какаменка, опъ Блини, въ улицѣ Амбуазъ.

Полный нарядъ.—Шалевое платье, по бѣлому грунту, разбросаны букеты изъ вѣтокъ сирени.—Кисейная гладкая пелеринка, спереди почти четверугольная, на плечахъ мысками, по краю зубцы, въ которыхъ шитье.—Двойной, кисейной, вышитой воропничекъ.—Галстучекъ гроденнадевой, зеленой пополамъ съ краснымъ.—Итальянская соломенная шляпка, съ кушомъ изъ волокни спроусовыхъ перьевъ.—Темнозеленые, прюне-левые сапожки.

Платье изъ бѣлаго жаконета; батисшовая вышитая пелеринка.—Поясъ и галстукъ зеленые; басшовая шляпка, съ букетомъ изъ десяти бѣлыхъ и зеленыхъ перьевъ, опъ Г-жи Hocquet, въ улицѣ Ваншадуръ.—Сапожки черные гроденнадевые съ сафьяномъ.—Бѣлыя перчатки изъ Шотландскихъ нитокъ.

С М Ъ С Ъ.

Ты сдѣлалъ постыдное дѣло, спыдись за себя: раскаявающийся преступникъ еще не поперялъ.

Не хопъшь внимать совѣщамъ и не правляшь своего сочиненія, естъ школьное педаншество.

Тщеславные люди очень похожи на блестящее оружіе; наружность его драгоцѣнна; обважи—и увидишь никуда негодное желѣзо.

Гораздо полезнѣе бесѣдовать самимъ съ собою, нежели съ невѣждами.

Ложь не можетъ долго скрываться: одна минуша—и она обнаружится.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ ко

Средамъ и

Субботамъ.

№ 63.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 8 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Чужая споронушка безъ вътру сущишь,
Чужой ошець съ матерью безвинно крушитъ.
(Старинная Русская пѣсня.)

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

Картина четвертая.

(Окончаніе.)

Нашъ Уздный объѣдало порядочно набивъ свой желудокъ, вышелъ на улицу, еще проклятая и модный кухмистерскій словарь и пятьдесятъ франковъ, которые онъ пролакомилъ.

«О Парижъ! Жерло всепоглощающее, пропасть бездонная!» ворчалъ онъ сквозь зубы и, подаваясь впередъ, остановился на бульварѣ передъ великолѣпною вывѣскою магазина.— Надпись гласила: *изъ Перуанскихъ рудниковъ*. Большая картина вывѣски изображала: *Вулкана* въ кузницѣ, *Палладу* въ своей мастерской—(оба прилѣжно работали)—и *Меркурию*, уносящаго на быспрыхъ крылахъ изящныя непаллическія издѣлія, выкованныя молотомъ, *Вулкана* и вычеканенныя рѣзцомъ богини мудрости. Сія эмблема, иди аллегорія, не говоря, сказывала, что тупишь рабочая и лавка золотыхъ дѣлъ мастера. При этомъ видѣ нашему Провинціалу пришло въ голову, что онъ, имѣя счастье имѣть у себя золотые часы и неудовольствіе видѣть ихъ пошпенными черезъ плечо на кожаномъ реме-

шкѣ; между тѣмъ, какъ нѣтъ ничего въ природѣ красивѣе золотой цѣпочки; ибо она предсказываетъ намъ чистоту, и блескъ и достоинство, безъ всякой примѣси неблагородныхъ металловъ. И сіе размышленіе, и выведенное имъ изъ того умозаключеніе, естественно родили въ немъ мысль промѣнать ремень на золото. «Сколько надобно изрудовъ, чѣмъ обдѣлать подлый ремень: надобно выкормить, попомъ убить быка, содрать съ него кожу, выдѣлать оную, и пропустить чрезъ двадцать художественныхъ рукъ и машинъ. Не прежде, какъ пройдя всѣ сіи мытарства, сырая воловьѣ кожи превращается въ ремешекъ для часовъ. Забивъ сей кусокъ кожи золотую цѣпочкою, я снова вступаю въ порядокъ вещей самыхъ естественныхъ, покупаю вещь вѣчную, не шерляющую цѣнности;» говорилъ самъ себѣ нашъ оригиналъ.

И входя въ магазинъ золотыхъ дѣлъ мастера: разсматриваетъ все, любуется, дивится. Видитъ въгдетъ кудаже какая-то знатная дама, примѣриваетъ браслеты на свои кругленькія и бѣленькія ручки, спрашиваетъ о цѣнѣ. Между тѣмъ, Провинціаль, выбравъ пляжловѣсную цѣпочку, шцетно желаетъ узнать доброту золота.— «Вы этаго никогда основательно не узнаете; надобно попереть его алмазомъ;» говоритъ ему съ уча-

спіємъ дама.—У меня нѣтъ его, сударыня.—
«Я могу вамъ услужить онымъ, если только
вамъ угодно будетъ поспричься ошколопъ
эту булавку, копорюя приколопа моя ко-
сыночка. Вы увидите тамъ на концѣ ея ис-
корку алмаза.»—Если позволите, я восполь-
зуюсь вашимъ добрымъ расположеніемъ, толь-
ко боюсь, чпобы эпа искорка не произве-
ла во мнѣ большаго пожара.

При семъ нескромномъ опзывѣ, смирен-
ница потупила глазки въ землю, однакожь
позволила добродушно взять свой алмазикъ,
и когда приподняла кружевной вуаль, закры-
вавшій ей лицо: по взорамъ протпяка на-
шего блеснуло личико самое *Рафаэлевское*,
самое *Ангельское*. Провинціалъ разинулъ
ротъ: онъ совсѣмъ поперялся, глаза его раз-
бѣжались.

Упиривость претбовала, чпобы онъ, попро-
бовавъ алмазомъ золото, прикололъ булаво-
чку на прежнее мѣсто. Скромная красавица
мигомъ смѣкнула, чпю Провинціалъ былъ въ
половину пожираемъ пламенемъ вождельннѣ;
она сказала ему робкимъ голосомъ: «Мило-
спивый Государь, сего дня впервые разъ опъ
роду осмѣлилась я выпити одна со двора. Па-
рижъ полонъ дерзкихъ муштинъ, привязчи-
выхъ; могу-ли надѣяться, чпю вы будете
спасходительны, проводите меня до маминь-
киной квартиры?» — Какое неожиданное
счастье! За честь себѣ поснаваю. И пляж-
кій вздохъ вылетѣлъ изъ его груди.

Онъ подаль руку прекрасной незнакомкѣ,
и дорогою вывелъ слѣдующее заключеніе:
«Я старъ, дурень, неловекъ; надобно же мнѣ
имѣть какое нибудь достоинство, чпю ни-
будь привлекательное, производящее довѣрен-
ность, пѣняющее. Безъ сомнѣнія, душев-
ная симпатія расположила ко мнѣ сію мо-
лоденькую, заспѣвчивую красавицу.»

Послѣ нѣкошораго молчанія она сказала
ему: «Я вышла на минушу со двора для по-
купки маленькихъ бездѣлушекъ; мнѣ бы стра-
стно хотѣлось купиць браслеть, чпобы пода-
ришь ими жену Спрядчаго, копорой ходитъ
по пняжебному дѣлу мапушки; эпо дѣло, если
будетъ нами выиграно: по принесетъ намъ
около милліона Франковъ.» — Эпо славная сум-

ма, сударыня.—«И вы такъ думаете? Позво-
лите ли вы мнѣ, Милоспивый Государь, пред-
спавишь васъ, какъ моего покровителя и
какъ любезнѣйшаго изъ муштинъ, мапушекъ и
моимъ сестрицамъ, копорыя чрезвычайно
будутъ рады засвидѣтельствовать вамъ
свою признательность?» — Какъ, сударыня,
въ самомъ дѣлѣ? Слишкомъ много чести....

Между тѣмъ, они продолжали дружески
пусть по бульвару; наконецъ, пришли къ на-
значенному мѣсту, поднялись въ четвертый
этажъ. И нашъ зѣвака дѣйствительно уви-
дѣлъ мапушку съ дочерьми. Его привали
съ изъявленіями величайшей благодарности.
Одна изъ дѣвушекъ, рѣзвенькая и хоро-
шенькая, хотѣла даже поцѣловать покрови-
теля своей сестры: «О милая сельская не-
винность!» воскликнулъ онъ. — Я надѣюсь,
Милоспивый Государь, чпю вы останетесь
опужинать съ нами; но безъ церемоніи, вопъ
кусокъ жаренаго и салатъ.—«Любезная прот-
пота родимой кровли!.. Пріютивъ, въ селахъ
только извѣстнаго гостепрнмства!».....

Возвращаясь домой, онъ не нашелъ уже въ
карманахъ своихъ ни записной книжки, ни
часовъ, ни золотой цѣпочки, ни кошелька,
ни табакерки. Оспалась только при немъ
одна шелковая шляпа, да парикъ à la Panfan,
укращенный чешырьми репанширами.

«О Природа, добрая Природа, пыл изгнала
навсегда меня изъ Парижа! Милая невин-
ность сельская, протпота родимой кровли,
бѣгу опъскивать васъ снова!» вскричалъ въ
опчаяннн ограбленный Провинціалъ. Онъ съѣлъ
въ первый опъѣзжающій въ его городъ ди-
лжансъ — и поскакалъ за заспаву.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ.

(Повѣсть Гофмана.)

(Продолженіе.)

Лишь только Полковникъ вышелъ изъ
комнаты, любовники въ упоеннн воспорга-
кнулись другъ другу въ объятія, и покли-

лись въ вѣчной, неизмѣнной вѣрности. Анжелика увѣряла, что тогда полько, какъ отецъ объявилъ ей о искапелствѣ Графа, она почувствовала въ глубинѣ души своей, сколь невыразимо любитъ она Морица, и что скорее умретъ, нежели сдѣлается супругою другаго. — «Сердце мое говорило мнѣ,» приговорила она съ дѣвственной стыдливостью: «что и Морицъ столь же пламенно меня любитъ.» — Тутъ они оба приводили себѣ на память каждую минуту, въ которую взаимная любовь ихъ обнаруживалась и, забывъ сватовство Графа и негодованіе Полковника, радовались и веселились, какъ счастливыя дѣти. Распороганная мать, которая давно уже замѣчала сію любовь и отъ всего сердца одобряла склонность Анжелики, обѣщала употребить съ своей стороны все средства, чтобы отклонить мужа отъ намѣренія выдать дочь свою за человѣка, которымъ она гнушается, сама не зная, пому причины.

Прошло съ часъ. Отворилась дверь, и къ изумленію всѣхъ вошелъ Графъ З.—и. За нимъ Полковникъ съ сверкающимъ отъ радости взоромъ. Графъ подошелъ къ Анжеликѣ, схватилъ ея руку, посмотрѣлъ на нее съ горестною улыбкою. Анжелика вздрогнула и, гопповая уваснѣ въ обморокъ, едва вяшно произнесла: ахъ — эти глаза! —

— Вы блѣднѣете, сударыня! началъ Графъ: такъ же, какъ въ ту минуту, когда я въ первый разъ вошелъ въ сей домъ. — Неужели въ самомъ дѣлѣ я кажуеь вамъ страшнымъ привидѣніемъ? — Нѣтъ! — не ужасайшесь, Анжелика! Не спрашиваетесь человѣка, который любитъ васъ со всею горячностью, со всѣмъ пламенемъ юности; который не знаетъ, что сердце ваше уже не свободно; который имѣлъ безразсудство искать вашей руки. — Самое слово родительское не даетъ мнѣ ни малѣйшаго права на руку, которая сослала бы все блаженство моей жизни. Вы свободны, сударыня! — Присутствіе мое не будетъ напоминать вамъ тѣхъ непріятныхъ минутъ, коихъ я былъ причиною. Скоро и можете быть завтра же я удалюсь опять въ свое отечество! — «Морицъ — мой милый Морицъ!» воскликнула Анжелика въ восторгъ, и припала къ груди возлюбленнаго. Судорожное

препятствіе пробѣжало по всему тѣлу Графа; глаза его запылали необыкновеннымъ огнемъ, губы задрожали; изъ груди его вырвался глухой стонъ.

Между тѣмъ Полковникъ пвердилъ: какое благородство! — Какая высокая душа! — Кто можетъ сравниться съ этимъ великодушнымъ человѣкомъ, моимъ искреннѣйшимъ другомъ! — Потомъ обнялъ онъ Роммистра, Анжелику, свою супругу, и шутя, увѣрялъ, что впередъ онъ уже не услышитъ о заговорѣ, противъ него составленномъ; впрочемъ надѣется, что Анжелика не будетъ спрашивать отъ ужасныхъ глазъ. —

Наспало время обѣда. Полковникъ пригласилъ къ столу Роммистра и Графа. Послали за Дагоберномъ, который вскорѣ явился и отъ души радовался счастью своего друга.

Когда хотѣли садиться за столъ, Маргариты не было. Она заперлась въ своей комнатѣ, и велѣла сказать о себѣ, что она нездорова, почему и не можетъ явиться къ столу. — «Не понимаю,» замѣтила Полковница: «что сдѣлалось съ нѣкотораго времени съ Маргаритой: она обнаруживаетъ, самыя странныя причуды; по плачетъ, по хохочетъ безъ причины, и часто даже выводитъ меня изъ терпѣнія своими безумными заплѣми.» — Твое счастье, — шепнулъ Дагобертъ Роммистру, — убиваетъ Маргариту. — «Любезный мечпатель, отвѣчалъ Роммистръ столь же тихо: не оправляй моей радости.» —

Полковникъ никогда не былъ такъ веселъ; супруга его, прежде озабоченная участіемъ своей милой дочери, и вдругъ освобожденная отъ сей заботы, никогда не чувствовала себя столь счастливою, какъ въ этотъ день. Дагобертъ проказничалъ и забавлялъ всѣхъ своими остроумными шутками; Графъ, забывши плзкую рану, нанесенную его сердцу, выказывалъ весь блескъ своего ума въ непринужденной бесѣдѣ. Однимъ словомъ, дружеское общество, окружавшее счастливаю чешу, уподоблялось вѣнку изъ свѣжихъ пышныхъ цвѣтовъ.

Наспала сумерки; дорогія вина заискрились въ поклазахъ; при шумныхъ кликахъ радости пили здоровье жениха и невѣсты. Тутъ тихо отворилась дверь залы; дрожа-

шею сполою вошла Маргарита въ бѣломъ упренномъ плащѣ съ распущенными волосами, блѣдная, спиралла, какъ смерть. —

«Что это значить, Маргарита?» вскричал Полковникъ; но не обращая на него вниманія, Маргарита медленно подошла къ Ропмистру, положила свою оледенѣлую руку на его грудь, напечатлѣла слабый поцѣлуй на челѣ его, и произнесла глухимъ голосомъ: «подѣлуй умирающей приносишь счастье веселому жениху!» — безъ чувствъ упала на полъ.

«Какая бѣда,» тихо сказалъ Дагобертъ Графу: «эта несчастная влюблена въ Ропмистра.» — Знаю, — подхватилъ Графъ: безразсудная страсть довела ея до того, что она приняла ядъ. — «Сохрани Богъ!» вскричалъ Дагобертъ; вѣкочилъ и бросился къ кресламъ, на которыя посадили бѣдную. Анжелика и Полковница около нея суетились, опрыскивая ее и напирая виски душистыми спиртами. Въ ту самую минуту, какъ подошелъ Дагобертъ, она открыла глаза. Полковница говорила: успокойся, милая, ты больна, это пройдетъ! — Маргарита опивчалась глухимъ, дрожащимъ голосомъ: «Да, да! скоро все пройдетъ. — я приняла ядъ!» — Анжелика и Полковница громко вскрикнули; Полковникъ вѣд себя повторялъ: чортъ побери, что за сумасшедшая! — Бѣгите сей часъ за Докторомъ — приведите Доктора какого бы то ни было; шолько поскорѣе! — Служители и самъ Дагобертъ бросились было изъ залы. — «Позвольте!» — вскричалъ Графъ, безмолвно сидѣвшій до того времени на своемъ мѣстѣ, и преспокойно допивая свое любимое Сиракузское вино: позвольте! — Если Маргарита приняла ядъ, то не нужно врача; въ этомъ случаѣ я могу замѣнить самаго искуснаго Доктора. Прошу только не мѣшать мнѣ!» — Онъ подошелъ къ Маргаритѣ, лежавшей въ глубокомъ обморокѣ, и только опъ времени до времени судорожно вздрагивавшей. Наклонясь къ ней, онъ поспѣшно выхватилъ изъ кармана маленькій футляръ, попомъ вынулъ изъ него что-то двумя пальцами, и тихо провѣлъ онымъ по шеѣ и груди Маргаритиной. Подъ того, оспавя бездыханную, Графъ сказалъ прочимъ: она оправила себя одумомъ, но ее можно еще спасти особыми

средствами, мнѣ извѣстными. — По приказанію Графа опнесли Маргариту въ ея комнату; онъ одинъ остался при ней. — Камерфрау Полковницы дѣйствительно нашла въ Маргаритиной комнатѣ склянку, въ которой было опіумъ, незадолго передъ тѣмъ прописанный Полковницѣ. Несчастливая выпила всю склянку. — «Графъ,» сказалъ Дагобертъ почти ироническимъ тономъ: «настоящій чародѣй. Ему все извѣстно: лишь только увидѣвъ Маргариту, онъ тотчасъ узналъ, что она приняла ядъ, и какого рода и цвѣща.»

Черезъ полчаса, Графъ, возвращаясь въ залу, увѣрялъ, что Маргарита находящаяся вѣд опасности.

Взглянувъ на Морица, онъ примолвилъ, что надѣется совершенно вылѣчить ее опъ недуга, которымъ она одержима; при чемъ просилъ, чтобы приказали Камерфрау смотреть за Маргаритой, и наконецъ объявилъ, что онъ самъ намѣренъ ночевать въ боковой комнатѣ, дабы тотчасъ подать помощь, когда съ нею случится какойнибудь припадокъ. Но прежде всего онъ желалъ подкрѣпить свои силы еще однимъ покаяномъ любимаго имъ Сиракузскаго вина.

Сказавъ сіе, онъ подѣлъ къ мужчинамъ. Анжелика и Полковница, еще разсироенный случившеюся недавно сценою, удалились.

Полковникъ сердился на безумныя проказы Маргариты. Морицъ и Дагобертъ сохраняли угрюмое молчаніе. Но, по мѣрѣ безопасности сихъ послѣднихъ, примѣтно возвращалась веселость Графа, которой прежде онъ вовсе не показывалъ, и которая въ самомъ дѣлѣ имѣла что-то страшное.

«Этотъ Графъ,» сказалъ Дагобертъ своему другу, возвращаясь домой: «есть для меня человекъ подозрительный. Я не могу освободиться опъ мысли, что здѣсь скрывается какаянибудь страшная тайна.»

— Ахъ! — подхватилъ Морицъ: ты не повѣришь, какая тяжесть лежитъ у меня на сердцѣ; какое-то мрачное предчувствіе швердитъ мнѣ, что опасность угрожаетъ любви моей! —

Въ ту же ночь къ Полковнику прискакалъ курьеръ изъ Столицы. На другой день онъ примѣтно разсироенный, подошелъ къ су-

другъ: насъ опять разлучаютъ, мой милал!—сказать онъ съ принужденнымъ спокойствіемъ;—война снова возгарается послѣ кратковременнаго покоя. Нынѣшняю ночь получалъ я эту вѣсть. Очень скоро, и можетъ спастись въ слѣдующую ночь, я выступлю съ полкомъ. Полковница испугалась и залилась слезами. Полковникъ утѣшалъ ее, увѣряя, что эпошъ походъ кончится столь же блистательно, какъ прежній, что при помощи Божіей онъ надѣется возвратиться невредимымъ и здоровымъ. Пока мы не усмиримъ надменнаго непріятеля,—примолвилъ онъ: пока не заключимъ мира, ты можешь съ Анжеликою жить въ нашихъ помѣстьяхъ. Я даю вамъ спутника, который заспавитъ васъ забытъ скуку уединеннаго вашего мѣстопробыванія. Графъ З — и поѣдетъ съ вами! —

«Какъ?» вскричала Полковница: «Боже мой! Графу ѣхать съ нами? Отверженному жениху? Коварному Итальянцу, который такъ искусно умѣетъ скрывать свою злобу, дабы при первомъ удобномъ случаѣ излишь ее на жертву своего мщенія?—Этому Графу, который со вчерашняго дня, не знаю сама отъ чего, сдѣлался для меня еще отвратительнѣе, нежели прежде!»

—Нѣтъ!—прервалъ ее Полковникъ: я ужъ не въ силахъ болѣе сносить мечтательные бредни и безумныя грезы женщины!—Онъ никакъ не можетъ послыгнуть величія чело-вѣка съ твердымъ характеромъ!—Графъ, по обѣщанію своему, провелъ всю ночь въ компаніи близъ Маргариты. Ему прежде всѣхъ сообщилъ я извѣстіе объ открытіи новой кампаніи. Онъ былъ пораженъ. Я предложилъ ему остаться покуда въ моихъ помѣстьяхъ. Послѣ многихъ отговорокъ, онъ согласился, и далъ мнѣ слово, употребивъ все, что будетъ отъ него зависѣть, для успокоенія вашего и сокращенія времени разлуки. Тебѣ извѣстно, чѣмъ я обязанъ Графу; мои помѣстья служатъ ему теперь убежищемъ; могу ли въ этомъ отказать ему?—Полковница не могла—не смѣла противорѣчитьъ мужу. Полковникъ говорилъ правду. Въ слѣдующую ночь полкъ выступилъ въ походъ.

Горестно, прогнательно было прощаніе любовниковъ.

Спустя нѣсколько дней по совершенномъ выздоровленіи Маргариты, Полковница отпра-вилась съ нею и Анжеликою въ свои помѣстья. Вскорѣ за ними послѣдовалъ Графъ съ многочисленною свитою.

Въ первые дни пребыванія ихъ въ деревнѣ Графъ не хотѣлъ обременять дамъ частыми своими посѣщеніями, и являлся къ нимъ не иначе, какъ по ихъ приглашенію; прочее же время онъ оставался въ своихъ покояхъ, или проводилъ оное въ уединенныхъ прогулкахъ.

Счастіе войны сначала, казалось, благопріятствовало непріятелю, но скорѣ одержаны блистательныя побѣды. Графъ всегда первый получалъ вѣсти о подвигахъ союзниковъ; имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія гдѣ расположенъ полкъ, коимъ командовалъ Полковникъ. Сей послѣдній, равно какъ и Ромширъ, изъ самыхъ жаркихъ сраженій выходили невредимыми, что можно было видѣть изъ писемъ, исправно получаемыхъ Графомъ изъ главной кварширы.

Такимъ-то образомъ Графъ всегда являлся къ дамамъ добрымъ вѣспникомъ побѣды и счастія. Къ тому же всѣ его поступки показывали искреннѣйшую, числѣйшую привязанность къ Анжеликѣ; онъ, какъ нѣжнѣйшій отецъ, казалось, заботился о ея счастіи. Мать и дочь не могли не еознашься, что Полковникъ справедливо судилъ о своемъ, испытанномъ другѣ, и что худое мнѣніе, которое онъ объ немъ возымѣлъ, было слѣдствіемъ самаго спривнаго предразсудка. Маргарита также по видимому излечилась отъ своей глупой страсти; она возвратила прежнюю свою болливость и веселость, свойственную ея нации.

Письмо Полковника къ своей супругѣ, въ которомъ вложено было письмоцо Ромшира къ Анжеликѣ, наконецъ испребило въ нихъ всякое опасеніе. Столица непріятельская была взята; заключено перемиріе.

Анжелика претемала отъ радости и восторга; Графъ съ очаровательною живостью рассказывалъ о смѣлыхъ подвигахъ неуспрашимаго Морица, о счастіи, ожидающемъ въ

объявляякъ его милую невѣсту. Пошомъ, схвативъ руку Анжелики, и прижавъ се къ сердцу, спросилъ: неужели она все еще ненавидитъ его, какъ и прежде? —

Анжелика, краснѣя отъ стыда, со слезами увѣрляла его, что она ни къ кому не питала ненависти, но любя пламенно своего Морица, не могла не страшиться всякаго другаго искаательства. Тутъ Графъ произнесъ торжественно: «почитай меня, Анжелика, своимъ вторымъ отцемъ,» и напечатлѣлъ на челѣ ея поцѣлуй, чему она, какъ покорная дочь, не сопротивилась, ибо ей казалось, будшо она видитъ передъ собою нѣжнаго родителя.

Всѣ ожидали навтрое, что Полковникъ, по крайней мѣрѣ на короткое время, возвратился на родину, какъ вдругъ получили отъ него письмо съ ужаснѣйшею вѣстью: Ромисиръ, въ сопровожденіи своего денщика, проѣзжая чрезъ одну деревню, былъ встрѣченъ вооруженными крестьянами, которые убили и увезли пѣло его. — Храбрый денщикъ, послѣ тщетныхъ усилій, спасши своего Господина, пробился сквозь толпу мятежниковъ. — Такимъ образомъ радость, одушевлявшая весь домъ, внезапно обратилась въ ужасъ, въ глубочайшую горестъ. —

Весь домъ Полковника пришелъ въ движеніе. По лѣстницамъ бѣгали лакеи въ богатой ливреѣ; на дворъ въѣзжали экипажи съ гостями, коихъ торжественно встрѣчалъ Полковникъ, украшенный новыми орденами, свидѣтелями его заслугъ.

Въ уединенномъ перемѣ сидѣла Анжелика въ свадебномъ нарядѣ, блистая красою и цвѣтущею молодостию; подлѣ нея Полковница.

— Милое дитя, — говорила масть: ты сама свободно избрала себѣ Графа З—и въ супруги. Отецъ твой прежде желалъ сего брака, но послѣ несчастной кончины Морица, онъ слабо настаивалъ на томъ; я даже увѣрена, что онъ раздѣляетъ со мною горестное чувство, котораго не смѣю скрыть отъ тебя. Мнѣ до сихъ поръ непонятно, какимъ образомъ могла ты такъ скоро забыть своего Морица. — Роковой часъ настаетъ — ты опи-

даешь свою руку Графу — испытай свое сердце — еще есть время! — Я боюсь, чтобъ память о забытомъ любови не помрачила свѣтлыхъ дней твоей жизни.

«Нѣтъ,» воскликнула Анжелика, и слезы навернулись у ней на глазахъ, «никогда не забуду я Морица; никого не могу такъ любить, какъ я его любила. Къ Графу я питаю совсѣмъ иное чувство! — Сама не могу сказать, какимъ образомъ Графъ умѣлъ снискать искреннюю мою привязанность! Нѣтъ! я его не люблю, не могу такъ любить, какъ Морица; но при всемъ томъ чувствую, что я къ нему прикована, что безъ него не могу жить! Какой-то тайный голосъ повелѣваетъ мнѣ быть его женою и безрассудно напечатываетъ мнѣ, что безъ него нѣтъ для меня на землѣ счастья. — Я покоряюсь сему голосу, какъ неисповѣдимои волѣ Провидѣнія!» —

Вопедшая Камерфрау объявила Господѣ своей, что Маргариту съ самаго управленія и нигдѣ не могутъ найти, между тѣмъ садовникъ, только что принесъ отъ нея письмо на имя Полковницы, которое велѣно ему отдавать не прежде, какъ кончитъ свою работу и отнесетъ послѣдніе цвѣты въ замокъ.

Полковница распечатала письмо и прочитала слѣдующее:

Вы никогда меня не увидите. Горестная участь великъ мнѣ удалиться изъ вашего дома. Умолю васъ, котораго была мнѣ второю матерью, не преслѣдуйте и предоставьте меня моей участи. Второе покушеніе лишило себя жизни, удастся мнѣ лучше, нежели первое. — Пусть Анжелика въ полной мѣрѣ наслаждается счастьемъ, которое раздражаетъ мое сердце. Прощайте на вѣки. — Забудьте несчастную Маргариту.

— Что это? — воскликнула Полковница вспыльчиво: что это значить? Неужели безумная не перестанетъ перевозить наше спокойствіе? — Она опять бѣсится, когда ты выходишь замужъ. — Пусть ее идетъ куда хочетъ. Неблагодарная! такъ-то ты платишь за всѣ мои попеченія!

Анжелика зарыдала; ей жаль было несчастной подруги; масть убѣдительно просила ее не вспоминать о безумной въ сей рѣшительный часъ. —

Госпи собрались въ залѣ; настала часть, когда надлежало вести невѣсту въ домашнюю церковь, гдѣ Каполическій Священникъ долженъ былъ совершить бракъ.

Полковникъ привелъ дочь свою; всѣ поражены были ея красою, которая еще болѣе возвысилась простотою наряда. Ожидали Графа. Минуты быстро летятъ одна за другою; онъ не показывается. Полковникъ пошелъ въ его комнаты. Въ передней онъ заспалъ камердинера, который донесъ ему, что Графъ, совсѣмъ одѣтый, вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ и пошелъ въ паркъ освѣжиться на открытомъ воздухѣ, запретивъ ему за собою слѣдовать.

Полковникъ встревожился; сердце его сильно забилось; онъ предчувствовалъ, что съ Графомъ случилось какое нибудь несчастіе.

Онъ велѣлъ сказать женѣ и невѣстѣ, что Графъ въ скоромъ времени явится, и приказалъ тайно пригласить извѣснаго врача, который былъ въ числѣ гостей. Оба они вмѣстѣ съ камердинеромъ пошли въ паркъ, обыскивать Графа. Изъ главной аллеи они поворотились къ обсаженной частымъ кустарникомъ полянѣ, которая, какъ вспомнилъ Полковникъ, была любимымъ мѣстомъ прогулокъ Графа. Тутъ сидѣлъ онъ на дерновой скамьѣ, весь одѣтый въ черномъ, съ бриллиантовою орденскою звѣздою на груди, со сложеными руками, и прислонясь спиною къ двѣнадцатому самбуковому дереву, неподвижно смотрѣлъ на нихъ дикимъ, шустрымъ взоромъ. Они вздрогнули при семъ спрашномъ зрѣлищѣ; ибо впалые, мрачно сверкающіе глаза Графа, казалось, не зря, смотрѣли.— «Графъ 3—и!—что съ вами случилось?» вскричалъ Полковникъ;—не было ни ошѣна, ни малѣйшаго дыханія!—Тутъ врачъ бросился къ Графу, поспѣшно разстегнулъ ему жилетъ, сорвалъ съ него галстукъ, фракъ—перъ ему виски.—Наконецъ обратился къ Полковнику съ роковыми словами: «шущъ человеческая помощь бесполезна—онъ умеръ; съ нимъ случился ударъ.»—Камердинеръ громко вскричалъ. Полковникъ, преодолевая объявившій его ужасъ, приказалъ ему замолчать.—«Мы убьемъ Анжелику, если не будемъ поступать осторожно.»—Сказавъ сіе,

Полковникъ схватилъ прупъ, понесъ его уединенными пропѣнками въ самый отдаленный павильонъ, и оставя его тамъ подъ надзоромъ камердинера, вмѣстѣ съ врачомъ возвратился въ замокъ. Онъ былъ въ нерѣшимости, уплатитъ ли онъ бѣдной Анжеликѣ, или прямо открытъ ей сіе ужасное происшествіе.

Вошедъ въ залу, онъ заспалъ все общество въ чрезвычайной превогѣ, въ величайшемъ ужасѣ. Во время самаго веселаго разговора, Анжелика вдругъ закрыла глаза, и упала въ обморокъ. Она лежала въ боковой комнатѣ на диванѣ, — но лице ея не было блѣдно, черны ея казались еще милѣе, еще свѣжѣ цвѣли розы на ея ланитахъ; видъ ея какъ бы преобразился и сіялъ невыразимою прелестію. Она, казалось, вся одушевлена была небесною радостію.—Врачъ долго наблюдалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ, потомъ сказалъ, что шущъ нѣтъ ни малѣйшей опасности, что Анжелика, непонятнымъ образомъ, погружена въ магнетическій сонъ. Онъ не совѣтовалъ будить ее, увѣряя, что она скоро сама проснется.

Между тѣмъ госпи спали перешептываясь. Внезапная смерть Графа не могла быть тайною. Всѣ мало по малу безмолвно разошлись; экипажи разъѣхались.

Полковница ловила каждое дыханіе Анжелики, склонясь надъ нею. Казалось, она шептала никому невнятные слова. Докторъ спрожайше запретилъ раздѣвать Анжелику, и вообще прикасаться къ ней, увѣряя, что малѣйшее къ ней прикосновеніе можетъ имѣть вредныя послѣдствія. —

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Тирисъ, тирисъ Барбарс:

Русишь моде Мальмале (*); и. т. д.

Плачешь, плачешь дѣва горь:

Рускій! дай пшвой встрѣпнись взоръ;

Тамъ, гдѣ давшъ виноградъ

(*). Размѣромъ подлиника. Я.

Первый вспрыснула я взглядъ;
Тамъ мнил ты полюбилъ,
Много золота сумилъ:
Не хочу я денегъ, злата,
Я съ тобой всегда богата,
А безъ милаго, одна,
Я и въ золотъ бѣдна.
Ты сумил мнѣ дорогой
Цѣнный перстень золотой,
Не дари меня ты имъ,
Цѣннымъ перстнемъ золотымъ;
Не дари меня парадомъ;
Подари: улыбкой, взглядомъ,
Почтуетъ подари —
Знакомъ пламенной любви.

Л. Якубовичъ.

ENIGME

Je n'ai jamais été, je ne serai jamais;
Le sage seul sait me mettre en usage:
Malheur à qui de moi se sert à son dommage,
Pour ennemis souvent il a tous mes cadets.

Въ No 62 помѣщенный Омонимъ значить: *Лука*.

MODES.

Coiffures. — Nous avons vu de jolies guirlandes, venant parfaitement à une toilette d'été pour le bal, avec une robe de mousseline, de gaze. — C'est une imitation de racines de corail. — Dans des cheveux blonds, ces guirlandes sont charmantes. — Celles que nous avons remarquées venaient de chez *Nattier*.

Pour la paille de riz surtout, et encore le crêpe, les fleurs qui sont aussi bien que les jacinthes doubles, sont trois branches de pied d'alouettes de couleurs variées.

Ces deux espèces de fleurs sont aussi fort choisies pour coiffures de bal.

Robes. — Pour les bals ou matinées de réunions, les robes continuent à être simples. — Quelquefois à de la mousseline on place un chef d'or, — ou un ruban lamé d'or. — Des organdis peints, du crêpe à forme tout une, — des gazes.

Pour le matin toujours même forme, draperies croisées pour le châly et la mousseline de laine. — Draperie, et pélerine décolletée pour la mousseline blanche ou de couleur, — façons de peignoirs pour les jaconas.

МОДЫ.

Головные уборы. — Мы видѣли красивыя тиранды, совершенно приличныя для бальнаго наряда льщомъ, къ кисейному или гѣзовому платью. — Это подражаніе корнямъ коралловъ. — Въ бѣлокурыхъ волосахъ тиранды сіи прелестны — Тѣ, которыхъ мы замѣтили, были дѣланы у *Натъе*.

На креповыхъ, а особливо басповыхъ шляпкахъ, привѣски цвѣповъ волчьаго яда (pied d'alouette) разнаго цвѣта, также красиво, какъ махровыя гващипы.

Эти два рода цвѣповъ считаются отличными для бальныхъ причесокъ.

Платья. — Для баловъ и упренныхъ собраній платья продолжаютъ дѣлать проспо. — Иногда на кисейныя кладуть полоску, затканную золотомъ, или леншу съ золотую бипью. — Платья изъ рисованнаго органди, крепа и газа дѣлають совершенно гладкія.

Для упренныхъ платьевъ все пошъ же покрій; шалевиа и изъ шерстяной матеріи дѣлають съ креспообразными складками. — Бѣлыя и цвѣсныя кисейныя, драпированныя съ открытыми пелеринками. — Изъ жаконетовъ дѣлають шафроки.

С М Ъ С Ъ.

Не дѣлай ничего поспыднаго ни при другихъ, ни скрытно. Да будетъ первый законъ швой — уваженіе къ самому себѣ.

Усовершенная свой разумъ, можно исправивъ несовершенства шъла; но силы вѣлесныя, неуравляемая разсудкомъ, не могутъ улучшить разумъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 64.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 12 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Въ поступкахъ нашихъ нѣтъ ни цѣли, ни причины:

Иль глупо искренны, иль носимъ вѣкъ личины;

Сегодня выстроимъ, а завтра разоримъ.

(Изъ 8-й сатиры Боало.)

Аксаковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ.

(Повѣсть Гофмана.)

(Окончаніе.)

Вдругъ Анжелика открыла глаза, соскочила съ дивана, и съ пронзительнымъ крикомъ: онъ ѣдетъ!—онъ ѣдетъ!—какъ безумная выбѣжала изъ дверей—черезъ переднюю—съ лѣсницы. — «Она съ ума сошла,» вскричала Полковница съ ужасомъ: «Боже милосердый, она помѣшалась!»—Нѣтъ, нѣтъ!—ушѣшалъ ее врачъ: эпо не сумасшествіе, а вѣрно случилось, что нибудь чрезвычайное!—При сихъ словахъ онъ бросился вслѣдъ за Анжеликою.

Онъ видѣлъ, какъ Анжелика, выбѣжавъ изъ воротъ замка, съ распростирытыми объятіями стремительно полетѣла по большой дорогѣ, какъ плащъ ея, обшитое богатыми кружевами, развѣвалось по воздуху, какъ вѣтеръ игралъ ея распушенными волосами.

Всадникъ несся къ ней на встрѣчу во весь опоръ, и, прискакавъ, соскочилъ съ коня и заключилъ ее въ объятія. Два другіе всадника, за нимъ слѣдовавшіе, также осадили своихъ коней и спѣшились.

Полковникъ, вышедшій въ слѣдъ за врачомъ, въ безмолвномъ изумленіи смотря на

группу, не вѣрилъ глазамъ своимъ и съ усиленіемъ спарался собрать свои мысли.

То былъ Морицъ, которій крѣпко прижималъ къ сердцу Анжелику; подлѣ него стояли Дагобертъ и молодой человекъ прекрасной наружности въ Австрійскомъ Генеральскомъ мундирѣ.

«Нѣтъ,» безпрестанно твердила Анжелика, съ горячностью обнимая возлюбленнаго: «нѣтъ, нѣтъ! никогда не измѣню тебѣ, мой милый, мой несравненный Морицъ!»—А Морицъ повспорилъ въ восторгъ: знаю, знаю, мой ангелъ! Онъ оцѣнилъ себя адскою волшебною силою! —

Морицъ почти на рукахъ принесъ Анжелику къ замку; друзья его слѣдовали за нимъ въ глубокомъ молчаніи. Полковникъ, уже приближась къ воротамъ, тяжко вздохнулъ, какъ будио только что опомнился, и озираясь, съ вопрошающимъ взоромъ, вскричалъ: что за явленія? что за чудеса?

—«Все объяснися,»—отвѣчалъ Дагобертъ, и представилъ Полковнику Австрійскаго Генерала Штейнбаха, какъ искреннѣйшаго друга Роммистра.

Вошли во внутренніе покои замка; Морицъ, не замѣшая изумленія Полковницы, спросилъ съ дикимъ взоромъ: гдѣ Графъ З—и?

Онъ умеръ! важно отвѣчалъ Полковникъ: съ часъ тому назадъ, какъ онъ скоропоспѣжно скончался отъ удара!—Анжелика вздрогнула.—«Да, да!» говорила она: «я помню, что въ эту самую минуточку, какъ онъ умеръ, внутри меня раздавался звукъ, подобный звону разбитаго мещалла—я находилась въ удивительномъ состояніи—мнѣ конечно видѣлось продолженіе прежняго ужаснаго сна; когда я опять пришла въ себя, то спрашныя глаза уже не имѣли надо мною власти; огненная сѣть разорвалась—я чувствовала себя свободно—я упала въ небесномъ блаженствѣ—мнѣ представился Морицъ, мой милый Морицъ—онъ спѣшилъ ко мнѣ—я полетѣла къ нему на встрѣчу!»—При сихъ словахъ она крѣпко обхватила возлюбленнаго, какъ будто опасаясь снова его лишиться.—

«Слава Всевышнему!» сказала Полковница, устремляя взоръ на Небо: «теперь сердце мое облегчилось; я уже не чувствую невыразимой боязни, овладѣвшей мною съ той минуты, какъ Анжелика рѣшилась выйти за спрашнаго Графа. Мнѣ казалось, будто милую дочь мою предаюшь во власть паисовенныхъ силъ.»

Генералъ Штейнбахъ хотѣлъ видѣть покойника; желаніе его исполнилось. Когда сняли покровъ съ мершвеца и Генералъ взглянулъ на блѣдное, оледѣвшее лицо Графа, онъ содрогнулся, и громко воскликнулъ: «это онъ!—Клянусь Небомъ, это онъ!»—Въ объятіяхъ Рюмисстра Анжелика погрузилась въ глубокой, тихій сонъ. Ее положили въ носилки. Врачъ увѣрялъ, что всего благодѣтельнае для ней этошъ сонъ, который необходимо нуженъ для успокоенія истощенныхъ жизненныхъ силъ ея, и что это есть единственное средство избѣгнуть опасной болѣзни. —

Изъ гостей никого уже небыло въ замкѣ.—«Теперь пора,» воскликнулъ Полковникъ: «пора объяснить намъ чудныя шайвы. Скажи, Морицъ, какой Ангелъ-хранитель возвратилъ тебѣ жизнь?»—

—Вамъ извѣстно,—началъ Морицъ: что мятежные крестьяне, по заключеніи перемирія, нечаянно на меня напали близъ города З—. Пораженный пулею, я упалъ съ ло-

шадя. Сколько же времени находился въ безпамятствѣ, не знаю. Когда я пришелъ въ себя, мнѣ казалось, что меня везуть. Была темная ночь. Многіе голоса тихо вокругъ меня перешептывались. Говорили по Французски. И такъ я тяжело раненъ и въ плѣну, подумалъ я самъ въ себя. Я ужаснулся сей мысли, и снова впалъ въ обморокъ. За симъ послѣдовало состояніе, изъ котораго удержались въ памяти моей только немногія минутокъ: я чувствовалъ жесточайшую головную боль. Въ одно утро проснулся я въ совершенной памяти. Я лежалъ въ чистой, даже великолѣпной постелѣ, украшенной шелковыми завѣсами съ золотою бахромою и кистями. Высокая комната по старинному убрану была такими же обоями и позолоченою мебелью. Незнакомый человекъ, наклонясь ко мнѣ, смотрѣлъ на меня праспально, и пошомъ громко позвонилъ. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, и вошли два человека, изъ коихъ старшій одѣтъ былъ въ старомодное, шипое золотою платье, съ орденомъ св. Лудовика. Другой, помоложе, подошелъ ко мнѣ, пощупалъ у меня пульсъ и сказалъ старшему по Французски: опасности нѣтъ—онъ спасенъ!—

Тутъ старшій объявилъ мнѣ, что онъ Шевалье де Т..., и что я нахожусь въ его замкѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что проѣзжал чрезъ деревню, гдѣ мятежники меня смертельно ранили и хотѣли было меня ограбить, онъ успѣлъ меня освободить. Онъ велѣлъ положить меня на повозку и отвезти въ свой замокъ, который лежалъ въ споротѣ, далеко отъ большой дороги. Пошомъ вѣрилъ меня попеченіямъ своего искуснаго домашняго врача, для излеченія опасной раны, полученной мною въ голову. Шевалье заключилъ свой разсказъ тѣмъ, что онъ привязанъ къ моей націи, которая въ смутныя времена революціи оказала ему много добра, и потому онъ очень радъ, что можетъ быть мнѣ полезенъ. Онъ предлагалъ употребить все, что нужно къ облегченію моихъ страданій, прибавляя, что онъ ни подъ какимъ видомъ не опуститъ мѣлъ изъ своего замка до совершеннаго моего выздоровленія, и пока не возобновится съ

прекращеніемъ войны безопасное сообщеніе; впрочемъ онъ жалѣлъ о невозможности, изрѣснить моимъ друзей о моемъ мѣснопребываніи.

Шевалье былъ вдовецъ; сыновья его находились въ отсутствіи, такъ что онъ въ замкѣ жилъ одинъ съ врачомъ, и многочисленную прислугую. Упомянуто было бы для васъ, друзья мои, слышать подробнѣе разсказать, какъ я стараніемъ опличнаго Доктора со дня на день постепенно поправлялся; какъ Шевалье употреблялъ всѣ средства для разсѣянія однообразной, пустынной жизни моей въ замкѣ. Онъ опличался отъ своихъ соотечественниковъ особеннымъ остроуміемъ и познаніями. Предметомъ разговоровъ его со мною были художества и науки, но онъ щпщательно избѣгалъ всякаго разговора о новѣйшихъ политическихъ происшествіяхъ. Нужно ли вамъ увѣрять, что единственною мыслию моею была Анжелика, что сердце мое обливалось кровію, когда я воображалъ, что она оплакиваетъ смерть мою.—Я умолялъ Шевалье, доставить отъ меня письмо въ главную кварширу. Отъ всегда отказывался подъ предлогомъ, что не можетъ ручаться за надежное доставленіе онаго; увѣряя, что война непременно возгорится въ скоромъ времени. Онъ далъ мнѣ честное слово, что какъ скоро я совершенно выздоровлю, то непременно доставитъ мнѣ способъ возвратиться въ отечество. Изъ словъ его я почти долженъ былъ заключить, что война въ самомъ дѣлѣ опять вспыхнула и что союзныя войска потерпѣли важныя неудачи, чего Шевалье не открывалъ мнѣ изъ учтивости.

Слышавъ только упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ пребыванія моего въ замкѣ, чтобы оправдать спранныя предположенія Дагоберна.

Лихорадка моя почти совсѣмъ уже прошла; вдругъ ночью, во время сна, я впалъ въ непостижимое состояніе, которое и теперь приводитъ меня въ трепеть, хотя осталось во мнѣ одно только темное воспоминаніе. Я видѣлъ Анжелику, но мнѣ казалось, будто образъ ея терялся въ трепетномъ мерцаніи, и будто я щщепно сидѣлъ удерживать ее.

Какое-то претпье существо раздѣляло насъ; оно всею тяжестью налегло на грудь мою и обвилось вокругъ сердца; но, изнемогая подъ бременемъ мучительнаго томленія, я въ тоже время проникнуть былъ непонятнымъ и сладостнымъ чувствомъ блаженства.—На другой день первый взглядъ мой упалъ на каршину, насупротивъ моей постели висѣвшую, которой я прежде не замѣчалъ. Я ужаснулся въ глубинѣ души; портретъ Маргариты устремлялъ на меня свои черные, живые глаза. Я спросилъ камердинера, откуда взялся этотъ портретъ и чей онъ? Онъ отвѣчалъ, что это племянница Шевалье, Маркиза де Т....., и что портретъ ея всегда висѣлъ на этомъ мѣстѣ; если же я прежде не замѣчалъ его, то вѣрно потому, что онъ былъ запыленъ, а теперь его почистили. Тоже подтвердилъ и Шевалье.

Лишь только на яву или во снѣ хотѣлъ я видѣть Анжелику, мнѣ являлась предстала Маргарита. Я чуждался самаго себя; непріязненная сила властвовала надо мною, и въ мучительномъ ужасѣ, мнѣ казалось, будто я не могу отстать отъ Маргариты. Никогда не забуду сего страшнаго состоянія.

Въ одно утро сидѣлъ я подъ окномъ, вдыхая въ себя сладостныя ароматы, навѣваемые упреннымъ вѣтеркомъ; вдругъ слышу вдали военные звуки трубъ.—Я узнаю веселый маршъ Австрійской конницы; сердце мое запрешало отъ радости; мнѣ казалось будто на крылахъ сихъ звуковъ летѣлъ ко мнѣ благодѣтельные Гени и манятъ меня къ себѣ сладостнымъ, утѣшительнымъ голосомъ, будто возрожденная жизнь подаетъ мнѣ руку, чтобы воскресить меня изъ гроба, въ которомъ заключенъ я непріязненною силою!—Нѣсколько всадниковъ во весь опоръ прискакали на дворъ замка.—Смотрю внизъ, Шпейнбахъ!—Мой милый Шпейнбахъ! кричу я въ себя отъ радости.—Входитъ Шевалье, блѣдный—разспроенный, ворча про себя о неожиданномъ постое—предосадномъ безпокойствѣ.—Не слушая его, я бросаюсь съ лѣсницы и кидаюсь въ объятія моего Шпейнбаха!—

Тутъ узналъ я, къ моему изумленію, что миръ давно ужъ заключенъ и большая часть войскъ возвращается въ оппечеснво. Все сіе упайлъ опъ меня Шевалье, и держалъ меня въ своемъ замкѣ, какъ плѣннаго. Ни я, ни Шпейнбахъ не могли разгадать причину сего поступка, но всякой чувствовалъ, что здѣсь шайтся какое нибудь пресшупное намѣреніе. Шевалье съ шѣхъ поръ совсѣмъ перемѣнился: онъ сдѣлался угрюмымъ, мрачнымъ, мелочнымъ; докучалъ намъ упрямствомъ и прихотями, и когда я, съ живѣйшимъ чувствомъ признашельности, съ восторгомъ рассказывалъ, какимъ образомъ онъ спасъ мнѣ жизнь, то онъ коварно улыбался, жеманясь, какъ придворный повѣса, какъ шарый брюзга.

Послѣ двухъ-суточнаго роздыха, Шпейнбахъ отправился въ походъ. Мы обрадовались, когда увидѣли позади себя шаринный замокъ, который казался намъ угрюмою, спрашною темницею.—Но теперь твоя очередь, Дагобертъ, рассказывать намъ чудныя похождения. —

«Кто можетъ,» началъ Дагобертъ: «оптвергать чудесную способность предчувствія? Никогда не вѣрилъ я слухамъ о насильственной смерти моего друга. Добрый духъ, который многое опкрываетъ намъ во снѣ, говорилъ мнѣ, что Мориць живъ, и что онъ гдѣ нибудь опущанъ шайнспвенною сѣпью. Близкое замуженіе Анжелики съ Графомъ раздирало мое сердце.—Когда я, за недолго предъ шѣмъ, прѣвѣжалъ сюда, когда увидѣлъ Анжелику въ такомъ расположеніи, которое, признаюсь опкровенно, объяло меня невыразимымъ ужасомъ, ибо мнѣ казалось, будто вижу, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, спрашную шайну; тогда-то рѣшился спрашнствовать по чужбинѣ до шѣхъ поръ, пока не опшщу своего Морица.—Ни слова о радости, о восторгѣ, когда уже въ предѣлахъ священнаго оппечеснва, въ городѣ А....., я обнялъ Морица, и вмѣстѣ съ нимъ Генерала Шпейнбаха.

«Всѣ фуріи ада пробудились въ груди моего друга, когда узналъ онъ о скоромъ супруженствѣ Анжелики съ Графомъ. Но всѣ прокля-

шія, всѣ раздирающія душу жалобы его объ измѣнѣ Анжелики умолкли, когда я сообщилъ ему нѣкопорыя догадки, когда увѣрилъ его, что опъ него зависитъ вдругъ разрушить всѣ сіи козни. Генераль Шпейнбахъ содрогнулся, услышавъ имя Графа, и когда я оппсалъ лице и наружность сего пропшца, то онъ воскликнулъ: «теперь нѣтъ сомнѣнія! это онъ, онъ самъ!» —

—«Слушайте, — прервалъ рѣчь Дагоберта Генераль: «слушайте и удивляйтесь! За нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сей самый Графъ З—и адскими чарами похитилъ у меня въ Неаполѣ милую невѣсту. Я вызвалъ его на поединокъ, и съ пош минушы, какъ я вонзилъ ему въ сердце шпагу, овладѣла ею и мною сапанинская сила, которая навсегда разлучила меня съ возлюбленною! — Въ послѣдствіи я узналъ, что рана, нанесенная мною, не была даже опасна, что онъ свалался за мою невѣсту, — увы! — что въ пошъ самый день, когда имъ надлежало ѣхать къ вѣнцу, она скоропоспшно скончалась опъ удара!» —

Боже правосудный! — воскликнула Полковница: не шаже ли участь угрожала моей милой Анжеликѣ? — Но опкуда взялось это мрачное предчувствіе? —

«Сударыня!» сказалъ Дагобертъ: «это въ самомъ дѣлѣ голосъ предчувствія; онъ говоритъ вамъ истину.» —

Ксшапи, — примолвила Полковница, — докажите же намъ, Мориць, исторію ужаснаго явленія, которая прервана была въ пошъ вечеръ шайнспвеннымъ приходомъ Графа!

«Раздался ужасный ударъ,» шакъ продолжалъ Мориць: «ледяное дыханіе смерти обливало меня холодомъ, и казалось, будто блѣдный образъ въ дрожащемъ, едва примѣнномъ очеркѣ скользилъ по комнатамъ. Всею силою души одолѣлъ я мой ужасъ. Я остался въ памяти; моимъ Шпейнбахомъ овладѣло смертное опѣпеніе. Когда призванный врачъ, послѣ долгихъ усилій, привелъ его въ память, онъ съ умиленіемъ пропшнулъ ко мнѣ руку и оказалъ: скоро — завтра же кончатся мои страданія! — Предчувствіе его со-

вершилось, но по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, совсѣмъ инымъ образомъ, нежели какъ онъ предполагалъ. На другой день утромъ завязалось жаркое дѣло; въ пылу сраженія карпачъ на излѣтѣ попала ему въ грудь и свалила его съ лошади. Благодарная пуля раздробила въ дребезги поршреть невѣрной, которой онъ все еще носилъ на груди. Шейнбахъ скоро излечился отъ коннѳузии, и съ того времени освободился отъ всѣхъ привидѣній.» —

— Точно такъ, — прибавилъ Генераль: самое воспоминаніе о упраченной невѣстѣ наполняетъ меня тихою грустью, столь цѣлительною для раненаго сердца. — Но пусть другъ нашъ Дагобертъ расскажетъ вамъ дальнѣйшія наши приключенія.

«Мы послѣдно выѣхали изъ А. . . .», продолжалъ Дагобертъ: «сегодня поутру, на разсвѣтѣ, прибыли мы въ небольшой городокъ П. . . ., лежащій въ шести миляхъ отсюда. Мы намѣревались остановиться въ немъ часа на два, а потомъ отправиться прямо сюда. Но въ какое мы пришли изумленіе, когда изъ одной комнаты гостиницы бросился къ намъ на встрѣчу Маргарита, со всѣми признаками безумія на блѣдномъ лицѣ. Она кинулась къ Роммистру, рыдая, обнимала его колѣна, называла себя самою гнусною преступницею, заслуживающею тысячекрашную казнь, и умоляла его, чтобы онъ умертвилъ ее на мѣстѣ. Моридъ, отворотивъ отъ нея съ омерзѣніемъ, послѣдно удалился.» —

— Да! — подхватилъ Роммистръ: когда я увидѣлъ у ногъ своихъ Маргариту, во мнѣ пробудились всѣ мученія того ужаснаго состоянія, въ которомъ я находился въ замкѣ Шевалье, и воспламенили неизвѣстную мнѣ дошоль ярость. Я гошовъ былъ вонзить шпагу въ грудь Маргариты, но обуздавъ себя противъ воли, я убѣжалъ. —

«Я поднималъ Маргариту,» продолжалъ Дагобертъ: «опнесъ ее въ комнату; мнѣ удалось ее успокоить, и изъ опривисныхъ, несвязныхъ словъ ея узнать то, что я предчувствовалъ. Она вручила мнѣ письмо, вчера въ полночь полученное ею отъ Графа.»

Дагобертъ вынулъ изъ кармана письмо и читалъ:

Спасайтесь бѣгствомъ, Маргарита! — Все потеряно! — Мой ненавистный соперникъ ѣдетъ. Вся наука моя безсильна противъ панштвеннаго рока, постигающаго меня у самой цѣли моего бытія. — Маргарита! Я посвящаю васъ въ панштвенна, которыхъ погубили бы обыкновенную женщину. Но вы одарены необыкновенною силою души, твердою, непоколебимою волею; вы были бы достойною ученицею опытнаго панштвенника. Вы оказали мнѣ важныя услуги. Черезъ васъ я овладѣлъ душою Анжелики, всѣми ея мыслями. За то я хотѣлъ составить и ваше счастье, переступая за черту самаго панштвеннаго, опаснаго круга чародѣйства, и рѣшался на такіе опыты, которые неоднократно самаго меня приводили въ ужасъ. — Все тщетно! — спасайтесь; иначе ваша гибель неизбежна. — До послѣдней роковой минуты, отъ которой жду высочайшаго блаженства жизни, я смѣло встрѣчу непріятельныя силы. Но, я предчувствую, что меня поразитъ внезапная смерть! — Я умру одинокій. Какъ скоро настанетъ роковое время, я пойду къ тому дивному дереву, подѣ стлѣю косяго столь часто я бесѣдовала съ вами о чудесныхъ панштвенкахъ, мнѣ открытыхъ. Маргарита! — откажитесь навсегда отъ сихъ панштвенствъ. Природа, жестокосердал мать, возненавидѣвшая испорченныхъ чадь своихъ, сумудрымъ исполнителямъ, дерзкою рукою приподнимающимъ ея покрывало, кидаетъ блестящую игрушку, которая обольщаетъ ихъ для того, чтобы погубить ихъ. — Я убилъ однажды двѣцу, въ ту самую минуту, когда надѣялся со всею горячностью любви заключить ее въ объятія. Это меня обезумило, и при всемъ томъ я, безумецъ, надѣялся найши земное благополучіе! — Прощайте, Маргарита! — Возвратитесь въ опечеснво. — Побѣжайте въ З. — Шевалье де Т. — позаботнитесь о вашемъ счастьѣ. — Прощайте! —

По прочтеніи сего письма, всѣ объясны были внутреннимъ трепетомъ.

— По этому, сказала наконецъ Полковница дрожащимъ голосомъ: я принуждена вѣрить вещамъ, которыхъ отвергаетъ здравый разумъ. Впрочемъ, признаю откровенно, для меня вовсе непонятно, какимъ образомъ Анжелика такъ скоро могла забыть Морица и всюо душою предаться Графу. Между тѣмъ я замѣчала, что она почти безпрерывно находилась въ какомъ-то судорожномъ состояніи, которое наполняло меня мучительнѣйшими опасеніями. Помню, что склонность Анжелики къ Графу въ первый разъ обнаружилась страннымъ образомъ. Она открыла мнѣ, что почти всякую ночь весьма живо видѣтъ во снѣ Графа. —

«Точно такъ!» подхватила Дагобертъ: «Маргарита призналась мнѣ, что она, по приказанію Графа, цѣлыя ночи просиживала у постели Анжелики, и шихимъ, сладоспнымъ голосомъ повтораля ей имя Графа; что даже самъ Графъ иногда въ полночь приходилъ въ спальню, нѣсколько минувъ успремлялъ неподвижный взоръ на спящую Анжелику, и потомъ удалялся.—Письмо Графа, кажется, служитъ пому лучшиму поясненію.—Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ разными тайными искусствами старался физически дѣйствовать на душевныя силы Анжелики, и что сіе удалось ему посредствомъ особенной природной способности. Онъ былъ въ связи съ Шевалье де Т..., и принадлежалъ къ тайному обществу, члены коего разсѣяны по Италіи и Франціи, и которое, какъ утверждаютъ, составилось изъ древняго П—аго общества.—По его просьбѣ Шевалье не выпускалъ Ротмистра изъ своего замка, оспивъ его любовнымъ чародѣйствомъ.—Я могъ бы распроспраниться о таинственныхъ средствахъ, съ помощію коихъ Графъ умѣлъ проспирить власть свою на другихъ, какъ мнѣ открыла Маргарита; могъ бы объявить многое изъ науки, которая мнѣ не безызвѣстна, но которой не назову, опасаясь, что меня поймутъ въ противную сторону; покрайней мѣрѣ на сей разъ меня опъ того увольте.»—

—Увольте навсегда!—подхватила Полковница съ жаромъ: ни слова болѣе о мрачномъ, невѣдомомъ царствѣ, гдѣ обитаютъ спрахъ и ужасъ!—Благодареніе Небу, спасшему милую дочь нашу и освободившему насъ опъ таинственнаго гостя, который обратился было весь домъ нашъ въ обитель горести.—

На другой день всѣ возвратились въ городъ. Одни только Полковникъ и Дагобертъ остались въ деревнѣ, чтобы предать шло Графа землѣ.

Давно уже Анжелика была счастливою супругою Ротмистра. Въ одинъ бурный Ноябрьскій вечеръ все семейство, вмѣстѣ съ Дагобертомъ, собралось въ той же залѣ около пылающаго камина, какъ и въ то время, когда Графъ З—и вошелъ, подобно привидѣнію. По прежнему свисалъ вѣсепъ и завывала

бури въ трубахъ.—«Вы вѣрно еще не забыли,» сказала Полковница весело: «еще помните!»...Только, прошу, ни слова о привидѣніяхъ, не рассказывайте намъ страшныхъ исторій!—сказалъ, перебивая рѣчь ея, Полковникъ; но Анжелика и Морицъ начали припоминать тогдашнія свои чувства, какъ спрастно они иногда уже любили другъ друга, стараясь не унестишь ни малѣшняго обстоятельство того достопамятнаго вечера; какъ во всемъ отражался чистѣйшій лучъ ихъ взаимной любви, и даже сладостное содроганіе боязни возникало только изъ упоенной спрастшю груди; наконецъ, какимъ образомъ таинственный гость, возвыщенный завываніемъ бури и спрашными звуками вѣсепевожденной природы, навелъ на нихъ невыразимый ужасъ.—

—Не правда ли, другъ мой!—сказала Анжелика мужу: теперь и страшныя завыванія свирѣпой бури служатъ опголоскомъ любви нашей?—«Ваша правда, сударыня!» подхватила Дагобертъ: «самое шипѣніе и хлопаніе самовара вовсе теперь не страшны; напросивъ того, кажется, будто въ немъ заключенъ маленькой домовою, который сочиняетъ музыку, на колыбельную пѣсенку.»—

Анжелика покраснѣлась, какъ алая роза, и спыдливо скрыла лице свое на груди счастливаго Морица. Онъ съ горячностью прижалъ къ сердцу свою прелестную жену, и шепнулъ ей на ухо: есть ли на землѣ еще высшее блаженство?

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ В Е Ц Ъ.

(Мелодія.)

Забывшая арфа виситъ на стѣнѣ,
Вся прахомъ покрыта, и струны повисли;
Но вдругъ иногда прозвѣнитъ въ тишинѣ:—
Такъ будитъ мгновенье уснувшія мысли!

Не шаже ли арфа и сердце пѣвца?
Хоть случай жизни невольтъ на время
Покинуть спящаго заглаго вѣнца,
И грустно онъ сноситъ суровое время.

Но мелькомъ-ли сонъ или мысль зазепишь,
И струнь его сердца коснется случайно —
Срывается звукъ и вопль пѣснью гремишь,
Далекою оиъ — эхомъ музыки тайной!

В. Романовичъ.

Ш А Р А Д А — О М О Н И М Ъ.

Слогъ *первый* переснавь на мѣсто, гдѣ *второй*,
Второй переведи туда, гдѣ *первый* мой,
Тебѣ даётся въ помя свободу:

Всѣ будешь смысль и ясный и прямой,
Не какъ въ Исторіи Россійскаго народа.

А *цѣлое* мое на рынкахъ и въ домахъ,
Оно у пѣхъ на языкъ вертнися,

Кто съ восклицаніемъ желаетъ объяснися;
Найдемъ и въ городахъ, найдемъ и въ деревняхъ

Толпы!... А между нихъ сварливыхъ, говорливыхъ,
И скромныхъ, и спроптивыхъ.

Когда же спрошь моспѣ начнутъ:
Тогда меня въ сотрудницы берутъ.

Есть пшцы . . . по пора и перестать ужъ,
право; . . .

Шараду легкую отгадывать не слава.

Въ No 63 помѣщен. Загадка значить: *L'Instant present.*

К Р И Т И К А.

Н О В А Я К Н И Г А.

Мертвый осель и обезглавленная женщина.
2 части. Москва. 1831.

Это переводъ съ Французскаго — и весьма недурной.

Въ заглавіи не сказано, къ какому роду словесности принадлежитъ сія остроумная книжка, а попому мы и полагали, что это одна изъ такихъ пошлыхъ книгъ, какъ *Дурацкій Колпакъ*, *Марья Власьевна Толмская* и другія имѣ подобныя. Но прочитавъ еѣ, мы ващля въ ней много ума, соли и живописи — и причисляемъ еѣ къ философическимъ романамъ — въ родъ Кандида. Въ ней ярко и сходно изображена человѣческая натура, но какаѣ? униженная, искаженная, почти дьявольская. Фернейской злой старикъ разцѣловалъ бы сочинителя.

Лѣтъ за десять передъ симъ я написалъ три слѣдующіе списа:

Вольтеръ шавственнѣйшій покровъ съ Природы силъ,

И съ тѣкою насмѣшкой показалъ

Сколь и презрительны и жалки человекъ.

Сіи списа можно обратишь къ остроумному и злословному сочинителю сей каррикашуры Парижскаго разврата.

Совѣтуемъ всѣмъ челоѣконенавистникамъ прочесть сію книжку: общаемъ имъ много удовольствія.

О П Р А В Д А Н І Е.

Въ нѣсколькихъ NNo *Сѣвернаго Меркурія* были напечатаны списа, въ которыхъ творенія Г-на Александра Орлова спавились на одну доску съ спавтями, въ *Литературныхъ Приб. къ Рус. Инв. помѣщаемыхъ*, Г-на Алексѣя Кораблинскаго. Не входя въ разсмотрѣніе того, до какой степени справедливы всѣ эти замѣчанія, я, движимый честью и деликатноспію, объявляю что сіи крипики, носящія на себѣ отпечатокъ брани, принадлежатъ вовсе не мнѣ, хотя кпопо и подписалъ подъ оными, какъ бы съ нѣкоторымъ умысломъ, заглавныя буквы моего имени и фамилии, п. е. В. Б., коими я обыкновенно подписывалъ списа мои, помѣщаемыя мною въ разныхъ періодическихъ здѣшнихъ изданіяхъ.

Владимиръ Б—шевъ.

M O D E S.

Meubles et objets nouveaux. — L'argenterie se fait sur des modèles anciens, à moulures gothiques. — Le manche de la fourchette et de la cuillère sont moulés en bosse aux extrémités. — Chaque pièce de service est du même genre. — Les cafetières sont d'une forme moins élevée, — quelquefois il n'y a point de pied, — un manche d'ivoire est bien.

Il y a aussi un autre genre, c'est une gravure, sans saillies; sans incisions pour ainsi dire, car elles sont insensibles. — Ceci est moins adopté. — Nous pourrions indiquer de charmans modèles venant de chez Fossin et de chez Franchet.

Pour des ameublements de campagne, on fait des meubles en bois vernis, recouverts en étoffe de coton à fleurs. — C'est simple et est accueilli avec d'autant plus de généralité qu'à Paris, ce genre serait peu

adopté.—Il est réservé pour la recherche de simplicité à laquelle on tend dans une habitation toute d'été. Également pour la campagne, nous indiquerons des pendules de marbre à ornemens de bronze vert,— toute la garniture de cheminée est semblable.—Pour donner une idée nous nous bornerons à en indiquer une qui vient de chez *Marchand*, rue Richelieu n° 59.—La pendule est une espèce de socle en marbre, diminuant de largeur dans le haut, comme une pyramide,—mais pas en pointe,—le cadran est simplement marqué par les chiffres faits en bronze, en relief, posés en rond sur le marbre,—à cela se joignent deux vases de bronze de forme *Médicis*, élevés sur un socle de marbre.

М О Д Ы.

Мебели и новые предметы. — Серебро дѣлается на древній манеръ, гошической формы.—Ручки у ложекъ и вилокъ выливаются на концахъ возвышенно.—Всякая штука сервиза въ помѣ же родѣ.—Кофейники дѣлаются не такъ высоки, — иногда безъ ножки, — съ ручкою изъ слоновой кости весьма красива.

Дѣлаются также въ другомъ родѣ, съ рѣзбою, безъ выпуклостей, почти безъ насѣчки, потому, что они незаметны.—Это не въ шакомъ употребленіи.— Мы видѣли прелестные образцы у *Фоссеня* и у *Франшета*.

Для деревни дѣлаются мебели, изъ дерева подъ лакомъ, и обиваются бумажною матерією съ цвѣтами.— Это просто, и шѣмъ болѣе вошло въ общее употребленіе, что въ Парижѣ, едва ли бы это было принято.— Мебели сѣи оставлены для нпой щеголеватой просшопы, съ которою всегда спаряются украшаютъ сельское жилище. Также для деревни, есть прекрасныя споловые часы, мраморныя съ украшеніями изъ зеленой бронзы; весь приборъ для камина шакой же.— Чшобъ дать нѣкоторое понятіе, мы опишемъ что мы видѣли у Г-на *Marchand*, въ улицѣ Ршшельё.— Часы — родѣ цоколя изъ мрамора, къ верху уже, какъ пирамида; но не восшреемъ,—кругъ назначенъ просто цыфрами

изъ бронзы, сдѣланными возвышенно, и положенными на мраморѣ,—къ сему прибавляются двѣ вазы формы *Медисисъ*, возвышающіяся на мраморныхъ цоколяхъ.

С М Ъ С Ъ.

Люди, которые забавляются пропшворчїями и хопшптъ все знашъ, несчастшдивы нѣмъ, что не могутъ научшться истпнно полезному. Поперянное по время, которое бы задумалъ кто ншбудь употребшть на вразумленіе гордеца, или хвастуна.

Предпшши себѣ особыя правила и нмѣй посполнннй характеръ, служащїй шебѣ закономъ, опъ котораго никогда не долженъ пы уклоняшться ни среди общества, ни тогда, какъ пы останешься одинъ самъ съ собою.

Излшшество всегда порокъ: храбрость спановштся дерзосшью, щедросшь — мштовшшвомъ, бережлшвосшь — сшuposшью, спросгосшь — безчеловѣчшемъ, сшшсхожденіе — слабосшью.

Благоразумннй кормчїй, при попушномъ вѣпрѣ, предосшерегаешь пропшвъ бури; мудрецъ во дни благополучїя запасаетъ себѣ средсшвами пропшвъ невзгодья.

Безпршспрасшннй называетъ пригожую дѣвшцу — хорошею, пригожею, красавшцешю; влюбленннй уподобляетъ еѣ — упренней звѣздѣ, лунѣ и даже солнцу.

Для несчастшныхъ остаеться еще одно утѣшеніе: исполншшь спрого свои обязанности.

Требуютъ опъ шебя не многословїа, но хопшптъ знашъ истпну.

Огорченїа, которыя сдѣлаешь другимъ, не замедлятъ на шебя обратшться.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 65 и 66.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 15 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Тамъ лавры хижину простую освящать,
Въ пустыняхъ процвѣтуть Темнейскія долины,
Куда вы бросите свей благопворный взглядъ,
О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

Батюшковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ШАРЛАТАНЪ.

(Драматическое представленіе.)

Однажды шарлатанъ во весь горлапиль роть:

«Ступай ко мнѣ пародь!»—

И. И. Дмитриевъ.

*(Дѣйствіе происходитъ въ собственномъ доми
Журналиста.)*

(Пышный, но безъ вкуса убранный, обширный кабинетъ хозяина. По срединѣ длинный письменный столъ, обитый краснымъ сатенномъ, съ натиснутою золотомъ широкото узорною каймою, на немъ два выточенные серебряные шандала съ толстыми восковыми свѣчами, ни разу незажженными, два низенькіе граненые хрустальные шандала съ шопенькими, почти желтаго воска огарками, щипцы въ граненомъ хрустальномъ лопочкѣ, нѣсколько печатей: большая впечатшовал, большая стальная, средняя лшпарная и пятишестъ маленькихъ серебряныхъ. Книжки книгъ и бумагъ разбросаны въ безпорядкѣ на столѣ и подъ столомъ; бронзовая чернильница и Брегетовы крошечныя часы. Передъ столомъ круглыя кресла на колѣсахъ, обитыя желтою шелковою тканью; подъ столомъ и креслами Англійскій ковръ; полъ паркѣ, въ четырехъ углахъ четыре низенькихъ дивана, обитые ситцомъ въ Китайскомъ вкусѣ; шпюры и шпюрыя злѣныя съ бахрамою и кисьями; мраморный каминъ; прекрасной оидьки шкафы съ книгами и на нихъ бюсты сѣда Греческихъ Мудрецовъ. Въ простѣвкѣ между окнами огромное бюро, на которомъ великолѣпные изъ вызолоченой бронзы часы, подъ стекляннмъ колпакомъ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Журналистъ.

(Въ зеленномъ бархатномъ сюртукѣ, подложенномъ соболимъ мехомъ, съ шалевымъ соболимъ же воротничкомъ, съ золотыми на спинѣ кистями, въ черныхъ бархатныхъ шароварахъ, выложенныхъ широкимъ золотымъ галуномъ, въ зеленыхъ вышитыхъ золотомъ сапогахъ, въ красной ермолкѣ съ черною кистью, сядишь за письменнымъ столомъ, куришь трубку и пишеть. Входитъ слуга.)

Кой чортъ! не дадутъ кончишь; кто памъ?

С л у г а.

Сего дня 23-е число Мая; Господишь, который нанялъ нумеръ въ четвертомъ этажѣ, хочеть переѣхать; онъ принесъ деньги за кварширу и просишь позволенія говоришь съ вами.

Журналистъ.

Нѣтъ никакого средства работать чело-вѣку ученому, который имѣеть собствен-ный домъ... конечно, это рѣдко случается; но... каждую минуточку меня отзываютъ отъ моего письменнаго стола. То надобно бросить деньги для Музы, то Музы для денегъ; хотѣлось бы имѣть и деньги и славу вмѣстѣ... невозможно, испанно невозможно! Умъ въ пягоскѣ чело-вѣку, живущему въ роскоши; для того-то, можетъ быть, бра-чи и не говлются за умомъ.

С л у г а.

Прикажете опказашь?

Журналистъ.

Нѣтъ, эшо было бы неучиниво. Кпо онъ такой?

С л у г а.

Кажешся Докшоръ.

Журналистъ.

Докшоръ? Прости его.

Я в л е н і е П.

Журналистъ, Докторъ Медицины Тихолюбскій, Слуга.

С л у г а.

Господинъ Надворный Совѣтникъ *Тихолюбскій*....

Журналистъ.

Тихолюбскій!.... (*бѣжитъ къ нему съ распростертыми объятіями.*) Другъ моего дѣтства, старшій школьный поваричъ... Какъ, ты наналъ у меня комнашы?

Тихолюбскій.

Не болѣе недѣли, какъ я въ Пепербургъ и совсѣмъ не вѣдалъ, что ты нажилъ собственн-ный домъ.

Журналистъ.

Домишка.... Семь лѣтъ собиралъ падающіе крохи за неимовѣрные шруды...и купилъ его.

Тихолюбскій.

Какой огромный домъ, въ чешыре этажа, квадрашнй. Эшо замокъ!

Журналистъ.

Я честный малой... работаю въ пошѣ лица своего для пользы опечественной словесности.—Издаю Журналъ съ картинками новѣйшихъ заграничныхъ модъ: Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ, Пепербургскихъ, съ чертежами ново-изобрѣшаемыхъ машинъ, мебелией, экипажей, дамскихъ вещицъ, прикладываю снимки съ почерка знаменитыхъ мужей, ноты, таблицы. Иные издавали по книжкѣ, иные по двѣ, иные по чешыре въ мѣсяць. Я хотѣлъ опличиться, выдумашь что нибудь новинькое, я издаю по книжкѣ

каждые десять дней, т. е. по 36-ти Нумеровъ въ годъ. Мой Журналъ естъ настопищій венегрепъ, сборникъ всякой вслячины; чего хочешь: шого просишь! шарады, загадки, логогрифы, омонимы, анаграммы, эпиграммы, мадригаллы, естъ даже гексаметры. Въ немъ найдешь спашейки о театрѣ, рецензи, критики, антикритики, разборъ вновь выходящихъ книгъ, извѣстїя, новости, объявленїя, и прочая, и прочая. Господь благословилъ мой верпоградъ—и онъ принесъ мнѣ плоды спорицею.

Тихолюбскій.

Радуюсь....но кпо бы могъ подозрѣвать, что ты сдѣлаешся писателемъ, издавателемъ, словополковашелемъ?... Я совсѣмъ ничего не слыхалъ о тебѣ. Мы пакъ давно разошались. Помнишь ли, какъ мы вмѣстѣ учились въ уѣздномъ Училищѣ? Ты былъ лѣнивъ, безвоящень, особливо въ Исторїи. Помнишь ли, какъ тебя взяли домой, а я перешелъ въ Гимназію; какъ мы вмѣстѣ брали часпные уроки въ Нѣмецкомъ языкѣ? Помнишь ли, что ты ничего не опвѣчалъ на экзаменѣ, что я тебѣ подсказывалъ, что учитель нашъ *Бидерманъ* за эшо наказалъ меня? Кпо бы могъ предвидѣть! Извини мою опкровенность: я провинциалъ! Минувшее воокресло въ моемъ воображенїи.

Журналистъ.

И я имѣю о немъ смутное воспоминаше... Я поздно развернулся...впрочемъ, я перпѣшь не могъ Нѣмецкаго языка, и шенерь также плохо знакомъ съ нимъ, какъ и въ дѣтствѣ. Но по нуждѣ крипикую переводы изъ *Шиллера*; ссылаюсь на *Винкельмана*, въ *Аделунга*; употребляю Нѣмецкіе эпиграфы; привожу мѣста изъ извѣснѣйшихъ авторовъ....

Тихолюбскій.

Шарлашанство!

Журналистъ.

Согласенъ, но кпо не шарлашанишь? Итальянская пѣвица публикуешь, что она скоро опвѣзжаетъ за границу и даетъ послѣдній свой концертъ; зубной врачъ, что онъ придворный Медикъ Короля Ганноверскаго;

парикмахеръ, что онъ былъ въ Парижѣ владисочесашеломъ Ея Высочества Принцессы Орлеанской; припечатиссецъ издаешъ шестымъ издашемъ полное собраніе своихъ сочиненій, когда и перваго десяти экземпляровъ не раскуплено. Одинъ выдумываетъ помаду для рошенія волосъ, другой мыло, дѣлающее спарую кожу молодою. Всѣ, всѣ шарлатаны!

Тихолювскій.

Не всѣ; я, я не шарлатанъ, хопя и лекарь! Мой родителъ былъ сельскій Священникъ, благочестивый, достойный служитель алтаря; онъ насадилъ въ сердцахъ дѣтей своихъ первые семена скромности и смиренномудрія: вѣчная ему память! Да помнител мнѣ, что и ты не знатнаго происхожденія? Твой отецъ былъ мѣщанинъ... купецъ...

Журналистъ.

Придворный Кофиненкъ! Но полно объэпючь. Мнѣ совѣстно глядѣть на тебя! съ какимъ сердоболемъ ты ухаживалъ за мною больнымъ... два раза ты воскрещалъ меня изъ мертвыхъ... Я честной малой... но что дѣлалъ?... Я мученикъ... меня рвутъ по кускамъ Цензоры, Корректоры, Наборщики, Трагеры, враги, союзники, сотрудники, сочинители, актеры, пѣвцы, танцовщики... Я неблагодарный забылъ тебя!

Тихолювскій.

Нѣтъ, ты не забылъ меня; ты расположенъ ко мнѣ по прежнему; твой ласковый пріемъ меня въ эиномъ удостоилъ. Общественства насъ разлучили. Будучи произведенъ въ лекаря, я былъ отправленъ въ Пензу въ полкъ, съ которыми выпянулъ весь Турецкій походъ. По заключеніи Адрианопольскаго мира, я взялъ отсрочку. Здоровье мое было совершенно разстроено; я ѣздилъ на Кавказъ, выздоровѣлъ—и теперь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы искать или мѣста въ гражданской службѣ, или вольной практики. Въ продолженіе моихъ путешествій я нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, но ты, брошенный въ вихрь большого Свѣта, развлеченный веселостями столицы, не удостоился отвѣчать мнѣ. Это было мнѣ при-

скорбно; однакожь я не разлюбилъ тебя. Твое сегодняшнее радушіе насъ примирило.

Журналистъ.

Я честный малой, но передъ побоею виновашъ, какъ бездѣльникъ. А все это проклятое правило никому не отвѣчалъ на письма; правило, перенятое мною у одного вепхаго Журналиста, и другое, споль же гибельное—не прощайъ ни одному писателю, осмѣлившемуся найпи у меня ошибку, и всегда перенивавъ браниться послѣднему; правило, которое перенялъ я также у одного пожилаго газетчика: они не даютъ мнѣ покоя, пожираютъ весь мой досугъ, всѣ минуты, которыми бы оспались у меня ошъ другихъ моихъ завлпій.

Явленте III.

Тѣ же и Нахаловъ (сотрудникъ Журналиста.)

Нахаловъ.

Онурій Пепровичъ, въ No VI-мъ недостаешъ на семь полосъ Русской Библиографіи, а нынѣшнимъ упромъ прислана къ намъ въ Редакцію ошъ книгопродавца *Непейцина* четвертая книжка, издаваемой Борисомъ Михайловичемъ *Федоровымъ* Новой Дѣтской Библиотеки: не прикажите ли мнѣ написать о ней спашейку?

(Съ подобострастиемъ ожидаетъ приказа.)

Журналистъ.

Обругашъ ее! *Федоровъ* въ Славяннѣ задѣлъ меня.

(При всякой безвѣстности выгодилъ други своего Журналиста, Тихолювскій пожилаетъ плечали.)

Нахаловъ.

На случай, если нельзя растянуть сей спашьи: кспати бы произнести приговоръ и Дѣтскому Театру, изданному имъ же *Федоровымъ*.

Журналистъ.

Да, приговоръ уголовный; спрогий.

Нахаловъ.

Не положу охулки на свою руку... прирѣжу!

(Уходитъ.)

Я в л е н і е IV.

Прежніе, кромиѣ Нахилова, Наглецовъ (другой соспрудникъ.)

Наглецовъ (съ кипюю бумагъ.)

Не угодно ли прослушать спашейку о Телескопѣ?

Журналистъ (развалился въ креслахъ.)

Читайше.

Наглецовъ.

«Съ 1-го Января 1831 года выходить въ Москвѣ новый Журналъ подъ названіемъ: «Телескопъ», издаваемый Г. Надеждинымъ, «человѣкомъ ученымъ, прудолюбивымъ, извѣстнымъ свѣшу нѣсколькими хорошими «сочиненіями и журнальными спашьями, кои «печаталя онъ въ блаженной и вѣчной памяти достойномъ Вѣспникѣ Европы. Каждый «мѣсяць выходить по двѣ книжки съ пор- «спресами и снимками почерка знаменитыхъ «мужей, ландкаршами, чертежами, картин- «ками. При немъ издается безденежно дру- «гой, въ родѣ прибавленій, подъ названіемъ: «Молва, еженедѣльно по полулисту печатно- «му съ картинкою модъ. Телескопъ и Молва, «куда по вышедшимъ нумерамъ, обѣщаютъ «быть занимательны.» . . . .

Журналистъ (вскликиваетъ въ бѣшенствѣ и хватаетъ за горло Наглецова.)

Иуда Искоріюшскій! . . . ты поступаешь со мною по его правилу: «что ми дасте и азъ предаю вамъ его?» Какъ пришло тебѣ въ голову восписывать хвалы человѣку, копорый печатно насмѣхался надъ моими испорически ми промахами, указывалъ на меня пальцами?

Наглецовъ (испугавшись.)

Не гнѣвайтесь, Онуфрій Пепровичъ, эшо можно сей моментъ поправить.

(Придвигаетъ стулъ къ углу письменнаго стола, и чрезвычайно скоро пишетъ карандашемъ на клочки бумаги.)

Журналистъ (сдѣлавъ пріятную рожу, и улыбаясь, обращаетъ къ Тихолюбскому.)

Извини меня! Я честный малой; но . . . но должно проучить дерзкаго, копорый осмѣли-

вается писать прошивъ меня. Теперь займѣмся швоими дѣлами; мы ихъ устроимъ. Ты будешь жить у меня безденежно; мои дрова и вода къ швоимъ услугамъ; мой мальчикъ станешъ чиснить тебѣ плашье, моя горничная убираетъ швои комнаты. Какъ скоро опорожнишься квартира въ бель-этажѣ, ты переселишься шуда, чптобъ быть ко мнѣ ближе.

Тихолюбскій.

Ты запугалъ меня; соглашаюсь изъ опасенія, чптобы..

Наглецовъ (еромко читаетъ или написанное.)

«Съ 1-го Января 1831 года Г. Надеждинъ, извѣстный чашапелямъ, упокоснаго имъ «Вѣспника Европы, своимъ педанпствомъ, «шутками спудентскими, грубыми, — бур- «сакъ, квасной патриотъ, взялся издавать «Журналъ Телескопъ въ 24-хъ книжкахъ и при- «немъ еженедѣльные листки Молву съ кар- «тинками модъ. Первые нумера заставля- «ютъ жалѣть о пошерянномъ прятѣ, ма- «слѣ и чернилахъ. Языкъ въ семъ уморитель- «номъ періодическомъ изданіи шотъ самый, «какой употребляли Славяне до изобрѣшенія «письменъ Кирилломъ и Меодіемъ; слогъ «пакой, чпто можно бы Господину Издашелю «посоветовать поучиться въ уѣздномъ Учи- «лищѣ, картинки лубочныя.»

Журналистъ.

Давно бы такъ! Опдайне печатать!

(Тихолюбскій поднимаетъ глаза къ Небу.)

Наглецовъ.

Какъ опозваешь о Сынѣ Отечества?

Журналистъ (съ разстановкою.)

Спаръ . . . опспыдѣлъ самимъ Издашелямъ, веимѣющимъ времени имъ порядочно заняшь- ся . . . безъ ношъ, безъ картинокъ . . . подписчи- ковъ гораздо менѣе, чѣмъ у меня . . . неопасенъ! Похвалише, шолько не слишкомъ, не пере- салывайше.

Наглецовъ (дѣлая въ записной своей книжкѣ за- лѣтку.)

Съверная Пчела . . .

Журналистъ (покраснѣвъ какъ
ракъ, тѣла у рта,
глаза сверкаютъ.)

Надобно бы обругать её, разругать, и по-
помъ ругать много, ругать больше, ругать
безпрерывно. Она у всѣхъ въ рукахъ, у нее
3000 подписчиковъ, ужасное злодѣйство, ден-
ной разбой! Впрочемъ, она не имѣетъ ниче-
го общаго съ моимъ Журналомъ; *Пшела* хлѣ-
ба у меня не опшимаешь; это газета поли-
щическая, народная; она взяла силу. Чпобы
выгодно воевать пропивъ нее: надобно
имѣть сильныхъ, неизмѣнныхъ союзниковъ;
а гдѣ они? *Литературная Газета* въ чахоп-
кѣ, *Телескопъ* — младенецъ, который еще
не крѣпокъ на ногахъ и которому нужны
помочи. На *Алтынникова* нельзя полагать-
ся: онъ продастъ; періодическое изданіе *Ко-
пльикина* чипается въ однихъ харчевняхъ;
онъ него пахнетъ кабакомъ, какъ онъ Изда-
теля.

Наглецовъ.

Слышалили вы, чпо онъ на дняхъ подрал-
ся въ госпиномъ дворѣ съ сидѣльцемъ?

Журналистъ.

Кшо же кого?

Наглецовъ.

Обоимъ досталось; купчикъ опвѣсилъ ему
шакую полновѣсную пощечину, чпо искры
изъ глазъ посыпались.

Журналистъ.

Я объ эпномъ не слыхалъ, а слышалъ, чпо
на вечеринкѣ у *Блесткина* онъ опился было;
его опшивали водою: послѣ двѣнадцати уша-
повъ насилу очнулся!

Не худо бы публиковать сіи два случая и
прикрасить ихъ пипщическими вымыслами,
распространить риторическими фигурами.
Это прекрасное средство опустить его Жур-
налъ еще ниже, въ грязь. . .

Тихолювскій.

Какъ тебѣ не стыдно прибѣгать къ па-
кимъ низкимъ средствамъ? Это шарлатан-
ство!

Журналистъ.

Ты, мой просподушный провинціалъ, ни-
чего въ эпномъ дѣлѣ не разумѣешь. Я опро-
вергну тебя двумя спихами божеспвеннаго
Гасса, Пускай это не совѣмъ правда; не
такая истина, какъ $2 \times 2 = 4$; но

— — Какая правда есть,

Которую сей лжи возможно предпочесть?

Я слѣдую въ эпномъ случаѣ хипрому ста-
рику *Вольтеру*; онъ паписалъ: *Frappes plutôt
fort, que juste!*

Тихолювскій.

Какое шарлатанство!

Журналистъ.

Всѣ люди шарлатаны; et ne different entre
eux que du plus ou du moins, сказалъ *Боало*,
а онъ зналъ, чпо говорилъ.

Наглецовъ.

Московскій Телеграфъ. . .

Журналистъ (оттираетъ бюро;
достаетъ памятную
книжку и, глядя въ
нее, говоритъ своему
сотруднику.)

Въ 1828 году имѣлъ 1300 подписчиковъ,
въ 1829-мъ 1000, въ 1830-мъ 800; въ нынѣш-
немъ, весьма достоверно, чпо потерялъ еще
двѣ сотни . . . опспаштъ . . . опаздываетъ . . .
карпинки модныя весьма плохи . . . криво-
толкъ . . . пуспомелъ . . . былъ бы вреденъ, еслибъ
былъ поостроумнѣе, а такъ какъ шеперь—
онъ только пошенъ; у него же изнуритель-
ная лихорадка; не тревожьте послѣднихъ
минуть его.

Наглецовъ.

*Литературныя Прибавленія къ Русскому
Инвалиду*. . .

Журналистъ.

Обругать! — Сказашъ, чпо они дряхлы
какъ Инвалидъ, стары какъ Новопи Липе-
рапуры, вальды какъ Славянинъ; чпо Изда-
тель хопѣлъ выѣхать на оглавленіи; но
его *Переслѣтшиникъ* не смѣшенъ; его всякая
всячина еборъ всякой дряни, ветюши; *сти-
хотворенія* . . . ихъ много, но — на одно по-
рядочное дюжина никуда негодныхъ. Обру-

гашь! . . . поелику Издашель оныхъ смѣшъ имѣшь почти сполько-же подписчиковъ, какъ у меня! Обругавъ, — поелику онъ сполько дерзокъ, что ошиважился перебивавъ у меня доходы, издавашь газетну съ модными карпинками, какъ я!

Наглецовъ.

Мы его отпрабошася.

Журналистъ.

Ха, ха, ха! позабылъ самое главное: большая часть насмѣшливыхъ пьесъ въ газетѣ Г. *Воейкова* передѣланы съ Французскаго, и, не во гнѣвъ пріятелю его, Господину *Кораблинскому*, Французская соль, всыпанная въ Русскія щи, обуюла.

Наглецовъ.

Съверный Меркурій. . .

Журналистъ.

Въ минувшемъ году не додалъ 15-ти нумеровъ, въ нынѣшнемъ општалъ цѣлыми шремя мѣсяцами, посулилъ 24 карпинки модъ, а не приложилъ ни одной, общалъ какой-то безкровный бой — и не сдержалъ обшчанія. Предосадатьне самому Издашелю похоронить *Меркурія*. . . онъ эщо исполнитъ и скорбе, и вѣрне нашего.

Тихолюбскій.

Жаль, что онъ несправно выходилъ, а въ немъ помѣщались спашейки остроумныя, колкія, показывающія, что Издашель *Меркурія* не безъ таланта; ва пр: спашья о *Колокольчикъ*.

Наглецовъ.

Кспати . . . упоминашь ли о семъ листкѣ?

Журналистъ.

Слегка, мимоходомъ; подновише въ мозгу госпожи Публики воспоминаніе о литературныхъ спекуляціяхъ Г. Издашеля *Колокольчика*, объ одномъ Журналѣ недокончанномъ, о другомъ невачапомъ, о третьемъ, котораго выдано восемь нумеровъ, о четвертомъ, котораго не додало семи книжекъ; о судьбѣ пятаго, по ести *Колокольчика*, можно вывесъ самое вѣрное заключеніе изъ судебъ чепырехъ прежнихъ.

Наглецовъ.

Гирланда. . . .

Журналистъ.

Полупоблѣкшая, сплешенная изъ запоздалыхъ цвѣшовъ; вмѣсто 52-хъ модныхъ карпинокъ, о коихъ сполько насазано въ объявленіи, шеперь уже выдается въ половину меньше. Съ перваго нумера сей Журналъ уже началъ выходить не въ срокъ: ему надлежало явиться 1-го, а онъ розданъ 10 Марта; второй обшчанъ 8, а розданъ также 10 Марта; двѣнадцатую книжку ждала Публика 23-го, а она пожаловала 30 Мая! Теперь уже полшора мѣсяца, какъ ни одной книжки не является!!! Худая надежда, плохой знакъ! Тутъ не поможетъ ни веленевая бумага, ни щегольская обершка, ни перепечатки, ни похищенія. Слѣдуя золотымъ урокамъ *Махивелля*, слѣдовало бы очернить Гирланду; но она неопасна, она жалка, бѣдна, скудоумна. . . Приласкайше еѣ! Она не проживетъ и года. Бранишь еѣ, значить братъ личній ерѣхъ на душу, а у насъ и безъ шого ихъ довольно!

Наглецовъ.

Петербургскій Вѣстникъ. . .

Журналистъ.

Этотъ *Вѣстникъ* неопасенъ, безъ модныхъ карпинокъ, безъ поршретовъ, безъ снимокъ почерка; самъ Издашель, какъ кажешся, ничѣмъ, кромѣ сборника *Невскій Аляманакъ*, не отличился; лишентъ сашрудниковъ, коихъ имена были бы извѣсны, дарованія замѣтны, геній проявлялся бы въ швореніяхъ, замѣченныхъ клеймомъ безсмертія; расхвалите его: Публика приметъ это за знакъ нашей правоты, безприсрашія.

Тихолюбскій.

Я захожу иногда въ кандинерскую къ *Вульфю*, перелистываю Журналы — и нахожу занимательныя спашья въ Журналѣ *Аладдына*. Его сужденія о книгахъ и театрѣ шшущся безприсрашно, въ здоровомъ умѣ.

Журналистъ.

Согласенъ, и желаю *Санктпетербургскому Вѣстнику* многія лѣта. Жаль шолько, что мое желаніе не исполнитъся.

Тихолюбскій.

Почему ты это предсказываешь?

Журналистъ.

По врожденному чувству, по опытности въ журнальномъ ремеслѣ.

Наглецовъ.

Литературная Газета...

Журналистъ.

De mortuis aut bene aut nihil! Баронъ Дельвицъ, умирая, увлекъ съ собою въ могилу и свою Газету. Знаменитые друзья, блестящіе сотрудники, чинашелаи, починашелаи — всё отъ неё оисстунилось. Пушкина спиховѣ мы не видали въ ней полгода, Вяземскаго — годъ, Баратынскаго полтора года; за по, снатины Катенина упоминшельныя, безконечныя, наполняли густыя колонны *Литературной Газеты*, а это не ередство привлечь Публику, захопнши чинашелей: это ередство распугать ихъ! Осыпше, сударь, розами и лаврами безвременную ея могилу, покадите еѣ ладономъ. Уснши не воскресающъ!

Наглецовъ.

Бабочка...

Журналистъ.

Жалкое насѣкомое; пощадите еѣ. При издани сихъ ничпожныхъ листковъ сбылась Лаптинская пословица: огромная гора родила мышъ!

Наглецовъ.

Всѣ будете исполнено согласно вашей воли!

(Низко кланяется и уходитъ.)

Я в л е н и е V.

Журналистъ, Тихолюбскій.

Журналистъ.

Извини меня! право, я добрый малой; но передъ этимъ пишуцимъ людомъ нужно иногда пріосаминься. Мнѣ самому несносенъ журнальный промыселъ, и я часито, весьма часито посылаю къ чорпу и Журналъ и Липерашуру, и стихи и прозу, всё, всё, ... кромъ подписныхъ денегъ. Теперь я счастливъ, я нашелъ друга своей юности; мы будемъ неразлучны. Въ бесѣдѣ съ шобой, я спану оп-

дыханъ отъ безпокойствъ авторской жизни; ты будешь моимъ уцѣшителемъ, совѣщникомъ, наставникомъ.

Я в л е н и е VI.

Тъ же и слуга.

С л у г а.

Какой-то Чиновникъ съ письмомъ отъ Священника Ивана Алексѣевича *Воздвиженскаго*.

Журналистъ.

Проси его.

Я в л е н и е VII.

Тъ же и Безщастный.

Безщастный.

Я пошъ бѣдный Коллежскій Ассесоръ, о которомъ Священникъ Иванъ Алексѣевичъ говорилъ вамъ. Вотъ и письмо отъ него.

Журналистъ *(пробѣгая письмо.)*

«Въ крайности... прѣхалъ издаека искашь мѣста, которое ему и обшано; но вышъ еще «ваканси... у него пяперо дѣшей, малъ малъ «меньше... жена, пресшарѣлая мащъ... Все въ «закладъ, даже женнины платья... добродора «дочнаго поведенія... спыдился проситъ... «крайность...»

(Растроганъ, идетъ къ бюро, вынимаетъ сто рублевую ассигнацію, и, будто тащилъ руку Безщастнаго, кладетъ въ нее ассигнацію.)

Теперь я очень занятъ... приходише ко мнѣ въ Воскресенье часовъ въ одиннадцать утра. Помогу вамъ, чѣмъ могу. До свиданья!

Безщастный *(въ слущеніи.)*

Милоспивый Государь ... *(разсматривал ассигнацію.)* Такая щедрость...

Журналистъ *(выводя его вонъ за руку.)*

Сочтемся, когда вы разбогатиете; я не дарю вамъ этихъ денегъ, я не смѣлъ бы эпаго сдѣлать; но вы нуждаешесь, я самъ былъ бѣденъ, очень бѣденъ; меня шакже ссужали добрые люди; я поправилъ свое состояніе, расплашился со всѣми своими займодавцами честно — и вы, я въ этомъ увѣренъ, шоже сдѣлаете. Слуга покорный, слуга покорный!

Тихолюбскій (обнимая его.)

Непонятный человекъ, смѣсь грязи и золота!

Журналистъ (вырывается изъ его объятий.)

Ба, еще забылъ. (Звонитъ. Входитъ слуга.)
Попроси ко мнѣ моего сотрудника *Нахалова*.

Я в л е н и е VII.

Тѣ же и *Нахаловъ*.

Журналистъ.

Не былъ ли здѣсь вчера *Благомысловъ*? Не привезъ ли свою Исторію Царствованія *Владимира Мономаха*?

Нахаловъ.

Нѣтъ.

Журналистъ.

Какая несносная обида! Лично привезъ экземпляры *Грегу*, *Булгарину*, *Солову*, *Войкову*; отослалъ при письмѣ *Полевому*, а ко мнѣ ни ногой, и даже не прислалъ экземпляра. Но я ему покажу себя. Надупое живописное! сосредотачиваетъ дражную книжонку, да и носъ вздернулъ. Тугой слогъ, ни малѣйшей пронизапельности при разборѣ старинныхъ рукописей; а еще этой полноты, эшаго сладкозвучія, которымъ опличается слогъ нашего *Гитъ-Лидія*. Я шебя проучу! Садись на *нахалника*, возьми у *Сленина* экземпляръ книги *Благомыслова*—и сей часъ же мнѣ привези.

Я в л е н и е VIII.

Прежніе, слуга, а потомъ *Благомысловъ*.

С л у г а.

Василій Николаевичъ *Благомысловъ*.

Журналистъ (*Нахалову*.)

Не вздиши! (*Слугъ*.) Раствори обѣ двери, проси!

(*Благомысловъ* входитъ держа книгу; *Журналистъ* бѣжитъ ему на встрѣчу.)

Шокорнѣе прошу садиться. А мы сей часъ о васъ говорили; я хвалилъ вашъ новый трудъ; предсказывалъ вамъ Европейскую славу. Благородный языкъ, образцовый слогъ, собственный взглядъ на предметы, гениальныя догадки, внимательное сличеніе лѣпописей:

все, все указываешь вамъ мѣсто подле знаменитаго нашего Исторіографа. Не принимай это за лесть; я безъ васъ говорилъ это моему другу и сотруднику, котораго сей часъ посылаю къ *Сленину* купить для меня экземпляръ.

Благомысловъ.

Это не нужно; Авторъ имѣетъ честь представить вамъ экземпляръ; онъ проситъ не похвалъ, а снисхожденія; онъ поздно посвятилъ себя словесности, сдѣлалъ что могъ.

Журналистъ.

Я честный малой (любуется богатыми переплѣтомъ). Честь, справедливость обязываютъ меня замолвить доброе слово за ваше швореніе, сплотившее вамъ многолѣтнихъ трудовъ. Еслибъ вы были мнѣ личнымъ врагомъ: и тогда бы я одобрилъ книгу вашу передъ чинашелями. Я честный малой!

Благомысловъ (встаетъ и откланивается.)

Позвольте мнѣ надѣяться.

Журналистъ.

На сей же недѣль, не позднѣ Пятницы.

(*Благомысловъ* уходитъ.)

Я в л е н и е IX.

Прежніе, кромѣ *Благомыслова*.

Тихолюбскій (внѣ себя.)

Непроспительное шарлапанство!

Журналистъ.

Кто же нынче не шарлапанитъ? Прочитай ученія и чувствительныя путешествія, посьми *Магипизерку*, *Гамеопана*, послушай у актрисъ проповѣдей о цѣломудрїи, у судей о природномъ отвращенїи отъ вѣзпокъ, у *Пьянгошкина*—*Невъждина* съ подобными глазами о презвостнїи; все шарлапанство, добрый другъ, все шарлапанство!

Я в л е н и е X.

Прежніе и союзники *Журналиста* *Копѣйкина* и *Алтынишкова*.

Копѣйкинъ.

Здорово, дружище, прикажи-ка дать водки да чего нибудь перекусить. Вчера мы съ *Ал-*

тыльниковымъ порядочно подгуляли у актёра *Размахнирукова*. Вишь скоро его бенефисъ; такъ онъ упрасиваль меня предварить объ эпомъ Публику въ моей газетѣ. Диво, что шебя ямаъ не было.

Журналистъ.

Онъ звалъ меня, да я опговорился нездоровьемъ, а правду сказать, не хотѣлось имъ одолжаться. Вишь онъ Артистъ весьма посредственный, и говоритъ о его искусствѣ съ выгодной для него стороны — прошивно совѣсти. Это значило бы обманывать Публику — и изъ чего же? изъ бупылки Шампанскаго, изъ куска мяса! — *Le jeu ne vaut pas la chandelle.*

Алтыниковъ.

Согласенъ, если спавить его наравнѣ съ старшимъ *Каратыгинымъ*, съ *Брянскимъ*; но, право, не грѣхъ ободрить молодого Артиста, имѣющаго природныя способности, ясный голосъ, благородную осанку, образование.

Журналистъ.

Молодого Артиста? Ему 40 лѣтъ.

Алтыниковъ.

Что за счёты? Я опрекомендую его любителямъ театра. Припомъ же, одна пища весны не дѣлаешь, лучшіе Актёры играютъ въ его бенефисъ. Небольшая Комедія въ свихахъ, никогда неигравнал, говорящъ, будто *Хильмицикаго*; новый Водевиль *Одросимова*, диверсисементъ *Петергофскій праздникъ*, съ блестящими декораціями, сраженіями, фейерверкомъ, разнородными плясками; съ рововою музыкою, съ хоромъ полковыхъ пѣвчихъ. Все это доставившъ удовольствіе зрителямъ, удовольствіе благородное.

Слуга (*приноситъ фарфоровую богатую вазу, ставитъ на столъ и подаетъ письмо Журналисту.*)

Опъ актёра *Размахнирукова*.

Журналистъ.

Смоприте, какой угомоникъ! Узнавъ, что я дерешель на другою половину дома, онъ посылаетъ мнѣ эту прекрасную вазу.

Ковъкинъ.

Какая очаровательная живопись. Подарокъ эпомъ сповишъ, по крайней мѣрѣ, 100 руб.

Алтыниковъ.

Какая огромная ваза, внупри густо вызолочена, её нельзя купить дешевле 150 руб.

Журналистъ.

Право, я честный малый. Мнѣ уже спавишъ совѣсно, что я давеча не соглашался съ вами. На меня нашель какой-то сполбнякъ. Когда это бывало, чтобы я прошиворѣчилъ сердечнымъ друзьямъ своимъ? Да и въ чемъ же? Въ сущей бездѣлицѣ! Какъ будто-бы уголовное преступленіе написать нѣсколько спрочекъ въ пользу Актёра спарашельнаго, всегда знающаго свою ролю, и общающаго современемъ отличнаго Артиста. Припомъ же, мои голубчики, и шо пришло мнѣ на умъ, что вишь мы не палачи, а судьи.

(*Схватя ихъ за руки и крепко ихъ пожилал.*)

Для васъ — я буду списходиселень къ *Размахнирукову*; для него бы я никакъ не сдѣлалъ и малѣйшаго пошверства.

(*Подходитъ къ вазѣ и разсматриваетъ ея.*)

Какой чистый фарфоръ; это вѣрно Севрской фабрики; да вопъ и клеймо!

Тихолюбскій (*не могши удержатся.*)

Какое шарлапанство!

Журналистъ (*ни мало не спутясь, подводитъ его къ своимъ союзникамъ.*)

Рекомендую вамъ моего соученика, моего стариннаго друга и славнаго Доктора Медицины Ивана Варфоломѣевича *Тихолюбскаго*. Онъ недавно прѣхаль въ Пешербургъ изъ Херсонской Губернии; никому еще неизвѣспень. Помогите мнѣ господа, ввеси его въ моду, доставившъ большую практику.

(*Двое слугъ накрываютъ столъ и прѣносятъ кушанье.*)

Алтыниковъ (*наливая себѣ водки.*)

Мы рѣшимъ это дѣло за завтракомъ.

Копѣйкинъ.

Самыя важныя государственныя дѣла часто рѣшаются за дипломатическимъ завѣтракомъ.

Журналистъ (*Тихолюбскому.*)

Знай, мой другъ, и сія почтеннѣйшіе Липерапоры подтвердятъ тебѣ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ съ одними дарованіями не далеко ускачешь.

Алтыциковъ (*завтракая и запивая виномъ.*)

У кого нѣтъ ихъ!

Журналистъ.

Главное сословіе въ искусствѣ увѣришь другихъ, что у меня есть дарованія. И для успѣха, надобно говорить объ эптомъ...

Копѣйкинъ (*откупориваетъ бутылку Шалпанскаго; пробка хлопаетъ и прыгаетъ къ потолку.*)

Кричать.

Журналистъ.

Провозглашать.

Копѣйкинъ.

Печашать.

Журналистъ.

Послать въ чужіе края къ шѣмъ Газетчикамъ, съ которыми мы имѣемъ корреспонденцію. Извѣстія изъ Парижа прочли и знаменитые Русскіе Бояре.

Алтыциковъ.

Начнемъ съ припечатанія въ *С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ* извѣщенія благодарности Г. Доктору *Тихолюбскому* отъ каковаго нибудь жителя Елисаветградскаго или Маріупольскаго — за излѣченіе отъ Молдавской лихорадки, которою буди бы спрдавалъ онъ болѣе трехъ лѣтъ, и отъ которой буди бы славнѣйшіе Медики не могли его избавить. Чинъ, имя и фамилію легко выдумать; справляться не стануть.

Копѣйкинъ.

А въ *Московскихъ* такого-же рода благодарности — отъ какой нибудь почтенной Екамеринославской или Херсонской помещицы

за спасеніе отъ разслабленія нервъ и спазмовъ: это модныя болѣзни!

Журналистъ.

А у меня въ Субботнемъ листкѣ будетъ извѣстіе о прибытіи его въ сѣверную столицу. Оно начинается такъ: *Докторъ Медицины, Надворный Советникъ Тихолюбскій, спаситель младенцевъ, надежда матерей, и прочая.*

Алтыциковъ.

Славно! мой журналъ также къ вашимъ услугамъ. Не написали вы чего нибудь?

Тихолюбскій.

Разсужденіе о причинахъ большой смертности между младенцами.

Алтыциковъ.

И напечатали?

Тихолюбскій.

Еще въ 1828 году. Только не разошлось и двадцати экземпляровъ.

Алтыциковъ.

Мы постараемся, чтобы въ мѣсяцъ раскупили все изданіе; мы напечатаемъ: «Глубокомысленная диссертація знаменитаго Медика *Тихолюбскаго* о причинахъ большой смертности между младенцами, переведена на Французскій и Англійскій языки. Ученые издатели *Revue Encyclopedique* и *Edimbourg* «*Revue* опозвались о ней съ чрезвычайными похвалами. Книгу сію на Русскомъ языкѣ можно получить въ Библиотекѣ *А. Ф. Смирдина*, издатели Россійской Исторіи *Карамзина* и *Басенъ Крылова*. Цѣна экземпляру «5 рублей, за пересылку прилагается 1 рубль»

Копѣйкинъ.

Не Гамеопатъ ли вы? Не Магнетицеръ ли? Я бы совѣтовалъ вамъ держаться какой нибудь новѣйшей модной системы. Повѣрьте мнѣ, что это ключъ, который отворишь вамъ входъ въ самыя знатныя дома.

Алтыциковъ.

Не вздумаете ли вы читать публичныя лекціи?

Журналистъ.

Моя заа къ вашимъ услугамъ.

Алтышниковъ.

Ръшишесь-ка, выберите шу часть Медицины, въ кошорой вы сильнѣе; испросите дозволеніе Правительспва, а я крупными липперами пишу: «сего дня славный Докторъ Медицины, почешный и дѣйствительный Членъ многихъ Академій и Ученыхъ обществъ, Надворный Совѣтникъ *Тихолюбскій* начнешь свои публичныя лекціи на Лицейной въ домъ Господина *Мишурина*, прѣздъ съ улицы, входъ съ параднаго крыльца. Экипажи подъѣзжаютъ со стороны Невскаго проспекта и спановаясь въ два ряда до Арсенала. Начало ровно въ 7 часовъ по полудни.»

Тихолюбскій.

Благодарю васъ, Милоспивые Государи; но у меня свой образъ мыслей, можетъ быть, странный; и свои правила, можетъ быть, смѣшныя; но я не опшсупляю опъ нихъ ни за какія почести, ни за какія деньги. Я не терплю шарлапанства; я увѣренъ, что безъ пронсковъ, безъ искаательства, безъ пресмыканія, истинное достоинство опкроетъ себя дорогу и, рано или поздно, опобрѣтетъ славу чистую и прочную.

Журналистъ.

Да, славу послѣ смерти . . . очень весело!

Тихолюбскій (*Алтышникову и Копышкину.*)

Покорнѣйшій слуга!—(*Журналисту.*) До свиданья!

Журналистъ (*удерживая его.*)

Опомнись, куда ты? Когда моя дружба и просвѣщенныя усилія моихъ союзниковъ пребываютъ тебѣ пупь къ извѣстности, къ почестямъ, къ богатствамъ, ты осуждаешь себя на бѣдность, хочешь ползати во мракъ забвенія.

Тихолюбскій (*рѣшительно.*)

Когда ваше участіе и неуспѣшныя спаранія готоваютъ мнѣ блескъ почестей и сіяніе славы: я предпочитаю имъ мое лихое уединеніе, мою благородную независимость, мое честное имя.

(*Уходитъ.*)

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОСТЬ СМЕРТИ.

Въ исходѣ послѣдняго сполѣтія существовалъ еще въ Люцернѣ предлинный деревянный мостъ, крытый, какъ всѣ почти мосты въ Швейцаріи; онъ назывался *Мостомъ смерти*. На каждой аркѣ, поддерживающей крышу, изображены были съ обѣихъ сторонъ по двѣ картины опличной работы; такъ, что съ кошорой стороны вы ни переходили бы черезъ мостъ, передъ вами всегда будеть длинная галлерей. Живописецъ имѣлъ двѣ спранности: во первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ картины его представляли смерть; во вторыхъ, смерть въ каждой картинѣ забавляется, обманывая свои жертвы, поражая или указывая на того, кто менѣ всѣхъ ожидалъ ее. Здѣсь вы видите всадника, убѣжавшаго съ поля сраженія; онъ кажется въ безопасности; но смерть наспигаетъ его съ пыла. Тамъ лежитъ спарикъ, спраждущій недугомъ; немного далѣе покоится младенецъ, цвѣтущій здоровьемъ. Смерть до половины является изъ подпола и, улыбаясь спарику, безжалостнымъ перспомъ указываетъ на колыбель дынями. Еще далѣе вы видите новобрачную, окруженную родственниками и подругами, кошорыя снимаютъ съ нее мирповый вѣнокъ при веселомъ звукѣ покаловъ; у дверей брачной комнашы ожидаетъ ее смерть. Наконецъ, представляется вамъ пучный монахъ, несущій св. Дары къ умирающему; это происходитъ ночью . . . ; церковнослужитель съ фонаремъ освѣщаетъ путь Священнику; эшошъ церковнослужитель естъ сама смерть, кошорая обѣрачивается и указываетъ на духовника, за нею слѣдующаго.

Трудно было бы описать различныя положенія одного и того же предмета, спю разъ повтореннаго въ сей удивительной галлерей. На каждомъ шагу вы видите, что живописецъ хотѣлъ изобразить слѣдующую мысль: «смерть бѣжитъ опъ того, кто ожидаетъ ее, и спсигаетъ тѣхъ, кошорые опъ нее бѣгутъ.»

Когда я бываю здоровъ и вспомяну о *Смерти* *моемъ мостѣ*, тогда невольно погружаюсь въ задумчивость. . . Если же приходишь бо-

лѣзнь и съ нею возобновляюцца въ памяти моей всѣ сіи изображенія, тогда я дѣлаюсъ весель. . . .

(Изъ *Voleur.*)

М Ы С Л И.

Есть люди, которые почищаютъ себя чувствительными, будучи только раздражители. Истинная чувствительность разливаетъ счастье на окружающихъ ее; всѣ прочіе признаки оной сомнительны. Не должно довѣрять чувствительности, которая заставляетъ требовать вниманія, пощеченій, разстройства: она происходитъ отъ нездоровья или худого расположенія души.

Все имѣетъ свои терны: чувствительность сопровождается безпокойствомъ; живость непереносима; холодность скукою: послѣдніе терны всѣхъ язвительныѣ.

Оспорожный другъ гораздо лучше усерднаго; послѣдній выводитъ васъ изъ бѣды, а первый оповдываетъ отъ нее.

Я согласенъ, что околичности наводятъ скуку; однакожь я предпочитаю ихъ неуваженію.

Многіе люди охотно взяли бы за что-нибудь хорошее, еслибы оно предсказано было имъ въ пріятномъ видѣ. Любезная добродѣтель ихъ обворожила бы, но она предпочитаетъ любезность всему на свѣтѣ. Они не терпятъ того, что требуетъ ихъ уваженія, а уважаютъ то, что имъ нравится. Это души, чрезвычайно чувствительныя, одаренныя слишкомъ пылкимъ воображеніемъ, но задѣланныя разсудительностью. Характеръ ихъ предсказываетъ странную смѣсь.

Я столько наслаждаюсь въ обществѣ добродѣтельныхъ людей, что невольно иногда сказалъ бы имъ: «благодарю васъ за то хорошее мнѣніе, которое вы заставляете о себѣ имѣть.»

Ничто не можетъ быть восхищительнѣе, какъ доставлять удовольствіе другимъ; но есть люди, въ отношеніи къ коимъ надлежитъ исполнять сію обязанность иначе, какъ вооружась разсудкомъ.

Говорятъ, что умъ вреденъ для счастья; это одно изъ обвѣщальныхъ правилъ, ушѣ-

шительныхъ только для глупцевъ. Не думаю, чтобы достойны были сожалѣнія люди безъ ума, но досадно видѣть, когда унижаютъ дарованія, коими Всевышній надѣлилъ смертныхъ. Снисходительность и веселость всегда свойственны людямъ умнымъ.

Люди, не умѣющие быть домохозяевами, переходятъ на нищихъ, скипающихъ по чужимъ домамъ для собиранія милостыни. Имъ можно позже сказать, что настоящимъ нищимъ: «трудишесь, и вы избавитесь отъ бѣдности.»

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть въ обществѣ истинно добрыхъ людей; ибо съ ними предаешься всему своему добродушію. Я не люблю ничего противнаго сему расположенію души.

Очень хорошо содержать порядокъ въ своемъ домѣ: это способствуетъ къ спокойной жизни; но говорить о томъ, не много придаетъ занимательности бесѣдѣ.

Существа, употребляющія во зло угожденіе тѣхъ, которые любятъ ихъ, кажутся мнѣ нечувствительными.

Самое невинное удовольствіе, когда оно становится по потребности, разрушаетъ прелесть домашняго согласія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗГОВОРЪ.

между Дамой и Лекаремъ.

ЛЕКАРЬ.

За мной сей часъ вы прислали? —
Господь къ услугамъ вашимъ я. . . .

ДАМА.

О благодѣтель мой, нельзя ли
Избавить отъ бѣды меня?
Вашъ прешій день, какъ Ваня боленъ:
Въ головкѣ жаръ . . . всё проситъ пить. . .

ЛЕКАРЬ.

Болезнь мнѣ эту излечитъ.
Легко; но башошкой я недоволенъ. . .
Твоимъ сударыня. . . .

ДАМА.

За что?

Л Е К А Р Ь.

Ну, вошь прекрасно! какъ за что?
За то, что я его лечилъ,
А онъ хопъ грошъ бы заплапалъ!
Я поже человекъ — мнѣ надо — шо и шо. . .

Д А М А.

Помилуйше, да опъ лекарствъ опъ умерь!..

Л Е К А Р Ь.

А мнѣ какая въ шомъ нужда?
Когда бъ допилъ шридцатый нумерь —
Я могъ ручашься бы шогда,
А по вольно же безтолково
Лекарствъ не выжда — умереть;
Въ семь случаѣ, сударыня — и смерть
Вина не лекаря — больного.

Д А М А.

. . Я васъ прошу, чтобъ прописали
Ванюшъ шакже, что нибудь. . .

Л Е К А Р Ь.

Какъ, я? . . да, на кого же вы нанали?
Нѣшъ, не удастся обмануть:
Не обмокну пера въ чернилы,
Доколь — денегъ не дадутъ! —

Д А М А.

Вы шушите?.. о, какъ вы милы!..

Л Е К А Р Ь.

Нѣшъ, нѣшъ, сударыня, какія шупки шупъ —
— Давайше денежки скорый;
Я сына вылечу, какъ разъ! —

Д А М А.

Охотно бѣ нхъ дала, по полько-лишь сей часъ.
Ужьалъ мужъ . . . а у меня . . . ей, ей . . . .
Но лишь прѣдешъ опъ
Я деньги къ вамъ досшавлю!

Л Е К А Р Ь.

Нѣшъ, опъ шрудовъ я васъ сударыня избавлю:
Скажете опъ меня супругу вы поклонъ,
Да, чтобы *деньги* пригшоповилъ —
Рублишекъ *десять* въ первый разъ;
Да, чтобъ за мной прислапъ изволилъ,
Тогда, я къ вамъ явлюсь шопчасъ:
Лекарство Ванѣ проишу.
Простите. Я лечишъ другихъ шеперь. спѣшу.

Л. Якововичъ..

L O G O G R I P H E.

Sur mes sept pieds je fus la terreur du pervers,
Je défendis le faible et vengeai l'innocence,
De monstres, des tyrans je purgeai l'univers.
Sur quatre l'on me dit enfant d'une science
A qui bien rarement je dois mon existence.
Sur quatre encor je suis d'un animal fougueux
Le chef hideux et formidable,
Qu'offrit un chasseur de la fable
A l'amazone, objet de ses soins amoureux.

Въ №64 помѣщ. Шарада — Омонимъ значишъ: *Ба-ба*.

Н О В А Я К Н И Г А.

Братъ за Брата или нѣтъ правила безъ изключенія. Комедія - Водевиль въ одномъ дѣйстви. Соч. П. Григорьева. Музыка Соч. Жуковскаго. С. П. Бургеъ, въ Типографш Байкова, 1831 года, 110 стр. въ 12 дол. листъ (*).

Съ недавняго времени наши Гг. Аршиспы обратили вниманіе на благородное назначеніе сценическаго искусства: соединяшъ теорію съ практикою, природу съ искусствомъ — писашъ роли и самимъ выполняшъ оныя. Надобно признашъся, что на сценѣ нашей нѣшъ еще собственно Русскихъ гениальныхъ созданий (выключая Горе опъ ума), какъ то видимъ у Нѣмцевъ и Англичанъ; со всемъ шѣмъ — есть очень хорошія драматическія произведенія, и одно изъ шакowychъ, безъ сомнѣнія, упомянутая Комедія-Водевиль, сочиненная Г-мъ актеромъ *Григорьевымъ*. Куплеты его остры безъ напязки; а интрига прясна и пашуральна; обстановка не дурна; роли выполнены были съ усѣхомъ, особливо Г. *Дюрюмъ* въ роль деньщика Василья, кошорой и былъ вызванъ Публикою по окончаніи пьесы.

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Андрея Васильева Глазунова, въ С. Петербургѣ, подъ № 25, противъ Гостиного двора, и въ Москвѣ на Никольской улицѣ противъ Казанскаго Собора, подъ № 1 и 2. Цѣна 3 руб. съ пересылкою во вся города.

Выписываемъ нѣкоторыя куплеты:

Василій (*дѣлщикъ Поручика
Ардатова.*)

№ 7.

Давно женился я собираюсь,
Но только оплошать боюсь,
И за себя хоть я ручаюсь,
Но за жену не поручусь;
Она предъ мужемъ не робѣетъ,
И я скажу на эпошъ счётъ:
Жена съ *умъ* свести умѣетъ,
А ужъ на *умъ* не наведѣтъ.

Ардатовъ старшій (*Драгунскій
Офицеръ.*)

№ 10.

Хоть я бываю на балахъ,
Хоть и танцую, можешь спашься,
Но женщины, въ моихъ глазахъ,
Не сиблютъ слишкомъ забываться;
Такъ въ танцахъ мнѣ ужъ все равно:
Меня никто не очаруетъ.
Кто мыслитъ и живетъ *умно*,
Такъ пошъ *безумно* не танцуетъ!

№ 14.

И спаномъ, и лицомъ своимъ
Она хоть многихъ зашмѣвася,
Но вѣрно модницамъ дурнымъ
Въ нарядахъ также подражаешъ.
У насъ въ большомъ кругу видна
Вся слабость женская подробно,
И та, которая *дурна*,
Всегда одѣта *безподобно!*

В о д е в и л ь.

Ардатовъ старшій.

Любви здѣсь мало кто найдешъ:
Она до сердца не доходитъ,
Немогимъ счастье даетъ,
А многихъ только за носъ водитъ;
И клятвы я давалъ не разъ
Вѣкъ къ женщинамъ имѣть презрѣнье,
Но я нарушилъ ихъ сей часъ:
Гдѣ *клятва*, тутъ и *преступленье*.

Сидковъ (*Управитель Г-жи
Вельской.*)

Ахъ! нынче свѣтъ ужъ не таковъ:
Въ семъ старость мало уважаютъ,

Двѣци нынче — стариковъ
И за людей не почитають.
Бывало молодѣжь никакъ
Въ ученн мы не оставляли,
А нынче поумѣли такъ,
Что шариковъ учить все спали.

У.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЛВЫ.

(№ 27, 1831 года.)

Замѣшимъ, что въ спашь о *Выставкѣ
отечественныхъ издѣлій*, Издашель *Московскаго
Телеграфа*, издѣваясь надъ патриотически-
ми чувствами Г. *Погодина* при посѣщенн
сей Выспавки (*Молва* № 20), позволилъ себѣ
расшупиниться до такой степени неприличн,
какой до сихъ поръ читатели въ немъ еще
не видали. При первомъ взглядѣ на плоды
Русской промышленности, краснорѣчивые
символы нашего могущества и нашихъ успѣ-
ховъ на новомъ поприщѣ славы и величн,
Г. *Погодинъ* вспомнилъ о Великомъ *Петрѣ*,
первоначальномъ виновникѣ и зиждителѣ на-
стоящаго благосостоянн Россн. Вотъ сло-
ва его: «Петръ! Петръ! что почувствовало
бы отеческое пивое сердце, еслибъ ты вдругъ
какимъ нибудь чудомъ явился пѣнеръ между
нами! Еслибъ ты увидѣлъ великолѣпныя,
блестательныя, изящныя произведенн твоихъ
фабрикъ, на которыхъ ты первый, въ сму-
ромъ кафтанѣ, въ тяжелыхъ бахилахъ, недав-
но еще коваль молотомъ, спроталъ рубанкомъ,
сверлилъ буравомъ, псалъ попоромъ! Съ ка-
кимъ воспоргомъ расцѣловалъ бы ты эшихъ
бородагѣй, которые *заскорузлили* своими *ру-
ками* ихъ изготовили! Съ какими горячими сле-
зами радости сказалъ бы ты: спасибо! предъ
изображеннми своихъ Премниковъ, продол-
жающихъ идни по пивому дупи! Съ какою
гордоспню выпилъ бы ты *второй* кубокъ за
здоровье нашихъ *учителей*, и сказалъ бы *имѣ:
знай нашихъ!*» Изъ эшаго мѣсша, при чте-
нн котораго каждое Русское сердце забьешъ
сильнѣе, Г. *Издашель Московскаго Теле-
рафа* посягнулъ сдѣлать каррикатуру. Измѣ-
нивъ умышленно порядокъ и смыслъ выраже-
ннй Г. *Погодина*, онъ зашавляетъ его гово-
рить, будпо «*Петръ Великн схватилъ бы
нашихъ бородагѣй своими заскорузлими ру-*

ками и, стуча въ полъ своими тяжельми бахилами, вскричалъ: знай нашихъ!» (М. Т. No 7. с. 425). Удивляемся такому неслыханному своеволію искажать смыслъ цѣлаго періода: одна полько нелѣпая фантазія *Издателя Московскаго Телеграфа* могла позволить себѣ такое уродливое предспавленіе Великаго Монарха, коего память есть предметъ благоговѣнія для всѣхъ, тѣмъ болѣе для насъ Русскихъ. Прочитавъ эту клевету оскорбительную уже не для одного Г. *Погодина*, какъ не обратишь къ *Издателю Телеграфа* сшиха, копорымъ онъ осмѣливался неоднократно привѣтспивовать людей почтенныхъ и благонамѣренныхъ:

Послушай: ври, да знай же мвру!—

M O D E S.

Robe de mousseline unie, corsage drapé croisé, bordé d'une petite dentelle.—Jockeis à dents festonnées.—Bijoux d'or et pierres.—La coiffure doit être une natte tournant trois fois sur elle-même; les papillottes de côté, retenues par une mèche qui fait le bandeau.

Robe de mousseline à raies lilas brochées; corsage à la grecque.—Chemisette brodée.—Chaîne de hyacinthes encadrées d'or.—Coiffure à la chinoise; la touffe de papillottes qui tombe sur le front appartient aux cheveux de derrière, et ne doit tomber qu'à la hauteur du sourcil.

Méuble de bois peint vernis, et toile imprimée de Verdelle, rue Neuve-Montmorency.

Façon de robes de Mademoiselle Palmyre, rue Lafitte, n°. 11.

Robe de jaconas blanc, pélerine double à pans, bordée de dents doublées.—Au cou, deux petites pates nouées sans rosette ferment la pélerine.—Chapeau de paille de riz à panache *espérance*, des magasins de madame Hocquet, rue Ventadour, n°. 11.

Veste de drap léger.—Pantalon de coutil.—Guêtres de toile.

Tabouret en rose-wood, incrusté d'érable, couvert en peau.

Ensembles de Toilette.—Un négligé le plus élégant qui se puisse voir était la toilette d'une jeune femme récemment mariée.—Un peignoir de mousseline blanche, brodée au-dessus de l'ourlet à la hauteur des genoux.—La broderie remontait sur les devants jusqu'à la ceinture.—Entre les deux rangs de broderie, étaient des nœuds de gaze rose glacée de blanc, faits en

coques et bouts en pointes.—Quatre dans la hauteur de la jupe; le cinquième était à la ruche du cou.—La pélerine s'ouvrant devant coupée droite sur la poitrine, brodée autour et bordée d'une Malines.—Le peignoir dans son entier était doublé en gros de Naples rose. Façon de Palmire.—Un bonnet d'Angleterre garni de deux rangs d'Angleterre francés à l'anglaise.—Deux nœuds en cocarde de ruban de gaze rose glacée blanc.—Des souliers de peau hanneton.

Pl. No 19. Caleche.

М О Д Ы.

Плапье изъ гладкой кисеи, лифъ съ крестообразными складками, обшпшь узенькимъ кружевомъ.—Эполеты съ зубцами, выметпанными городками.—Вещи золопья съ каменьями.—Прическа—коса обернута въ три раза; локоны на боку прихвачены прядью волосъ, копорая составляетъ повязку.

Кисейное плапье съ лиловыми запканными полосами, лифъ по Гречески.—Выпшиная шемизетка.—Цѣпь изъ гіациптовъ; вдѣланныхъ въ золото.—Прическа Китайская; куспикъ локоновъ, копорые упадаютъ на лобъ, долженъ бытъ сдѣланъ изъ заднихъ волосъ, и спускается не ниже бровей.

Деревянная мебель, выкрашенная лакомъ и печашное полотно опть *Верделля*, въ улицѣ Neuve-Montmorancy.

Фасонъ плапьевъ опть двѣиць *Пальмиръ*, въ улицѣ Лафитъ.

Плапье изъ бѣлаго жаконеша; двойная пелеринка съ концами; кругомъ подложенные зубцы.—Шляпка басповая съ букетомъ перьевъ à l'espérance, изъ магазина Г-жи *Hocquet*, въ улицѣ Ванпадуръ.

Камзолъ изъ понкаго сукна.—Панталоны изъ каламенка.—Шиблеты полопняные.

Табуретъ изъ розоваго дерева, съ наклейкою изъ клѣна, обипый кожею.

Полный нарядъ.—Самый щеголеватой неглиже, какой когда либо видали, былъ на молодой дамѣ, недавно вышедшей замужъ.—Бѣлой кисейной плафрокъ, выпшипой сверхъ рубца, въ ровень съ коленами и спереди до пояса. Между двумя рядами шпшья, банпы изъ двуличневаго газа, розоваго съ бѣлымъ, сдѣланные изъ пепель съ концами, обрѣзанными мысками:—четыре въ длину юбки, а пятый у рюша около шеи.—Пелеринка рас-

крыша спереди, на груди обрѣзана прямо, обшита вокругъ кружевами Malines. — Шлафрокъ весь подложенъ розовымъ гроденап-лемъ. Фасонъ Г-жи *Пальмиръ*. — Чепчикъ изъ Англійскаго кружева, обшитъ въ два ряда па-кими же кружевами, собранными на Англійскій манеръ, съ двумя кокардами изъ двуличне-выхъ газовыхъ лентъ, розовыхъ съ бѣлымъ. — Башмаки изъ хрущевой (hanneton) кожи.

Карш. No 19. Коляска.

С М Ъ С Ъ.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Глухой спукъ, повторяемый въ извѣст-ные часы ночи, съ нѣкотораго времени слы-шенъ былъ въ Арсенальной части, близъ Це-дестинскихъ казармъ въ Парижѣ. Какая бы шому причина? Никто не вѣдалъ! Вопъ и пошли шокки своимъ чередомъ. Послѣ мно-гихъ споровъ и догадокъ, заключили: что въ обширныхъ подземельяхъ должна быть по-пасная масперская дѣлашелей фальшавой монеты. Молва сія болѣе усиливалась; нѣко-торые утверждали, что одинъ мальчикъ, провалившись въ отверстіе, выходящее изъ подземелья, видѣлъ висящій чеканъ и какой-то бѣлой порошокъ, шамъ разсыпанный. Однимъ словомъ, Правительствво получило формальный доносъ, и Полиція ошрядила двадцать агеншвовъ своихъ для произведенія на мѣсшѣ слѣдствія. Домъ, откуда происхо-дилъ сей спукъ, былъ окруженъ. *Лакуръ*, съ однимъ изъ своихъ кварпальныхъ Офицеровъ, приближающа къ сказанному отверстию; полицейскій, по имени *Алмедей*, нырнулъ въ отверстие, проникъ въ подземелье и, вы-шедъ опшуда, объявилъ, что онъ открылъ висящіе шиски, кусокъ свинцу и свѣжіе слѣ-ды шавки. Тутъ уже не оставалось никако-го сомнѣнія. *Лакуръ*, имѣя при себѣ пошай-ной фонарь и вооруженный кинжаломъ, хо-четъ самъ промѣришь глубину, до которой проникъ его помощникъ. Онъ велѣлъ себя

держашъ подъ руки; нижняя часпъ пѣла его была уже въ погребѣ, но кто могъ предви-дѣть бѣду? Толщина его не позволяла ему пройти въ отверстие, и онъ повисъ на воз-духъ, не могши пролезть ни шуда, ни сюда; наконецъ, съ большими усиліями, при помощи полицейскихъ служившелей, ему удалось вой-ти во внушренность.

Онъ очутился въ обширномъ подземельѣ; при слабомъ свѣтѣ фонаря, осматриваетъ всѣ закоулки. Онъ замѣнилъ веревки, укрѣ-пленные въ своды, на нихъ висѣла какая-то безобразная плясестъ, которой употребленіе нельзя было опгадашъ... Вдругъ поемѣшался легкій шелестъ: на верхнихъ ступеняхъ лѣспницы, которая прежде не была примѣш-на, онъ увидѣлъ полунагаго человѣка, кошо-рый несъ жаровню съ горящими угольями. *Лакуръ* закрываетъ свой фонарь и, желая най-ти мѣсто, гдѣ бы ему удобнѣе было спра-шашься, видитъ довольно большой цилиндръ съ крышкою. Вскочивъ въ него, снявъ крышку, свернувш ея въ комокъ, сползло од-ной минутой главъ сыщиковъ; но нагой че-ловѣкъ прямо идетъ на него съ жаровнею; онъ былъ уже подлѣ него, какъ вдругъ *Ла-куръ* поднимаетъ крышку, открываетъ свой фонарь — и замашивается кинжаломъ. Пропив-никъ его съ ужасомъ опскакиваетъ, бросаетъ жаровню и поднимаетъ крикъ: воры, воры!

Вскорѣ все объяснилось: эшопъ погребѣ имѣлъ сообщеніе съ механическою булочною; мнимыя шиски служили гирею машины; бѣ-лый порошокъ, разсыпанный по землѣ — была просто крупичатая мука. Голый человекъ — честной и смирной подмастерье. Жаровня его наполнена была угольями для умноженія жара въ хлѣбной печи; цилиндръ — бочка съ мукою. Приспѣженный *Лакуръ* ударилъ ретираду — и, завернувшись въ шинель, отправился до-мой со всѣми служившелями благошдній.

Пер. В. Соколовъ.

Слѣдующій No 67, *Лшпер. Дрѣб. будетъ раздаваться* въ Субботу Августа 22 дня.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходной по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 67.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-ставкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 22 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Въ скорби — кротость и терпѣнье;
Слабымъ — помощь, буйнымъ — страхъ;
Всѣмъ обшамъ — исполненіе;
Въ правдѣ — равенъ другъ и врагъ!

(Изъ Шиллера.)

Мансуровъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

БРІЕНЦКОЕ ОЗЕРО.

Гисбахъ.

Клопштокъ воспѣлъ Цюрихское озеро, Шил-леръ Констанское, Маттисонъ Женевское, Г-жа Берлепшъ Бьенское съ его островомъ св. Петра, который издали кажется выхо-дящею изъ воды корзиною съ зеленью; Г. Виссъ размѣрною, живою и сладкозвучною прозою, прославилъ небольшое Бріенцкое озеро, сравнивъ его съ Идиліею. Къ сожалѣ-нію, недостаешь для сей Идиліи пастушки съ полевымъ цвѣткомъ на головѣ, съ тем-ными волосами, съ нѣжнымъ голосомъ; па-стушки изъ Имперлакенской долины, которая бы, съ невыразимою прелестью легкими вес-лами разсѣкала воды Бріенцкаго озера, подоб-но танцу дѣвицы Тагмони. Одно только вос-поминаніе сохранилось о Генріептѣ Р...; еѣ можно видѣть только въ виньеткѣ при со-чиненіи Г. Висса, или на стѣнахъ Женевы, въ лавкѣ какого нибудь продавца картинокъ, гдѣ еще вспрѣчается она въ полномъ цвѣ-тѣ юности, съ своею маленькою ножкою,

съ небесноголубыми глазами, розовыми губ-ками и Ангельскою улыбкою. Бѣдная суще-ственность изгнана теперь въ Аармюльское предмѣстье, близъ Уншерзеена, гдѣ она тор-гуешь сигарами, вольнками и проспичка-ми. Отъ всей красоты, которую спарались изобразить столь многіе живописцы и поэ-ты, Бріенцкая плавательница сохранила только голубые глаза, коихъ блѣдная лазурь напоминаетъ о зимнемъ небѣ, зубы, бѣлые какъ снѣгъ горъ, близъ коихъ лежишь ея хижина, и улыбка, которую время не могло лишить всей пріятности.

И такъ путешественникъ, опирающійся водою изъ Иншемакена въ Бріенцъ, не долженъ заранѣ восхищаться прелестями и пѣснями плавательницъ... Пѣсни сіи давно уже замолкли, и сіи прелести остались только въ воображеніи. Въѣсто прекрасныхъ ручекъ въ маленькихъ перчаткахъ, искусно управлявшихъ зеленымъ весломъ, теперь разсѣкаютъ волны озера тяжелые весла, поднимаемые безъ всякаго искусства загорѣ-лыми отъ солнца, багровыми руками греб-цовъ. Всѣ очарованія любви на сихъ водахъ исчезли; нѣтъ уже легкаго колыханія челно-ка, которое прежде вдыхало ихъ; лепя по волнамъ, некогда даже чувствовали аромати-

ческих испарений, приносимых въперкомъ съ береговъ; прости поэзія карпинной дали, тѣней, солнца! Грубые Бріенцкіе гребцы разрушили всѣ очарованія сихъ, нѣкогда счастливыхъ мѣстъ.

Впрочемъ, у кого воображеніе не такъ живо, памяшь не такъ взыскапельна; съ кѣмъ нѣтъ ни лиры, ни кисти, и кто не слишкомъ долго жилъ въ идеальномъ мірѣ; топъ еще можешь найти кое-что изъ тѣхъ карпинъ, изъ тѣхъ мечтаній, которыя унесла съ собою прекрасная перевозчица, стѣнишь только избрать для себя вожатыми двухъ сестеръ, Маріанну и Елисавету; обѣ онѣ молодыя, цвѣтущія, веселыя и милыя дѣвушки, но въ родѣ дѣвы пѣсней: *nigra sed formosa*; обѣ онѣ поютъ; но голосъ ихъ лакаетъ слуху, не доходя до души. И такъ, надобно рѣшиться.

Онѣ живутъ, не такъ какъ прежняя перевозчица, въ красивомъ свѣшленкомъ домикѣ, съ зелеными ставнями, выштукатуренными стѣнами, съ черепичною кровлею; и садикомъ, омываемымъ пѣною озера; жилище ихъ походитъ на навѣсъ, или рыбацью хижину, какія строятъ на взморьѣ въ Нормандіи; оно до половины погружено въ траву, стѣны и кровля его почернѣли отъ солнца и изрѣшечены дождемъ, бурей и вьюгами. Здѣсь-то Маріанна и Елисавета ночью предаются сну, ничемъ невозмутимому; а днемъ онѣ сидятъ подъ окномъ съ полусогнутыми рамами, которое украшено только ихъ прелестными головами, и ожидаютъ путешественника. При появленіи его въ прекрасной орѣховой аллѣ Имперлакенской, онѣ топчасъ засуетятся съ шайнымъ ощущеніемъ безпокойства, смѣшаннаго съ удовольствіемъ, и только что онѣ покажутся у подошвы Гохбюле, топчасъ начинаютъ манишь его рукою, съ простосердечною, испинно—Германскою улыбкою: уловка кокетства, которая всегда почти имъ удается. Если путешественникъ увлеченъ сею приманкою и пойметъ сей нѣмой языкъ, онѣ поспѣшно выходятъ изъ хижины; одна изъ нихъ кидается въ лодку, а другая подаетъ руку чужеземцу; чтобы пособить ему войти въ лодку.

Въ прежнія времена, большаго труда стоило упросить прелестную перевозчицу, которая боялась и зноя и дождя и солнца; она любила перевозить только знапныхъ людей, которые щедро ей платили, живописцевъ, списывавшихъ съ нее портретъ, или Германскихъ юношей съ золотыми кудрями, разсыпанными по плечамъ, съ которыхъ она ничего не брала за перевозъ чрезъ озеро: по крайней мѣрѣ такъ говорятъ въ Имперлакенѣ, прибавляя къ тому многіе другіе рассказы о сей перевозчицѣ!

Сей-то небольшой грязный заливъ, заслоняемый нѣсколькими купаи деревьевъ, служитъ пристанью для отправляющихся въ Бріенцъ. Тамошнее озеро совершенно безопасно для плавателей: оно не бунтуетъ, подобно Вальдштетенскому, постояннѣ Констанскаго, и не перемѣняетъ своего цвѣта, какъ Тунское. Даже во время бури оно бываетъ тихо: его можно сравнить съ обширнымъ, прозрачнымъ, свѣтлымъ спекломъ.

Надобно пускаешь въ гущу вечеромъ, когда солнце садится за амфиштеатромъ горъ, окружающихъ озеро; когда оно осыпается багрецомъ, золотомъ, перлами опдаленными стѣжныя высоты, и огромныя тѣни ложатся до самаго залива. Теплый вѣтерокъ оживляетъ влажную атмосферу; легкіе облака, принимающіе на себя самыя странныя образы, топѣнились, топ удалялись передъ нами, подобно воздушнымъ явленіямъ, отъ движенія нашей лодки; сквозь промежутки ихъ оба берега, топ скрывающіеся, топ являющіеся, и снова подернутые прозрачною пеленою, выказывали цвѣтущія равнины или ряды домовъ, красныхъ и бѣлыхъ: сія явленія жизни и покоя, движенія и безмолвія имѣютъ неизъяснимую прелестъ. Нигдѣ нельзя лучше наслаждаться игрою тѣней и свѣта, какъ на Швейцарскихъ озеряхъ при солнечномъ закатѣ; но на семь озеръ зрѣлище сіе гораздо восхитительнѣе; ибо здѣсь, такъ сказать, самъ сливается съ волнами тумана, и будно плывешь, разсѣвая въ одно время и водяныя струи и облака. При каждомъ ударѣ вѣселъ, вамъ представляется новая карпина: вопъ замокъ *Рингенбергъ*, вѣтхое четверо-

зтольное зданіе, принадлежавшее нѣкогда сей Баронской фамиліи, а нынѣ являющее однѣ развалины, нависшія надъ озеромъ. При малѣйшемъ шумѣ изъ него вылетаютъ тысячи водяныхъ птицъ; вопль *Сенъ* съ своими пестрыми домиками; вопль *Бонигенъ* съ пышными рощами, производящими грѣцкіе орѣхи; въ концѣ залива видѣнъ *Изельтвальдъ* съ своею готическою колокольнею. Охотники ли вы до цвѣтшова? Срывай ихъ, сколько хочешь, на берегахъ озера, въ расщелинахъ скалъ, на обширныхъ лугахъ, растилающихся подобно ковра въдоль залива, на окнахъ домовъ, на груди и въ волосахъ перевоицы.

Если вы знаете по Нѣмецки, попросите Маріанну спѣть романсъ о мѣсцѣ для шанцовъ: она поспѣетъ его прелестно.

Мѣсто сіе образуеиъ насыпь на скалѣ горы, покрытомъ шелковою муравою.

Двое молодыхъ людей изъ Имперлакена нѣжно любили другъ друга: родители не хотѣли соединить любовниковъ. Въ одинъ праздникъ, увлеченные вихремъ вальса, они бросились въ озеро и утонули. Тѣла ихъ вытаскивали изъ воды: они держали еще другъ друга также, какъ во время танца; несчастные не хотѣли пережить разлуки. Поэзія и музыка воскресили ихъ любовь: голосъ и слова сей пѣсни чрезвычайно преграшежны.

Но уже слышенъ шумъ Гисбаха. Издали, миновавъ Изельтвальдъ, вы видите широкую полосу паровъ, носящихся надъ зеленымъ ландшафтомъ; по мѣрѣ приближенія вашего, сѣдая полоса сія увеличивается, становится длиннѣе, измѣняетъ свой образъ и цвѣтъ, переходя въ зеленый, темно-голубой, лазоревый, поспешенно рѣдѣетъ, и наконецъ переряется въ густомъ борѣ. Попокъ, осплавляемый въ своемъ теченіи естественными преградами, обломками скалъ, опрокинутыми имъ деревьями, скользясь, падаетъ въ изрытый имъ водосмъ, подобно Рейну въ Шафгаузенъ; потомъ снова воздымаясь, кипитъ, вырывается изъ широкаго жерла и, покрытый пѣною, спремился въ озеро. Непаденіе его не представляетъ ничего живописнаго и величественнаго, и урна, изъ копорой изливаются воды его, ни мало не возбуждаетъ нишечкаго вдохновенія. Одно поль-

ко можно сказать о семъ водопадѣ: попокъ, раздѣляясь на многіе ручьи, въ стремленіи своемъ кидаетъ брызги, которые иногда, будучи позолочены прокравшимся лучемъ солнца изъ за горной вершины, превращаются въ яркіе алмазы, блистая и искрясь подобно косиномамъ при огняхъ въ оперѣ.

Гисбахъ падаетъ съ высоты, составляющей около 20 футовъ. Близъ устья его находился мѣсто, поросшее морскими растеніями, гдѣ присталъ нашъ ботъ, и гдѣ обыкновенно становился якоремъ желающіе поспомотрѣть на водопадъ. Нѣсколько минувъ надобно подниматься по излучистой пропинкѣ, извивающейся вдоль сѣрыхъ утесовъ, между гордыми соснами, орѣшниками и другими огромными деревьями, потомъ вы всупаете въ густую чащу, изъ копорой вдругъ выходите къ водопаду.

Подобно Рейхенбаху въ Мейрингенъ, Гисбахъ образуеиъ множество пороговъ, такъ, что сначала трудно обнять цѣлое; среди тумановъ, до половины скрывающихъ каскады; брызговъ пѣны, падающихъ и скачущихъ со всѣхъ сторонъ; синихъ и фиолетовыхъ огней; скользящихъ по водянымъ сполпамъ при малѣйшемъ мерцаніи. Прибавьте къ этому оглушающій шумъ потока и влажную атмосферу, напипанную мѣлкимъ дождемъ, который въ минупу проникаетъ вашу одежду, подобно росѣ, покрывающей траву. Долго надобно искать удобной почки зрѣнія, съ копорой можно было бы видѣть Гисбахъ во всей его пышности. Англичане вообще предпочитаютъ его Рейхенбаху. Въ самомъ дѣлѣ, водопады его кажутся разнообразнѣе, воды прозрачнѣе, ложе ихъ живописнѣе, растенія на высотахъ, съ копорыхъ онъ падаетъ, свѣжѣе; при томъ же здѣсь нѣтъ опасности поскользнуться, какъ на шапкахъ опкосахъ, коими обдѣланъ Мейрингенскій водопадъ: здѣсь каменистый грунтъ представляетъ твердое и безопасное мѣсто; можно любоваться видомъ и рисовать безъ всякой опасности.

При сходѣ надобно идти по другой пропинки, и поспѣишь мимоходомъ учебное заведеніе, устроенное Бріенцскимъ жипелемъ Г. Керли на одномъ возвышеніи, откуда

открывается видъ единственный. *Платонъ* не могъ бы избрать лучшаго мѣста для своей школы. Изъ оконъ сего училища можно обнять однимъ взглядомъ тысячи деревень и множество горъ. При входѣ въ обыкновенно встрѣчаеше маленькаго шалуна, съ голубыми глазами, съ прелестными кудрями, который съ ловкостью подноситъ вамъ пучокъ свѣжихъ цвѣтцовъ. На семь-то новомъ Сувійскомъ мысѣ, пасухъ *Виттенбахъ*, ученый Эптомологистъ какъ говорятъ, за двадцать лѣтъ назадъ, ловилъ мышьльковъ; многіе виды сего мѣста изобразилъ *Г. Стелли*; а *Г. Бондели*, Тракселвальдскій уроженецъ, посвящилъ описанію онаго нѣсколько страницъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, въ родѣ *Стернова* путешествія; но описаніе перваго гораздо живѣе и плѣнительнѣе.

Пер. В. Соколовъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

«Я квартировалъ въ Пюи у почтеннаго *Г. Криста*, жаркаго и опкровеннаго напріюта, который въ печеніи десяти лѣтъ, смотря по общошельствамъ, согласнымъ съ его образомъ мыслей, опправляя важнѣйшія гражданскія должности въ своемъ мѣстѣ, и съ 18-го Фруктидора вступилъ опять на сіе поприще. Онъ былъ человекъ прямыхъ и швердыхъ правилъ, въ дѣлахъ политики поступалъ не иначе, какъ волъ, слѣдующій по одной бороздѣ; онъ ни отъ кого не скрывалъ своихъ правилъ, и слушался только своей совѣсти. Тысячи случаевъ доказали это. У него было въ Пюи три дома и онъ помѣстилъ меня въ самомъ дальнемъ отъ него, въ которомъ самъ жилъ: ибо онъ имѣлъ столько же дочерей, сколько домовъ, и надобно замѣтить—прекрасныхъ. Я это зналъ, однакожь только одна изъ нихъ сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе, которое въ 18 лѣтъ гораздо лучше чувствуешь, нежели въ 45 лѣтъ объяснить можешь. Какъ эша сладостная и мучительная оправа разспроивала мои способности довольно предосудительнымъ образомъ для моей службы, то я былъ бы очень радъ, если бы перемѣ-

нили меня какъ можно далѣе отъ обыкновеннаго предмета моего разсѣянія, только бы мысль о немъ повсюду меня не преслѣдовала.

«Комнатка моя находилась въ погребномъ этажѣ; я охотно опишу ее, въ замѣнъ описанія Елисейской долины въ Пюи, которое я могъ бы сдѣлать на досугѣ. Комната моя походила на коридоръ, и была нарванъ съ дворомъ; съ лица она освѣщалась стеклянною дверью и большимъ окномъ съ косыми стеклушками, по обыкновенію Альзасцевъ. Подъ симъ окномъ стоялъ огромный изъ лсеноваго дерева столъ, весь закапанный чернилами, на которомъ я раскладывалъ свои бумаги и занимался перепискою оныхъ. Глубина моей квартиры образовала впадину съ двумя деревянными, крѣпко запертыми дверями, изъ коихъ одна по видимому выходила въ уборную, а другая въ модѣльную. Если когда нибудь комната моя очутилась на сценѣ въ какой либо изъ шѣхъ модныхъ піесъ, гдѣ всякому достаешся очередь играть роль героя, то я прошу декоратора не забыть, что внутри жилище мое до половины обито было бумажными бирюзоваго цвѣта обоями, запыленными, какъ нельзя хуже, съ голубою широкою полосою и такого же цвѣта пояскомъ, которые составляли всю живопись. Въ подобныхъ случаяхъ пребудетъ чрезвычайная точность. Въ 7 часовъ утра мнѣ присылали бутылку сливокъ, иногда съ слугою, а иногда съ одною изъ старшихъ дочерей *Криста*, потомъ я продолжалъ работать до полудня. Нерѣдко приносила мнѣ завтракъ *Тереза*, младшая изъ сестеръ, и тогда я опкладывалъ работу въ сторону. Въ полдень я всегда обѣдалъ съ *Г. Кристомъ*; но съ нами не было дочерей его. Къ счастью, нашъ обѣдъ былъ очень коротокъ. Я уходилъ къ себѣ; принимался по за сочиненія *Состора*, *Бергмана*, *Валеріуса*, по за письменныя дѣла, списывалъ копии, разсуждалъ о ученыхъ предметахъ, и остатокъ дня проводилъ въ составленіи выписокъ изъ разныхъ книгъ; но часно подъ перомъ моимъ мнѣ чудились одни только прелестные глаза, коихъ ослѣпительную игру столъ же трудно было опредѣлить, какъ измѣняющіеся

цвѣты минераловъ. Тщепно я спарался за-быль ихъ; они снова оживлялись въ моемъ воображеніи и скользили по бумагъ въ огненныхъ лучахъ. Это случалось со мною особенно тогда, когда поупру приходила ко мнѣ Тереза и шутила со мною облокопясь на мои книги, или опрокидывала песочницу. Еслибъ я не получилъ философическаго воспитанія, то почелъ бы сію молодую дѣвушку волшебницею; но я не вѣрилъ магіи; вопъ все, чему меня научила, или что выбила у меня изъ головы философія.

«Я былъ двумя годами моложе Терезы. Она была жива, но вмѣстѣ оспорожна. Въ самыхъ шалостяхъ ея замѣчалось что-то важное и мужественное. Она соединяла въ себѣ прелести женскія съ рѣшимостію муцины. Но взоръ ея, кошорый сполько обворожалъ меня, часпо омрачался печальными мыслями, быспрыми и неизъяснимыми, проясняясь вдругъ веселостію; впрочемъ я все это примѣчалъ, ибо не сводилъ съ нее глазъ. Я былъ весь—любовь и застѣнчивость; несоразмѣрностію лѣтъ нашихъ, кошорую различіе половъ дѣлало довольно значительною, давала ей надо мною спранную поверхность. Мы любили другъ друга, любили искренно; но она имѣла шу выгоду, что знала лучше меня наши отношенія, и я въ помъ былъ увѣренъ. Она обходилась со мной просто; къ сему немудрено было ей привыкнуть воспитавшись въ домѣ суроваго опца своего, въ простотѣ опечесивенныхъ нравовъ, а можетъ быть и попому, что она считала меня гораздо моложе себя, или, если хотише, ребенкомъ; когда же она принимала со мною вѣжливый шонъ, тогда я воображалъ, что она на меня сердится. Я также обращался съ нею запросто, однакожь рѣдко, и съ меньшею довѣренностію: ибо она имѣла надо мною шакую власть, что ея присутствіе, кошорое было мнѣ сполько драгоцѣнно, иногда,—кто бы повѣрилъ?—было мнѣ въ пягоспъ. Однажды упромъ, играя за моимъ спудомъ и нарочно опустивъ свои свѣшлорусыя кудри мнѣ на глаза, она обернула нѣсколько разъ вокругъ пальцевъ своихъ черную бархатную ленточку, висѣвшую у меня на шеѣ. . .

«Что это у васъ, сударь? сказала она такимъ спрогимъ голосомъ, какого я никогда опъ нее не слыхалъ; не ужели вы, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, имѣете уже любовную связь? Не залогъ ли это любви? Ужь вѣрно порипрепъ? . . .»

—«Нѣпъ, отвѣчала я ей, вынимая изъ за-пазухи спальной крестикъ: это крестъ съ мощей св. Клавдія, подаренный мнѣ при опъ-здѣ пешкою моею Элеонорою, монахинею Бенедиктинскаго Ордена, кошорая увѣрала меня, что онъ предохраняетъ опъ всякой опасности.»

—«Опъ всякой опасности!» подхватила Тереза поднявъ голову, и полпомъ снова подпершись локопками. «Опъ всякой опасности! . . . Чего жъ спрашиваешься шакому бѣдному и доброму мальчику, какъ ты, и у кого доспанешъ духу тебя ненавидѣшь? Я вѣрю впрочемъ словамъ швоимъ! . . . Любишь ли ты меня, Карлъ? . . . скажи, любишь ли? Опдай мнѣ эшопъ крестикъ.»

—«Вопъ онъ! вскричалъ я, упавъ на колѣна . . . Съ эшой минушы я не спрашуеъ ни какой опасности! Возьми мой спальной крестъ, мое сердце, жизнь мою! . . . Прими эшопъ крестъ опъ жениха своего! . . .»

Тереза, безъ сомнѣнія, тогда сполько увидѣла, что я обманулся въ чувствахъ, кошорыхъ мнѣ можно было ожидать опъ нее. Впечатлѣніе сіе на нѣсколько времени остановило полетъ ея мыслей; нескоро я дождался опъ ней опвѣта; она хотѣла говорить, но языкъ ей измѣнялъ; наконецъ она произнесла смущеннымъ голосомъ:

«Бышь вашей невѣстой! Другъ мой . . . могу ли я? Я уже замужемъ. . .»

Не нужно сказывать, что если бы громъ разразился надо мною, то я не сполько былъ бы изумленъ и пораженъ. Слова сіи слабо выражающъ тогдашнее мое состояніе, и если они неудачны, то пусть читатель дополнитъ ихъ собственнымъ чувствіемъ.

«Замужемъ? давно ли?»

—Полгода.

—«Вы тайно обвѣчались?»

—Такъ должно было:

— «И безъ вѣдома вашего опца?»

Произнося сіи слова, заключающія въ себѣ не столько вопросъ, сколько упрекъ и доспавившій мнѣ надъ нею власть, я испыталъ горесинное удовольствіе мести, которой требовало мое сердце; я осмѣлился взглянуть на Терезу; она была въ смятеніи, съ популелными внизъ глазами.

«Такъ должно было, повторида она съ сильнымъ движеніемъ, которое придало разговору другой оборотъ. Отецъ мой служилъ Республикѣ, а мужъ мой принадлежалъ къ числу эмигрантовъ.

— «Онъ изгнанникъ, и уже полгода какъ женашъ! Боже мой! Сей несчастный имѣнть ли по крайней мѣрѣ безопасное убѣжище? Скажице, онъ внѣ опасности?»

— «Полгода уже прошекло, какъ онъ нахотинся подъ защитою Неба, а съ сей минуны подъ охраненіемъ желѣзнаго креста, подареннаго вамъ шепкою вашею и освященнаго на гробницѣ св. Кладія.

— «Этотъ желѣзный крестъ? Вы не ошиблись, Тереза! . . . Я совершенно увѣренъ въ его могущество; съ шой минуны, какъ я свялъ его съ груди, счастье меня оставило. Да сохранишь онъ его отъ всѣхъ враговъ, и да обрушатся на меня всѣ бѣдствія, его ожидавшія! . . .»

Я былъ почти въ безпамятствѣ; . . . едва чувствовалъ руку Терезы, которая пожимала мою, и обильныя слезы, на нее падавшія. Когда я совѣмъ опомвидся, Терезы уже не было.

О, если бы я никогда не вѣзжалъ въ Пюи! Если бы я никогда шуда не возвращался!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н И Щ І Й.

Я не прошу ни вкусныхъ яствъ,
Ни пышныхъ одежды;
Ахъ, дайце, люди-братья, мнѣ
Хотъ капельку надежды.

* * *

И говорили всѣ въ отвѣтъ:

«Пусть Богъ дастъ! Скучный щидій!»—

Мнѣ грустно было, я спудалъ;
Душа просила щиди.

* * *

И палъ предъ Богомъ я съ поскою:
Творецъ, Отцемъ мнѣ буди! —

Одно и то же: «Богъ подастъ!»

Всегда твердятъ мнѣ люди.

* * *

И долго, падцій, я просилъ

У Бога подаянъ;

Не знаю, шпо со мной сбилось;

Но мнѣ спосѣтъ спуданья.

* * *

Мнѣ будто кпо-шо шпо-шо дадь

И на душѣ свѣплѣ;

Я все какъ былъ, и нагъ и сиръ,

Но мнѣ ужъ веселѣ.

Ф. Глинка.

Ш А Р А Д А.

Въ началѣ встрѣтите зловѣщую въ щидиу:

Она,

Какъ вакса, иль какъ смоль черна.

Въ щидиу увидите вы азбуки щидиу.

Венць щиди изъ щиди спаса,

И, чудно, не имѣетъ дна,

Но щидию всегда наполнена бываетъ,

Когда въ нее кпо наливаетъ.

Въ Но 65 и 66 помѣщенный Логотрифъ значилъ:
Hercule, въ немъ находятся слова *cure* и *hure*.

ОТШОВѢДЪ СОЧИНТЕЛЬНОЩИ СТАТЬИ: *РАЗМЫШЛЕНІЯ РУССКОЙ*, ИЗДАТЕЛЮ *FURFT*,
НА КРИТИКУ ЕГО О СЕМЪ СОЧИНЕНІИ.

Сочинительница помянутой статьи прочитала въ газетѣ *Furet* критику на свое сочиненіе, и беретъ смѣлость отвѣчать Г. Издателю сей газеты, на главныя обвинительныя пувкщы его, слѣдующее:

Сіе небольшое сочиненіе не было обзано своимъ существованіемъ *трепетанію сердца*, неразлучному съ *безпредѣльными счастиемъ* видѣтъ въ первый разъ твореніе свое въ пѣчаши. Г-жа *Ситникова* уже нѣсколько дѣлъ

заражена спрасію авпорства; хопя и въ первый разъ она рѣшилась напечатать спашью на Французскомъ языкѣ.

Книжка сія издана въ 1851, а написана въ началѣ 1850 года; слѣдовательно, она могла служить опвѣтомъ на спашью, помѣщенную нѣсколькими мѣсяцами прежде въ *Revue Encyclopédique*. Разныя препятствія замедлили изданіе сей книжки; но Сочинительница оной предвидѣла уже грозившій ей упрекъ въ медленности, которій нимало не устрѣшилъ ее; ибо она была убѣждена въ томъ, что сказать правду никогда не поздно.

Упрекнувъ автора *Размышленій* въ томъ, что онъ наполнилъ книжку свою длиннымъ исчисленіемъ неудачъ Наполеоновыхъ, Издатель *Furet* обязанъ былъ прибавить, что эпо *длинное исчисленіе* служило опвѣтомъ на неумѣренныя порицанія иностранныхъ писателей и журналистовъ: предпріятій и военныхъ дѣйствій Русской арміи во время послѣдней Турецкой войны; порицанія, основанныя исключительно на предположеніи, что Наполеонъ въ подобныхъ обспоятельствѣхъ дѣйствовалъ бы иначе. Какъ цѣль автора *Размышленій* состояла въ желаніи доказать, что окончаніе Турецкой войны принесло болѣе успешвенной пользы для Россіи, нежели завоеванія Наполеона для Франціи: то, можетъ быть, авторъ сей упошребилъ излишнія усилія къ раскрытію дѣйствій сего призрака славы и къ разсѣянію блестящаго очарованія, коимъ онъ окруженъ былъ въ глазахъ людей, ослѣпляющихся наружностью.—

Авторъ *Размышленій* еще разъ повторилъ, что для достиженія Консульства и прона, Наполсонъ упошребилъ орудіемъ свое семейство и друзей. Издатель *Furet* не хуже его знаетъ эшо, но какъ Французъ, само собою разумѣется, охотно оставилъ бы Героя своей націи на мнимой слепени величія, даже вопреки истинѣ.—

Я еще подпверждаю, что Русская словесность находилась у насъ въ пренебреженіи; что наши молодые люди рѣдко бываюшъ писателями!—

Читающъ одни романы конечно не значилъ любить опечественную словесность, и не-

льзя назвать настоящимъ писателемъ того, кто издаетъ журналы (*), или написалъ нѣсколько спихотвореній и мѣлкихъ спашей. Издайте въ свѣтъ чтонибудь поважнѣе, васъ никто не будетъ читать; напишите же романъ, его разоидется нѣсколько изданій. Опъ сего-то почти всѣ учебныя книги наши на иностранныхъ языкахъ. Правда, довольно и того, что читаюшъ Русскіе романы, и что романы сіи написаны хорошимъ слогомъ; но, чтобы Русская словесность была доспашочно ободраема Публикою, для эпого нужно, чтобы у насъ были всякаго рода сочиненія, и чтобы читали ихъ съ удовольствіемъ. Впрочемъ, я охотно соглашаюсь, что можетъ быть словесность нашу ожидаюшъ блистательные успѣхи въ будущемъ, и какъ Россіянка, искренно благодарю Издателя *Furet* за его предсказаніе.

Авторъ *Размышленій* чувствуетъ себя чрезвычайно обязаннымъ Г. Издателю *Furet* за его замѣчанія на счетъ обязанностей, предписываемыхъ скромностію его полу; но, вступааясь съ жаромъ за свою опечественную спрану, авторъ никогда не воображалъ, что надобно быть мущиною, имѣть пламенный взоръ, загорѣлый цвѣтъ лица, нервистыя руки, чтобы прямо высказать свое мнѣніе о предметѣ, занимающемъ душу, привязанную всѣмъ существомъ своимъ къ славу опчизны —

Касательно слога: помянутаго сочиненія, авторъ вознагражденъ за вашу, М. Г., критику выгоднымъ сужденіемъ пѣхъ, которые разумюшъ Французскій языкъ. Авторъ сожалѣетъ только о томъ, что вы не поспудились высказать много чего, что было у васъ на умѣ, на счетъ *Блѣльщика* (*blanchisseur*) *Размышленій*; ибо авторъ сочиненія былъ самъ и *блѣльщикомъ* своего пворенія, а потому и могъ бы воспользоваться вашими совѣтами. Въ заключеніе, позволюте мнѣ пожелать вамъ, М. Г., на будущее время нѣсколько поболѣе разборчивости въ выраженіяхъ, при изложеніи вашего мнѣнія о сочиненіи автора моего пола.—

Впрочемъ, имѣть ничего еспешивнѣе, какъ видѣть Француза, разбирающаго съ

(*) Покорно благодарю за честь, В.

приспращіемъ и негодованіемъ книгу, въ копіюрой высказана непріятная истина его націи. —

M O D E S.

Toilette du soir.—Une robe de gaze de soie bleu ciel, corsage à châle rond, à dents rondes tout autour; manches blanches. — Dans les cheveux une guirlande de plumes courtes d'oiseaux du Brésil, tournant autour de la coiffure.—Une parure de mouches.—Des souliers de gros de Naples blanc.

Coiffures.—Les Ferronnières ont perdu beaucoup de distinction.—En toilette, elles en conservent encore, mais en négligé, sous les chapeaux, elles sont généralement de moins bon goût, qu'elles n'ont été.

La passe des chapeaux se fait toujours petite.—Les faux bonnets à petits rubans, les coques près l'une de l'autre, sont bien souvent abandonnées; quelquefois on met des bouffettes de faveur, soit de semblable, soit de différente couleur que celle du chapeau.—Ceci encore commence à être retranché.

Façon de robes.—A toutes les robes des pélerines.—Pour celles du matin, deux pélerines carrées, droites, étagées fermant devant, sont les mieux.—Pour les robes blanches, les formes plus habillées sont bien; des dents, des pans; les devants en pointe, croisant sous la ceinture, sans la passer.

Il est bien à observer que principalement pour les robes de mousseline les manches de dessous doivent être peu raides.—Elles n'ont qu'à soutenir l'étoffe de manière à ce qu'elle ne tombe pas, mais il faut que la manche de dessous soit assez flexible pour suivre le mouvement du bras comme la manche légère qui la couvre.—Du reste rien n'est plus disgracieux et plus désavantageux à la taille que ces manches contre lesquelles on se heurte en approchant une femme, et qui semblent au contact être faites de bois ou de carton.

Lingerie.—De charmans services à thé nous ont été montrés sortant des magasins d'Houdot, rue Sainte-Hyacinthe.—En fil écru et fil blanc damassé; un côté est entièrement écru, l'autre est damassé écru sur fond blanc.—De riches dessins, un tissu fin.—Ces services sont une recherche de fort bon goût pour les théés ou les déjeuners.

M O D Ы.

Вечерній нарядъ.—Газовое платье небесно-голубаго цвѣта; лифъ съ круглою шалью,

вырѣзанною круглыми зубцами; рукава бѣлые.—Въ волосахъ гирланда изъ короткихъ перьевъ Бразильскихъ пшницъ, положена около прически.—Уборъ изъ мухъ.—Бѣлые гротенаплевые башмаки.

Головные уборы.—Ферроньеры не въ такомъ уже употребленіи. Въ нарядъ надѣваютъ, но за просто, подъ шляпы весьма мало.

Поля у шляпъ продолжаютъ дѣлать небольшіе.—Фальшивые чепчики изъ узкихъ ленщъ съ пеплями, почти совсѣмъ оставлены.—Иногда надѣваютъ кустики (bouffettes) изъ узенькихъ ленщъ, одного цвѣта съ шляпою, или разнаго. Но и это также начинаютъ осмавлять.

Покрой платьевъ.—Всѣ платья дѣлають съ пелеринками.—Для ушреннихъ платьевъ всего лучше, двойныя, четвероугольныя, прямыя пелеринки, одна другой короче, застегнутыя спереди. Для бѣлыхъ платьевъ пелеринки дѣлають наряднѣе, съ зубцами, съ концами, спереди мыскомъ, крестообразно подъ поясъ, но не выпуская изъ подъ него.

Нужно замѣтить, что особливо подъ кисейныя платья нижніе рукава должны быть не очень жестки. Они должны только поддерживать матерію, чтобы она не висѣла; нижній рукавъ долженъ имѣть столько гибкости, чтобы слѣдовать движенію руки, какъ легкой рукавъ ее покрывающей.—Впрочемъ, ничего нѣтъ безобразнѣе и невыгоднѣе для палии, какъ рукава, за которые зацѣпляешься подходя къ женщинѣ, а когда до нихъ допронесся: то кажется будто они сдѣланы изъ дерева или картона.

Бѣльѣ.—Мы видѣли прекрасныя чайныя салфетки, изъ магазина *Houdot*, въ улицѣ Sainte Hyacinthe.—Камчатныя изъ суровой пряжи съ бѣлою, одна сторона совершенно суровая, а другая суровая по бѣлому грунту.—Узоры богатые, ткань весьма тонкая.—Салфетки сіи въ большемъ употребленіи для чая или завтрака.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 26 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Бѣда понасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ.

Хелмицеръ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ГИДЖИ.

Счастливъ, кто незнакомъ съ угрызеніями совѣсти! Онъ спокойно засыпаетъ на мирномъ своемъ ложѣ. Его не давитъ домовою; онъ не просыпается отъ испуга и не кидаетъ вокругъ себя испуганныхъ взоровъ. Ночью, онъ не ожидаетъ дня, какъ блага; днемъ не тревожится неопытнымъ, грознымъ призракомъ, который не сводитъ съ него пронзительныхъ глазъ и, неумолимый обвинитель, безпрестанно указываетъ на него перстомъ. Онъ не отвѣчаетъ отрывисто на призывъ любви молодой супруги своей. Онъ не оппалкиваетъ отъ себя дитя, которое хочетъ обнять его, не досаждаетъ на его шумную рѣзвость. Его не угрызаютъ совѣсть.

Знаменитость и слава моя сдѣлались предметомъ зависти. Это вѣнецъ изъ раскаленнаго желѣза, который жжетъ чело мое, и я не въ силахъ сорвать его. Люди завидуютъ моимъ паламамъ, дачѣ, помѣстьямъ, экипажамъ, лошадямъ; все сіе я охотно отдаю тому, кто избавитъ меня отъ угрызеній! Я не въ состояніи этого сдѣлать. Въ присутствіи Духовника моего, я преклонялъ колѣна передъ Распятіемъ; проливалъ слезы и поражалъ себя въ грудь съ такимъ отчая-

ніемъ, что служитель алтара говорилъ мнѣ; сынъ мой, нѣтъ такого грѣха, котораго не загладило бы споль сильное раскаяніе. Я произнесъ роковое признаніе и Духовникъ мой съ ужасомъ оспаивалъ меня.

Послѣ сего, молодые Художники спрашиваютъ меня, отъ чего я такъ блѣденъ, отъ чего никогда не видно улыбки на устахъ моихъ. Тебя свѣдаетъ тайная грусть, говорятъ они; веселыя пиршества избавляютъ отъ всѣхъ заботъ. Шумныя пѣсни, вино, да женщины: вотъ лучшее для тебя лекарство.

Я ихъ послушался; посреди буйныхъ удовольствій моихъ пріятелей, когда они, пресыщенные виномъ, забывались въ объятіяхъ своихъ Цирцей, я старался подражать имъ; пилъ за четверыхъ, говоря самъ себѣ: какое счастье! и я буду веселъ подобно имъ, и я упоплю горе и рассудокъ въ полной чашѣ! Увы, вино на меня не дѣйствовало.— Однажды встрѣтилъ я оппельника, жившаго въ удаленіи отъ людей. Онъ перевозносилъ мнѣ спокойствіе, которое обрѣлъ онъ въ уединеніи, и—я переселился въ пустыню. Я изнурялъ себя молитвою и постомъ, носилъ вериги и власяницу; напрасно; гибельная мысль безпрестанно меня мучила. Меня убѣряли, что жены имѣютъ дивное искусство возвращать упраченный миръ душѣ; что

ни одно существо въ свѣтѣ не способно лучше ихъ усыплять горестъ и опчаяніе; мнѣ пивердили, что въ ихъ объятіяхъ, на груди ихъ исчезающъ всѣ угрызения совѣсти; что онѣ прямиряютъ насъ съ собою и заставляють забывать минувшее. Я женился на прекрасной, кропкой и нѣжной Маріаннѣ,—существомъ прелестнѣйшемъ, какое когда-либо наполняло сердце мужа блаженствомъ любви.—Ласки ея приводящъ меня въ смущеніе, убивающъ меня; я содрагаюсь опъ нихъ; на привѣтъ любви отвѣчаю холодными, бездушными словами: она называетъ меня Гиджи. Это ужасное имя безпреспанно опъзывается въ ушахъ моихъ. Венеціанцы, чужеземцы, жена и сынъ мой, всѣ пивердятъ: Гиджи и Гиджи!

Если бы они знали, какое мученіе причиняють мнѣ, какой кажущъ мнѣ кинжалъ, о какомъ предсмертномъ хрипѣннѣ напоминають мнѣ! Имя мое не Гиджи; меня зовутъ Антоніо Ферраджіо. Я похитилъ чужое имя посредствомъ неблагодарности, измѣны, насилія, грабежа, убійства. О еслибъ не было адскихъ мукъ впереди, еслибъ все кончилось съ смертію, какъ охотно лишилъ бы я себя жизни! Но меня ожидають безконечная жизнь, вѣчныя муки и неумолкающій голосъ, копорый повпоряетъ: Гиджи! Ни одна мысль не родилась въ душѣ моей, копорая не напоминала бы о семъ имени. Оно слилось съ существомъ моимъ, мучитъ меня, оно сдѣлалось для меня необходимою потребностью.

И теперь, когда я сижу одинъ, одинъ посреди ночи и безмолвія, скажите мнѣ, опъ чего нахожу я ужасное удовольствіе и вмѣстѣ мученіе, жесточайшее самаго ада, описывать мысли, приводящія меня въ опчаяніе? Скажите мнѣ, какая сила приковала меня къ столу и водитъ перомъ моимъ?

Да сохранитъ васъ Небо опъ подобнаго сошюанія! Было время, когда я не чувствовалъ угрызения совѣсти; тогда я былъ юношею съ гибкимъ станомъ, съ роскошными каштановыми кудрями; тогда я съ восторгомъ предавался разсѣянной и безпечной жизни. Удовольствія соспавляли единственное мое занятіе; я наслаждался наслаждающимся, и нико-

гда не заботился, что будетъ со мною черезъ четверть часа, не только завтра.

Въ одну ночь рѣшилась судьба моя; я сдѣлался злодѣемъ и самымъ жалкимъ изъ людей. Половину сей роковой ночи я провелъ въ развратѣ. Разгориченный виномъ, я бродилъ вмѣстѣ съ своими шоварицами по Палермскимъ улицамъ, опыскивая приключеній, какъ вдругъ встрѣпилась съ нами дама, сопровождаемая двумя кавалерами. «Бьюсь объ закладъ, вскричалъ я, что я подниму покрывало у сей прелестной незнакомки.»—Я пособлю шебѣ, отвѣчалъ одинъ изъ глупцовъ, моихъ пріятелей.—Это стоило жизни двумъ челоукамъ. Одинъ изъ кавалеровъ и мой пріятель оспалась на мѣстѣ. Между тѣмъ я поднималъ покрывало Синьоры, это была спаруха, мать Губернатора. Антоніо Ферраджіо, сказала она мнѣ, ты заплашишь головою за смерть моего брата!

Куда скрылся? Сбирь сбѣгались уже на крикъ Синьоры; она безпреспанно повпоряла мое имя. Я кинулся бѣжать, куда глаза глядять, и когда наступилъ вечеръ, я очутился одинъ, въ нѣсколькихъ миляхъ опъ Палермы, на морскомъ берегу. Я упалъ на песокъ въ безчувственномъ оцѣпненіи, произведенномъ успалостью и опчаяніемъ; я рѣшился предаться своей участи, опъ копорой не было спасенія. Мнѣ нельзя было скрыть своего пресшупленія; я былъ узнавъ одною изъ жертвъ. Бѣжать далѣе, у меня не было ни одного цехина; искать убѣжища, значило погубить и того, кто далъ бы мнѣ оное. Находясь въ семъ положеніи, слышу лошадиный попортъ, и вижу всадника еще молодыхъ лѣтъ. Судя по блѣдному лицу моему и изнеможенію, онъ подумалъ, что я ограбленъ и израненъ разбойниками. Движимый состраданіемъ, онъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ о моемъ сошюаніи. «Оспавьте меня, сказалъ я ему, я убилъ племянника Губернашорскаго.»—Садитесь позади меня на лошадь, я доспавлю вамъ безопасное убѣжище, гдѣ Губернашоръ ве опкроетъ васъ.

Ничто не могло спасти меня; смерть моя была неизбежна, позорная смерть на эшафотѣ! Судите же, что я долженъ былъ

чувствовать при сихъ словахъ, возвратившихъ мнѣ надежду. Я вскочилъ на лошадь, и часа черезъ три мы находились передъ небольшимъ проспымъ сельскимъ домикомъ. Внутренность его отвѣчала наружности, въ немъ не было ни богатыхъ обоевъ, ни другаго убранства; но стѣны его частію увѣшаны были картинами, достойными кисти знаменитаго Художника.

Тогда незнакомецъ сказалъ мнѣ: вы открыли мнѣ свою тайну, оцѣнкой которой зависить ваша жизнь; чтобы успокоить васъ на счетъ моей скромности, я сообщу вамъ и свою. Вы слышали о Неаполитанскомъ живописцѣ Гиджи, котораго въ продолженіе десяти лѣтъ одни почитаютъ умершимъ, а другіе уѣхавшимъ въ Мексику. Я почти самой Гиджи. — Посвятивъ долгое время своему искусству въ чужихъ краяхъ, я возвратился въ Неаполь, гдѣ никто не узналъ меня, ибо я остался сиротою, а припомъ 15-ти лѣтнее существованіе мое и путешествія довольно меня перемѣнили. Не смотря на то, я основалъ свое мѣстопробываніе въ Неаполь и совершенно предался живописи; здѣсь увидѣлъ я дочь Графа Ренцо и успѣлъ понравиться Паолѣ. Тогда всѣ планы мои перемѣнились; я продалъ свои вещи, увезъ Паолу, и дабы скрыться отъ преслѣдованій знаменитой и сильной фамиліи, мы подъ чужими именами удалились въ Палерму. Я купилъ себѣ этакій домикъ, гдѣ счастливо провожу съ Паолою дни свои. Вотъ вся наша тайна: никогда не разлучались, жить другъ для друга, занимать искусствомъ, которое я обожаю, хотя въ неизвестности; но за то далеко отъ стрѣлъ зависти; все сіе украшаетъ жизнь нашу тихимъ, неизъяснимымъ очарованіемъ. Я промѣнялъ славу на счастье, обманчивую дружбу людей на любовь Паолы; нынѣ ни одного дня въ цѣломъ году, за который бы я не благословлялъ Небо! Я открылъ вамъ то, что никому, кромѣ Паолы и меня, неизвѣстно. Теперь видишь ли, сколь безопасно ваше убѣжище.

Злополучный! Я разрушилъ сіе счастье, погубилъ его невозвратно. Ахъ, Гиджи, какъ худо заплатилъ я за твои благодѣянія.

Праздность, уединеніе сего убѣжища, зажали во мнѣ Сицилійскую кровь. Однажды, не въ силахъ будучи владѣть собою, я сплунулъ въ своихъ объятіяхъ спящую Паолу: она была моя. На крикъ несчастной, приближалъ Гиджи, пылая местию; я предупредилъ его ударомъ кинжала и повергъ къ ногамъ моимъ. — Въ это мгновеніе мнѣ послышался адскій смѣхъ; какой-то злобный духъ прошепталъ мнѣ въ уши: спускай въ Римъ; забери всѣ картины, выдай себя за живописца Гиджи, скажи, что ты возвратился изъ Мексики. Такъ, это было наущеніе демона; человекъ могъ ли имѣть подобный умыселъ? Я чувствовалъ огненное дыханіе его, когда онъ шепталъ мнѣ въ уши. Но эта женщина... но сей трупъ Гиджи. Что, если онъ оживетъ? Языкъ его можетъ говорить; рука его можетъ писать. При сихъ мысляхъ бѣшенство овладѣло мною, и когда я возвратился употребленіе разсудка, прошекло уже десять дней; я очутился на кораблѣ, съ коего выстрѣлъ привѣтствовалъ гавань Неапуно; я сидѣлъ на ящикѣ, въ которомъ уложены были картины Гиджи.

По прибытіи въ Римъ, я опдалъ на выставку нѣсколько изъ сихъ картинъ, назвался художникомъ оныхъ, и скоро имя Гиджи начали произносить съ восторгомъ. Картины были на расхватъ раскуплены. Я прославился, разбогатѣлъ; упоеніе славы и счастья заглушили воспоминаніе о моемъ преступленіи: оно преслѣдовало меня изрѣдка; но вихрь удовольствій и шумныя забавы изгладили его наконецъ. Около двухъ лѣтъ я наслаждался симъ оприщательнымъ счастьемъ.

Я продалъ всѣ свои картины, кромѣ одной, которая представляла Божию Матерь, пипающую сосцами Сына. Принцъ Боргіо увидѣлъ ее, предложилъ мнѣ значительную сумму, и пошчасъ велѣлъ перенести оную въ свою галерею. Картина сія при переноскѣ не была ничѣмъ закрыта; толпа народа, пораженная удивленіемъ при видѣ сего рѣдкаго произведенія, слѣдовала до самаго дворца Принца, произнося съ восторгомъ имя Гиджи. Восхищеніе сіе дошло до того, что не смолчала на всѣ мои сопротивленія, я дол-

женъ былъ присутствовать при семь торжествъ, и вѣхъ за карпиною въ Книжеской ошкрышой коляскѣ, посреди кликовъ народныхъ. Спеченіе зрителей было споль велико, что не могли провести шележку съ пресшунникомъ, осужденнымъ на публичное наказаніе. Это былъ нѣмой нищій, который, чшобы не умереть съ голоду, укралъ кусокъ хлѣба. При видѣ моемъ и услышавъ имя Гиджи, онъ всшалъ, пропшянулъ ко мнѣ оспапки изувѣченныхъ рукъ, силился чшопто сказапъ обрѣзаннымъ языкомъ своимъ, и снова повергся въ опшчаяніе.

Это былъ Гиджи.

О, да сохранишъ васъ Небо опъ угрызений совѣсти!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж И З Н Ъ.

Какъ чаша свѣтлаго вина
 Намъ жизнь въ младенчествѣ пріапна:
 Она восторгами полна
 И въ счастье вѣры благодатной.
 Мы изъ нее сначала пьемъ, —
 Спѣшимъ и опдыха не знаемъ,
 И обудные виномъ,
 Чушь все до дна не выпиваемъ.
 Тогда подходшъ опышъ къ намъ,
 Опъ успъ опшводитшъ чашу спрого:
 Велишъ на частъ хоня не много
 Оспавшъ будущимъ годамъ.
 Мы оспорожно начинаемъ.
 И скупю даже пить порой;
 На чашу съ грусшью и пюской
 И съ сожалѣіемъ зриаемъ;
 Порой слезу въ нее ронлемъ;
 Но время мчшся, — въ чашѣ всѣ. . . .
 И опороживъ ужъ, ее
 Мы неохотно оспавляемъ.

Павелъ Чижовъ.

ENIGME-ANAGRAMMATIQUE.

Le mot qu'à deviner aujourd'hui je propose,
 De quatre piéds, lecteur, seulement se compose.

Il dit ce qu'il faut faire, à l'homme entreprenant,

Qui poursuit quelque but, plus ou moins important.
 Mais, hélas! trop souvent, la Fortune volage,

Se rit de ses efforts et trompe son courage.

Ce même mot, tourné, présente à tes régards

Une riche cité de l'Empire des Tzars.

Въ No 67 помѣщенная шарада значитъ: *Воронка.*

К Р И Т И К А.

Н О В А Я К Н И Г А.

Одесскій Альманахъ на 1831 годъ, изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ, Одесса, въ Городовой Типографіи, 1831.—(411 стр. въ 16-ю д. л., съ литографированными, портретомъ, двумя видами, географическою картою и 2-мя листами нотъ.)

Вопреки возгласамъ нѣкоторыхъ Аристарховъ о безжизненности Русской литературы, всякой безприсраспный наблюдатель современнаго хода просвѣщенія согласится, что въ послѣдніе 30 лѣтъ, не токмо литература, но и вся умственная жизнь Россіи исполински двинулась впередъ. Возмите опъ бездѣлицы до большева и на оборотъ — вы увидите, что была Россія въ 1800 году, и что совершила она въ продолженіе одного тридцатилѣтія, подѣ благотворнымъ вліаніемъ Правительства. Число Училищъ и учащихся чрезвычайно умножилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ Университеты Русскіе получили важныя права; издано много истинно-полезныхъ книгъ, съ уваженіемъ приняты чшпающею Европою; многіе ученые люди посвятили себя на изученіе и критическое изслѣдованіе опшественной Исторіи; составились общества для усовершенствованія Русскаго слова; наконецъ—Математика, Физика, Еспеспивенная Исторія, Механика, Политическая Экономія, науки военныя и сельское хозяйштво нанли безкорыстныхъ любителей не токмо между высшимъ сословіемъ, но и между просшыми гражданами. Такова умонаклонность насшупившаго вѣка! Жажда просвѣщенія, потребность учиться, обнаружилась въ Россіи гораздо сильнѣе, нежели гдѣ либо, и шѣ успѣхи, которые ока-

зала Англія прошивъ Франціи, опносительно мануфактуръ и промышленности, въ печеніи 50 лѣтъ (съ 1780 по 1831 годъ), нимало не должны изумлять Русскихъ; тѣмъ болѣе, ежели мы сравнимъ современную эпоху Европейскаго просвѣщенія. —

Что же касается до пѣхъ возгласителей, пѣхъ неумолимыхъ кришниковъ, о которыхъ мы упомянули вначалѣ, вопіющихъ (яко бы) изъ состраданія къ сиротствующей (!) нашей липературѣ, копорую нещадно искажаютъ великіе паланшы (!!!) и тѣмъ самымъ заставляють ихъ (бездарныхъ кришниковъ) ругать и поносить нещадно всѣхъ, имѣющихъ дарованія, клеветашь на липературу, словомъ: бранить все и вся, что, будучи написано по Русски, не носитъ на себѣ иностраннаго *туну*; мы позволили бы себѣ спросить ихъ:

— „Да вы, что сдѣлали такое?“

Еслибъ не были убѣждены впередъ, что услышимъ залпъ ругательствъ, обыкновеннаго оружія жалкой нищеты ума и опьявленной скудости познаній.

Еслибъ сіи незваные раздаватели липературной славы, неумѣющіе сами написать порядочно пачки строкъ по Русски, рѣшились наконецъ, сбросить съ себя шумиху, въ копорую нарядило ихъ собственное самолюбіе; и, вмѣсто *широковѣщательныхъ* обѣщаній, написать нѣсколько страницъ дѣльныхъ, опчестисто, рѣшились, говоримъ мы, принясь за основательное изученіе наукъ: тоб, въ послѣдствіи; они сами успѣдились бы прежнихъ своихъ нелѣпыхъ мнѣній и безтолковыхъ требованій. Переродясь, такъ сказать, они гораздо справедливѣе, гораздо вѣрнѣе и безпристрастнѣе моглибъ оцѣнить труды, прежде ихъ совершенные для пользы и славы отечественной липературы; переспали бы кричашь, что все написанное прежде насъ — глупо, смѣшно и жалко; убѣдились бы, сколь трудно написать умную и полезную книгу и сколь легко разругать ее.

Да не подумаютъ читатели, что сдѣланное мною опспуленіе не имѣетъ отношенія къ нашему предмету. Книга, копорую я хочу разобрать, издана въ Одессѣ, въ годѣ, копорый, назадъ шому 55 лѣтъ (имен-

но до 27 Января 1795 года); былъ ничпо иное, какъ Тагарская деревня *Качибей* или *Хаджибей* съ небольшимъ замкомъ. Нынѣ Одесса занимаетъ едва ли не первое мѣсто послѣ Москвы и С. Петербурга и, какъ замѣчаетъ Г. Морозовъ, должно полагать, что Одесса, въ отношеніи къ удобству внутреннихъ сообщеній, скоро спанетъ на ряду съ лучшими Европейскими городами. —

...Les personnes qui habitaient Odessa, il y a cinquans, ne s'y reconnoissent plus,—говоритъ одинъ Французъ — путешественникъ. Замѣчательно, что онъ былъ 20 лѣтъ шому назадъ въ Одессѣ: спрашивается, что сказалъ бы онъ, увидѣвъ эпошъ городъ пеперь? — Многолюдность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, людскость, образованность Европейская, разлитая болѣе или менѣе на всѣ сословія — вотъ, что характеризуетъ сей городъ. Прибавьте благораспоренный климатъ, чистое, безоблачное небо, яркая Южная луна, Поннѣ Эвксинскій, копораго волны:

Блутся, плещуть голубыя. . .

Все это дѣлаетъ Одессу, не скажу лучшимъ, но едва ли не пріятнѣйшимъ городомъ въ нашей холодной Россіи. Зимы Одесскія походять на Пепербургскую осень; рѣдко бывають морозы столь сильныя, чтобы надобно купаться въ шубу. Въ бытность мою въ Одессѣ, въ 1828 году 6 Января, морозъ проспирался до 23° по Реомюру; но, какъ сказывали мнѣ тамошніе старожилы, эпо чудо; въ Одессѣ напротивъ обыкновенно зимы очень теплыя, на примѣръ: въ 1816 году, въ концѣ Декабря, на открытомъ воздухѣ, въ садахъ росли цвѣшны.

Присупаемъ къ Альманаху и спѣшимъ сказашь напередъ тѣмъ изъ читателей, копорые хотять видѣть въ липературныхъ сборникахъ нѣсколько болѣе, нежели книжку, спитую изъ заплакъ всякой вельчины, что Альманахъ сей — есть одинъ изъ лучшихъ, изданныхъ въ послѣднее время, какъ по цѣли, такъ и по выполненію. Цѣль его — познать жипелей Сѣвера съ нашимъ Югомъ, богатымъ и красотою природы и воспоминаніями историческими. По сему-то спашь прозаическія берутъ здѣсь рѣшительное преимущество предъ спихотворными — и

если бы мы цѣнили произведенія словесности сравнительно: то отдали бы пальму первенства Гг. *Левиншу* и *Морозову*. Воспоминаніе о *Говардѣ*—Гг. *Левинши*, выражаясь восточно,—есть перлъ Одесскаго Альманаха.

«Назвать *Говарда*, говоритъ краснорѣчивый Авторъ, значить назвать добродѣтельную, высокую, необыкновенную. Уже прошли тѣ дни, когда безсмертіе было исключительнымъ достояніемъ героевъ, означавшихъ пульс свой по землѣ потоками крови.

«Вѣка лепящъ, человѣчество совершенствуешь, и, можетъ быть, придетъ время, когда слава будетъ измѣряться не количествомъ жертвъ, принесенныхъ на полѣ брани, но числомъ спасенныхъ ближнихъ. Добродѣтельный *Говардъ* еще въ минувшемъ столѣтіи посвятилъ жизнь свою исполненію сей мысли на самомъ дѣлѣ.

«Не будемъ взыскательны: отдадимъ должную дань признапельности и пѣмъ людямъ, которые трудятся для блага общаго, не забывая собственнаго, но возвысимъ предъ ними великодушнаго смертнаго, жертвующаго для пользы человѣчества всеми личными выгодами; того, кто для облегченія участи другихъ, безъ всякой надежды на воздаяніе, подвергаетъ себя трудамъ, лишеніямъ, спраданіямъ. Подобныя явленія рѣдки; но таковъ былъ *Говардъ*. Рожденный въ богатствѣ, онъ презрѣлъ обыкновенныя удовольствія жизни, и посвятилъ дни свои неуспыннымъ стараніямъ, имѣя цѣлю: по возможности облегчать участь страждущихъ. Путешествія по разнымъ Государствамъ, предпринятые для того, чтобы посѣщать тюрьмы, пенить о нравственномъ и физическомъ улучшеніи жребія несчастныхъ, населяющихъ сіи жилища мрака; опыскивать бѣдныхъ и больныхъ; подавать имъ совѣты и утѣшенія, врачевныя и денежныя пособія; ходатайствовать за нихъ предъ Начальниками и Правительствами: вотъ исторія *Говарда*! Какая цѣпь тяжкихъ, но священныхъ и великихъ трудовъ! Каждый подвигъ, каждый день жизни столь добродѣтельнаго мужа есть новая дань, наложенная на признапельность, удивленіе и почтеніе рода человѣческаго.

«Жизнь *Говарда* мало извѣстна въ Россіи; еще менѣе знаютъ у насъ, что прахъ сего знаменитаго друга человечества покоится близъ Херсона. Онъ соспавляеть одно изъ первыхъ и самыхъ замѣчательныхъ приобретеній Новороссійскаго края, по присоединеніи онаго къ древней Россіи.»—

Чтобы доспапочно похвалить сію спавшю, надлежало бы всю ее выписать. — Мы просимъ читателей нашихъ обратиться какъ на сію, такъ и на другую спавшю Гг. *Левинши*, особенное вниманіе при чтеніи Одесскаго Альманаха. —

Въ отдѣленіи прозы находятся еще спавши: И. П. *Бларамберга*—о предполагаемомъ мѣстоположеніи *Диана* храма въ Тавридѣ; П. *Морозова*—историческій взглядъ на Одессу и еще другая: Одесса въ 1851 году; Гг. *Борзенкова*—Турецкія пословицы; О. Н. *Глинки*—картины Сѣвера; А. Н. *Зонтагъ*—мило разсказанная небылица въ лицахъ: Господинъ и Слуга; *Пашковскаго*—живо и прекрасно написанный отрывокъ изъ походныхъ записокъ; *Степковскаго*—Радансъ и Индаръ (Скифскій разсказъ); *Теплякова*—письмо изъ Крыма къ М. И. Л. и еще письмо изъ Одессы, писанное Г-мъ Р***, который съ гидрою воспоминаній въ сердцѣ выѣхалъ изъ Москвы; изъ ухаба въ ухабъ, изъ сугроба въ сугробъ, изъ рытвины въ рытвину ѣхалъ отъ Серпухова до Курска; безпрестанно ссорился съ Станціонными Служителями, съ Ямщиками, съ хозяевами постоялыхъ дворовъ и — (видно во снѣ) замѣпилъ, что: Тула и Мценскъ — синонимы общаго значенія: Русской провинціальной горюдь!! а въ заключеніе письма, при перволю взглядѣ на Одессу съ ея физической и нравственной стороны, уже сокрушаепся и досадуеть на себя, что не нашелъ въ ней — землянаго райа!!! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не пожалѣть, что Одесса только хорошій городъ, а не земляной рай!... Какъ и намъ не пожалѣть въспити съ пѣмъ, что Гг. Издатели помѣстили сіе письмо изъ Одессы — въ своемъ прекрасномъ Альманакѣ. Стихотворенія: Гг. *Подолинскаго*, *Вронченки* О. Н. *Глинки*, *Норова*, *Ротчева*, *Теплякова*, *Шшикова* (А. А.), *Языкова*, Ю. З..., Н. Н. — и еще нигдѣ невапечатанная досель Ода *Державина*: Человѣкъ.

Въ отношеніи переводныхъ піесъ *Г. Вронгенки* скажемъ только, что опривокъ изъ *Байроновой* Трагедіи: Сарданапалъ, переданъ изящнѣе, нежели опривокъ же изъ поэмы *Мицкевича*: Конрадъ Валленродъ (*).

Мы надѣемся угодить нашимъ читателямъ, выписавъ здѣсь три небольшія піесы: первую—*О. Н. Глинки*, вторую *Норова* и третью *Языкова*:

I.

Великій Богъ! чудесный Богъ!

Великій Богъ! чудесный Богъ!
Однѣ лишь Ты, однѣ лишь Ты,
Въ моей поскѣ, въ шуму тревогъ,
На морѣ бурной суеши,
Меня сперегъ, меня берёгъ,
Великій Богъ! чудесный Богъ!

* * *

Тобой живу . . . пою, пою
Дѣла Твоя, любовь Твою!
Бродя во шмѣ и безъ дорогъ,
Я сохранилъ и уберёгъ
Къ Тебѣ любовь, какъ только могъ,
Великій Богъ! чудесный Богъ!

* * *

Кипи вражда! пируй бѣда!
Пускай вездѣ, пускай всегда
Стрегутъ, блудутъ мои шаги
Мои бессонные враги;
Крѣпясь, расти ихъ буйный рогъ!
Меня изъ челюстей враговъ
Возмешь, спасешь Твоя любовь!
Великій Богъ! чудесный Богъ!

II.

Т А В Р И Д А.

Забуду ли тебя, счастливый край Тавриды,
Спяжанье грозное Діапы Немезиды!—
Но страшный гений твоей слеплѣ съ твоихъ береговъ;
На скалахъ горъ твоихъ, въ шпани твоихъ лѣсовъ,
Я видѣлъ, скрышыя древами и забвеньемъ,
Жилища праздниости и нѣги съ вдохновеньемъ.
Какъ я любилъ хребты твоихъ приморскихъ скалъ,

Средь коихъ Чатырдагъ за облака возеталъ —
Оракулъ жителей, предвѣстникъ непогоды (*),
И образованный, какъ жершвеникъ Природы.

III.

П Е Р С Т Е Н Ъ.

Т . . . ть Д . . . ть.

Да! какъ святыню берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
За жаръ и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшего со мной;
Въ шопъ часъ, (забудь меня, Камена,
Когда его забуду я!)
Какъ на твои склонялся колѣна,
Глава покоилась моя;
Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо въ очи мнѣ глядѣла
Очами полными огня;
Но чтожь? Такъ пылко, шакъ глубоко,
Такъ вдохновенно полюбя,
Тебя, мой Ангель черноюкой,
Одну тебя, одну тебя —
Однѣ-ли я нивой взоръ умильной
Къ себѣ привлечь? На мнѣ-ль одномъ
Твои объятія шакъ сильно
Живымъ свивающся кольцомъ?
Ахъ вѣтъ! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
Воспомянѣе поцѣлуя,
Тебя сливавшего со мной!

Въ заключеніе, намъ оспается пожелать,
чтобъ Альманахи, подобные Одесскому, изда-
вались чаще, и чтобъ Издатели оныхъ бы-
ли увѣрены заранѣе въ благосклонномъ прие-
мѣ Публики и ласковомъ привѣтѣ, если не
всѣхъ вообще—шо, покрайней мѣрѣ, въ ласко-
вомъ привѣтѣ *благонамѣренныхъ Журналис-
товъ*.

Изданіе сего Альманаха въ отношеніи Ти-
пографіи и Литографіи шакже очень хорошо.

Я.

С. П. Бургъ. 28 Юля 1831.

(*). Стихи *Г. Вронгенки* весьма складны въ сравненіи съ исковерканными стихами *Г. Ротгева* въ его переводѣ *Макбета* и *Герани*; но далеко опстали отъ *Озе-
рова*, *Жуковского*, *Пушкина*.—*Прим. Издателя*.

(*). Жители Южнаго берега Крыма смотрятъ на верши-
ну Чатырдага, какъ на барометръ, и, смотря пото-
му, покрыта-ли она облаками, или вѣтъ, предзна-
ютъ погоду слѣдующаго дня.—Я.

M O D E S.

Objets nouveaux et meubles.—А la campagne, pour la promenade on porte à la main des *éventails parasols* qui représentent une énorme fleur, un soleil, un papier. — C'est léger. — Les femmes peuvent facilement en faire une occupation amusante en les montrant elles-mêmes. (Chez Susse).

De jolis petits pupitres en rose wood, pour supporter un livre afin de lire au lit, nous ont été montrés chez Vervelle, rue Neuve-Montmorency.—Le prix est de 25 francs.

Chez le même, des corbeilles à pain, carrées avec un tour de bois quelconque soit de citron, soit d'acajou, avec le fond en jonc tressé. 18 francs.

Plutôt comme objets d'ameublement que comme utilité du moment, nous citerons de charmans soufflets d'une forme et d'un genre tout-à-fait inconnus; le vent est placé dans l'intérieur du bois et n'est pas visible par des ouvertures dans le milieu des aîles. — A forme ovale, crénelé tout autour, incrusté de joli bois, 20 fr.

En citant souvent ce magasin, nous prenons la coutume d'annoncer les prix. Vervelle, bien connu par le fini de son travail, ne l'est pas encore assez pour la rigidité avec laquelle il a établi ses *prix fixes*.—C'est bien quelque chose (nous le pensons du moins) de savoir que ce qu'on trouve telle part a une supériorité de perfection sur beaucoup, et bon marché entre la plupart.

Alphonse Giroux. — Dont la galerie de tableaux contient de fort bons ouvrages, vient de s'augmenter d'un grand nombre de belles aquarelles qu'il destine à placer dans les albums, et à copier pour les personnes qui desireront travailler d'après de bons maîtres:

Pl. No 20. Modes de saisons.

M O D Ы.

Новые предметы и мебели.—Въ деревнѣ для прогулокъ носятъ опахалы въ видѣ зонтиковъ (*éventails parasols*); онѣ предшавляютъ огромный цвѣтокъ, солнце, бумагу, и весьма легка.—Женщины дѣлая ихъ сами, могутъ доставить себѣ пріятное занятіе (у Зюсса).

Мы видѣли у *Вервеля*, въ улицѣ *Neuve-Montmorency*, красивые, небольшіе пуппешы

изъ розоваго дерева, для чпевіа въ постель.—Цѣна 25 франковъ.

У него же, корзинки для хлѣба, четвероугольныя, окружнсть изъ какого нибудь дерева, лимоннаго или краснаго, дно плетеное изъ простикиа. 18 франковъ.

Мы скажемъ два слова о красивыхъ мѣхахъ, новой формы и совсѣмъ въ неизвѣстномъ доселѣ родѣ, болѣе какъ о вещи, принадлежащей къ мебелированію, нежели полезной въ сіе время; въперъ заключается въпри дерева, и нимало не примѣняетъ чрезъ опиверсіа въ срединѣ крыльевъ. — Форма продолговатая, вокругъ зубцы, съ наклеюкою изъ красиваго дерева. Цѣна 20 франковъ.

Упомяная часто о семъ магазинѣ, мы привыкаемъ выставляя цѣны. — *Вервель*, давно уже извѣстный по отличной своей работѣ, не довольно еще извѣстенъ по почности, съ какою онъ опредѣлилъ цѣны.— Не бездѣлица (по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ), знашь, что въ извѣстномъ мѣстѣ работа превосходитъ многія другія, и сверхъ того дешевѣ многихъ.

Картинная галлерей *Альфонса Жиру*, гдѣ есть отличныя, украсилась еще множествомъ прекрасныхъ рисунковъ водяными красками, назначенныхъ для альбомовъ, и для моделей, особамъ, желающимъ копировать съ картинъ славныхъ Художниковъ.

Карп. No 20. Лышнія моды.

С М Ъ С Ь.

Помни, что ты на здѣшнемъ свѣтѣ, какъ на театрѣ, долженъ играть такую роль, какую угодно было Богу тебѣ назначить. Нѣшь нужды, долги ли она, или корюшка. Если онъ желаетъ, чтобы ты предшавлялъ бѣдника; спарайся, какъ можно лучше изобразишь сіе лицо. Дѣлай по же и тогда, когда поручена тебѣ будетъ роль вельможи, богача, или челоуѣка съ посредственнымъ состояніемъ: ибо швой удѣлъ исполнять то, что тебѣ назначено.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю карпінками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 29 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Ну, сподѣсть ли богатымъ бытъ,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спитъ,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ, вѣдь все оставимъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢННИКЪ.

БЛАЖЕННЫЯ ВАЛЛАСОВЫ ВРЕМЕНА.

Сказка.

Въ Шотландіи жилъ былъ одинъ богатый дворянинъ, пригожій собою, проводя преподкойно время въ своихъ помѣстьяхъ и издерживалъ въ годъ не болѣе трети доли своихъ доходовъ. Однажды ввечеру, поправляя пылающіе уголья въ каминѣ, сказалъ онъ женѣ своей, молодой Шотландкѣ, съ большими голубыми глазами и съ бѣлымъ какъ снѣгъ личикомъ: «какія жалкія пещеры времена, Милади! Для чего мы не родились во времена Валласовы? Тогда для благороднаго Шотландца не требовалось ничего, кромѣ меча и рапсанаго коня, чтобы всшунить въ свѣтъ и играть одну изъ первыхъ ролей въ государствѣ; тогда не было шорговли, не правдали, что это было счастливое время?.. Но послушай, мой другъ, подай мнѣ Оспъ-Индскій плащъ; я не перилю плащковъ изъ Глазговскаго полѣйна; дай мнѣ одинъ изъ пѣтъ, которыми подарилъ намъ пріятель Набобъ Виллисскій, во время послѣдняго нашего путешествія. Въ *Валласовы времена*, Милади, берега Клоиды и Твиды, равно и другіихъ рѣкъ, не были загромождены домами, шаможнями, шоварами;

онѣ не покрывались разнаго рода судами; тогда обыкновенно всякой ѣздилъ верхомъ, и лошадь сама знала всѣ броды черезъ рѣку, а Горцы наши переправлялись вплавь... Завтра, Милади, ты побываешь въ Эдимбургѣ; повидаешься съ своимъ опцемъ; я нанялъ для тебя мѣсто на пароходъ, который въ полдень придетъ подъ твоими окнами, а въ три часа ты возвратишься, такъ спокойно, какъ будто не выходила изъ своей комнаты.—Да, Милади, точно такъ, въ *Валласовы времена* Шотландія не была наводнена такимъ множествомъ иноспранцевъ, которые пещеръ расселились здѣсь, привесли съ собою роскошь и свои яства; тогда пили Англійское пиво, ѣли дичину и чувствовали себя гораздо здоровѣе, топя дикахъ звѣрей и ведя войну съ непріязненными племенами... Прикажи, Милади, подашь чаю и Французскихъ конфетъ! — Какъ не пожалѣть о прежнихъ счастливыхъ временахъ! Прежде одни только Жиды умѣли читать, и одни находившіеся въ Королевской службѣ дворяне занимались политикою. . . . Кспапи, знаешь ли, Милади, что въ *Times* говорится о нашихъ патристическихъ пожертвованіяхъ? — Прежде, Милади, въ *Валласовы времена*, самое воображеніе было гораздо живѣе; всѣ замки населены были благодѣтельными вол-

шебницами, всѣ пещеры Сильванами, и изъ каждаго фамильнаго склѣпа въ знапныхъ домахъ являлись мершвецы, для поданія помощи или для совершенія месши.... Знаешь ли что, Милади, я прогналъ *Джона*; эшопъ болванъ напугалъ нашего сына сказками о привидѣнїяхъ и духахъ. — Во времена *Валласовы* сподило посмопрѣшь на Шотландскихъ женщинъ; онѣ были первыя въ свѣтѣ красавицы; ихъ увозили любовники; робкая дѣвушка садилась на коня; ее прятали въ хижинѣ Горца, и попомъ удалялись съ добычею въ свое спановище; послѣ того, она пускалась на произволъ судьбы. . . Но что я вижу, Милади, сквозь флѣровую косынку вашу видна запсочка, вы краснѣете; я хочу знать. . . Какъ! любовная связь. . . свиданіе. . . Вѣроломная! Но дерзкій обольспитель дорого мнѣ заплащипъ за свою наглость. Я заведу съ нимъ пѣзбу уголовнымъ порядкомъ. Онъ долженъ будеспъ заплащипъ мнѣ за безчестіе сполько, что я на его червонцы приспрою новый флигель къ замку. . . О счастливыя *Валласовы времена!!!*

Съ Англійскаго, Н. Д.

ЧЕГО ТРЕБУЕТСЯ НЫНѢ ОТЪ МОДНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Чтобъ бытъ моднымъ человекомъ и заслужипъ сіе пшпо, которое, не смопря на ужимки прпшворнаго негодованія, все еще оспаеша почепнымъ пшпуломъ, — не довольно прпвесипъ въ восхищеніе одно общеспво; надобно умѣть вездѣ нравипься. Въ кругу дамъ, любезничать и угождать, говорить о спектакляхъ, словесности и модахъ; съ артистами, знать, гдѣ находятся ихъ мастерскія, сказать свое мнѣніе о живописи и ваанїи; между купцами и негодїанцами, знать денежный и вексельный курсъ и пробъ шоваровъ; словомъ, съ однимъ рѣзаться и спрѣвляться, съ другимъ курипъ шрубку и пшпъ, плавать или удишъ рыбу, ѣздишъ верхомъ, играшъ въ шахматны, въ карпны, въ бильярдъ, въ кости, и во всемъ эшомъ выказывашъ ловкость, смѣспливоспъ, навыкъ.

Вотъ средство заслужипъ общее одобреніе Публики и прослышъ образованнымъ свѣтскимъ человекомъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕСЧАСТІЯ СЧАСТЛИВѢЙШАГО ЧЕЛОВѢКА.

Я богатъ, происхожу опъ знапныхъ предковъ; имѣю правильные черпы лица и прїятную физиогномію. У меня еспъ сполько ума, сколько нужно для свѣтскаго человекъ, чтобъ не нанесип спыда своему кругу знакомыхъ; впрочемъ я не составляю въ свѣтѣ споль блестящей точки, чтобы могъ возбудиш зависпъ. За мною нѣтъ спшкомъ замѣпныхъ странностей, копорыя оплпчили бы меня опъ другихъ людей. Подобно всемъ Англичанамъ моего званія, я получилъ воспитаніе въ Кембриджѣ: шю еспъ, въ продолженіе прехъ прескучныхъ лѣтъ, я ходилъ на охоту, удишъ рыбу, пилъ пуншъ, колопилъ своихъ сосѣдовъ, волочилъ за сосѣдами, спрадалъ головою болью и дѣлалъ долги, чтобы ни въ чемъ не описывашъ опъ своихъ шоварищей. Эпа студенческая жизнь доставила мнѣ довольно большую отвѣспность, когда я прпбылъ въ Лондонъ, предшеспвуемый молвою о моемъ славномъ имени и первыхъ моихъ похожденїяхъ, копорыя, скажу мимоходомъ, спопили мнѣ большой скуки, денегъ и раскаянїя.

Для меня отворились двери Альмака; прпстарыя прѣводсппельницы, покровсппельницы и распорядсппельницы удовольспвій, прѣдоспавленныхъ людямъ знапнымъ, изъявили мнѣ свое благоволеніе: эшо меня ввело въ моду. На другой день, послѣ появленїя моего въ залахъ Альмака, я получилъ вдругъ двѣ прпглассптельныхъ билетовъ, и скоро мое прпсутствіе сдѣлалось рѣдкостью, копорой многіе добывались. Матери говорили обо мнѣ: «эшо хорошая парнїя.» Невѣшпвшїея дочери прпзнавались, что «я весьма оплпчный молодой человекъ.» Тетушки кричали: «эшо доброй малой.» Словомъ, обо мнѣ отзывались какъ нельзя лучше, и мое положеніе, какъ моднаго человекъ, со дня на день болѣе упрочивалось; все мнѣ улыбалось. Под-

лино я былъ счастливъ, благополучивѣйшій изъ людей! Весь свѣтъ мнѣ подтвердилъ это. Слыша безпрестанно, что все превозносятъ мое счастье, я едва тому не повѣрилъ; однакожъ мнѣ было удивительно, что размысливъ здраво о своемъ образѣ жизни, о состояніи нравственнаго бытія моего, я открылъ довольно странную, но неоспоримую истину, что при всемъ своемъ благополучіи я не могъ освободиться отъ мучительной скуки.

У меня была привычка разговаривать съ самимъ собою, которую безъ сомнѣнія получалъ я отъ частаго посѣщенія театровъ. Однажды, когда лѣнивою рукою надѣвалъ я шелковые чулки, собираясь на балъ въ шопъ вечеръ, меня одолѣла несносная зѣвота, и я сказалъ себѣ:

«Видно, что шопъ балный вечеръ будетъ очень веселъ... Мнѣ хотѣлось бы памъ бытъ! Жермень! Поздо ли теперь?»

—Ровно полночь, сударь.

Прошелъ еще часъ въ одѣваньи, и когда карета моя остановилась передъ домомъ, гдѣ давали балъ, памъ все уже было запершо, балъ кончился и, вмѣсто суматохи, въ домъ царствовала глубокая тишина.

«Слава Богу!» вскричалъ я, и велѣлъ ѣхать домой.

На другой день упрямъ, когда подали мнѣ кофе, я невольно предался логическимъ, философическимъ и даже метафизическимъ размысленіямъ. Устремивъ глаза на свой зеленый пуфель, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ:

«Какая цѣль нашей жизни?—Счастье.»

При семъ словѣ, пуфель былъ главнымъ предметомъ моего размысленія. Помомъ я продолжалъ бесѣду съ самимъ собою.

«Такъ для чего же ѣдешь на балъ или на вечеръ? Счастливъ ли я, когда являюсь туда? Счастливъ ли, когда ѣду съ бала?»

Въ Кембриджѣ я получилъ нѣкоторыя познанія въ Математикѣ и Діалектикѣ; они мнѣ очень пригодились для разрѣшенія споль важной задачи. Вотъ мой силлогизмъ:

«1. Кто зѣваетъ, шопъ не можетъ называться счастливымъ.

«2. Я безпрестанно зѣваю.

«3. Слѣдовательно меня нельзя назвать счастливымъ.

«4. Какая же причина заставляетъ меня зѣвать и препятствуетъ мнѣ бытъ счастливымъ?»

Ньютонъ вѣрно никогда не предлагалъ самому себѣ болѣе ясныхъ, естественныхъ, связанныхъ, логическихъ вопросовъ, любопытныхъ какъ въ частномъ, такъ и общемъ отношеніи. Надлежало открыть настоящую причину, которая препятствовала мнѣ бытъ счастливымъ. Я перечитывалъ полипическую статью въ газетѣ *Times*, и—зѣвалъ; я сѣлъ у окна и—зѣвалъ; сѣлъ половину яблока и—зѣвалъ; началъ рассказывать по комнатамъ и—та же зѣвота.

«Ба! вскричалъ я! нашель; нашель развязку загадки!.. *Скука*, вотъ что мѣшаетъ мнѣ бытъ счастливымъ. Приведемъ въ порядокъ сію новую нишу мыслей.

«1. Я зѣваю.

«2. Слѣдовательно, я не могу называться счастливымъ.

«3. Я несчастливъ, отъ того, что скучаю.

«4. Я скучаю, отъ того, что не нахожу удовольствія.

«5. И такъ, надобно искать удовольствій.»

Умствование сіе имѣло нѣкоторыя ошибки (*circulus in definiendo*), которыя, безъ сомнѣнія, исправилъ бы я, еслибъ провелъ лишнихъ три года въ Кембриджскомъ Университетѣ, куря табакъ, играя въ карты и дѣлая долги. На сей разъ я не могъ открыть ошибку, и продолжалъ свой метафизическія изслѣдованія. «Для чего я не имѣю удовольствій? Для того, что...» Тутъ глубокое изысканіе мое остановилось. Надобно было посвятивъ три дни на внимательное чтеніе нѣсколькихъ самыхъ отвлеченныхъ сочиненій, чтобы получить желаемое разрѣшеніе задачи.

Сердечная связь казалась мнѣ единственнымъ средствомъ къ изгнанію злаго духа, который меня мучилъ, и къ заклинію призрака скуки. Слѣдуя логическимъ и алгебраическимъ выводамъ, я рѣшился сдѣлать *счастливымъ волокитую*. Сія благоразумная рѣшимость недолго оставалась при од-

нихъ сомнительныхъ надеждахъ и предпріятіяхъ; вечеромъ того же дня я приспустилъ къ дѣлу.

Первый шагъ мой на семь пущи ознаменованъ былъ успѣхомъ. Я всегда былъ счастливейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Для полнаго шоржества, мнѣ предпояли небольшія трудности, которыя еще болѣе придавали цѣну и блескъ моей побѣдѣ. Наконецъ, счастливая минуша наступила; но съ нею начались и мои несчастія. Можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я спалъ счастливымъ, не было для меня ни одного покойнаго дня.

Блескъ, коимъ окруженъ былъ предметъ моей вѣжності, доставилъ побѣдѣ моей необыкновенную славу. Сколько возбудилъ я ревности! Сколько было у меня несчастныхъ соперниковъ! Какъ мнѣ завидовали, и при всемъ томъ сколько я перенесъ скуки!

Безполезныя и уединенныя прогулки въ Кензингтонскомъ саду, гдѣ она назначала мнѣ свиданіе; заставляла меня часа по три бродить въ пицешномъ ожиданіи; пугосипныя предосторожности, опасенія, подозрѣнія, размолвки, недоумѣнія, хитрости, изобрѣтаемыя для обмана Публики, которая никогда не обманывается, и для соблюденія наружныхъ приличій, которыя служатъ только прозрачнымъ покровомъ: таково было сцѣпленіе бѣдъ, обременявшихъ печальное мое существованіе во время связи моей съ прелестнѣйшею и любезнѣйшею женщиною въ Лондонѣ!

Я сдѣлался болѣнъ; горячка положила меня въ постель; черты лица моего исказились. Она удивилась сей переменѣ, и, вѣрояпно изъ жалости ко мнѣ, съ прелестныхъ ушей ея сорвалось самое вѣжное и учтивое объявленіе о вѣчномъ разрывѣ. Я много выперпѣлъ отъ сей блестящей связи и захопѣлъ попытаться счастлива въ противоположномъ кругу общесства.

Я обратилъ взоръ на *танцовщицу*. Эмилія была прелестна: кто быспрѣе ея дѣлалъ циркуетъ? Кто развивалъ епань свой съ большею граціею? Стѣснялъ ли когда корсетъ предести, болѣе восхищительныя? Каждый ножка, стая, округлости, ловкость!

Какое милое существо! Не былъ ли я счастливейшимъ изъ смертныхъ?—Увы!

Басня о Пепелинѣ (Cendrillon) заключаетъ въ себѣ иносказательный смыслъ, и танцовщица, которую я избралъ между ея подругами, совершенно увѣрила меня въ истинѣ сей народной сказки. Эмилія на сценѣ была Богинею, Нимфою, Граціею, Феєю. Дома все очарованіе исчезало. Проспи вся изящность, вкусъ, опрятность! Пепелина являлась здѣсь въ самомъ отвратительномъ костюмѣ, въ ливрѣ самой гнусной.

Нѣтъ, я никогда не видалъ такого страннаго и жалкаго превращенія, въ какомъ бываетъ каждый вечеръ танцовщица, когда она, сойдя со сцены, гдѣ блистала какъ идеаль, какъ существо воздушное, возвращается домой. Лишенная всѣхъ театральныхъ украшеній, всего очарованія, которое окружало ея на сценѣ, она становится самою обыкновенною шварью, расстрепанною, покрытою потомъ, вялою, безчувственною, пошною для себя и другихъ, окупанною въ епару шаль, преспертую на старой, запачканной софѣ, зѣвающей при каждомъ словѣ, неспособною нравиться, обольщать, прогашъ, ни даже забавлять. Къ несчастію, я слишкомъ хорошо узналъ это ничтожное существо! Надобно, подобно мнѣ, взойти по крушой, извивающей лѣстницѣ, въ четвертый этажъ дома въ улицѣ Жерара, гдѣ жила моя прелестная Эмилія, чтобы имѣть понятіе о семъ безпорядкѣ, о сей невѣроятной небрежности, о сихъ площадныхъ и отвратительныхъ привычкахъ. Комната, надушенная запахомъ отъ кухни и чеснокомъ; въ передней мать, моющая свои бумажные чулки; спѣсивый парикмахеръ, ожидаемый съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ любовникъ; помпильность и таинственность сихъ засѣданій; воспоргъ, съ какимъ ее приняли, съ какимъ говорили объ ней: воптъ неприятыя воспоминавія, которыя донинѣ меня преслѣдуютъ, и копорыхъ я не могу испребить изъ памяти.

На сценѣ ничто не могло сравниться съ изящностью и вкусомъ, коими отличался нарядъ Эмиліи. Каждый доконь, каждая лешта были на своемъ мѣстѣ, и способствова-

ли производимому ею очарованію. Для меня пошло и со мною, моя возлюбленная нарочно одѣвалась какъ нельзя хуже.

Сими удовольствіями, которыми сподили мнѣ деньги, я не могъ пользоваться. Я надеялся, что связь, гдѣ не нужно наблюдать приличій, гдѣ нѣтъ ни опасеній, ни пайны, позволитъ мнѣ по крайней мѣрѣ свободно располагать моимъ временемъ. Не шутъ-то было!

Представленіямъ, репетиціямъ не было конца. То надобно было выучить новое *pas*, то утвердить новую роль. Меня принимали худо; едва говорили со мною; вовсе меня не слушали. Послѣ репетиціи, какая ужасная слабосиль, усталость, изнеможеніе!

Я началъ замѣчать, что скука, которую причиняла мнѣ связь съ Леди Д. . . , была гораздо сноснѣе той, какую я теперь чувствовалъ. Бѣшь 12 часовъ: это разспроиваетъ самую занимательную бесѣду: нашу съ глазу на глазъ. Парикмахеръ только что ушелъ; разспроить одинъ локонъ прически, споль систематически расположенной, было бы ужаснымъ злодѣяніемъ. Такъ прошли три мѣсяца въ самой несносной для меня скукѣ. *Счастливый смертный!* Однажды мнѣ вздумалось похвалить самую короинкую пріятельницу моей любезной. Я вовсе не зналъ, что поупру въ этотъ же день сіи двѣ занимательныя пшари между собою разсорились. Эмилиа осыпала меня ругательствами: *скотъ! дуракъ! бездушный! болванъ!* Выведенный изъ першвія сею площадною бранью, я отвѣчалъ ей тѣмъ же. Въ двѣ минуты я отскочилъ къ дверямъ, и когда Эмилиа, сдѣлавъ прыжокъ съ обыкновенною своею пріятностью, заключила сцену рукоплесканіемъ, я опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы.

Счастливый смертный!

Я поклялся, что женщины, какого бы они были разбора, не будутъ имѣть на меня ни какого вліянія. Я пустился въ каршочную игру и игралъ удачно. Но я вѣшалъ, что удовольствіе, доставляемое выигрываніемъ, ничто въ сравненіи съ досадою отъ проигрыша. У меня были прекрасныя лошади, которыми я опиралъ на скачку въ Ньюмаркетъ; онѣ издохли отъ усталости. Я держалъ за-

клады удачно, какъ и всегда, но Лордъ Г. . . , который долженъ былъ мнѣ 700 фун. стер., не заплащя ихъ, уѣхалъ въ Болонію.

Честолобіе засѣдалъ въ нижнемъ Парламентѣ скоро смѣнило во мнѣ прежній глупости. Это сподило мнѣ 40,000 фун. стер. Нѣкто изъ избирательной черни, не хотѣвшій выбрать меня Депутатомъ, выбилъ мнѣ камнемъ лѣвой глазъ. Съ смертію Короля, Палама Депутатовъ распушена. Тщетно домогался я новаго выбора; вмѣсто меня выбранъ другой; а я остался безъ 60,000 фун. стер. и безъ глаза. Недоспавало еще успѣха въ импературѣ, для довершенія моего блаженства, и — я получилъ его.

Человѣкъ, не зная за что принялся, спановишся писателемъ; то же случилось и со мною. Я написалъ плохой романъ, подъ названіемъ: *Свѣтскій человѣкъ*; романъ довольно невинный, необдуманый, плодовиый, какіе обыкновенно пишупся нашими свѣтскими людьми, когда имъ вздумается. Журналы называли сочиненіе мое превосходнымъ. Они нашли въ немъ то, чего я вовсе не призывалъ: рѣдкій талантъ, адскую ядовитость, ядную и скрытую сапиру, развратныя правила, смѣлыя примѣненія. Друзья мои не принимали меня къ себѣ. Когда я встрѣчался съ прежними своими знакомыми, они не переспавали превозносить похвалами мои *дарованія* и называть меня *счастливымъ и смѣлымъ человекомъ въ свѣтъ*. Но я не чувствовалъ этого счастья. До меня доходили слухи, что хопятъ на меня подать жалобу, за мнимые намеки на пороки извѣстныхъ благородныхъ фамилій. Книгопродавецъ, коему сообщилъ я мое удивленіе о сей суматохѣ, сказалъ мнѣ:

«Четвертое изданіе вашего романа напечатано. Вы мнѣ обязаны безсмертіемъ. Я самъ писалъ обвинительныя статьи въ Журналахъ прошивъ васъ. Отъ этого-то и зависитъ весь успѣхъ: Вы теперь спойте на ряду со всѣми нашими великими писателями. *Счастливый смертный!*»

Но почно ли я счастливъ, какъ всѣ твердятъ? Здоровье мое разрушилось, имѣніе разспроено, скука помитъ меня, я едва не потерялъ честнаго имени. Будучи предметомъ

общей зависпн, я жалокъ въ собственнѣхъ глазахъ. Такъ, друзья мои, не завидѣвъ удѣлъ того, кого всё починаюшъ первымъ счастливецемъ.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ поэмы:

Князь Андрей Перелаславскій.

Глава вторая.

«Коня!»

Ведущъ коня лихова

Ясельничіе подъ успцы.

Вдыкая въспрь, онъ бурно дышесть,

Онъ подъ собой земли не слышишь.

«Спой, Сивко, спой!» Недвиженъ конь,

Узду грызеть, ушми играесть,

Какъ-будто всаднику внимаесть;

Въ очахъ покорности огонь.

И Князь, шрепя по спройной выт,

Берещъ поводья золотые;

Садися медленно въ сѣдло,

Конюшій управлеешь шрепя;

Младой сокольникъ въ шо же время

Съ поклономъ Сокола даесть —

И поѣздъ двинулся впередъ.

Красуясь гордыми конями,

Дворяне мѣрною сппой

Влѣзжаюшъ въ улицу рядами,

Гремя по звонкой мостовой;

Блесяшъ бразды, попоны въюшъ,

Одежды радугой песпрыюшъ;

Мелькаетъ гридней свѣшлый рой;

Спѣшащъ довольные граждане

Въ полнѣ прелестныхъ дѣвъ и жѣнъ,

У Князя добраго, заранъ

Привѣшной выманишь поклонъ.

И спарцы, духомъ молодѣя,

Съ слезами радостныхъ очей

Подъемаютъ на руки дѣшей

Налюбовавшяся на Андрея.

Казалось, окна говорящъ

Одушевленные пародомъ,

И голубымъ колесля сводомъ

Благословенія летящъ —

И вшорншъ клякамъ клякъ отвѣтшой,
Въ спѣнахъ зубчатыхъ отразясь:

«Да вѣчно здравшвуетъ нашъ Князь!»

Петровъ.

Енисейскъ.

ЛОГОГРИФЪ.

Меня найдете вы въ Сполицахъ, въ деревняхъ,

На улицахъ, въ домахъ;

Нерѣдко я надобдаю,

Особенно, когда сонъ сладкій прерываю.

Смѣшайше липеры: приму я видъ другой.

Тогда — цвѣшу весной (1);

То подъ носомъ у васъ (2); шо въ ротъ меня кля-
дѣше (3);

То вдругъ на деревѣ найдѣше (4);

То порчу я мѣпалль,

Спекло или кристалль (5);

Домашній скотъ бываесть мною пучентъ;

Довольно эшаго, и шакъ уже я скученъ.

Въ No 68, помѣщенная загадка-анаграмма значить:
Agir, — Riga.

НОВАЯ КНИГА.

Акшѣръ и Музыканшъ, или любовь
всему научишъ. *Комедія-Водевилъ въ од-
номъ дѣйствіи. Соч. П. Григорьева. Новый
друзъ изъ Русскихъ пѣсенъ, соч. Г. Жукковского;
прочіе нумера набраны изъ лучшихъ Авторовъ.
С. П. Б. въ Тип. Ме. Байкова. 1831 г. (*).*

Авторъ водевиля: *Братъ за брати*—даритъ
еще Публику новымъ Водевилемъ, которій
еще лучше перваго, а это добрый знакъ и
поруча за будущіе успѣхи Г. Григорьева на
избранномъ имъ поприщѣ. — Выписываемъ
нѣсколько куплецовъ:

Колковъ (*отставной Камеръ-
Музыкантъ.*)

Я не хочу хвалить себя,

Но пользуюсь своимъ шаланшомъ,

(*). Продаесть въ книжныхъ лавкахъ Андр. Вас. Глазу-
нова въ С. Пешербургѣ, противъ Госпитнаго двора,
въ домъ Г. М. Бадабина подъ No 25; въ Москвѣ, на
Никольской улицѣ, противъ Казанскаго Собора, подъ
No 1 и 2-мъ. Цѣна 3 руб.

Здѣсь придицать лѣтъ считался я
Придворнымъ Камеръ-Музыкантомъ.
 Я въ годъ сей шипуль заслужилъ,
 И полюбить тебя рѣшился;
Фортиссимо — любовь открылъ,
 Попомъ — *пьянссимо* — женился!

*

Ужь вѣрно къ жѣнушкѣ бранчавой,
 Я не подлажусь никогда;
 Съ ея гармоніей бурливой
 Мнѣ совершенная бѣда!
 Ея убійственныя шовы
 Всегда нгрѣ моей вредятъ;
 Но впрочемъ, многія здѣсь жѣны
 Живутъ съ мужьями на разладѣ.

Рольской (*Актёръ.*)

Дожившия лѣтъ до придицанья,
 Иная бѣсится, хлопочеть:
 Себя и просить увезши,
 Да увозить никто не хочеть!

Колковъ.

Я не хочу смотрѣть на свѣтъ,
 И васъ какъ должно награждаю:
 Вы *разыграли* мой дуэль,
 Я вашу свадьбу *разыграю!*

Квинточкинъ (*молодой Музыкантъ.*)

Зачтожь со мной-то такъ сыграть?
 Видѣ это весь оркестръ узнаешъ.

Твердовъ, Смѣльской и Связовъ (*молодые Актёры.*)

Вы не должны на шо ропщать:
 Судьба со всеми такъ играетъ.

Сонюшка (*дочь Колкова, въ Публикѣ.*)

Нашъ Авторъ вовсе не хотѣлъ
 Своей игрою оплечиться,
 А шолько по въ виду имѣлъ,
 Чтось вамъ дать случай — посмѣяться.
 Но если станеть кришникъ злой,
 Съ привычной бранью придирашся,
 То опъ — опъ критики пустой.—
 Молчаньемъ хочешъ *отыграться.*

В с ѣ (*повторяють.*)

И мы, опъ кришники шакой,
 Гошвы шмѣ же *отыграемъ!*

MODÉS.

Figure vue de face: robe de châly des magasins de Delille, rue Sainte-Anne.—Fichu de mousseline à entredeux, bordés de dentelle.—La dentelle n'est appliquée que du pied, elle doit jouer légèrement dans la longueur.—Des magasins de madame Minette, rue de Rivoli.—Chapeau de crêpe à bavolet, soutenu de madame Hocquet, rue Ventadour, n° 17.—Souliers de maroquin.

Figure vue derrière: robe de Châly de Delille.—Pélerine de mousseline de madame Minette.—Chapeau de crêpe à bavolet soutenu avec une touffe de brins de plumes d'autruche séparés des côtes. Montés sur une petite aigrette noire.—De madame Hocquet.—Brodequins de peau anglaise et gros de Naples hanteton.

Ensembles de Toilette.—Robe de mousseline blanche à corsage montant, draperie croisée.—Ruche de tulle bordée d'une petite dentelle.—Cravate de gros de Naples couleur paille et cerise.—Ceinture pareille.—Chapeau de paille de riz.—Un pavot couleur paille.—Des brodequins de peau et gros de Naples gris poussière.—Des gants jaune pâle.—Un châle de mousseline cachemire fond blanc à rosaces bigarrées de couleurs douces.

Négligé.—Une robe de gros de Naples noir, corsage croisé à plis plats.—Manches très-justes du bas, fermées par un petit poignet extrêmement étroit.—Col de mousseline de l'Inde, brodé et garni d'une dentelle à tuyaux haute d'un doigt.—Cravate de foulard fond blanc; dessins vert-rouge et noir.—Capote de moire écrue.—A rubans de gaze satinée bleue.—Le nœud était séparé par moitié par le ruban qui tournait autour de la capote.—Des souliers de maroquin noir, des guêtres de mérinos vert olive.—Des gants de Suède.—Un mouchoir de batiste bordé d'une large raie unie violet puce.—Un châle de cachemire imprimé en Mosaïques.

Coiffures.—Les cheveux en coques sur le devant, sont tout-à-fait devenus mauvais goût, des bandeaux plats sont préférables.

Les nattes en couronne sont aussi généralement la ceiffure des têtes de perruquier, deux coques inégales, dont l'une avance beaucoup siéent infiniment mieux et sont de meilleur goût.

Sous la passe des chapeaux on met quelquefois un seul bout de long ruban qui couronne le front; il est destiné à remplir le vide que laissent les papillottes, lorsqu'elles sont disposées pour tomber de chaque côté des joues.

М О Д Ы.

Фигура спереди.—Шалевое платье, изъ магазина *Делиля*, въ улицѣ св. Анны.—Кисейная косынка съ прошивками, обшита кружевомъ; кружево пришито въ край, изъ магазина Г-жи *Minette*, въ улицѣ Риволи.—Креповая шляпка съ споячимъ баволешомъ, отъ Г-жи *Hosquet*, въ улицѣ Ваншадурь.—Сафьянные башмаки.

Фигура сзади.—Шалевое платье, отъ *Делиля*.—Пелеринка, отъ Г-жи *Minette*.—Креповая шляпка съ споячимъ баволешомъ и кушникомъ изъ волокъ строусовыхъ перьевъ, раздѣленныхъ съ боковъ, придѣланныхъ къ небольшому черному султанчику, отъ Г-жи *Hosquet*.—Сапожки изъ гроденапля съ Англійской кожею, цвѣта *hanueton*.

Полный парадъ.—Кисейное платье съ высокимъ лифомъ и крестообразными складками.—Рюшъ изъ тюля, обшитого узенькимъ кружевомъ.—Гроденаплевый галстукъ, соломеннаго и вишневаго цвѣшовъ.—Полсъ шакой же.—Басшовая шляпка, съ макомъ соломеннаго цвѣша.—Сапожки изъ гроденапля съ кожею сѣро-пыльнаго цвѣша.—Блѣдно-желтыя перчатки.—Шаль изъ кашемировой кисеи, съ пестрыми кругами, вѣжныхъ цвѣшовъ.

За-просто.—Черное гроденаплевое платье; лифъ съ крестообразными плоскими складками; рукава снизу въ обтяжку, съ самою узенькою обшивкою.—Вышитой воротникъ по Индѣйской кисеѣ, обшитъ кружевомъ, шириною въ палецъ, прубочками.—Галстукъ изъ фулара, по блѣлому грунту, съ черными, красными и зелеными узорами. Капотъ изъ морс суроваго цвѣша, съ голубыми лентами изъ атласистаго газа; бантъ раздѣленъ лентою, которая обернута около шульи.—Черные сафьянные башмаки — Мериносвые шиблешы оливковаго цвѣша.—Шведскія перчатки — Батистовый плашокъ, вокругъ широкая гладкая полоса фиолето-пюсоваго цвѣша.—Кашемировая шаль печатная мозаиками.

Головные уборы.—Волосы пеплями спереди мало носятъ; просто гладкіе несравненно лучше.

Косы, сдѣланныя короною, видны только на деревянныхъ болванахъ у парикмахеровъ; двѣ неровныя пепли, изъ коихъ одна гораздо длиннѣе, несравненно красивѣе и приличнѣе.

Подъ поля шляпъ кладутъ, иногда, длинной конецъ ленты, которая прикрываетъ лобъ и замѣщаетъ пустошу между локоновъ, когда они спущены на щеки.

С М Ъ С Ъ.

Есть люди, которые безпрестанно выпрашиваютъ и которыхъ ничѣмъ удовлетворить невозможно. Откажи имъ хотя одинъ разъ: всѣ плоды прежнихъ благодѣяній пропади и зыбкая дружба навѣки угасла въ сердцахъ ихъ.

Искренность — жизнь и веселье бесѣды.

Другъ, который скрываетъ отъ насъ наши слабости, меньше для насъ полезенъ, нежели врагъ, который ими упрекаетъ насъ.

Благоденствіе шѣла состоитъ въ здоровьѣ, а услажденіе ума — въ ученѣ.

Гораздо вѣрнѣе можно положиться на дикую безъ узды лошадь, чѣмъ на лѣткомысленнаго и болтливаго человека.

Ничто не можетъ быть такъ робко, какъ худая совѣсть.

Твое несчастіе огорчаетъ тебя; но еслибы ты размыслилъ о томъ, что терпишь другіе: то конечно ропсалъ бы менѣе на судьбу свою.

Большая охота говорить есть знакъ елупосны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ что

Среда въ и

Суббота въ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 2 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Пусть критикъ не найдетъ большихъ пороковъ въ васъ:
Слогъ гладокъ; вкусъ ни гдѣ не оскорбленъ уродствомъ;
Разсудокъ съ рвимою согласенъ каждый разъ:
Все мало! — —

Мих. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ж И Н Е В Р А.

Въ 1396 году случилось странное любовное приключеніе во Флоренціи. Но прежде всего надобно сказать, въ какомъ опчаяніи находились тогда жители сего города, копорые, послѣ всѣхъ ужасовъ междоусобія, угрожаемы были чумою. Они не забыли еще опустошенія, причиненнаго оною въ 1348 году, когда болѣе прехъ четвертой Тосканцевъ содѣлались жертвою сего бича. Можно вообразить, въ какомъ страхѣ находилась Флоренція, когда эпидемія снова приближалась къ ея предѣламъ.

Братья милосердія въ торжественномъ шествіи спекались со всѣхъ сторонъ, дабы прекратить сіе зло. Они не только возносили къ Небу пламенныя моленія, но, презирая труды и опасноснн, посѣщали всѣ дома, раздавая пищу и питіе, въ надеждѣ опривратить небесную кару. Посреди сихъ-по бѣдѣшій случилось приключеніе, о копоромъ мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ. Дѣло идетъ о любви, какъ имъ уже извѣстно; и о молодой влюбленной дѣвушкѣ.

Сія прелестная и знатная дѣвица принадлежала къ фамиліи Аміери. Ни одна красави-

ца во Флоренціи не могла равняться съ нею благоразуміемъ и скромностью; она обладала рѣдкимъ сердцемъ и умомъ. Всѣ крошкія добродѣтели отражались въ ней, какъ въ чистомъ зеркалѣ, и когда она являлась на площади *старого рынка*, тогда всякой спѣшилъ видѣть и слышать ее.

Здѣсь-то Антоніо, происходившій отъ фамиліи Рондели, увидѣлъ ее, и сердце его плѣнилось ея прелестями и красоюю. Не смотря на непрерывныя исканія любезнѣйшихъ молодыхъ людей въ Тосканѣ, желавшихъ поправиться Жиневрѣ, Антоніо цѣлые четыре года мыслить только о ней, вездѣ слѣдовалъ за нею, и старался доказать ей пламенную любовь свою. Мы не будемъ описывать сего горести, безпокойства и мученій, довольно сказать, что онъ нѣсколько разъ просилъ руки Жиневры у отца ея, но сей никакъ не соглашался выдать за него свою дочь. Отецъ ея не былъ человекъ безразсудный. Онъ ничего не находилъ дурнаго ни въ поведеніи, ни въ характерѣ Антоніа, но подобно всѣмъ знатнымъ вельможамъ, желалъ соединить дочь свою съ какимъ-то новымъ блескъ фамиліи Аміери. Наконецъ, когда онъ рѣшился выдать дочь свою за

Франческо де Аголанши, молодого человека приятной наружности, принадлежащего к одной из первых фамилий, тогда все заговорили во Флоренции, что он выбрал для Жиневры лучшую партию. По совершении обрядов бракосочетания, Франческо ввел в дом свой молодую и прекрасную супругу.

Въспь о семъ была жестокимъ ударомъ для злополучнаго Антонія. Лишась Жиневры, въ которой заключались все его надежды, въ которой полагалъ онъ все земное счастье, онъ далъ себѣ клятву никогда не жениться и не любить ни одной женщины. Онъ сдержалъ слово: единственнѣмъ утѣшеніемъ его горести было ходить по церквамъ во все храмовыя праздники, и вмѣшавшись въ шопу, издали наслаждаться присутствіемъ шой, которая занимала его мысли.

Между тѣмъ, чума обнаружилась во Флоренции. Прелестная Жиневра занемогла, но болѣзнь ея не имѣла ничего общаго съ заразою. Какъ она была нѣжнаго сложенія, и недугъ ея сликомъ быстро измѣнилъ все черты лица ея: то все окружавшіе ее заключили изъ того, что близокъ ея конецъ. Родные наперерывъ спѣшили подать ей помощь; одни давали ей нюхачь спирты, другіе терли ей ноги и руки; словомъ, они употребили все, чтобы привести ее въ чувство, но напрасно. Нѣсколько времени Жиневра лежала безъ всякаго движенія; бѣніе пульса ея остановилось, и все присутствовавшіе увѣрились, что душа ея отлетѣла на небо.

Сначала раздался общій плачь и рыданіе; но скоро горесть уснула мѣсто ужасу, распространившемуся по всему городу. Въ одну минушу разнеслась вѣсть, что Жиневра сдѣлалась жертвою чумы. Тотчасъ сдѣланы были все нужныя приготовленія къ похоронамъ, и по совершении обычныхъ обрядовъ, тѣло погребено на кладбищѣ соборной церкви, близъ колокольни. Похороны сіи отправлены были очень просто, ибо въ это ужасное время, при подобныхъ случаяхъ, болѣе помышляли объ опасности, происходящей отъ заразы, нежели о шраурѣ.

Впрочемъ Антоніо, слѣдовавшій вмѣстѣ съ прочими за гробомъ, оспавался на могилѣ до тѣхъ поръ, когда уже все удалилось. Онъ излилъ горесть свою въ слезахъ и сѣна-ніяхъ; великаго штруда сшюло ему оспавить могилу и возвратиться домой. Подходя къ оному, говорилъ онъ самъ себѣ: «я давно уже ее лишился; но смерть ея похитила у меня все, что привязывало меня къ жизни.» И онъ снова залился слезами.

Тѣло Жиневры поспавлено было въ фамильный склѣпъ; ее сочли мертвою. Но послѣ продолжительнаго обморока, она опять получила употребленіе чувствъ отъ боли, или другой неизвѣстной причины. Довольно того, что дама сія почувствовала въ 2 часа ночи. Къ счастью, при пробужденіи, первою ея мыслию было, что ее похоронили по ошибкѣ, сочтя за мертвую. «Увы! сказала она, если страхъ овладѣетъ мною, то я погибла! Пресвятая Дѣва, спаси меня; на Тебя возлагаю всю мою надежду!» Попомъ она приподняла голову съ усиліемъ и, къ величайшей радости своей, замѣнила въ камнѣ, прикрывавшемъ могилу, небольшую скважину, чрезъ которую проникалъ свѣтъ луны, поразившій глаза ея. При видѣ сего блѣднаго луча, Жиневра съла въ гробъ и ободрилась. Она собрала оспавокъ силъ и рѣшилась выйти изъ сего подземелья. Будучи увѣрена, что она сама шолько можетъ спасти себя, скрѣпила она сердце и преодолѣла страхъ. Вышедъ изъ гроба и оперевъ саваномъ послѣднюю слезу, извлеченную первымъ движеніемъ боязни, среди мрачной могилы, она хотѣла ползкомъ подползти къ тому мѣсту, откуда проходилъ свѣтъ. Вдругъ что-то остановило ее: это была небольшая лѣстница. Прежде всего она съла опдохнуть на первую ступень, чтобы собраться съ силами. Послѣ сего Жиневра начала подниматься по лѣстницѣ, призывая въ помощь Бога и укрѣпляясь въ надеждѣ на спасеніе жизни своей. Взойдя на лѣстницу, она ошупала камень, закрывшій входъ въ могилу, и попыталась поднять его. Къ счастью, камень сей былъ не тяжель и еще не залишь извѣстью. И такъ, Жиневра, опваливъ его, вышла изъ могилы. Поблагодаривъ Бога за

сохраненіе жизни своей, направила она шати къ колокольнѣ.

Это было въ исходѣ Октября. Въперъ дулъ порывистый и холодный. Жиневра пройдя площадь, вошла въ переулокъ, ведущій мимо часовни монастыря Брагнбевъ милосердія. Съ того времени оный получилъ названіе *Переулкѣ Мертвой*, который, до сего происшествія, назывался иначе. Жиневра подойдя къ дому своего мужа, постучалась у воротъ. Франческо печально сидѣлъ у камина, занятый размышленіями о внезапной потерѣ. Услышавъ стукъ, онъ вскочилъ въ испугъ, отворилъ окно и спросилъ: «кто тамъ?»— Жиневра, жена твоя; развѣ ты не слышишь и не узнаешь моего голоса?—Узнавъ голосъ жены, которую только что похоронилъ, Франческо объявъ былъ ужасомъ, и совершивъ крестное знаменіе, сказалъ: успокойся, завтра поутру я пойду въ церковь и помолюсь за упокой души твоей; потомъ онъ закрылъ окно. Несчастливая Жиневра, видя себя оставленною мужемъ, горько заплакала.—Что со мною будетъ? говорила она: я предчувствую, что мнѣ не пережить сей бѣдственной ночи. Впрочемъ, она снова ободрилась и пошла къ жилищу отца своего; но онъ еще не возвращался домой; потомъ обратилась къ мащери, и постучалась у дверей.

Мать Жиневры также горевала о потерѣ дочери, сидя у огня; какъ вдругъ, испуганная стукомъ, выглянула въ окно и спросила «кто тамъ стучится?»—Жиневра отвѣчала пренециющимъ и слабымъ голосомъ: дочь ваша.—При сихъ словахъ мать, пораженная удивленіемъ и вмѣстѣ ужасомъ, едва могла промолвить: Блаженная душа непорочной дочери моей, удались въ свою обитель, Богъ будетъ твоимъ спутникомъ! сказавъ сіе, она тотчасъ захлопнула окно. Тогда-то Жиневра почувствовала, что она всѣми отвержена, и въ отчаяніи проклинала день своего рожденія.

Она снова прибѣгла къ молитвѣ, и просила отъ Небесъ помощи въ столь бѣдственномъ состояніи. Силы оставили ее. Она такъ устала, что едва держалась на ногахъ. Иногда приходила ей и мысль возвратиться въ могилу, изъ которой она вышла, чтобы

тамъ успокоиться и ожидать смерти. Но она опасалась, что не пройдя полудороги, она умретъ на улицѣ. При одной мысли о сей горестной кончинѣ, она содрогнулась, и бодрость ея снова оживилась. Вдругъ вспомнила она, что у ней есть дядя во Флоренціи. Не смотря на дальнее распояніе до его жилища, она рѣшилась идти къ нему и просить у него пріюща. Она съ невѣроятнымъ усиліемъ дошащилась до его дома, постучалась у воротъ и заклинала Небомъ оказать ей помощь; напрасно. Дядя отвѣчалъ поже, что и другіе: «упокой Богъ душу твою!»

Тутъ Жиневра совершенно предалась отчаянію, и не въ силахъ будучи далье идти, отъ усталости и огорченія, она упала на ступеняхъ церкви Св. Варфоломея, ожидая конца жизни и своимъ спираданіемъ.

Нѣсколько времени оставалась она въ семъ положеніи, какъ вдругъ вспомнила она объ Антоніѣ. Лучъ надежды блеснулъ въ душѣ ея; ей хотѣлось испытать, дѣйствительно ли спроситъ его къ ней споль безкорыстна и неспоянна, какъ онъ показывалъ. Не смотря на скорбь и изнеможеніе, Жиневра, съ прудомъ пробираясь около стѣны, добрела до жилища Антонія и постучалась у воротъ. Тогда было уже шесть часовъ.

Только что брякнуло кольцо, какъ она зашаталась и оледѣнѣвъ упала передъ воротами. Антоніо сполько изнуренъ былъ горестью, что едва могъ вспасть съ постели и подойти къ окну, чтобы посмотрѣть, кто стучится въ такую позднюю пору. Онъ машинально отворилъ окно и прислушивался. Слабымъ и едва слышимымъ голосомъ произнесла Жиневра: «это я, несчастная Жиневра! Ради самаго Бога, окажите помощь злополучной, всѣми отверженной!» Хотя слова сіи сказаны были умирающимъ голосомъ, и едва можно было различить ихъ; однако Антоніо зажегъ свѣчу, выбѣжалъ на дворъ, и ни мало не заботясь ни о злыхъ духахъ, ни о привидѣніяхъ, отперъ ворота и увидѣлъ свою возлюбленную: «это она,» вскричалъ онъ, и тотчасъ позвалъ служанку. Онъ поставилъ свѣчу на землю, и схватилъ охлаждавшее тѣло Жиневры. Въ ту же минуту явилась служанка и взявъ свѣчу, освѣщала

лѣсплицу, между шѣмъ какъ господинъ ея, съ драгоценною ношею поспѣшилъ войши въ ближнюю комнату. Тѣло Жиневры холодно было, какъ ледъ. Антонію приказалъ своимъ женщинамъ нагрѣть бѣлье и снять съ полумертвой мокрое плашье, попомъ одѣли ее въ теплую фланель; Антонію сильною рукою поднялъ ее и положилъ на постель, прикрывъ одѣлами.

Облокопясь на изголовье кровати и не сводя глазъ съ дражайшаго предмета, сей нѣжный и вѣрный другъ, со страхомъ и надеждою ожидалъ мгновенія, когда откроется глаза Жиневра, или исчезнутъ всѣ признаки жизни. Въ семь мучительномъ положеніи провелъ онъ болѣе получаса. Наконецъ благодѣтельная теплота возвратила ей дыханіе; мало по малу Жиневра пришла въ себя и робко произнесла: «добрый Антонію, я цѣбъ вѣрлю честь мою; забудь прошедшее; изъ одного состраданія, которому сердце твое споль доступно, не опвергни Жиневру, брошенную всеми родными.» Тутъ она подробно рассказала ему, какъ ее погребли, какимъ образомъ вышла она изъ могилы, и оставленная онцемъ, матерью, дядею, мужемъ, вѣспомнила объ немъ Антонію, рѣшась испытать его достоянство.

«Теперь ты видишь, прибавила она, что я должна искать у тебя убѣжища и покровительства. Если ты прежде почилъ меня равнодушною къ себѣ и неблагодарною, то не принимай этого въ дурную сторону. Я исполняла долгъ, которымъ обязана была своей фамиліи. Проси меня; я узнала теперь, до какой степени просирается твое добродушіе и достоянство. Вѣдь ты просишь меня, не правда ли? Но, милый Антонію, примолвила Жиневра съ легкою улыбкою, которая не могла скрыть болѣзненнаго ея состоянія, — у насъ еще будетъ время поговорить о семь; прикажи подашь мнѣ, чтонибудь, я чувствую голодь, мнѣ нужно подкрѣпить свои силы.» — Сей часъ, мой другъ, все будетъ готово; попомъ обращаюсь къ своей матери, которая накануне осталась у него ночевать, просилъ ее велѣть служанкѣ приготовить ужинъ, а между шѣмъ, подашь больной какогонибудь

пищья. Когда всѣ вышли въ другую комнату, Жиневра шепнула Антонію: одѣнься поскорѣй, мой милый, и сходи на кладбище; шамъ ты заложишь камнемъ входъ въ могилу, изъ которой я вышла, чтобы никто не подозрѣвалъ, что я еще живу; поспѣжи же; опъ этого зависить счастье остальныхъ дней моихъ.

Антонію тотчасъ побѣжалъ шуда; онъ положилъ камень на могилу по прежнему и сдѣлалъ все нужное, чтобы никто не замѣтилъ, что онъ былъ снятъ. На возвратномъ пути, Антонію запасся дичью, конфектами и сухими смоквами, для дополненія ужина своей милой Жиневры.

Антонію, отдавъ припасы своей матери для приготовления ужина, явился къ Жиневрѣ и извѣспилъ ее, что порученіе ея исполнено. Его веселые разговоры, нѣжное вниманіе и искреннія ласки успѣли наконецъ разсѣять и укрѣпить душу его любезной. Когда накрыли споль и подали кушанье, Антонію самъ прислуживалъ Жиневрѣ, выбиралъ для нее лучшія и менѣе вредныя для ея здоровья блюда. Онъ былъ въ себя опъ восхищенія, видя у себя шу, копорую онъ сполько дышалъ, и угощая ее купленными имъ самими фруктами.

По прошествіи четырехъ дней, здоровье Жиневры совсѣмъ поправилось; она возвратила прежнюю красоту свою. Антонію увидѣлъ тогда, что пора переменить плашье ея, въ которомъ она къ нему явилась въ первый разъ; но онъ ничего не хотѣлъ предпринимать, не объяснившись съ нею. — Милая Жиневра, открой мнѣ свои намѣренія, хочешь ли ты меня оставить? не желаешь ли возвратиться къ своему супругу? — Антонію, отвѣчала она, теперь дѣло не о томъ; я очень далека опъ этой мысли, и если тебѣ не противно, то я желала бы посвящать тебѣ остатокъ жизни моей. — Возможно ли? Жиневра будетъ моею супругою! О, я былъ бы тогда счастливейшій человекъ въ свѣтѣ. — Не безпокойся о припятствіяхъ, другъ мой; я расскажу тебѣ, что нужно сдѣлать, чтобы укрѣпить сей союзъ. Выслушай меня: всѣмъ извѣспно, что первый мужъ мой Франческо похоронилъ меня; сдѣлавай такъ,

все кончилось съ смертію. Она разрушаетъ всѣ связи и даже узы родства. И шакъ, Антонію, если ты любишь меня, шо смерть одна разлучитъ насъ. Поспѣвши шеперь къ Нотариусу; когда любовь соединяетъ насъ, шо мы будемъ умѣть защититъ швердосшь сего союза, хотя бы дѣло дошло до Епископа.»

Когда подписанъ свадебный договоръ и нѣжные любовники обручились, Антонію сказаль своей невѣстѣ: «могу ли шеперь предложитъ тебѣ новое платье, вмѣсто того, кошорое ты носишь?» — «Хорошо, мой другъ, опшвѣчала невѣста; но если ты хочешь одолжитъ меня, шо я попрошу тебѣ сходить къ Франческо, кошорый заключилъ меня живую въ могилу; кошорый опказаль мнѣ въ послѣдней помощи, и если я тебѣ мила, купишь у него всѣ мои платья, оставшіяся у него, за какую бы ни было цѣну.» — Будь покойна, моя милая; нѣтъ шаккой жершвы, кошорую я не рѣшился бы принесть тебѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, онъ шотчасъ опправился къ Франческо, выкупилъ у него всѣ платья Жиневры, и поспѣшилъ доставитъ ихъ своей невѣстѣ.

Прошло нѣсколько дней, и Жиневра, блистая молодосшью и красотою, пошла въ церковь Благовѣщенія въ сопровожденіи матери Антонію и служанки. Тогда было Воскресенье, и въ эшопнѣ день обрученные должны были произнесть клятву предъ алтаремъ вѣчно любить другъ друга. Едва прошла она нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ вся Флорентинская знать, встрѣчавшаяся съ нею, обратила на нее вниманіе: каждый соспавлялъ въ головѣ своей догадки; мало того, что нашли въ лицѣ ея разительное сходство съ умершею Жиневрою, но многіе утверждали, что на ней прежнее свадебное платье, въ кошоромъ Франческо Аголанши привелъ ее въ церковь св. Михаила, гдѣ они вѣнчались. Любопытные расхаживали взадъ и впередъ мимо ее, и болѣе удостовѣрились въ справедливости своихъ догадокъ.

Случайно мать Жиневры проходила по той же улицѣ. Сначала она изумилась и не могла ни слова выговоритъ; попомъ, всплеснувъ руками, вскричала: «ну, кто бы не сказаль, что эшо дочь моя?» Она проходитъ

далѣе, и чѣмъ ближе къ ней спановилсь, тѣмъ болѣе узнаетъ свое дѣлице. Наконецъ, не могла болѣе сомнѣваться, но будучи слышкомъ расстрогана, она говоритъ про себя: «шакъ, эшо она!» Удивленіе и надежда на нѣсколько минутъ оковали языкъ ея; наконецъ, желая шочно удостовѣриться, она прешущимъ голосомъ сказала Жиневрѣ: «милая дочь, тебѣ ли я вижу? Ты жива! Какимъ образомъ ты воскресла?» Но дочь, не изъяснивъ ни нѣжности, ни досады, безмолвно прошла мимо ея.

Толпа любопытныхъ беспрешанно умножалась; слухъ о семъ странномъ происшествіи привелъ весь городъ въ движеніе; Франческо Аголанши, узнавъ о шомъ, прѣснился сквозъ толпу и въ самомъ дѣлѣ узналъ свою жену, кошорую онъ незадолго предъ тѣмъ похоронилъ. Подойдя къ ней, онъ спросилъ: опкуда она взялась и кто вывелъ ее изъ могилы. Въ ту же минуту явился Антонію, кошорый, безпокоясь объ опсупствіи своей невѣсты, вышелъ изъ церкви, чтобы встрѣтитъ ее. Жиневра, бросивъ на него взглядъ, обратилась къ Франческо и произнесла спокойнымъ и шверднымъ голосомъ: «разумѣется, не вами освобождена я изъ могилы, напропивъ того вы зарыли меня живую въ землю. Одному только вѣчному Провидѣнію обязана я спасеніемъ моей жизни. Милый мой Антонію, можетъ вамъ эшо подтвердитъ. Вы хотѣли уморитъ меня. Я приходила къ вашему дому, но вы меня опшвергнули, не правда ли? — И плакъ оставъше меня, я рѣшилась никогда не входить въ вашъ домъ.»

Мать Жиневры обливалась слезами между двумя мужьями; Антонію, казалось, рѣшился крѣпко защититъ новыя права свои; между тѣмъ Франческо, изумленный, печальный, вспоминалъ съ горесшью о двухкратномъ заблужденіи своемъ, кошорое лишило его супруги. . . Онъ вознамѣрился обратитъ къ Епископу и предспавитъ сіе дѣло на его судъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ подалъ жалобу. Жиневрѣ вѣрно было явилсь къ Архіепископу. «Хорошо, былъ опшвѣтъ ея посланному, я предспавлю Его Пр—у всѣ мои доводы.»

Нимало не медля она предстала предъ Епископа. Изначный и богатый нарядъ еще болѣе возвышалъ красоту ея. Послѣ обыкновенной учтивости, она обратилась къ Архіепископу: «Ваше Пр—во приказали мнѣ къ себѣ явиться?» — Да, отвѣчалъ Архіепископъ; скажи мнѣ, дочь моя, почему ты не хочешь жить съ первымъ своимъ мужемъ? — «Вопъ мои доводы, достойный Архипастырь; вы можете судить, заслуживаютъ ли они уваженіе.» Тутъ Жиневра рассказала ему со всею подробностію о мнимой смерти своей, похоронахъ, выходѣ изъ могилы, о щепетныхъ просьбахъ, съ которыми она обращалась къ своимъ роднымъ и мужу; наконецъ о бѣдственномъ положеніи своемъ, въ кошоромъ она среди ночи бродила по Флорентинскимъ улицамъ. «Болѣе двухъ часовъ, прибавила она, скипалась я по городу. Полураздѣтая, окостѣневшая отъ спужи, изнуренная усталостию, я чувствовала, что мнѣ должно умереть на мостовой. Но Провидѣнію угодно было внушить мнѣ мысль объ Антоніѣ, кошорый цѣлые четыре года изъвѣлялъ мнѣ знаки искренней привязанности. Я сдѣлала послѣднее усиліе, добрела до воротъ его, и вѣрно бы умерла, если бы онъ не оказалъ мнѣ гостепріимства. Онъ принялъ меня, и возвратилъ мнѣ жизнь; теперь судите.» Франческо также призванъ былъ къ отвѣту, но онъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе. Ему отказано въ просьбѣ, потому, что съ смертію прекращающагося всѣ связи. Сей несчастный не могъ долѣе оставаться во Флоренціи; онъ скоро оставилъ сей городъ и заключился въ одномъ изъ монастырей. Между тѣмъ Антоніо и Жиневра, коихъ участь сильно пронула Архіепископа, заключили брачный союзъ, и долго наслаждались взаимнымъ счастіемъ и уваженіемъ согражданъ.

АЛЬБОМЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Продолженіе.)

Говорятъ, что голосъ природы всегда слышится въ мацеринскомъ сердцѣ; не споро, но она не со всѣми мацерыми говоритъ одинаково.

Будемъ надѣяться! . . Эпо самое пріятное препровожденіе времени. — Надежда есть игрушка людей, и старость отъ того скучна, что старикамъ нельзя уже играть сею погремушкою.

Женщины понимаютъ одни намѣки и даже тогда, когда вовсе не говорятъ имъ.

Когда дитя бываетъ далеко отъ своей маперы, тогда рѣдко слышатъ плачь его.

Добрая мать съ гордостью считаетъ годы дѣтей своихъ, не заботясь о морщинахъ, кошорыя время проведенъ по лицу ея. Напрошивъ того вѣтреница-матьъ вдыхаетъ при видѣ взрослой дочери, она жалуется на быспрошу времени; одна полкуетъ о прошедшемъ, другая наслаждается въ будущемъ.

Въ оснадцатъ лѣтъ попочасъ обожаютъ! въ двадцатъ пять любятъ; въ тридцатъ шесть начинаютъ желать; въ сорокъ разсуждаютъ.

Правда ли эпо? не шѣ же ли, когда бы ктонибудь отвѣчалъ вамъ: «да и я васъ люблю, и я прещу при мысли, что вы меня не любите;» вопросъ сей можетъ отъноситься ко многимъ вещамъ. . . .

Гораздо легче нравиться человѣку съ достоинствами, нежели глупцу или невоспитанному, кошорый любитъ, какъ привратникъ.

Счастливыя минушы очень рѣдки! Счастіе, кошораго мы ожидаемъ, слишкомъ часто измѣняетъ намъ!

Чтобы узнать склонность къ кокетству въ женщинѣ, надобно видѣть ее въ борьбѣ противъ обольщеній.

Какъ жалка любовь, кошорая исчезаетъ вмѣстѣ съ золопомъ. . . Нѣжныя сердца соединяетъ несчастіе; а тѣ, кошорыхъ разлучаетъ оно, никогда не были одно для другаго.

Мы иногда удивляемся поведенію женщины, не разсудивъ, имѣла ли она случай рещи себя иначе. — Гдѣ же тогда достоинства, гдѣ добродѣтель?

Спокрапъ счастливы мы въ горести, когда у насъ есть мать, кошорой можемъ изъ

лишь ее, копорая будетъ отвѣчать на наши вздохи.

Умные люди не помнятъ зла; великодушные совершенно прощаютъ его. Люди, копорые судятъ по наружности, никогда не хошатъ обманываться.

Въ молодости, когда бываемъ въ веселомъ расположеніи, какъ будто непременно намъ надобно бѣгать.— Тогда кровь кипитъ въ нашихъ жилахъ; мы не можемъ въ одно время быть счастливы и спокойны. Современемъ мы отстаёмъ отъ сей привычки. Удовольствіе превозмощитъ насъ, несчастіе лишаетъ бодрости.

Есть люди, копорые однажды оказавъ вамъ услугу, считаютъ васъ вѣчными должниками.— Большое несчастіе быть обязану безстыдному человѣку.

Счастіе подобно добродѣтели; не всегда можно узнать, гдѣ оно скрывается.

Время быстро лепитъ.— Разумъ не долженъ далеко отсваивать отъ его полепа; просвѣщать и поучать людей, значитъ дѣлать ихъ лучшими, достойными сего имени.— Счастливы по время, когда свѣтъ наукъ и философіи озаритъ весь міръ!

Чтобы полюбить людей, надобно къ нимъ привыкнуть; но гораздо пруднѣе привыкать, нежели перемѣнять привязанность къ тому или другому.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Э Т У.

Младенецъ слабыми руками

Змію коварства задушилъ.

Ты, новыхъ дней Алкидъ, межъ нами,

На зависть гордо наступилъ.

Тебѣ ничтожны лепешанья

И полки злобной клеветы,

Хвала друзей и восклицанья

Самолюбивой красоты;

Ты выше лести своенравной

И полной зависти хулы:

Органъ небесъ, Пророкъ избранный,

Тебѣ ли нужны похвалы?

Судья правдивый — есть потомство,

Оно хвалы не продаетъ,

Оно не знаетъ вѣроломства:

Твой прудъ оцѣнитъ и пойметъ.

Всегда правдивъ, всегда спокоенъ,

Храня къ прекрасному объѣтъ,

Неколебимъ и непреклоненъ:

Таковъ въ душѣ своей Поэтъ.

Л. Якубовичъ.

LOGOGRIPHE.

Je sais du temps mesurer l'étendueie,

J'ai sept pieds fort heureusement,

Car, cher lecteur, un de moins seulement,

Par ma foi, je serais pendue.

Въ No 69. помѣщенный логогрифъ значитъ: слово *Ступка*; въ немъ находятся: 1) *кутъ*, 2) *усть*, 3) *кусъ*, 4) *сукъ*, 5) *тукъ*, 6) *тукъ*.

M O D E S.

Façons de robe.—Un négligé dont quelques personnes détruisent l'élégance en faisant une *toilette*, est une robe de mousseline blanche unie, en redingote, ouverte devant.—Le corsage est croisé, la jupe a sur chaque bord un ourlet large de deux doigts, au bas un très-large ourlet comme aux autres robes.—Il est mieux de laisser le jupon de dessous en fine étoffe sans broderie ni dentelle, que de le porter très-apparent.—En joignant à ce peignoir une double pélerine garnie de dentelle, il devient une recherche de simplicité de fort bon goût.

Lingerie.—De petits corsets généralement peu connus, nous ont été rappelés, et nous les indiquerons comme grande commodité aux personnes qui ne les connaîtraient pas.—Leur principal emploi est de soutenir la taille sans gêner, pendant la nuit.—Et en raison de l'extrême liberté qu'ils laissent aux mouvemens, les femmes enceintes peuvent les porter de préférence à tout autre:

C'est un petit corsage qui se compose par devant de pièces rapportées, jointes ensemble par un point à jour qui ne blesse nullement.—Les pièces sont disposées de manière que suivant la forme de la personne, le corset soutient sans comprimer.—Le dos est en basin et se lace à la paresseuse.—Il y a une ceinture de basin qui serre la taille à volonté.

Chez mademoiselle Allan, élève de Lacroix, rue Sainte-Anne.

Meubles et objets nouveaux.—De jolis petits bureaux de femme.—Parfaitement placé dans un cabinet de travail, avec un casier dans le fond, le devant qui s'ouvre s'allonge.—De toutes sortes de bois au choix, de jolie forme légère.—Chez Vervelle, rue Montmorency.

Chez Susse, passage des Panoramas, il a paru les premières ombrelles de soie brochée.—Sur un fond brun sont des ramages verts.—Ou telle autre couleur sur une autre.—Le manche est en bois de fer, elles sont montées avec soin.

On a fait en bois, de même que les vases modèles étrusques, des tasses, des petites boîtes à épingles, à plumes. Beaucoup de petits objets qui se peignent.

Pl. No 21. Encore des modes de saisons.

М О Д Ы.

Покрой платья.—Платье изъ бѣлой гладкой кисеи, сдѣланное редонгопомъ, спереди открытое, весьма красиво запросто, но не прилично въ нарядъ, какъ иные его надѣвають. Лифъ крѣпкообразными складками; у юбки съ боковъ рубцы въ два пальца шириною; а внизу весьма широкой, какъ у другихъ платьевъ. Нижнюю юбку лучше дѣлать изъ тонкой машерии безъ шнуровъ и кружевовъ, нежели слишкомъ нарядную.—Прибавьте къ сему упренному платью двойную пелеринку, обшитую кружевомъ, и оно дѣлается отличнѣе по своей цѣтотелавошій простотѣ.

Блѣбѣ.—Намъ напомнили о маленькихъ корсетахъ, вообще мало извѣстныхъ; мы рекомендуемъ ихъ, какъ чрезвычайно покойные, особамъ, которыя ихъ не знаютъ.—Главное ихъ назначеніе есть поддерживать шалю ночью, безъ малѣйшаго безпокойства.—И потому, что всѣ движенія въ нихъ чрезвычайно свободны, беременныя женщины могутъ носить ихъ, предпочтительно предъ прочими.

Это маленькой лифъ, у котораго передъ составленъ изъ долинковъ, соединенныхъ прозрачнымъ цвомъ, который нисколько не без-

покойтъ. Долинки расположены сообразно съ шалю; корсетъ поддерживаетъ не сжимаемая.—Спинка канифасная, пнуруется à la pargesseuse.—Сверхъ того есть поясъ, который стягиваетъ шалю по произволу.

У дѣвицы Алланъ, ученицы Lacroix, въ улицѣ Sainte-Anne.

Мебели и новыя модныя вещицы.—Небольшія красивыя бюро для дамъ.—Приличнѣе для нихъ мѣсто въ рабочихъ кабинетахъ; сзади ящички, а передъ открываются и выдвигаются. Они дѣлаются изъ всякаго рода дерева по произволу, красивой и легкой формы.—У Вервеля, въ улицѣ Монморанси.

У Эюсси, въ улицѣ Панорамъ, появились первые запканные, шелковыя зонтики.—По шемному грунту зеленыя вѣтви, или другихъ какихъ цвѣтовъ.—Ручка изъ желтого дерева; она обдѣлана съ шнуромъ.

Дѣлаются изъ дерева, также какъ вазы Эпрускихъ формъ, чашки, коробочки для булавокъ, для перьевъ.—Множество мелкихъ предметовъ, которыя раскрашиваются.

Карш. No 21. Новѣйшія лѣтнія платья.

С М Ъ С Ь.

Самое благополучнѣе семейство есть то, которое избыткомъ своимъ не обязано несправедливости, сохраняешь его правду штемъ и въ издержкахъ своихъ не расклевается.

Ты говоришь дурно о другихъ: приходило ли тебѣ на умъ, что и другіе будутъ говорить о тебѣ дурно?

Умѣй жить нѣтъ, что пріобрѣтъ ты честными средствами; презирай сокровища, важныя безчестнымъ образомъ. Довольно будь тѣмъ, что имѣешь и не пропягивай руки къ тому, что принадлежитъ другому.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 71.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, СЕПТЯБРЯ 5 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Памь мало бѣдъ, мы къ нимъ прибавили пороки;
Невняность силъ здѣсь, богатству предана;
Нѣтъ добродѣтели, честь въ ошкупъ отдана;
Источники забавъ отъ пресыщенья мутны;
Мы спары въ двадцать лѣтъ, а въ пятьдесятъ распутны.

Душинъ-Ворковскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Ученое Славно-Варяго-Русское общество, находящееся на Пескахъ, въ вѣтхомъ домѣ купца *Старовѣрова*, въ торжественномъ заведеніи, бывшемъ 15 числа Лиснопада, въ дѣло отъ сотворенія мира . . . назначило золотую медаль, въ 300 червонныхъ, тому, кто докажетъ, что Адамъ съ Евою разговаривали между собою въ раю по Славянски.

Сочиненіе сіе должно содержать въ себѣ не меньше 10-ти печатныхъ лѣтцовъ, написано бытъ Сербскимъ, Далматскимъ, Илирийскимъ, или Россійскимъ нарѣчіемъ, переписано чѣтко и доставлено къ Правительству обществу, *Мафусаилу Еноховигу Безубову*, не позднѣ послѣднихъ чиселъ Октябрю.

Его Сіятельство Графъ Модестъ Платоновичъ *Нахаловъ*, по свойственному знанію особы его челолюбію, изъявляетъ готовность за маленькое денежное вознагражденіе жениться на побочной дочери какого вибудъ вельможи, или на законной дочери богатшаго мѣщанина.

Онъ предлагаетъ себя также въ дяди ново-выпеченнымъ изъ куницъ дворянчикамъ.

Дочь Надворнаго Совѣтника, дѣвица *Переспылова*, вновь вызываетъ нѣхъ молодыхъ людей, коимъ она предлагала свою руку и кои отъ нея отказались, объявляя, что на сѣхъ дняхъ единственному брату ея сдѣлался ударъ, отъ котораго, по мнѣнію искуснѣйшихъ врачей, онъ скоро умретъ, и что чрезъ сей счастливыи ударъ фортуны она дѣлается обладательницею 20,000 руб. ежегоднаго дохода.

Тѣтушка, имѣющая на своемъ попеченіи двухъ сиротокъ-племянницъ, которыхъ любитъ какъ родныхъ дочерей и которыхъ дѣйствительно весьма ей близки, желаетъ при жизни своей отдать ихъ въ замужство. Она ищетъ для нихъ жениховъ изъ природныхъ дворянъ, Штабъ-Офицераго чина, не безобразныхъ лицомъ, не гнусной фигуры, умѣющихъ говорить по Французски. Въ приданое за каждою племянницею обещаетъ она дань по 300 душъ, по 50 п. рублей деньгами и на 40 п. рублей приданого. Обстоятельно обо всемъ узнашь можно у Кандидера *Цукербродта*.

Секретарь *Блэдьяковъ* продаетъ за пенадобностью свою совѣсть, служившую ему въ продолженіи сорока лѣтъ върою и правдою. Имѣющіе до него надобность, могутъ ежедневно, послѣ присутствія; найти его въ пракширъ, на углу въ каменномъ домѣ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛУЧШІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ МИНИСТРЪ, ПО МНѢНІЮ ЛУДОВИКА XVIII.

Спуская нѣсколько дней по возвращеніи во Францію Король Лудовикъ XVIII посѣдилъ Сенъ-Денискій женскій Институтъ Почетнаго Легиона. Присутствіе его оживило радостью всѣхъ, находящихся при семъ прекрасномъ заведеніи, когото всѣ часпи были удостоены его вниманія. Наконецъ онъ вошелъ въ больницу; одна изъ больныхъ восплашанницъ сказала ему: «Государь, прикоснитесь къ рукѣ моей и я исцѣлюсь.»—Сохрани меня Богъ, возразилъ онъ смѣясь, опважись на такое чудо; всѣ прочія больныя подумаютъ, что вы страдаете зобомъ. Подиомъ обратясь къ Докшору, продолжалъ: «я вашъ собрашъ по медицинѣ, и вы увидите, что разумью ваше дѣло.» Онъ пощупалъ пульсъ у первой больной, а потомъ и у всѣхъ прочихъ, находившихся въ больницѣ, чтобы не возбудишь въ сихъ послѣднихъ зависти.

Прогулка сія была Королю очень пріятна; онъ говорилъ о томъ ввечеру, возвратясь во Дворецъ.

—В. В., сказалъ ему Герцогъ Шапрскій, долго пробыли въ семъ заведеніи.

«Я выжидалъ, опвѣчалъ Король, не вздумаетъ ли Аббашъ *Сюлзеръ* выйти изъ своей гробницы; я бы удержалъ его и сдѣлалъ первымъ своимъ Министромъ.»

Мы засмѣялись и Король съ нами.

«Знаете ли, продолжалъ Король, сколько было во Франціи великихъ Министровъ; не хотите ли счесъ ихъ?»

—Увидимъ, Государь, начнемъ ли дюжину.

«Едва ли дойдемъ до сего числа, возразилъ Король. Считайте по пальцамъ. Аббашъ *Сюлзеръ*.»

— Одинъ. —

«Бѣлая Королева.»

— Она была Правительница, В. В. —

«Правитель, Правительница или Министръ, не все ли равно? Королева сія не управляла ли именемъ своего сына?»

— Пусть будетъ по волѣ Вашего Величества; два. . . —

«Канцлеръ *Виллиамъ Ногаретъ*, великій человекъ по военной часпи и искусный правитель; онъ нѣсколько лѣспилъ своему Государю; но тогда еще не было харпи.»

— Три. —

«Теперь надобно пробѣжать въ памяти цѣлый рядъ людей ничпожныхъ, чтобы дойти до Кардинала *Албоаза*.»

— Чешыре, Государь! —

«Прибавьте *Лопиталля*, хотя онъ и не былъ Министромъ, но, чтобы сдѣлать честь тогдашнему Правительству.»

— Пять. —

«*Сюлли*, когото слава неразлучна съ славою *Генриха IV*, его Государя и друга.»

— Шестъ. —

«Великій *Ришельё*, человекъ необыкновенный, коему Государи должны завидовать.»

— Онъ нѣсколько былъ жестокъ, В. В., и любилъ увижать дворянство; но что нужно? Семъ. —

«*Кольбертъ*, человекъ искусный, когото и намъ бы имѣть не худо.»

— Восемъ. —

«*Мальзербъ*, за сего благонамѣренность, добродѣтели и самоотверженіе.»

— Девять. Не угодно ли, В. В., кончить, или продолжатъ считать до десяти, чтобы вполне можно было примѣнить къ намъ стихъ Мольера (*)?

«Такъ, дойдемъ до десяти; объявляю вамъ, что десятое мѣсто принадлежитъ Министру, прославившемуся въ мое царствование.»

—Князю *Талейрану*? быспро подхватила.

(*) . . . . . et trois;
Quand nous serons à dix nous ferons une croix.
(F'Étardi.)

— *Декаду?* сказалъ Герцогъ Шатрекій съ улыбкою шонкаго царедворца.

— Герцогу *Ришелье?* спросилъ претей.

«Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Король; мой Министръ прославился другимъ образомъ.»

— Мы смотрѣли другъ на друга въ недоумѣній; но вовсе не помышляли ни о Графѣ *Блакстѣ*, ни объ Аббатѣ *Монтескье*, ни даже о Г. *Паскье*. —

«И такъ, сказалъ Король, вы не отгадываете, а кажется, отгадать не трудно. Мой Министръ шотъ самый, которъй все послѣ революціи поправилъ, все привелъ въ надлежащій порядокъ; это. . . . *Наполеонъ Бонапартъ*.»

Пер. В. Соколовъ.

Б У К Е Т Ы

Никто еще не написалъ исторіи важныхъ перевороповъ, послѣдовавшихъ въ составленіи букетовъ; даже нѣтъ постоянныхъ правилъ для сего предмета; почему не излишнимъ считаемъ сказать о томъ нѣсколько словъ.

Въ прежніе времена извѣстны были одни только симметрическіе букеты: въ этомъ могутъ удостоверитъ насъ (Французовъ) портреты почтенныхъ нашихъ бабушекъ. При составленіи сихъ букетовъ наблюдались правила Архитектуры. Букетъ представлялъ собою нѣкотораго рода зданіе. Въ срединѣ помѣщали большую гвоздику или сполиспвенную розу; по обѣимъ сторонамъ жасминныя вѣтки, тюльпаны или лиліи. Все это составляло вѣщо огромное, напыщенное, наклеенное на подобіе вѣра, и такъ крѣпка приколотое, что никакой сѣверный вѣтеръ не пошевелилъ бы или не сорвалъ бы листочка.

Въ послѣдствіи искусство перемѣнило многое; строгія правила должны были уступить мѣсто небрежности, и появились романтическіе букеты. Нынѣшній вкусъ не черпываетъ въ семь случаевъ правильности, порядка, предпочипая нѣкоторую небрежность, заключенную въ извѣстныхъ предѣлахъ. Букетъ долженъ быть связанъ какъ бы случайно, и казаться вѣрнымъ сколкомъ съ тѣхъ, какіе представляетъ намъ воображеніе на цвѣтущихъ кустахъ въ области ро-

маншизма. Вмѣсто того, чтобы связывать цвѣты лентами, подобравъ стебелекъ къ стебельку, какъ дѣлали наши опцы, или стягивать желѣзною проволокою, по примѣру дѣдовъ нашихъ, они связываются лѣною, проросниковою вѣткою, шравою, или чѣмъ случится. Теперь вышли изъ моды Японскія розы, цвѣты калины, піоны и тюльпаны; ихъ замѣнили просшья маргаритки, ландыши, нарциссы, баранчики, люпикъ, распушіе на лугахъ; ломоносъ, козья борода, цвѣтущіе на кустахъ; а изъ гвоздикъ, правится одна только Карпезіанская, ибо она возбуждаетъ у нѣкоторыхъ мысль о Сень-Брюно, такъ же какъ права могильница напоминаетъ о Жанъ-Жакъ.

На пиршествахъ вельможъ не довольно однихъ букетовъ; для сего уславляются всѣ комнаты, начиная опъ сѣней до кабинета, горшками, вазами и ящиками съ деревьями и цвѣтами. Городскія дамы щеголяютъ полевыми цвѣтками, а поселанки садовыми. Они почитаются необходимымъ украшеніемъ на сваньбахъ и креспинахъ у деревенскихъ жителей. Сельскія красавицы думаютъ обрамить на себя вниманіе уборами городскими; а горожанки хоятъ привлечь къ себѣ деревенскою простотою. Опъ воображаютъ, что сами походятъ на рѣзвыхъ паспущекъ, которыя украшаютъ такими же цвѣтами посохи и свирѣли паспущовъ своихъ. Но для чего бы ни употреблялись букеты, надобно всегда выбирать для нихъ душистые цвѣты: они окружаютъ благовонною ашмо сферою тѣхъ, которые ими украшаются.

Букеты изъ полеваго шмина, ландыша и душицы, должны служить украшеніемъ деревенскихъ свадебъ и праздниковъ. Для городскихъ букетовъ не нужны болѣе шуберозы и жонкиль, кои сполько нравились нашимъ бабушкамъ, одареннымъ крѣпкими нервами. Теперь дамы сдѣлались разборчивѣе; въ наше время жалуютъ подсолнечникъ, опѣзывающійся ванилью, резеду, которая пахнетъ винограднымъ цвѣтомъ, и бобовые цвѣты, кой пахнутъ вѣемъ, чѣмъ угодно и щекочутъ нервы чѣмъ-то пріятнымъ, чего опредѣлить нельзя.

ЗАВТРАКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Въ 1780 году Англійскіе Хирурги *Бирнъ* и *Вилліамсъ* проѣзжали пустыню, проспирающуюся по ту сторону истоковъ Нила. Караванъ остановился ввечеру среди небольшой долины, освѣжаемой водометомъ; между тѣмъ наши ученые отправились искать прохладнаго убѣжища въ ближней пещерѣ, гдѣ, упомянутые труднымъ переѣздомъ, скоро погрузились въ глубокой сонъ.

Проснувшись, они удивились, что вокругъ ихъ царствовала совершенная темнота, и думали, что спутники ихъ не далеко еще отъѣхали; но ужасъ оковалъ ихъ, когда они услышали глухой ревъ звѣрей: это были Леопарды, привлеченные къ источнику жаждою; къ счастью ихъ въ пещеру вела небольшая тропинка, по кошорой можно пройти только днемъ; они провели ночь въ чрезвычайномъ страхѣ, прижавшись къ углу пещеры.

На другой день Леопарды исчезли; но наши путешественники увидѣли, что они остались одни! Сначала подумали они, что спутники предоставили ихъ своей участи; но осмотрѣвъ свое убѣжище, они удостовѣрились, что про нихъ забыли. Ободренные мыслию, что караванъ впереди ихъ не болѣе какъ на нѣсколько часовъ пути, они пустились догонять его.

Между тѣмъ они начали чувствовать голодъ, но у нихъ не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни средства достать ихъ; пораженные угрожавшею имъ участью, они удвоили шаги. Наступала ночь, а каравана нѣтъ, какъ нѣтъ! Новал бѣда; въ темноствѣ поширились слѣды, и они принуждены были остановиться. Ничто не могло сравниться съ ихъ страданіями. Изнуренные голодомъ, мучась жаждою, на раскаленномъ пескѣ, кошорый служилъ имъ постелью, не имѣя чѣмъ защититься отъ дикихъ звѣрей, конхъ ошдавленный ревъ ошзывался въ ушахъ ихъ, они знали, что каждая минута сей безконечно продолжительной ночи удалала отъ нихъ спутниковъ.

Потру, собравшись въ дальнѣйшій путь, они почувствовали такую слабость, что сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, они па-

дали на песокъ. Они крѣпко сжимали другъ друга въ своихъ объятіяхъ, какъ бы прощались на вѣки; какъ вдругъ *Г. Бирнъ* встрепенулся: «Другъ мой! вскричалъ онъ, естъ надежда на жизнь! Возьми свои инструменты, опрѣжь кусокъ эпюго бесполезнаго мяса и мы подкрѣпимъ себя!» Совѣвъ сей принявъ съ ужасомъ: «постой, *Бирнъ*, возразилъ *Вилліамсъ*, опрѣзавъ и проглотивъ икру своего друга, возмись же и пыи пеперь за свои ланцеты.»—Послѣ сего людоѣднаго завтрака, они разорвали часть своего плашня, перевязали себѣ раны и бодро продолжали путешествованіе. Кочующіе Арабы встрѣтили ихъ, и, въ надеждѣ получить богашую плату, госпепривно предложили имъ ужинъ.

Какой завтракъ! Одни только Хирурги въ состояніи прибѣгать къ подобнымъ средствамъ!

(*Cab. de East.*)

СКАЗКА, ПОДСЛУШАННАЯ У ДВЕРЕЙ.

Не могу изъяснить, какъ я бываю счастливъ, когда сяду въ большихъ старомодныхъ креслахъ, перебираю листы въ книгахъ, разбросанныхъ на моей старой дубовой кошпюркѣ.

Безмолвіе, уединеніе, физическое успокоеніе, непримѣнно заставляють меня забыть чтеніе, мало по малу оживляютъ воображеніе и даютъ полетъ мыслямъ. Сначала отъбродящъ въ безпорядкѣ, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ; потомъ вдругъ я начинаю чувствовать вдохновеніе, которому ничто не можешь противиться. Увлеченный невольнo симъ изспушеніемъ, похожимъ на ясновидѣніе и бредъ горячки, я беру за перо и часто до шого записываюсь, что вставъ съ постели съ тощимъ желудкомъ, забываю голодъ и просиживаю до ночи.

Сія буря чувствъ оспавляетъ послѣ себя усталость и отвращеніе: все вокругъ меня ошзывается холодомъ, вуспокою, безжизненностью.

О, какъ желалъ бы я въ эту минушту увидѣть улыбку молодой жены, услышать слова ея, ошдохнуть сиди подлѣ нее и вдаявъ ее

за руку, которую она не старалась бы удерживать!

Она взглянула бы на прояснившееся лицо мое. Опъ свѣжихъ поцѣлуевъ малюпки, которыми вскарабкавшись къ мнѣ на колѣни, своимъ прососердечнымъ денешаньемъ восхитилъ бы счастливаго опца!

Но я одинъ на свѣтѣ!... сижу печально у полупотухшаго камелька, тогда, какъ на дворѣ бушуетъ непогода, или дождь бьетъ въ окончины.

Но въ ясную ночь я стараюсь ободриться преодолѣвъ свою слабость; тогда я, завернувшись въ плащъ, брожу по самымъ бѣднымъ и тлужимъ улицамъ.

Сія мрачная тишина, эша пустота въ цѣдомъ городѣ, имѣюща для меня что-то пѣническое, что-то успокоивающее внутреннее волненіе.

Рѣдкіе фонари, колеблющіеся опъ порывовъ вѣтра, какъ бы въ туманѣ изливаютъ блѣдный и тусклый свѣтъ. Въ споронѣ слышны скорые шаги прокрадывающихся группъ, коихъ пѣни мелькаютъ и оная исчезаютъ на спѣнахъ, озаренныхъ отраженіемъ свѣта; издали несутся охриплые голоса запоздалыхъ весельчаковъ, кои кажутся гармоническими; въ иномъ мѣстѣ раздаются звуки органовъ, которые довершаютъ описанное мною очарованіе.

Я не могу вамъ изъяснить всѣхъ удовольствій, доставляемыхъ ночью прогулкою.

На сторахъ или стеклахъ оконъ, гдѣ есть окна, часто рисуются странные или предельные очерки чедовѣческихъ фигуръ; по неправильный профиль старика, по спройный спанъ молодой дѣвушки, полуобнаженной, которая приводитъ въ порядокъ и подвываетъ свои волосы.

Небольшая скважина, между припворенными неплотно ставнями, есть также пріятная находка для наблюдателя; я никогда не могу удержаться, чтобы не посмотреть въ комнату; шутъ почти всегда увидишь одну изъ цѣхъ забавныхъ карпичъ, которыми служилъ образцемъ для старой Фламандской школы.

Какое неизъяснимое удовольствіе видѣть людей въ домашнемъ быту, которые возб-

ражаютъ, что они дѣйствуютъ безъ свѣдѣній; все семейство собралось вокругъ большого стола, за которымъ старушка въ Нѣмецкой шапочкѣ исправляетъ должность экономки; молодая работница, наклонясь къ колѣнямъ, вся занята строчкою рубчика на бѣльѣ, который непримѣтно прибавляется ускользя изъ подъ ея проворныхъ пальцевъ; намъ разговариваютъ любовники, подсвѣвъ близко другъ къ другу; въ иномъ мѣстѣ ссорился мужъ съ женою, которая никакъ не хочетъ уступить главѣ своей.

Между прочимъ, однажды мнѣ случилось видѣть стараго башмачника, который работалъ подъ лежанки, тогда какъ 70-лѣтняя, по крайней мѣрѣ, жена его прала на огромной самопрялкѣ съ ручкою, какія извѣсны кажутся только въ одной Фландріи. Молодая дѣвушка присѣла на колѣни передъ лежанкою, чтобы лучше согрѣться; она вѣрно только что вошла въ комнату, ибо щеки ея покраснѣлись опъ холода.

Группа сія, расположенная совершенно въ Теньеровомъ вкусѣ, и едва освѣщаемая шрепещущимъ мерцаніемъ лампы, съ каждою минушою оживлялась игрою свѣта, производя самый живописный эффектъ. Оный происходилъ опъ того, что багряные лучи, прокрадывающіеся изъ щелей лежанки, опражались по на блѣдномъ лицѣ молодой дѣвушки, по на грубыхъ черпахъ старухи, на пѣшивой, лоснящейся головѣ башмачника.

—«Пресвятая Владычица! сказала набожная старушка, что ты тамъ рассказываешь, дочь моя?»

—«Да, это ужасная смерть, подхватилъ старикъ поучительнымъ тономъ: но это-му я ни мало не удивляюсь; подобныя напасни не разъ посѣщали сіе семейство; съ прадедомъ и дѣдомъ покойника случились гораздо любопытнѣйшія приключенія. Я узналъ ихъ опъ моего опца, бывшего привратникомъ въ Сеншъ-Оберскомъ Аббатствѣ; а онъ получилъ вѣсти сіи изъ вѣрныхъ рукъ, ибо самъ Пріоръ ему о томъ рассказывалъ. Ты знаешь, Марса, что при жизни моей матери, опецъ Пріоръ часто приходилъ бесѣдовать съ нею, и не гнушался называть ее

своею родственницею, хотя не въ близкомъ родѣнъ, однакожь и не слишкомъ въ дальнемъ. Я вамъ расскажу эту быль. Слушайте.»

Исторію о дѣдѣ Филиппѣ? Расскажи намъ ее, бабюшка. Я лучше люблю ее слушать, чѣмъ другія.

— «Что это за исторія, сказалъ Башмачникъ, тряхнувъ головою, я знаю страшнѣе этой. Слушайте. . .»

По обыкновенію всѣхъ рассказчиковъ, описавшись напередъ, старикъ приступилъ къ разсказу: охрипый голосъ его, сопровождаемый частыми ударами молотка, и мѣрнымъ визгомъ самопрялки жены его, соснавали преснированный концертъ.

«Машвѣй, дѣдъ Филипповъ, шакъ началъ старикъ, принималъ опть купели сына могильщика Сень-Ваапскаго прихода. Однажды ввечеру вздумалось ему навѣспить своего крестника и кума, котораго онъ заспалъ въ жалкомъ положеніи, спраждающаго лихорадкою.

— «Я очень болѣнъ, сказалъ ему могильщикъ, и посуди самъ, въ какой я теперь крайности: въ эту минушу, и при шакомъ холодѣ, мнѣ надобно идти со двора и копать могилу.

«Машвѣй, желая услужить куму, вызвался идти за него, и могильщикъ принялъ это съ благодарностью.

«Было уже по полудни одиннадцать часовъ съ половиною, когда Машвѣй, стукнувъ въ шинкѣ красовую, чтобы, какъ говорится, добрымъ порядкомъ согрѣться, съ заснупомъ на плечѣ отправился на кладбище. Онъ съ жаромъ принялся за работу и вырылъ уже могилу, какъ вдругъ увидѣлъ печальное шествіе людей, одѣтыхъ въ бѣлыя плащя; ихъ лицъ не было видно. Каждый изъ нихъ держалъ зажженную свѣчу, но руки ихъ завернуты были въ большое покрывало, которое совершенно закрывало и ноги ихъ.

«Обойдя кругомъ кладбища, они прошли мимо самаго Машвѣя, и побросали свѣчи свои къ ногамъ его. Человѣкъ, заключавшій шествіе, уронилъ подлѣ него родъ большаго восковаго шара, въ срединѣ коего горѣли двѣ свѣпильни.

«Въ этотъ день былъ праздникъ всѣхъ свѣпыхъ, и потому Машвѣй ни мало не

удивился, увидѣвъ шествіе иноковъ по кладбищу. Одного только не могъ онъ изьяснить, что заспавило ихъ подарить ему такое множество воска.

— «За чѣмъ, думалъ онъ, собирая свѣчи и укладывая въ мѣшокъ, за чѣмъ кумъ мой могильщикъ не предупредилъ меня о сей нечаянной прибыли? Во всякомъ случаѣ я умолачу о помѣ; я поспрудился, шакъ вопъ мнѣ и награда за труды; ни съ кѣмъ не подѣлюсь ею.

«Мѣшокъ сей спрячу я подъ кровать, а черезъ мѣсяць или два, когда куму не придетъ и въ голову, откуда получилъ я такую добычу, продамъ свѣчи и выручу за нихъ изрядную сумму денегъ, о которыхъ ни слова не скажу женѣ; деньги же прогуляю въ шинкѣ.

«Машвѣй шакъ и сдѣлалъ, спрятавъ шщательно мѣшокъ подъ свою кровать.

«На другой день была Димитріева суббота.

«Въ полночь, когда Машвѣй уже заснулъ возлѣ жены своей, кто-то прижиды ударилъ въ ворота. Машвѣй, очнувшись, пошелъ опщереть ихъ.

«Онъ чрезвычайно удивился, встрѣпивъ ту же процессію, которую видѣлъ на канунъ: жена его еще болѣе перепугалась.

«Невѣдомые въ молчаніи обошли комнату, потомъ окружили кровать, на которую безъ чувствъ повалился Машвѣй при шакомъ зрѣлицѣ въ своемъ домѣ.

«Вдругъ спали покрывала съ мнимыхъ иноковъ, и очувствовавшійся Машвѣй съ женою своею увидѣли ужасную шеренгу оетововъ.

«Они не были цѣльные: у однихъ недоставало руки, у другихъ ноги, у иныхъ реберъ, у тѣхъ позвонковъ.

«Последній изъ нихъ былъ безъ головы. «Потомъ спрянанный на канунъ Машвѣемъ мѣшокъ съ свѣчьми, самъ собою вискочилъ изъ подъ кровати на средину комнаты. Въспо свѣчь, олушились въ немъ кости мертвецовъ.

«И каждый осповъ въ свою очередь пробовалъ:

— «Машвѣй, подай мою руку.

— «Машвѣй, мою ногу.

— «Машвѣй, мой позвопки.

— «Машвѣй, мнѣ бедро.

— «Машвѣй, мнѣ отдай ребра.

«Машвѣи принужденъ былъ возвратить каждому свое.

«Наконецъ въ мѣшкѣ оставалась одна мерзвая голова, которую Машвѣй счелъ накаунѣ за восковый шаръ съ двумя свѣщильниками.

«Послѣдній осповъ подскочилъ къ нему, и Машвѣй поспавилъ ему голову на плечи.

«Надобно вамъ сказать, что Машвѣй игралъ на скрипкѣ, коцнорая висѣла на стѣнѣ.

«Одинъ осповъ снялъ скрипку, всунулъ ее въ руки Машвѣю и знакомъ приказывалъ ему играть.

«Всѣ осповы схватились рука съ рукою и начали ужасную пляску, какой никто не видывалъ. Когда Машвѣй переспавала играть, тогда сповавшій за нимъ осповъ билъ его по плечу, заспавляя продолжатъ.

«На разсвѣтѣ осповы надѣли на себя свои саваны и исчезли.

«Съ эпой ночи, ни Машвѣй, ни жена его никогда не приходили въ разсудокъ. Надобно было оцнправить ихъ въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ они призрѣны были изъ состраданія, и не говорили ни слова до самой смерти. Только предъ послѣднимъ издыханіемъ они оцкрыли пайну ночнаго приключенія.»

Башмачникъ умолкъ, и за разсказомъ его послѣдовало мрачное молчаніе. Колесо самопрялки оспановилось, и дочь все еще слушала съ полураскрытымъ ртомъ.

Наконецъ, она сказала:

Разсказъ пивой, башнюшка, довольно спрашенъ, но смерть Филиппова еще спрашнѣ.

Посуди самъ, выдши изъ дому веселымъ и здоровымъ, чнпобы поплясать на свашьбѣ своей сеспры; попасть на дорогѣ въ яму и пробить шамъ недѣлю безъ пищи и пншья; царапать ногтями землю и обгрызть себѣ пальцы въ бѣшенствѣ и оцчаяннѣ; попомъ быть выпашену черезъ сполько времени; оспрадатъ при дня несльханнвыми муками, и наконецъ умереть, оспавя девлперыхъ дѣшей и беременную жену.

— «Милая дочь, сказалъ Башмачникъ возвысивъ голосъ, когда несчастіе постѣпнлъ

кого, погда не опъ насъ зависнть перемьннпѣ его; пушь нечего болѣе сказать, какъ иполько: Да будетъ воля Твоя!»

«Спупай ка, жена, накрывать на споль: пора ужинашь.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д Е Н Ъ Г И.

«Дайте денегъ! дайте денегъ!»

Чпю ни шагъ — по всѣ кричатъ;

Коль въ карманъ шолько шелегъ,

То и брашу пыг не братъ!

Если жъ денежки ведупся —

Съ кмъ ни вспрѣпншся — друзья!

И родные заведупся,

И полюбятъ всѣ тебѣ.

*

«Деньги шлѣнная вещьца! . . .»

Проповѣдуетъ мудрецъ,

«Былъ бы хлѣбъ, была бъ водица. . .» —

Но мы грѣшпы, мой опецъ,

Вопъ тебѣ пучекъ бумажекъ;

Чшо жъ мудрецъ, запировалъ?

Нъшь — купилъ двѣ пары чашекъ,

Деньги жъ въ роспѣ свои оспдалъ!

*

Деньги есть — и я покоенъ:

Умъ, здоровье — все куплю,

А безъ денегъ — я распроенъ,

Плохо емъ и плохо сплю.

Часто въ свѣтѣ говорнтся:

«Бѣдность, други, не порокъ!»

Но всякъ бѣдности боится —

Видно бѣднымъ быть не прокъ!

Деньги — такъ . . . ничпо . . . бездѣлка,

А дѣла всегда вершатъ!

Человѣкъ — въ компасѣ спрѣжка,

Деньги — помесный магннть.

Л. Якубовнцъ.

Ш А Р А Д А.

На всякомъ кораблѣ мой *первый слогъ* бываетъ,

И съ мацпою своей всю пользу раздѣляетъ.

Второй мой слогъ въ грамматикѣ найдемъ,

Коль о союзахъ въ ней спятейку разберемъ.

А *цѣлое* — часть моря представляеть:

Во время бурь, пришедшимъ кораблямъ

Дастъ уближище; усталымъ морякамъ

Пріянный сонидыхъ доставляеть.

М. Корольковъ.

Въ No 70, помѣщенный логотрифъ есть слово:
Pendule, послыку въ немъ заключено слово: *pendue*.

М О Д Е С.

Figure de face. Pantalon de coutil anglais, fil blanc, habit de drap, collet de velours.—Gilet de soie. Gants de peau.

Figure vue derrière. Redingote juste; pantalon de nanquin.—Chapeau de castor gris foncé.—Gants de tricot.

Ensembles de toilette. Une robe de châly, fond blanc, dessins de fleurs, couleur bois, rouge et bleu.—Pelerine de batiste, garnie d'un rang de petits plis à festons.—Chapeau de paille, avec un bouquet de plumes blanches.—Brodequins de prunelle et peau; gros vert.—Gants de fil d'Ecosse, blancs.—Une ombrelle de moire blanche.

Robe de gaze, jaune souffre.—Corsage décolleté, à châle bordé de dents arrondies; tout autour une petite blonde; les cheveux en couronne, le bout frisé; derrière, sur le côté, un nœud de gaze satinée, fond noir à raies jaunes, rouges et vert clair.—Manches longues; parure de mosaïque en plaques, enchassées d'or bruni. Une Ferrière, dont la chaîne, large de quelques lignes, était formée de petites grecques, jointes par un anneau émaillé.—Souliers et gants blancs.

М О Д Ы.

Мужской костюмъ спереди. — Панталоны изъ бѣлаго Англійскаго камаенка; фракъ суконный съ бархатнымъ воротникомъ; шелковый жилетъ; лайковыя перчатки.

Мужской костюмъ сзади. — Сюртукъ въ обшляжку; панталоны нанковыя. — Пуховая шляпа, темно-сѣраго цвѣта. — Триковыя перчатки.

Полный нарядъ. — Шалевое платье, по бѣлому грунту, узоры изъ цвѣтковь красныхъ, голубыхъ и деревяннаго цвѣта. — Ванисто-вая пелеринка обшита въ одинъ рядъ вымпанною городками оборочкою, сложенною въ складочки. — Соломенная шляпа съ букетомъ бѣлыхъ перьевъ. — Сапожки прюнелевыя съ кожею, темно-зеленаго цвѣта. — Бѣлыя перчатки изъ Шотландскихъ нитокъ — Зонтикъ изъ бѣлаго морѣ.

Газовое платье сернаго цвѣта; лифъ открытый, съ шалью вырѣзанной округленными зубцами; вокругъ узенькая блонда; волосы сдѣланы короною, концы завиты; сзади на боку, бантъ изъ атласнаго газа, по черному грунту съ красными, желтыми и свѣтло-зелеными полосами; рукава длинныя; уборъ изъ мозаикъ бляхами, обдѣланными въ темное золото. — Цѣпочка Ферриеры, шириною въ нѣсколько линий, сдѣлана изъ маленькихъ грековъ (*petites grecques*), соединенныхъ эмалевыми кольцами. — Башмаки и перчатки бѣлыя.

С М Ъ С Ъ.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ распознать челоука лукаваго. Поддѣльное золото оплечь можно съ малымъ искусствомъ; но се-го сдѣлать не мѣзи съ вѣроломнымъ другомъ, копорый носитъ доброхошество на лицѣ, а коварство въ сердцѣ.

Не довѣрай челоуку услужливому, копорый любитъ мѣшанься въ чужія дѣла.

Зрѣлице свѣта походитъ на Олимпійскія игры. Одни поргуютъ въ лавкахъ и ни о чемъ больше не думаютъ, какъ объ одномъ барышѣ; другіе для славы жершвуютъ своею жизнію; третьи довольствуются тѣмъ, что глядятъ. Сіе послѣднее не есть самое худшее.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Сентября 9 дня, 1851 года.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лѣсъ глупа, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстець всегда ошмыцеть уголокъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

П Р О Э К Т Ъ.

«Не всё хорошо что полезно, но все полезно
что хорошо.»

Мое изреченіе.

Искусство Петербургскихъ и Московскихъ
Кандидеровъ не подлежитъ уже сомнѣнію.
Ихъ конфекты можно поставитъ наравнѣ
съ Европейскими; но современные намъ кон-
фектные билеты далеко отстали отъ со-
временнаго просвѣщенія. Въ сей истинѣ со-
гласился со мною даже и попъ Московскій
Журналистъ, Философъ-Историкъ, который
гордо ухвативъ Сатурна за сребристую его
бороду, не опасается отъ него ни на пядь,
и пѣшитъ его убійственной косою, какъ
дѣтскою игрушкою.

Сколько у насъ молодыхъ Поэтовъ, кото-
рымъ небо не даровало гения, но удѣлило, если
не талантъ, то по меньшей мѣрѣ, любовь къ
изящнымъ искусствамъ: эпаго также нельзя
почестъ бездѣлушкою. Почему бы имъ вмѣ-
сто безплодныхъ альбомныхъ списковъ не
писать конфектныхъ билетовъ, имѣя въ ви-
ду общую пользу: образованіе прекраснаго
пола? Наши красныя дѣвицы вообще не лю-
бятъ заглядывать въ отечественныя книги;

но онѣ не отказываются отъ конфектъ, и
съ примѣрнымъ любопытствомъ читаютъ
даже и такіе билетики, какъ на примѣръ:

«И жребій мой, уже, увя! предвижу.

Озлюсь — озлясь себя возненавижу.»

(стихотворно.)

Не спорю, можетъ быть униженіемъ
Поэту заниматьсѣ составленіемъ конфект-
ныхъ билетовъ, но все зависитъ отъ обра-
за возрѣнія на предметъ, и высшій взглядъ
чего не возвыситъ?—Кто знаетъ! можетъ
быть юноша переродился, прочитавъ кон-
фектный билетъ!—Почему бы нашимъ Кан-
дидерамъ не занялся симъ предметомъ,
вполнѣ достойнымъ ихъ вниманія?—Они про-
дають *сласти* — слѣдственно они должны
быть *Филантропами*.

Препровождаю вамъ нѣсколько конфект-
ныхъ билетовъ, написанныхъ молодымъ Нѣм-
цемъ для сей цѣли. Они, какъ мнѣ кажется,
слишкомъ серьезны для русскихъ конфектъ,
но ихъ можно было бы употребитъ на ерлыч-
ки винныхъ бупылей и аптекарскихъ опкля-
ночекъ, если бы Гг. Потребщики и Аптекари
ввели сѣ обыкновеніе. Философическіе же
билеты, Гг. Кандидеры могутъ воспользо-
ваться изъ предисловія къ Исторіи Русскаго
Народа; а историческіе — изъ самой Исторіи.

Конфектные билеты:

1.

Что человек?—Челнокъ въ моряхъ,
Небесный духъ въ земныхъ цѣпяхъ.

2.

Что вѣчность?—Идеаль вѣнца,
Гдѣ вѣтъ начала и конца.

3.

Что время?—Атаманъ въковъ;
Сей воръ—хитрѣ всѣхъ воровъ.

4.

Что слава?—Запоздавый громъ,
Скелеть украшенный вѣнцами.

5.

Что совѣсть?—Мѣриво души,
Незванный гость въ ночной тиши.

6.

Сомнѣнье?—Не по силамъ щиптъ,
Не охраняя бременищъ.

7.

Любовь?—Смѣшныя существа,
Два какъ одинъ, одинъ какъ два.

8.

Что лесъ?—Неявственный акордъ,
Подъ Ангельской личиной чортъ.

9.

Что сила?—Слабыхъ бей съ плеча!
Железный силогизмъ меча.

Житель Парголова.

1831.

Юля 30 днл.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Н О С Т Ъ.

(Французскій Анекдотъ.)

... Коляска моя оспановилась у одной, по наружности, довольно бѣдной гостинницы. У воротъ оной стоялъ человекъ, окруженный большою толпою крестьянъ и мальчишекъ: всѣ они хохотали во все горло, указали и кидали въ него чѣмъ попало; хотя они не причиняли ему вреда; но его положеніе тѣмъ не менѣе было непріятно. Наскучивъ шерпѣшь подобія насмѣшки, несчастный выдрался изъ толпы и сѣлъ на каменную скамью, подле гостинницы. Закрывъ лице

обѣими руками, онъ предался совершенному ошчаянію.

Крестьяне, оспервенившись еще болѣе, схватили его и снова начали указъ. Тушь шерпѣние мое испощилось; я выскочилъ изъ коляски и пошелъ къ незнакомцу. При видѣ пробѣжаго господина, вышедшаго изъ почтоваго рыдвана, толпа пересмала шумѣть. Грозный знакъ мой, поддержанный рѣзкимъ ударомъ поспильонова бича, заставилъ наглецовъ разбѣжаться.

Подойдя къ незнакомцу, котораго былъ довольно хорошо одѣтъ и казался порядочнымъ человекомъ, я поклонился ему и спросилъ: «Милостивый Государь, могу ли знашь, что было причиною сихъ насмѣшекъ, и не имѣете ли нужды въ моей помощи, чтобы освободиться отъ нихъ?»

Онъ ошвѣчалъ мнѣ, не поднимая головы: «къ подобнымъ встрѣчамъ мнѣ давно пора бы привыкнуть. Предметъ насмѣшекъ этой черни, причину, которая столько разъ вынуждала меня выльзани изъ почтовой кареты и оспаваться на дорогѣ, тогда, какъ дѣла мои непременно требовали скорой ѣзды, словомъ источникъ всѣхъ моихъ несчастій, вы тотчасъ узнаете; споймъ только вамъ взглянуть на меня.»

При сихъ словахъ онъ ошкрылъ лице и толпа снова заукала въ одинъ голосъ, осылая незнакомца язвительными насмѣшками.

Я ошполбенѣлъ отъ удивленія; бывають иногда странные носы; но шакого длиннаго, какой имѣлъ незнакомецъ, невозможно нигдѣ видѣшь. Вообразите себѣ, что онъ закрывалъ не только часть лица, рошъ, но, не шущя говорю, равнялся съ подбородкомъ.

Когда прошло мое удивленіе и мнѣ удалось преодолѣшь невольный смѣхъ, я предложилъ незнакомцу мѣсто въ своей коляскѣ, если онъ ошправляеица, также какъ и я, въ Парижъ.

Едва успѣлъ я сказать это, какъ онъ схватилъ свой чемоданъ, лежавшій у ногъ его и въ мигъ очутился у дверецъ коляски, держа въ рукъ шляпу. Довольно странно было видѣшь въ немъ борьбу вѣжливости, которая запрещала ему сѣсть прежде меня, съ желаніемъ скорѣе избавиться отъ преслѣдованія насмѣшниковъ, желаніемъ, копо-

рое сильно подспёркало его кинулся въ коляску.

Наконецъ мы уѣли, и коляска поскакала. Дорогою около 7 или 8 минулъ мы хранили молчаніе. Человѣкъ съ уродливымъ носомъ первый прервалъ его.

«Милостивый Государь, сказалъ онъ, я не пахочу словъ изъяснить вамъ мою признательность! Учасіе, которое вы во мнѣ приняли, шѣмъ для меня чувствительнѣе, что я никогда не возбуждалъ въ другихъ подобнаго. Природа сдѣлала меня посмѣшищемъ, вримолвилъ онъ, отворотясь въ сторону, какъ бы желая скрыть свой огромный носъ, и сколько я ни достоинъ сожалѣнія, но меня вездѣ встрѣчаютъ насмѣшками. Можно ли сжалились надъ несчастіемъ подѣ такою безобразною формою, которая производить только смѣхъ?»

«Не стану говорить вамъ о преслѣдованіяхъ, претерпѣнныхъ мною съ шѣхъ поръ, какъ я началъ себя чувствовать, до выхода моего изъ Училища... Увы! при самомъ вступленіи въ свѣтъ, я узналъ, что мнѣ должно отказаться отъ правъ своихъ и равнодушно переносить униженіе.

«Вопшъ что случилось со мною: однажды я прогуливался за городомъ; со мною встрѣтились прое молодыхъ Офицеровъ, которые, при видѣ моемъ, помирали со смѣху; а я вадрывался съ досады. Между шѣмъ, я продолжалъ идти своею дорогою, едва удерживая гнѣвъ свой; пальцы мои невольно сжимались въ кулакъ и сердце кипѣло мщеніемъ. Одинъ изъ шалуновъ хотѣлъ опличиться, и подоидя ко мнѣ, сдѣлалъ мнѣ какую-то несшерпную грубость. Онъ получилъ за шо поновѣсную пощечину. . . . Черезъ полчаса потомъ мы дрались съ нимъ на шпагахъ и я закололъ своего прошивника!»

«Несчастный Подпоручикъ принадлежалъ къ богатой и сильной фамиліи, которая кипѣла мщеніемъ за смерть единственной опрасли и наслѣдника славнаго имени; мнѣ оставалось бѣжати изъ опечесства, и я удалился въ Римъ.

«Закупанный въ широкій плащъ, въ картузѣ съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, нахлобученнымъ на глаза, я могъ свободно

выходить по вечерамъ и даже иногда днемъ. Такъ удалось мнѣ осмотрѣть Римъ съ его памятниками и развалинами. Будучи спокоенъ, безвѣшенъ, избавившись наконецъ отъ злыхъ насмѣшекъ, я наслаждался блаженствомъ, о которомъ прежде не имѣлъ никакого понятія. Судьба, казалось, уснула гнашь меня, и эшой безпечности ея, безъ сомнѣній, обязанъ я любовнымъ приключеніемъ, о которомъ теперь расскажу вамъ.

«Я замѣнилъ въ церкви св. Петра, куда я часто ходилъ слушать музыку, рѣдкой красоны молодую дѣвушку. Мало по малу, видѣшь Лауретту (такъ называла мать ее, которая всегда была съ нею) сдѣлалось для меня необходимою пошребностию.

«Каждый вечеръ, когда она стояла въ церкви на колѣняхъ, я былъ подлѣ ея, разсмапривалъ ее упоенный любовію и счашіемъ.

«Пользуясь сими частыми и безмолвными свиданіями, я спрастно влюбился въ сіе прелестное существо. При выходѣ изъ церкви въ полнѣ я успѣлъ всунуть ей записку, и на другой день получилъ отвѣтъ, который не совсѣмъ истреблялъ мою надежду.

«Эшо продолжалось цѣлый мѣсяць.

«Нечувствительна письма молодой дѣвушки становились опкровеннѣе и нѣжнѣе; наконецъ, она позволила мнѣ съ нею видѣться.

«Ахъ, сударь, вы не можете вообразить, какъ я былъ счастливъ, услышавъ въ первый разъ прогашельный привѣтъ моей любовной, чувствуя препепаніе руки ея въ моей; когда меня, который доподѣ былъ предметомъ злыхъ насмѣшекъ и опвращенія, называли нѣжными именами, когда милая дѣвушка показывала мнѣ самые сильные доказательства любви!

«Лауретта была бѣдна; я предложилъ жениться на ней; она приняла эшо съ восшоргомъ. Я говорилъ ей о своемъ безобразіи; она клялась, что чувствѣ ея ко мнѣ ничто не переменитъ. И пакъ рѣшено, чтообы я на другой день упроемъ явился къ ея матери просить руки дочери ея. Я вышелъ счастливейшимъ человѣкомъ изъ ея шемной комнаты, гдѣ она принимала меня; какъ вдругъ фонарь служителя освѣшилъ лице мое. Лау-

решила обомлѣла увидѣвъ меня, и на другой день, когда я пришелъ къ ея матери, узналъ я, что она вмѣстѣ съ дочерью уѣхала въ деревню, откуда возвратились не прежде осени. Тогда-то почувствовалъ я во всей силѣ свое несчастіе, и рѣшился оставить мѣста, которыхъ содѣлались для меня несносными.»

Разсказъ бѣдняка пронулъ меня до слезъ; мнѣ живо представилась горестная участь сего несчастнаго, который такимъ образомъ утратилъ первую и послѣднюю привязанность, какую онъ могъ внушить къ себѣ. Но я машинально обратился глаза на чудный его носъ, и по непонятной странности человеческой природы, не могъ не улыбнуться: видъ его много ослабилъ во мнѣ чувство состраданія, хотя и не совсѣмъ испребилъ оное.

Спутникъ мой продолжалъ разсказывать мнѣ о дальнѣйшихъ своихъ приключеніяхъ, изъ которыхъ я узналъ, что всѣ несчастія его происходили отъ бѣдсивеннаго носа. Въ сіе время, сильная фамилія, его преслѣдовавшая, забыла о немъ. Онъ могъ безопасно возвратиться во Францію и заняться торговыми дѣлами; но ни одинъ купецъ не въ силахъ былъ равнодушно говорить съ нимъ; странное лице его имѣло всегда вредное вліяніе на его предпріятія, не смотря на его смѣлливость и хорошія способности къ торговымъ оборотамъ.

Однимъ словомъ, онъ лишился всего имѣнія и принужденъ былъ наняться въ прикащики къ одному купцу, которому онъ рекомендованъ былъ однимъ изъ приятелей отца его.

На сей конецъ, онъ отправился въ дилижансъ. Вмѣстѣ съ нимъ сидѣло пять путешественниковъ прикащиковъ, которые по привычкѣ своей острелили на счетъ его; досаждали ему такими несносными шутками и оскорбленіями, что онъ поперевъ перпѣніе, вызвалъ одного изъ нихъ на поединокъ. Это еще болѣе раздражило шалуновъ; насмѣшки и обиды увеличились; послѣдній, законодавецъ сего подвижнаго царства, не хотѣлъ прекратить ихъ, разсудивъ, что молодые весельчаки ни въ чемъ не виноваты,

и что въ самомъ дѣлѣ нельзя было взглянуть на носъ храбреца, не померевъ со смѣху.

Несчастный долженъ былъ выйти изъ дилижанса. Поступокъ сей, какъ мы видѣли, подвергнулъ его новымъ гоненіямъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, спутникъ мой принесъ мнѣ живѣйшую благодарность, и распался со мною обвернувъ лице плащомъ.

Спустя потомъ при мѣсяца я встрѣтилъ его въ крайнемъ положеніи; онъ былъ безъ мѣста. Жена того купца, который принялъ его къ себѣ въ прикащики, была беременна; она опасалась вредныхъ послѣдствій для своего младенца при видѣ огромнаго носа новаго прикащика своего мужа; бѣднякъ пощасъ сосланъ былъ со двора.

Ф О Р Т Е П І А Н О.

Изъ всѣхъ роскошныхъ мебели, оставалось у несчастной одно фортепіано! Онъ измѣнилъ ей, разорился и оклеветалъ ее; наносилъ ей всѣ возможныя оскорбленія; быть можетъ, она претерпѣвала отъ него лобои, быть можетъ... Но она все скрывала, и тѣ, которыя полагаютъ въ гробъ бездыханную, почтунгъ признаками разрушенія синіе пятна на ея тѣлѣ, бѣлѣйшемъ снѣга и нѣжныѣ апласа, оставленные постыдною спрасью его.

И она любила, обожала его: онъ былъ игрокъ... Сына ихъ уже не было въ живыхъ.— Мать приближалась къ гробу.— Жоржъ находилъ ее дурною, изсохшею...— Она была для него то же, что старомодное, изъѣденное молью платье, которое въ холодное время, носятъ подъ плащомъ... Вотъ все.

Иногда, въ мѣсяцъ разъ, онъ кидался передъ нею на колѣни и горько плакалъ, подобно ребенку, который проситъ пощады... Это была исповѣдь игрока; вы знаете, какъ любите прощать женщина!—

За тѣмъ-то она любила, обожала его, да же тогда...

Вотъ что заставляло ее переносить горе и нужду.

Единственнымъ средствомъ къ развлеченію, однимъ утѣшеніемъ оспавалось ей фортепіано.

Она играла бѣгло и съ чувствомъ; нерѣдко она услаждала скорбь и спраданія свои сладкими мелодіями, которыя напоминали ей о первыхъ счастливыхъ дняхъ супружества.

Однажды, послѣ обѣда, разыгрывая на фортепіано прелестный романсъ Доктора Арна:

Шуми, шуми пустынный вѣтръ!

(Blow, blow, thou bitter wind!)

она попыталась пропѣшь нѣсколько куплетовъ; ибо у нее былъ необыкновенно пріятный голосъ и искусиво владѣшь онымъ. Но слова пѣсни, казалось, заглушали звуки и стѣсняли сердце ея. Но слова какъ будто напоминали ей о горестномъ ея положеніи; они казались опголоскомъ мученій, перзавшихъ ея сердце, и горячія слезы капались по блѣднымъ, изсохшимъ ея ланитамъ; какъ вдругъ съ шумомъ вбѣжалъ въ комнату мужъ ея. Не снимая шляпы и не обращая вниманія на жену, онъ сѣлъ передъ каминномъ; потомъ, помолчавъ нѣсколько минушь, пока она кончила послѣдній куплетъ, онъ сказалъ:

— Г-жа Т***!

— «Что, Жоржъ?» отвѣчала она робкимъ голосомъ.

— Мнѣ надобно продать твое фортепіано! Да, непременно надобно!

— «Для чего?» возразила она; потомъ испустила тяжкой вздохъ, устремила изумленный взоръ на своего мужа: «Жоржъ! не ужели ты въ такой крайности? Нѣтъ, это невозможно!»

— Жизнь моя зависить отъ этой жершвы, сударыня!— Я не стану терять времени въ пустыхъ объясненіяхъ, тогда, какъ намъ нечемъ продлить жизнь свою до завтра.

— «Проси мнѣ, Жоржъ, проси мой другъ;... но я не въ силахъ расстаться съ своимъ фортепіаномъ.»

— Вспѣ еще; могу ли узнать причину? Я говорю, что надобно продать его.

— «Ты хочешь знать причину, Жоржъ? Оно подарено мнѣ милою матерью.»

Она залилась слезамъ.

— Пустое, сударыня, ... этого нельзя отвратить. Фортепіано не можетъ оспаваться здѣсь. Припомъ, проклятые звуки его безпрестанно раздаются въ цѣломъ домѣ; они мнѣ надобли. . . Это наводитъ на меня тоску, уныніе. . . Да, сударыня, у васъ спрванное приспособіе къ этой плаксивой музыкѣ!—

И все это сказано было сухо, суровымъ голосомъ.

— «Если такъ, Жоржъ, то я стану играть однѣ свои любимыя ноты. Прикажи сыграть мнѣ, что ты хочешь!» прибавила она вставъ и подходя къ нему.

— Съиграй прощальную пѣсенку своему фортепіано. . . . ибо скоро его здѣсь не будетъ.

— «Милой Жоржъ, оставь мнѣ его, оставь еще на нѣсколько времени.»

Она хопѣла взять его за руки, и смотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ.

— Садись за свое фортепіано, и играй все, что тебѣ угодно, пока я возвращусь.

Онъ вышелъ изъ комнаты, и не прошло часа, какъ явился опять, — о неслыханная, невѣроятная безчувственность! — Онъ возвратился съ продавцемъ мебели; фортепіано было спорговано за 15 фун. стер. (480 франковъ) и взято на другой день упромъ, когда Жанета еще не просыпалась.

Жоржу нужно было заплачивать проклятые долги, долги своей любовницы. . . .

(Изъ Blackwood's Magazine.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КАРТЫ.

Меня бѣсенокъ свѣтскій бѣсиль!

Когда разсудокъ спрасити вѣвѣсиль?

Куда какъ люди хороши!

Святыня чувствъ ихъ обнищала,

И скука карты имъ послала

Какъ бальзамъ черешвой ихъ души.

Куда ни глянь—чершенокъ гибкой

Уже проползъ и руку жмешь,

И, съ отвратительной улыбкой,

Мѣлокъ и карты подаетъ.

Трилуний.

C H A R A D E.

Quelle mince valeur présente mon premier!

Pourtant un Harpagon, sans se faire prier

Et mille et mille fois, ne s'en dessaisit guère

Pour secourir le pauvre; il travaille au contraire,

Sans relâche et sans fin, à le multiplier

Pour grossir le trésor, qu'avec soin il enterre.

Rongé par les chagrins, défiant, ombrageux,

Tremblant au moindre bruit, mon dernier, ni les jeux

A ses noirs terreurs ne peuvent le soustraire.

Mon tout, vif, rémuant, dont l'allure légère,

Ne saurait le trahir, se met-il à crier,

Ce petit bruit aigu suffit pour l'éffrayer.

Vu dans un autre sens, pris d'une autre manière,

Mon tout montre parfois que l'on va s'égayer:

En voilà bien assez pour le mettre en lumière.

Въ № 64, помѣщенная шарада значить: *Рей-да.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОЛВЫ.

(№ 29, 1831 года.)

Литературное недоумьнiе.

На дняхъ, Издапедю *Московского Телеграфа* вздумалось увѣдомить своихъ читателей, что онъ, говоря по совѣсти (!!!), находить въ *Димитрии Самозванцѣ* больше сущности (!), больше существенности (?), нежели въ *Юрии Милославскомъ* (М. Т. N. 8. с. 539). Не имѣя и не желая имѣть никакого дѣла съ совѣстiю почтеннаго Издапедя, мы охотнобъ пропустили безъ вниманiя эпо добросовѣстное признанiе, для спокойнаго приобщенiя къ прочимъ таковымъ же: но дальнѣйшiя объясненiя, на которыя онъ, по извѣстной своей искренности, не поспешилъ, подали намъ поводъ къ важному недоумьнiю, которое скрыть про себя мы не смѣемъ и не можемъ. Вопрь собственныя слова *Телеграфа*, въ коихъ излагаются причины успѣха *Юрия Милославскаго*:

«Мы еще не отдали себѣ отчета въ хвастливомъ патриотизмѣ нашемъ, и, какъ дѣти, спѣшимся нашею славою, нашимъ превосходствомъ предъ всеми народами въ мiрѣ. Эпоха 1612 года есть одинъ изъ главныхъ

«коньковъ нашего народнаго самолюбiя. До сихъ поръ она не описана еще въ нашей Исторiи надлежащимъ образомъ. Воображенiе дѣтпей любить блестящiя бездѣлки. Въ «взнесенiи Россiи въ 1612 году, мы все еще «видимъ какое-то чудо, и не накричимся объ «эпомъ чудѣ, не нахвалимся пѣмъ, что мы «тогда сдѣлали. Не мѣсто здѣсь излагать «сущность тогдашнихъ событiй, не мѣсто «и доказывать, что истинное понятiе объ «онихъ предшавишь идею, гораздо болѣе «величественную, нежели та, какую мы можемъ получить объ нихъ изъ *лѣтописи о «жытежахъ*. Но пока истина убѣдитъ умъ, «колокольчикъ народнаго самохвальства и бо- «гапырства долженъ нравиться. И *Юрий «Милославскiй* звонилъ въ эпохѣ колоколь- «чикъ изъ всѣхъ силъ.» (М. Т. № 8. с. 539, 540).

Мы Русскiе ни сколько не оскорбляемъ пѣмъ, что Издапедь *Московского Телеграфа*, улучивъ благопрiятный случай, называетъ насъ дѣтьми, коихъ тѣшитъ слава опечесства, какъ блестящiя бездѣлки, какъ звонъ колокольчика. Пусть онъ издѣвается, сколько хочетъ: мы торжественно признаемъ сами себя дѣтьми въ отношенiи къ нашему опечесствию. Мать свѣлая Русь будетъ всегда для насъ матерью. Мы, какъ дѣти, любимъ ее, какъ дѣти, радуемъ ея счастiю, какъ дѣти тѣшимся ея славою, безусловно и безопчечно. Скажемъ болѣе: мы гордимся эшимъ дѣтствомъ и—не дай Богъ намъ никогда изъ него выросшь! Эпоха 1612 года есть почно одинъ изъ главныхъ коньковъ нашего народнаго самолюбiя—и дай Богъ намъ никогда его не извѣдинъ! Великое дѣло из- бавленiя Россiи, силою вѣры и вѣрности, есть и будетъ для насъ чудомъ—и мы никогда не уснанемъ кричать о немъ съ дѣтскими воспоргомъ, никогда не нахвалимся тѣмъ, что мы тогда сдѣлали, не наговоримся о крѣпости Русской груди, не набуемъ швердостiю Русскаго духа—съ дѣтскими хвастовствомъ и самохвальствомъ! Не боясь шутокъ и насмѣшекъ *Телеграфа*, мы всегда будемъ проходить съ дѣтскою гордостью мимо величественныхъ изображенiй *Минина* и *Пожарскаго*, дивныхъ предшавителей сей дивной эпохи; съ дѣтскими

одушевленіемъ, будемъ воспоминашь ихъ великіе подвиги; съ *дѣтскими* соревнованіемъ будемъ спремиться по священнымъ слѣдамъ ихъ. Пускай *звонятъ* намъ объ нихъ чаще и громче; эпимъ *звономъ* мы не успанемъ *дѣтски тѣшитъ*ся, пока будемъ биться въ насъ Русское сердце, пока будемъ звать мы Русскимъ именемъ! . .

Но не спыдаясь бышь *дѣтми*, въ глазахъ Издашеля *Московскаго Телеграфа*, по нашимъ чувствованіямъ, мы не поперпимъ, чпобы онъ хвалился понятиями *болѣе истиннымъ* и о величій нашего опечества. По его словамъ эпоха 1612 года *не описана еще въ нашей Исторіи надлежащимъ образомъ*, и истинное понятіе о *тогдашнихъ событіяхъ представитъ* идею гораздо болѣе величественную, нежели та, которую *можемъ мы получить* объ нихъ изъ летописи о мятежахъ. И пакъ мы до сихъ поръ имѣемъ объ эпохѣ эпохъ *ложное понятіе*? Но—въ *Летописи о мятежахъ*, незабвенный 1612 годъ изображаеися, какъ блистательное шоржество вѣры и вѣрности Русской, съ непоколебимымъ мужествомъ опспоявшей опъ нашествія враговъ православную Церковь и сохранившей пресполю Царей опъ насильственнаго, похищенія, среди мятежей внушренихъ и крамоль внѣшнихъ. Оно кончилось побѣдою чести надъ измѣною; порядка надъ буйствомъ, спасительной законной власни надъ гибельнымъ безначаліемъ или лучше самоначаліемъ: оно успокоило Россію подъ благодатною сѣнію державнаго Дома Романовыхъ. Точно пакъ же представлена эта эпоха и въ *Юріи Милославскомъ*: почно пакъ и всѣ мы Русскіе ее понимали, понимаемъ и понимашь будемъ. Но это понятіе, Издашель *Московскаго Телеграфа*, объявляетъ *неистиннымъ*: спало бышь — другое пропивоположное понятіе истинно! Какоежъ это понятіе? о которомъ Издашель *Московскаго Телеграфа* увѣряетъ, что оно должно *представитъ идею* гораздо болѣе величественную! . . Недоумѣваемъ! . . По его словамъ, въ *Телеграфѣ* было *не мѣсто излагать сущность тогдашнихъ событий* (с. 540). Но если шамъ *нашлось мѣсто*, чпобы осмѣять всѣхъ насъ Русскихъ, какъ *дѣтей*, и попрекууть *хвастливымъ патриотизмомъ*; то

мы пребуемъ, чпобы онъ опдѣлилъ нѣсколькo спрокъ на это важное *изложеніе*. Требуемъ *наспояшительно!* Пусть онъ, *мужъ взрослый*, вразумитъ насъ *дѣтей*: какую другую, болѣе величественную идею, должно *представлятъ* намъ освобожденіе Россіи опъ ига Польскаго, кромѣ одной—всѣмъ извѣстной—идеи о всепобѣждающемъ могуществѣ вѣры и вѣрности къ пресполу нашихъ Царей, коихъ Россія была тогда святылицемъ! Пусть онъ выразится ясно и понятно! Повпоряемъ, чпю мы пребуемъ того *наспояшительно!* Молчаніе не укроешь его: мы опъ него не опспанемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ намъ опвѣта! .

MODES.

Coiffures.—Une large couronne peu haute, une rangée de boucles très-crêpées, ne sortant que de l'extrémité au-dessus de la couronne.—Deux touffes de papillottes.—Cette coiffure est une des plus jolies qui se fasse en négligé.

Nous avons vu de chez madame Lepetit, rue Grange-Batelière, n° 2, un chapeau de moiré bleue, qui, par derrière, au lieu d'un bavolet, avait un très-grand nœud, composé de quatre coques et deux bouts.—Il s'étendait assez pour garnir tout le derrière du chapeau, dont le bord était peu saillant; il avait sur le côté une touffe de plumes bleues, panachées en bleu plus foncé, mêlées à des rubans de gaze de l'effet le plus gracieux.

Jusqu'à ce que la mode exclusive des plumes se passe un peu, nous n'aurons rien de nouveau à dire. Les plumes sont tout ce qui se porte le plus.

Robes.—Les châles pour les robes décolletées ont beaucoup de variétés.—Ils sont infiniment gracieux, et sièent fort bien à la taille, qu'ils élargissent, en lui donant de l'élégance.

Lingerie.—De jolies pèlerines sont rondes derrière, à pans par devant, ne passant la ceinture que de quelques pouces, venant à l'épaule sous la couture; la seconde pèlerine fait col.—Elles s'attachent par deux pattes larges comme un ruban.—Elles sont fort bien en tulle brodé, imitation de dentelle.

Des tabliers de batiste unie, ou jaconas de même couleur, se brodent tout autour en laine de couleur, et à la fente des poches.—Les premiers que nous ayons vus venaient de la *Balayeuse*, boulevard des Italiens.

Service de table.—Les couteaux répondent à l'argentière, qui est moulée en relief.— Ils doivent avoir les viroles -et les sabots à moulures en bosse.— Dessins gothiques.

D'autres assez extraordinaires sont en agathe rouge ou brun.— Le manche ne doit avoir aucune monture.

Sur les manches d'ivoire, au lieu d'un écusson d'argent, il est beaucoup plus élégant de faire graver le chiffre ou les armes en noir, sur l'ivoire même.

М О Д Ы.

Головные уборы.—Широкая, но не высокая корона изъ волосъ, въ срединѣ букли очень взбишья, концы коихъ немного возвышаются надъ короною.— Два кусника локоновъ.— Это одна изъ красивѣйшихъ причесокъ за просто.

Мы видѣли у Г-жи *Lepetit*, въ улицѣ *Grange-Batelière*, шляпку изъ голубаго море, у кошорой сзади, вмѣсто баволета, весьма большой бантъ, изъ четырехъ перель и двухъ концевъ. Онъ прикрывалъ весь задъ шляпки; поле не очень длинно; на споронѣ букешъ голубыхъ перьевъ, въ концамъ шемнѣ, щеголеваню перемѣшанныхъ съ газовыми лентами.

До сихъ поръ исключительно въ модѣ перья.— Мы не можемъ сказать ничего новаго.— Всего болѣе носятъ перья.

Платье.— Шали у открытыхъ платьевъ весьма разнообразны.— Онѣ очень щеголеваны и украшаютъ шалию, придавая ей ловкость.

Блѣзѣ.— Дѣлаютъ красивыя пелеринки, сзади округленныя, спереди съ концами, которые выпущены изъ подъ пояса, на нѣсколько дюймовъ, на плечахъ до шва; впорая пелеринка составляетъ ворошникъ.— Онѣ завязываются двумя лопостями въ ширину ленты.— Пелеринки сии весьма красивы изъ тюля вышитыя въ приборъ.

Передники изъ гладкаго батиста или жаконета такого же цвѣта, вышиваются во кругъ и около кармановъ, цвѣтными гарусомъ.— Первые, кошорые мы видѣли, были дѣланы у *Balayeuse*, на Итальянскомъ бульварѣ.

Столовые приборы.— Ножи дѣлаютъ совершенно прочему серебру.— Колечки и украшения на черенкахъ возвышенной формы, рельефомъ, — съ готическими узорами.

Еще дѣлаютъ довольно необыкновенные, изъ агата краснаго съ чернымъ.— Черенки безъ всякаго украшения.

На черенкахъ изъ слоновой кости несравненно красивѣе, вмѣсто серебрянаго герба, вырѣзывать шифръ или гербъ черню даже и на черенкахъ изъ слоновой кости.

С М Ъ С Ъ.

— Одинъ Англійскій Пасторъ, который каждое Воскресенье проповѣдывалъ въ Винчестерской Эпархїи, недавно подвергнулся жалобамъ, принесеннымъ на него прихожанами, въ томъ, что проповѣди его продолжаются не долѣе четверти часа. Епископъ приказалъ ему приготовлять проповѣди длиннѣе. Въ первое послѣ того Воскресенье, послушный Пасторъ проповѣдывалъ два часа, и заспавилъ самыхъ набожныхъ своихъ слушателей звать отъ скуки. Недѣлю спустя потомъ, когда всѣ прихожане собрались въ церковь, онъ заперъ церковныя двери, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ, не шораясь взомель на кафедру и предварилъ своихъ слушателей, что проповѣдь его продолжится при часа; онъ сдержалъ слово. Говорятъ, что это выудило прихожанъ просить его, чтобы онъ обратился къ прежней своей мешодѣ.

Часто отвергаемъ мы съ величайшимъ презрѣніемъ истинныя уптѣхи жизни — и бѣжимъ за суетнымъ дымомъ славы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходивъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 73.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкою и пересылкою 85 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 12 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Тотъ вѣрно спалъ умѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

С П Л Е Т Н И.

Глава вторая.

Въ 1803 году средній братъ мой Алексѣй женился на дочери ...аго Дворянскаго Предводителя *Дуралеймонова* и, не желая разлучить жену свою съ родителями, намѣревался провести зиму въ губернскомъ городѣ. Онъ нанялъ большой, прекрасный домъ Камергера *Шацкаго*. Но человекъ предполагалъ, а Богъ располагаетъ. Рѣзвая моя невестка, прыгнувъ неосторожно въ карету на неапральномъ подъѣздѣ, поскользнулась, упала — и по прѣздѣ домой, несчастно родила мертвого младенца. Она медленно оправдалась отъ своей болѣзни, а врачевнаго пособія ожидать было невозможно; ибо весь Медицинскій факультетъ составляли знакомые уже читателямъ сихъ листовъ: Инспекторъ врачевной управы *Пурганецъ*, 76-лѣтній старикъ, трясучка отъ старости, едва передвигавшій ноги и забывавшій собственное свое имя; *Ревенёвъ*, Акушеръ, бывшій 25 лѣтъ полковымъ цирюльникомъ, и вольнопрактиковавшій Лекаръ *Фальковъ*, который былъ извѣстенъ въ городѣ шѣмъ, что при переходѣ изъ Семинаріи въ Медико-Хирургическую Академію, нашелъ неблагопрістойнымъ носить Русскую фамилію *Сололова*, а перевелъ себя на Латинскій языкъ;

что прописывалъ рецепты въ аршинъ длиною и заставлялъ своихъ пациентовъ выпивать по ведру микстуры. Братъ мой, страстно любившій свою пригоженькую жёночку, рѣшился везти её въ Москву. За недѣлю до его отъѣзда, я прѣехалъ изъ Пензенской деревни, остановился у брата и по отъѣздѣ его, остался полнымъ хозяиномъ его на годъ нанятой квартиры. Я помѣстился въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, окнами на дворъ, а зала, столовая, двѣ гостиныя, диванная, спальня, кабинетъ брата, уборная жены его, и еще пять-шесть комнатъ оставались пусты. Надобно знать, что хотя благодѣтельными указами запрещены были азартныя игры, но сіи указы существовали на бумагѣ — и никогда въ богоспасаемомъ градѣ нашемъ не исполнялись. И возможно ли было исполнить ихъ тамъ, гдѣ въ кабинетѣ у Градоправителя, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, начинали мешать банкъ и шпосъ, и гдѣ самъ онъ поншировалъ въ то время, когда Секретарь читалъ ему дѣла уголовныя?

Какъ важныя къ пшену стремятся голубицы, такъ къ намъ съѣхались записные картёжники изъ Вѣны, Варшавы, Москвы и Петербурга — и учредили у насъ въ городѣ разбойничьи свои припоны. Свѣдавъ, что у меня пустопорожній домъ, сіи искатели фортуны прислали ко мнѣ депутатовъ: *Сорвиголдвина* и *Глухова-Вороватина* съ предложеніемъ ус-

шупишь имъ оный подѣ карпѣжную игру, оспавляя мнѣ мои двѣ комнашы. Я радъ былъ случаю выручить для брата деньги, понапрасну имъ за наёмъ заплаченныя. Они дали мнѣ задашокъ, нашли человѣка, который взялся, получая деньги за каршы, опаливашь и освѣщати весь домъ—и держашь для игроковъ чай, пуншь, вина и ужинъ. Сдѣлана между ними складка, куплены новые лѣмберные споды; посуда и бельѣ взяты на прокатъ—и назначены по Вторникамъ и Четвергамъ вечеринки.

Домъ Камергера *Шацкого* можетъ служить образцомъ всемъ помѣщичьимъ деревяннымъ хоромамъ. Входишь въ переднюю, попомъ въ продолговатую споловую съ Италіанскимъ окномъ, изъ неѣ семь дверей: одна прямо изъ дверей передней въ коридоръ, другая у окна—на лѣво въ кабинетъ хозяина, на право въ гостиную, изъ гостиной въ другую, изъ этой въ диванную и въ парадную спальню. Первая изъ двухъ оспальныхъ дверей ведетъ въ обширную залу съ крыльцомъ, балкономъ и сходомъ въ садъ; вторая въ комнашы для прѣзжающихъ на время и живущихъ въ домъ особъ мужескаго пола; третья въ низенькія горенки на антресоляхъ для дамъ и дѣвицъ.

Въ первый Четвергъ домъ сей освѣщенъ великолѣпно; у подъѣзда зажены два фонаря и, для торжественнаго открытія сего благодѣтельнаго заведенія, кромѣ пайки пуземныхъ, сполчныхъ и выписныхъ изъ заграницы банкомѣтовъ, играющихъ навѣрное, прибыли: нѣкоторые Чиновники и Офицеры полка у насъ квартировавшаго и вся городекая молодежь, поспавляющая себѣ за честь быть въ обществѣ съ первыми губернскими чиновниками. Раскрылись сполки, на каждый поспавовлено по 4 восковыя свѣчи, поданы каршы, мѣль и щѣпочки—и началась игра...

А Саша въ поуха!!!

Я не рожденъ игрокомъ: пому доказательство, что я уже 25 лѣтъ не бралъ каршы въ руки, но тогда отъ скуки пригибая карпочки и, по просьбѣ Его Превосходительства, или Ея Сіятельства, входя въ долю, въ теченіе трехъ зимъ проигралъ до 10

тысячь рублей всеклями и деньгами. Другіе же молодые Помѣщики навѣкъ приспранились къ игрѣ и разстроили свое здоровье, добрую славу, наследственное достояніе. Но не о томъ рѣчь. Храбрость, рѣшимость, зоркій глазъ, вѣрное соображеніе и умѣнье воспользоваться счастьемъ—и на зелѣномъ карпочномъ сполкѣ также пріятно видѣть, какъ на зелѣномъ полѣ сраженія. Понкшѣръ, который поспавивъ большой кушъ, не опгибаешь карпы своей до сепелева или кензелева—приводитъ въ восторгъ зрителя его подвиговъ. Вотъ почему я любилъ садиться возлѣ *Тадѣя Львовича Смирненскаго*, держкаго понкшѣра, отъ опчальныхъ нашасковъ котораго прещали сполысячные банки. Вотъ *Вышегородскій* сдѣлалъ 10 п. руб. банка; Камергеръ *Шацкій*, Князь *Лапотниковъ*, успились срывать оный—и мой карпѣжный герой—*Смирненской* приспалъ къ нимъ. Игра шла съ переменнымъ счастьемъ; ашакующіе, какъ сказать, рекогносцировали поле сраженія, желая сперва высмотрѣть слабый пунктъ, чтобы нанесъ рѣшительный ударъ непріятельскому кошельку. Между шаліями, Вице-Губернаторъ спросилъ у своего сосѣда Почтмейстера: «что не видашь вашего шурина *Китайкина*? здоровъ ли онъ?»—Спидно сказать, а грѣхъ утаишь передъ Вашимъ Превосходительствомъ: мой добрый, но несчастный родственникъ пѣтъ запоемъ. Передъ этимъ разомъ онъ крѣпилел около полугода. Въ день именинъ жены своей і Марта, выпилъ онъ за ея здоровье полрюмки цымлянскаго. Съ этой роковой минутой, вотъ уже четвертая недѣля, какъ онъ не ѣсть, не спитъ, а безпрестанно пѣтъ...и что же? простое кабацкое зелено вино.—«Жалокъ бѣднѣй, а еще жалче спрадалица жена его и дѣти!» вздохнулъ соспрадательный Вице-Губернаторъ—а за нимъ и все общество изявило искреннее свое сожалѣніе.—«Развѣ нѣтъ нѣкакого средства излечить его?» спросилъ *Смирненской*.—«Никакого!» печально отвѣчалъ Почтмейстеръ: «Въ здѣшней Семінаріи былъ опмѣнно хороший учишель Еврейскаго языка, Губернскій Секретарь *Элискій*. Неизвѣстно отъ чего сдѣлался онъ усерднымъ жрецомъ Бахуса и, на 28-мъ году

отъ роду, началъ пить запоемъ. Семинарское Правленіе, не имѣя къмъ вдругъ замѣнитъ его, шерпыло его; но спрогий Начальникъ, вновь опредѣленный изъ другой губерніи, вознамѣрился его исправить и, въ ту пору, когда у горемыки *Эллинскаго* былъ запой въ самомъ сильномъ градусѣ, онъ приказалъ запереть его въ особой комнаѣ и не давать ему ничего хмѣльнаго. На другой день онъ самъ посѣтилъ больного и, съ участіемъ и краснорѣчиво, увѣщавалъ его воздержаться отъ столь гибельной, столь унижительной для образованнаго чловѣка страсти. «Все это прекрасно!» возразилъ больной: «Но велите мнѣ дать вина, я умираю!»—Крѣпись, любезный другъ, прошивоспанъ мужеспенно кознямъ діавола; увѣщавалъ его Начальникъ—и удался. Спустя нѣсколько часовъ послѣ сего разговора, *Эллинскій* умеръ. Принимая, и по родству и по чловѣчеству, живое участіе въ бѣдспвенномъ положеніи моего шурина, я нашель было ему врача, начавшаго пользоваться его извѣстнымъ средствомъ, которое открылъ одинъ знаменитый врачъ и которое ему многократно удавалось на опыѣ. Онъ спалъ подсыпая порошокъ изъ виннаго камня въ хмѣльный напитокъ, даваемый ему во время запоя; но это произвело такую рвоту, копорую едва могъ остановить врачъ въ продолженіи прехъ недѣль, и такую слабость, отъ копорой больной чуѣ, чуѣ не кончилъ жизни.»— «Знаете ли, что запой часто оканчивается сумасшествіемъ?» подхватилъ вслушавшійся въ разговоры наши Полицейстеръ. «Вы всё знаете Капитана *Гусева*: рѣдко можно встрѣишь чловѣка столь пихаго нрава, столь хорошаго семьянина и хозяина; къ несчастью, онъ болѣнь запоемъ. Минувшимъ лѣтомъ онъ долго хворалъ; оправившись, цѣлые два дни копался въ своихъ шкафахъ, перерылъ всъ сундуки, перебралъ по листамъ всъ бумаги. Кончивъ эту работу, онъ, ни слова не сказавъ своимъ домашнимъ, одѣлся и—ни свѣтъ, ни заря, явился ко мнѣ. Я удивился его посѣщенію, и когда спросилъ о причинѣ онаго: то онъ съ важнымъ, панишвеннымъ видомъ объявилъ мнѣ, что у него вчера были два Полицейскіе офицера,

пересмотрѣли всъ его бумаги—и велѣли ему явиться ко мнѣ подъ арестъ. Долго старался я убѣдить его, что онъ ошибается, что я не имѣю на задержаніе его никакого предписанія: онъ спорилъ, и настаивалъ на своемъ. Наконецъ, я замѣпилъ въ немъ распроеспиво ума, и велѣлъ бывшему шущъ Квартальному Надзирашелю отвести его домой—и ошдашь подъ надзоръ женъ и маѣри.»— «Увѣряюшъ, что въ чужихъ краяхъ эша ужасная болѣзнь неизвѣстна; что ео бываютъ одержимы только люди, пьющіе хлѣбное вино;»—сказалъ почтенный Прокуроръ *Зиминъ*, сидѣвшій безъ всякаго дѣла возлѣ карточнаго споллика. «Сумазбродство ихъ есть слѣдствие раслабленія нервъ; умъ почти всегда возвращается къ нимъ вмѣстѣ съ позывомъ на пищу, съ возвращеніемъ силъ плѣлесныхъ. Но въ ту пору, когда они чрезвычайно раслабнуишь и начинаютъ пропрезвляться, воображеніе ихъ производить чудеса. Вы знаете, что прежде, нежели рѣшился въ другой разъ вступитъ въ службу, я долго жилъ въ Москвѣ, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ собственномъ домѣ, при копоромъ былъ прекрасный садъ и большіе оранжереи. Одинъ старинный мой знакомецъ, спраспный охотникъ до садоводства, переселился ко мнѣ во флигель и, правду сказать, далъ новую жизнь плодовитымъ деревьямъ и новую прелестъ оранжерейнымъ. Я не могъ нахвалиться его искусствомъ, его усердіемъ; не зналъ чѣмъ возблагодарить его, какъ вдругъ открылось, что онъ пѣеть запоемъ. Это меня огорчило, но не отвратило отъ моего друга-садовника. Я велѣлъ имѣть о немъ самое усердное попеченіе, а надзоръ за исполненіемъ сего поручилъ старой своей нянѣ, извѣстной мнѣ своимъ соспраданіемъ и искусствомъ ухаживать за больными. Когда онъ спалъ управляясь, то чрезвычайно посковалъ; его пускали прохаживаться, сперва по саду, а послѣ и по улицамъ. Въ одну изъ таковыхъ прогулокъ, померещилось ему, будто на Смоленскомъ рынкѣ встрѣишлся съ нимъ весьма ему знакомый садовникъ и уговорилъ его идти съ собою посмотрѣть новую оранжерею, имъ выпроенную. Долго продолжалось ихъ пѣшеходство; наконецъ,

они вошли въ калипку; хозяинъ опперъ оранжерею, провелъ по ней госпя, попомъ по высокой лѣшницѣ вверху въ шеплицу, — въ концѣ кошорой опять надлежало всходить вверху по лѣшницѣ. — «Куда ты завёл меня?» спросилъ госпя. — «Въ новую оранжерею!» — Тутъ госпя его, мой бѣдный садовникъ перекрестился — и очнулся. Умъ его встрепенулся, шуманъ упалъ съ глазъ его... и гдѣжь бы, полагаете вы, онъ находился?... У Серпуховской заставы, въ высокомъ развалившемся домѣ купца *Скрипицына*, стоялъ на князкѣ и — еслибъ шагнулъ впередъ: то разразился бы о каменную мостовую. — Съ нимъ же, въ другой разъ, случилось другое, не менѣе странное приключеніе, продолжалъ Прокуроръ: онъ, переспавъ уже плясшовавъ, лежалъ на постели, унылый и расслабленный. Вдругъ почудилось ему, что на дворъ взѣхала карета, что лакей Княгини *Ряжской* вошелъ къ нему и сказалъ, что Ея Сіятельство свидѣтельствуемъ ему свое почтеніе, и убедительно проситъ его пожаловать къ ней, посмотрѣвъ ея спо-лѣтніе померанцовые деревья, которые шестьдесятъ лѣтъ находятся на рукахъ у Русскихъ крѣпостныхъ ея садовниковъ, были веселы, цвѣли и приносили плоды, а теперь, по милости наняшаго за дорогую цѣну нѣмчурки зачахли. Княгиня изволила прислать за вами экипажъ, примолвилъ лакей. Пріятель мой наскоро одѣлся, вышелъ на подѣздъ, подвезена карета, лакей отворилъ её, посадилъ шуда сумазброда, хлопнулъ дверцами, закричалъ кучеру: *пошехъ!* — и лошади понеслись большою рысью. Выпившемуся изъ ума показалось, что они ѣхали болѣе часа; вдругъ карета оспановилась, слуга соскочилъ съ запяпокъ, отворилъ дверцы и сказалъ: «пріѣхали, сударь, извольте выходить!» — Тутъ, въ минуту опасности, воображеніе его застыло, и умъ и взоръ просвѣтлѣли... Онъ перекрестился — и увидѣлъ, что находишься за 10 верстъ отъ Москвы, въ селѣ Хорошевъ, стоишь надъ обрывистымъ берегомъ Москвы рѣки — и готовъ прыгнуть въ глубину.» — «Очень похожее на это, рассказывалъ мнѣ сосѣдъ мой по Сердобской деревнѣ, Под-

полковникъ *Богатырёвъ*» — подхватилъ *Глухой-Вороватинъ*: «онъ былъ человекъ образованный, воспитанный во вѣдомствѣ Кадетскомъ Корпусѣ при Графѣ Ангальтѣ, отличившійся на штурмахъ Очаковскомъ, Измаильскомъ и Пражскомъ, но къ несчастію, пьющій запоемъ. Ему часно съ перепоя мечтались небылицы въ лицахъ. Но два случая споль чудны, что я прошу у васъ, господа, дозволенія передать ихъ вамъ.» — Очень обяжете! очень одолжите! весьма пріятно! Вѣрно, что нибудь необыкновенно занимательное! раздалось вокругъ — и *Глухой-Вороватинъ* началъ: «пропозвизавшись отъ весьма продолжительнаго запоя, сосѣдъ мой не имѣлъ силъ встать съ постели. Это было осенью; поздно вечеромъ, онъ читалъ какой-то интересный романъ и — посмотрѣвъ на часы, кои показывали 11 часовъ и 7 минутъ, загасилъ свѣчу, но не заснулъ еще, какъ услышалъ стукъ кареты, подѣхавшей къ парадному крыльцу его. Вышедшая изъ нея особа вошла по лѣшницѣ въ переднюю, растворила дверь въ офиціантскую, спросила у людей: *домли баринъ?* И на отвѣтъ, что онъ нездоровъ и легъ уже спать, сказала повелительнымъ тономъ: *нужды нѣтъ, мы съ нимъ короткія пріятелья; онъ не осердится, если я разбужу его!* — И звучно зашагала, къ нему въ спальню; спальня освѣтилась... незваный посѣпшитель вступилъ въ неё, поклонился, сѣлъ на постелю — и вперилъ въ *Богатырёва* зелено-огненные глаза свои. Больной началъ пакже разсматривать его съ ногъ до головы, увидѣлъ, что онъ весь одѣтъ былъ въ красное, сверхъ фрака имѣлъ на себѣ красный, нѣсколько окороченный плуціомъ — поршнымъ плащъ — и безпрестанно закрывалъ лапами онаго свои ноги, копорыя, какъ замѣпилъ *Богатырёвъ*, были козлиныя. *Не испугались ли вы моего неожиданнаго посѣпшителя?* спросилъ онъ съ язвительною насмѣшкою. — «Нимало!» возразилъ хозяинъ; «глаза мои привыкли видѣть разныхъ чудищъ и уродовъ; они безпрестанно выпрыгивающъ изъ за печки, ломающъ, коверкающъ передо мною — и я помираю со смѣха, смотря на ихъ проказы.» — *Знаете ли вы, кто я?* — «Очень, вы Чёртъ!» — *Не имьете ли нужды*

въ моихъ услугахъ?» — «Никакой!» — Тупъ Чёрпъ поподчивалъ его табакомъ изъ золотой, бридлантами осыпанной табакерки; хозяинъ взялъ и поблагодарилъ его. — «Не желаете ли, на притѣрь, видѣть умершихъ вашихъ родителей, брата, котораго вы столь горячо любили, сестру, съ которою вы жили душа въ душу?» — «Не изъ чего наводить вамъ безпокойство;» — возразилъ хладнокровно *Богатырёвъ*: «мнѣ недолго жить на этомъ свѣдѣ остаётся, за гробомъ увидимся.» — *И такъ, прощайте!* — «Желаю благополучнаго пути!» — Чёрпъ всталъ, вѣжливо поклонился хозяину, улыбнулся такъ, что ротъ у него распоялся до ушей, прошель въ сѣни, сѣлъ въ карешу и помчался, вѣроятнo въ Парижъ, повидаться съ *Лафазтомъ*. Пріятель мой крѣпко дёрнулъ снурокъ колокольчика, и велѣлъ вбѣжавшему къ нему камердинеру принести огня. Онъ взглянулъ на часы и чрезъвычайно изумился, увидя, что они показываютъ 11 часовъ и 8 минутъ, и что вся церемонія съ красненькимъ Чёрпикомъ продолжалась одну минушу!!! Въ другой разъ, съ похмелья показалось *Богатырёву*, будто онъ прогуливаясь, встрѣтился съ прежнимъ своимъ сослуживцемъ, Генераломъ *Твердынинымъ*, который очень ему обрадовался, дружески разговаривалъ, общалъ бытъ у него, звалъ къ себѣ, рассказалъ, что онъ женатъ, нанимаетъ прекрасную кварширу, имѣетъ щегольской экипажъ и живётъ на богатой ногѣ; будто, спустя два дни, Генералъ прѣхалъ къ нему чепверней въ карешъ, убѣдительно звалъ къ себѣ на вечеръ, говоря, что у него балъ, и что жена его непременно хочетъ видѣть у себя спараго шоварица и друга своего мужа. *Богатырёвъ* одѣвается, садится въ карешу, прѣзжаетъ въ домъ богато-мѣблированный, щегольски убранный, освѣщенный, находить полную по модѣ разодѣтыхъ кавалеровъ и дамъ. Хозяинъ подводитъ его къ женѣ. . . Музыка заиграла . . . и Генералша, взявъ его за руку, открываетъ съ нимъ балъ Польскимъ. Дамы передаютъ его изъ рукъ въ руки. Напанцовавшись и уставъ, онъ удалется въ другую комнату: шамъ прилапачуютъ его игралъ въ фанты. Набрала дѣвѣй пдапокъ фавшовъ, попомъ нача-

ли разыгрывать: одному досталось мостить мостъ, другой стоять спатуею, третей продавать ленты, наконецъ, вынулъ фантъ, чпобы вѣтъ лезть на снѣны. Это показалося *Богатырёву* нѣсколько спраннымъ; однакожъ, подъ веселую музыку, всѣ госпи бросились на снѣны и спали по нимъ карабкашя къ потолку. Онъ и самъ, цѣпляясь руками и ногами, началъ, какъ паукъ вбираться вверхъ; но испугался—и перекрестился. . . Все исчезло: онъ увидѣлъ, что находится на тѣмномъ чердакѣ и вылезаетъ въ слуховое окно на улицу. . . Съ ужасомъ опспунилъ онъ, опыскалъ лѣспницу, спустился въ сѣни; на дворъ и въ домъ все было пусто; гнилыя окончины забины досками, полы провалились, шпукатурка осыпалась. Съ шрудомъ пролезъ онъ сквозъ полуразвалившійся заборъ—и очутился въ глухомъ, заросшемъ правую, переулкѣ. У первой будки спросилъ *Богатырёвъ*: какая это улица? и узналъ, что забрѣлъ въ одну изъ самыхъ опдаленныхъ частей города, и что домъ, изъ котораго онъ вышелъ—ни кѣмъ не обипаемъ. Возвращаясь къ себѣ, онъ освѣдомился, что пошелъ рано по утру прогуливаясь. Сосѣдъ мой кончилъ весьма худо: послѣ сильнаго запоя, онъ совсѣмъ потерялъ умъ; домашнѣ день и ночь сперегли его, однакожъ, однажды онъ вдругъ вскочилъ съ постели, такъ что никакъ не могли удержать его, опромешью побѣжалъ изъ дома и—бросился въ колодезь. Его вытащили съ переломленною ногою и раздробленнымъ плечомъ. Ему представилось, что у него въ домѣ пожаръ. Ногу ему связали въ лубки, плечо также, но прикинулся Антоновъ огонь, и мой жалкій сосѣдъ умеръ черезъ недѣлю послѣ операции.» — «Благодаря Бога, замѣнилъ Совѣстный Судья, такихъ пьяницъ спановипся у насъ на Руси меньше и меньше!» — «Этимъ обязаны мы премудрой Екашеринѣ, учредившей Народныя Училища!» прибавилъ Прокуроръ. — «Англичане пьютъ не меньше Русскихъ, сказали Вице-Губернаторъ; но не валяются по улицамъ, не выпиваются изъ ума, не опиваются. У нихъ пьютъ въ обществѣ пріятелей; у насъ тѣ, которые пьютъ запоемъ, пьютъ одни, запер-

шись въ своей комнатѣ.»—«Спанемъ надѣяшься, что просвѣщеніе испребитъ и пьянство и взятки!» замѣшилъ благородномыслящій Прокуроръ.—«Пусть шолько оставишь намъ карпы!» вскричали въ одинъ голосъ каршѣжники.

Тутъ пробило два часа за полночь — и я украдкою удалился въ свои комнаты.

А. Кораблнскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕВИДИМКА.

Дочь ГанOVERскаго помѣщика Графа Р. . . завела безразсудную связь съ однимъ молодымъ человѣкомъ, противъ воли своей фамиліи, и воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, скрылась вмѣстѣ съ предметомъ своей спрасни. Бывъ долгое время игрою обстоятельство въ на твердой землѣ, она рѣшилась переѣхать въ Англію. Безденежье задержало ихъ бѣглецовъ на нѣсколько недѣль въ Дуврѣ; и когда они получили пособіе, то обольстившій разсудилъ лучше одинъ возвратиться въ Германію, нежели сопровождать жену свою въ Лондонъ. И такъ онъ, тайно отъ нее, сѣлъ на первый пакетботъ. Новая Аріадна, рѣшась искать покровительства у ГанOVERскаго Посланника, отправилась одна въ Лондонъ, и пришла въ Канпербури въ самый развалъ ярмарки. Путешествуя пѣшкомъ, не трудно выбрать постоялый дворъ. Молодая Графиня случайно остановилась въ шрактирѣ, гдѣ расположился ночевать одинъ фокусникъ, показывавшій невидимку. Графиня была молода, прекрасна и имѣла шаланшы; она была безъ денегъ и умирала съ голоду. Напрошивъ шого фокусникъ былъ хитрый и зажимочный человѣкъ, который искалъ искуснаго оракула для показыванія своихъ штукъ. Завязались переговоры, и обѣ стороны были совершенно довольны предложенными взаимно условіями. Одинъ обѣщалъ другой отеческое покровительство и извѣстную часть доходовъ, а Графиня обѣщавалась говорить языкомъ безплодныхъ существъ на разныхъ Европейскихъ языкахъ.

Между тѣмъ два брата Графини, желая вырвать ее изъ рукъ обольстившела и возвратиться въ нѣдра своей фамиліи, оставили ГанOVERь. Они слѣдовали за нею по планамъ изъ города въ городъ, изъ Франціи въ Англію, пока наконецъ остановлены были въ Дуврѣ, гдѣ узнали, что она скрылась изъ сего города и находится въ бѣдственномъ состояніи. И такъ, они поперяли слѣдъ ея. Однакожь путешественники рѣшились продолжать свои поиски въ столицѣ, и нѣсколько мѣсяцовъ, они посѣщали самыя скрытныя и уединенныя мѣста города и предмецій. Все напрасно. Наконецъ, наскучивъ искомъ и не надѣясь успѣть въ своемъ намѣреніи, они вздумали, чтобы убить время, посмотрѣть невидимку. Аделаида, сидя у опверстія машины, готовилась отвѣчать на всѣ вопросы любопытныхъ. Легко можно представить себѣ изумленіе, боязнь и волненіе Графини; но сохранивъ удивительное присутствіе духа, она хотѣла узнать расположеніе братьевъ своихъ на счетъ ея, и быть ходатайницею въ собственномъ дѣлѣ, съ помощію сверхъ-естественнаго могущества.

Кто мы? спросили чужестранцы.—Отвѣтъ не могъ быть вѣрнѣ.—Что привело насъ въ Англію? спросили они потомъ.—Желаніе опмстить тому, который обезчестилъ вашу фамилію.—Но гдѣ найти намъ недоспойный предметъ нашихъ поисковъ; можете вы намъ открыть эпо?—Провидѣніе, которое до сихъ поръ хранило злополучную Аделаиду, не попустишь, чтобы она подверглась незаслуженному сю наказанію. Пока намѣренія ваши не будутъ великодушнѣе, вы никогда не откроете слѣдовъ ея.—Вы обманываетесь, могущій Духъ! наши намѣренія чисты. Искусство ваше должно бы открытъ вамъ, что мы хотимъ оказать покровительство, защиту сестрѣ нашей, освободить ее, приведемъ на путь заблуждшую и возвратимъ се горестной фамиліи.

Легко можно вообразить развязку сей сцены. Дѣйствующія лица сей небольшой драмы и теперь еще живутъ въ ГанOVERѣ, гдѣ Графиня Аделаида все еще слышитъ невидимкою.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТГОЛОСОКЪ.

(Листокъ изъ Альбома П. Г. Сілюва.)

Давно моя Арфа, давно не звучала,
 Покрывшая пылью, въ углу на сѣнѣ!
 Вотъ звукнула снова! безмолвѣ прервала:
 Знать въперъ замешный задѣлъ по струнѣ.
 Такъ скрывшая Арфа спитъ въ сердцѣ поэта,—
 Но Муза ту Арфу пробудитъ порой!
 Вдругъ слово могучее, образъ предмета
 Любимаго пылкой поэта душой,
 Иль страница-мысль, пролетая случайно,
 Той Арфы сокрышой коснется крыломъ,—
 Струна прозвѣнитъ, и гармоніа тайной
 Вѣкамъ ошголосокъ предастся пѣвцомъ.

В. Романовъ.

У П Р Е К Ъ.

Ты мнѣ клялась въ безмѣрной страсти,
 Хотѣла—вѣкъ меня любить!
 Не признавала—въ мѣрѣ власти,
 Чшобъ насъ сердцами разлучить!
 Ты вѣжностъ—мнѣ по гробъ сулила,
 Брала порукой въ ней—себя!
 Но, чтоожъ?—Ты клятвы лишь твердила,
 Я ихъ исполнилъ—за тебя! —

А. Б—iii.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое есть въ музыкѣ начало;
 Конецъ же вспарицу бывалъ лишь у звѣрей;
 Но мало ли чего на свѣтѣ не бывало?
 Теперь онъ въ модѣ у людей.—
 По итальянскъ же—мы ѣдимъ, ходимъ
 И удовольствій шму, и горя шму находимъ;
 И скачемъ во весь духъ, и пцащимся шажкомъ,
 Летимъ на шестернѣ, или—идемъ пѣшкомъ.

В. Шелиховъ.

Въ № 72, помѣщенная шарада значитъ: *Sou-ris*.

НОВАЯ КНИГА.

Объ опекахъ, учреждаемыхъ на основаніи узаконеній надъ имѣніями дворянъ и градскихъ жителей, по слугаю малолѣтства и вдовства, объявленія отъ наследниковъ имѣній споровъ, по залогамъ въ Банковыхъ Заведеніяхъ, казеннымъ недоимкамъ, безумію и сумасшествію владѣльцевъ, расточительству и накопленію долговъ, жестокимъ поступкамъ господъ надъ крестьянами своими, и по мненію дворянства и разжалованію въ рядовые.—Пешра Гуляева.—С. П. бургъ, въ Тип. Деп. Внѣшн. Торговли, 1831. XIV и 73 стр. въ 8 д. л. (*).

Издапель нѣсколькихъ руководствъ по разнымъ опраслямъ Россійскаго Законодательства (**). Г. Гулевъ, заслужилъ своимъ общепольными трудами благодарностъ соотечественниковъ, которые поблагодаряшъ его, безъ сомнѣнія и теперь за изданіе книги, заглавіе коей означено выше.—Права наследниковъ, обязанности опекуновъ, и вообще порядокъ дѣлъ опекунскихъ изложены въ ней (весьма опчешливо), на основаніи существующихъ законовъ. То, что разъяснено во множествѣ указовъ, изданныхъ въ разное время, соединено въ одну книгу, раздѣленную, по свойству предметовъ, на параграфы, подъ коими означено и время изданія узаконеній, для пѣхъ, копорые будутъ имѣть надобностъ въ выпискѣ подлинныхъ словъ закона. Сугубая благодарностъ Русскому Юриспруденту!

М O D E S.

Meubles. et Nouveautés.—Les vases qui sont le plus adoptés sont à doubles fins.—Ayant à peu-près la forme d'un baril, ils ont un double fond.—Disposés pour recevoir de la terre, ils ont un petit trou, qui se ferme lorsque l'on veut y mettre de l'eau.

D'autres à forme Médicis, élevés sur un pied en socle, Chez Darte, Palais-Royal, ce modèle nous a

(*) Продается по 4 р., съ пересылкою по 5 руб., въ книжныхъ лавкахъ А. В. Глазунова, и другихъ.

(**) Права и обязанности Полиціи, изд. второе, 1827. Права и обязанности казенныхъ крестьянъ, изд. второе, 1827. Уголовное право, 1827. О Кошпрояхъ, 1827.

été montré tout récemment, fond bleu de roi, parsemé d'étoiles d'or, le socle en or uni.

On fait de riches et élégantes corbeilles de cristal taillé, destinées à recevoir des fleurs, en les posant sur une console ou une table de salon.—Ces mêmes corbeilles peuvent servir à mettre des fruits, et faire le milieu d'un surtout sur une table. On fait aussi les candelabres pareils, ils ont un brillant qui réfléchit la flamme et double de lumière.

Des lampes de porcelaine, peintes dans toute la hauteur de la colonne, sont une innovation peu adoptée, mais qui est assez jolie.

Bijoux.—Les chaînes de cou et les bracelets doivent être en or bruni, sans ciselure. — Des anneaux ovales, un peu bombés.

Des chaînes appelées en pyramides, sont effectivement des pyramides, longues d'un petit pouce, émaillées, or sur couleur.—Elles sont jointes l'une à l'autre par une boule grosse comme une noisette, en or bruni, sans émail ni ciselure.

М О Д Ы.

Мебели и модныя бездѣлки. — Вазы всего болѣе употребляемыя — двуконечныя. Они походятъ формою на боченокъ и съ двойнымъ дномъ. Приготовленныя для земли въ нихъ есть небольшія дырочки, которыя запыкающяся, когда пуда наливаютъ воду.

Другія вазы дѣлаютъ формы Медицисъ, подножіе цоколемъ. Мы видѣли недавно паковую у *Дарта*, въ Пале-Рояль, голубаго Королевскаго (bleu de roi) цвѣта, усыянную золотыми звѣздами; цоколь гладкой золотой.

Дѣлаютъ богатыя и красивыя корзинки для цвѣтковь; ихъ спавятъ на консоли или въ гостиной на сполъ. — Эти же корзинки употребляютъ для плодовъ, или спавятъ за споломъ въ срединѣ судковъ.—Дѣлаются итакіе же канделабры; они имѣютъ сильный блескъ, который, отражая огонь, удваиваетъ свѣтъ.

Новыя фарфоровыя лампы, раскрашенныя во всю длину колонны; не въ большемъ употребленіи, хотя довольно красивы.

Вещи. — Цѣпи на шею и браслеты дѣлаютъ изъ темнаго золота, безъ насѣчки.—Кольца овальныя, немного выпуклыя.

Цѣпи, называемыя пирамидами, дѣйствительно похожи на пирамиды, длиною въ дюймъ, съ золотыми украшеніями по цвѣтной эмали.—Онѣ соединяются шариками, величиною въ орѣхъ; изъ темнаго золота, безъ эмали и насѣчки.

С М Ъ С Ъ.

Будь болѣе молчаливъ; говори о вещахъ приличныхъ и всегда въ короткихъ словахъ. Не шолкуй никогда о предметахъ суетныхъ, ни о поединкахъ гладиаторовъ, ни о зрѣлищахъ въ циркѣ, ни о борцахъ, ни о качествахъ яспвъ и винъ, обыкновенно перебираемыхъ въ разговорѣ; но всего болѣе берегись, говори о людяхъ и сравнивать ихъ между собою.

Давай своимъ пріятелямъ не пріятнѣйшіе совѣты, а полезнѣйшіе.

Рѣшительно не божись ни въ какомъ случаѣ.

Самый мошловской расходъ есть трапа времени.

Не смѣйся ни долго, ни часто, ни громко.

Къ обѣду всегда найдешь пріятелей, но не скоро опыщешь ихъ во дни печали.

Не дѣлай пого самъ, что тебѣ въ другихъ не нравится.

Время, или нѣсколько капель воды очищаютъ пятна на штѣлѣ; но никакое время и никакія рѣчныя воды не могутъ смыть пятно съ души.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 16 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Какъ, въ эпитаграммѣ Оѳа
Нѣтъ соли, говорятъ?
Напротивъ, я скажу: оцъ ихъ купцу забота,
Читашело зѣвота,
А смыслу масть;
Всѣмъ солоны оцъ—и оцъ жѣ виновитъ!

Иллѣевскій.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ЧУДНАЯ ВЕЩЬ! НЕПОНЯТНАЯ ВЕЩЬ!

Въ No 5-мъ *Съв. Меркурія*, съпущою Издатель онаго, Михаилъ Алексѣевичъ *Бестужевъ* *Рюминъ* извѣспилъ своихъ читашелей о кончинѣ Барона *Дельвига*, «обладавшаго превосходными душевными свойствами» и оставившаго намъ нѣсколько пріятныхъ стихотвореній.

Ся дань признательности, сей цвѣтокъ, брошенный на гробъ собрата—дѣлаетъ честь сердцу Г. *Бестужеви*.

Но какимъ образомъ, о смерти незабвеннаго поэта, послѣдовавшей 17 Января, напечатано въ листкѣ *Съвернаго Меркурія*, вышедшемъ въ свѣтъ Января 12 дня?

Чудная вещь!

Непонятная вещь!

Въ No 71-мъ *Съв. Меркурія*, Издатель сей газеты, — «лично знавшій и уважавшій за прекрасныя душевныя свойства, рановременно похищеннаго у опечесыва — Профессора Н. П. *Щеглова*,» — съ сердечнымъ прискорбіемъ извѣспилъ о семъ Публику.

Но, по какой причинѣ, прискорбное извѣстіе о смерти сего ученаго Мужа, послѣдовавшей 26 Іюня въ три часа по полудни: находимъ мы въ такомъ номерѣ газеты, который напечатанъ 15 Іюня?

Чудная вещь!

Непонятная вещь!

Сочинили: *Александръ Орловъ.*

Николай Гурьяновъ.

Алексій Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТРАДАЛИЦА.

(Повѣсть.)

Богатое, красивое село В** расположено на покатыхъ берегахъ вдоль быстройтекущей рѣки С.... Съ прочихъ сторонъ, окруженное рощами, оно представляется путешественнику какъ бы внутри обширнаго сада. Недалѣе какъ въ четверти версты отъ В** находится небольшое кладбище, на которомъ, среди могильныхъ холмовъ, освѣненныхъ крестами и слями, гордо возвышается позлащенныя главы свои церковь превосходной архитектуры въ новѣйшемъ вкусѣ. Ши-

рокая липовая алея вѣдешъ съ большой дороги къ кладбищу, и развѣсиспыми своими деревьями окружаетъ мирное убѣжище почившихъ. Свѣспоспрудный ручей, выпекая изъ близълежащей горы, въ нѣкошоромъ разсполннн позади церкви, гдѣ съ возвышенія сбѣгая въ долину, образуетъ шумящій водопадъ и такимъ образомъ довершаетъ очаровашельность карпины. Невняпный шумъ листвьевъ окружныхъ деревъ, сливаясь съ печальнымъ его говоромъ, невольнo привлекающъ вниманіе пупника.

Въ 1828 году въ Іюль, я, по обязанностямъ службы, проѣзжалъ черезъ село В**. — День уже вечерель, солнце приближалось къ западу; стѣни опъ кресповъ и деревьевъ густымъ покрываломъ разоспмались по всхолмленному кладбищу; главы церкви, освѣщенныя послѣдними лучами закапывающагося свѣшила, казалось, горѣли разноцвѣпнымъ пламенемъ. Я былъ совершенно пораженъ видимыми красочами и неизъяснимою привлекательностью этого очаровашельнаго мѣста.

— «Спой!» закричалъ я извощику, и въ одно мгновеніе сошелъ въ алею, подошелъ къ церкви, съ благоговѣніемъ поклонился изображенымъ на стѣнахъ ея дикамъ свяпыхъ Угодниковъ—и шпихими шагами опсправился осматривать кладбище. Здѣсь все было просто, излишнія груды камней не бременили земли щещеславною птяжестію; но, между, скромными крестами и дерновыми возвышеніями привлекъ мое вниманіе, единспвенный въ семь мѣспѣ памятникъ, рисовавшійся предъ моими глазами въ самомъ заднемъ планѣ кладбища. Я подошелъ къ нему: это была могила, обнесенная чугуною рѣшеткою съ легкой бронзовою опдѣлкою; за сею оградою, на пьедесталѣ изъ чернаго мрамора возвышалась небольшая бѣлая мраморная же колонна, въ которую врѣзана была бронзовая позолоченная доска съ надписью: *Отецъ подданныхъ, другъ человечества, Майоръ А. К. Р. 1825 года Майя 23 дня.* — Мною невольнo овладѣло горестное воспоминаніе. Облокотясь на рѣшетку, съ неизъяснимою груспію смопрѣлъ я на могилу человека, вовсе мнѣ неизвѣснаго; но что-то въ меня вливало неспришворное къ нему соучастіе. Эта про-

спая—но въ самой проспонтѣ своей, споль краснорѣчиво говорящая надпись, наполнила душу мою соспраданиемъ... я при этомъ зрѣлищѣ вспомнилъ... два мѣсяца назадъ, чпо пошерялъ лучшаго моего друга; находясь въ полкахъ въ Молдавіи, онъ сдѣлаелъ жерпвою неумолимоу чумы. Можетъ быть, думалъ я, спрупъ его, опверженный человекствомъ, безъ гроба—безъ погребенія, зарытъ въ землю, неоплаканный теплыми слезами ему близкихъ, его друзей! Кто принялъ послѣдній вздохъ его? На чемъ, угасая, онъ остановилъ спуектившіе взоры? Никто не внималъ его жалобамъ... ихъ заглушалъ воздухъ и чужая земля покрываетъ теперъ опспатки лучшаго моего друга! Эти мысли взволновали кровь мою, грудь моя спѣснилась, крупныя слезы мои сливались на могильный дернъ незнакомца... шакъ, я плакалъ, и счаспливъ, чпо сею сердечноу жерпвою, платя дань дружеству, могъ облегчить птяжкія боренія души моей.

Между стѣмъ, какъ я былъ углубленъ въ горестныя мечпы о моемъ другѣ, объ шомъ незнакомцѣ, котораго, казалось, я полюбилъ, и котораго оплакивалъ теперъ, какъ близкаго душѣ моей... вдругъ, въ окрестной рошѣ раздаелся голосъ. О, какъ этоу голосъ напечатлѣлся въ душѣ моей! Неспройные, пошрясающіе душу, но вмѣспѣ съ стѣмъ мелодическіе, прогашельные звуки его внезапно поразиди спухъ мой и какимъ-то холодомъ обливали сердце. По видимому, голосъ былъ женскій; казалось, она что-то пѣла. Любопытство-ль, соспраданіе ли влекло меня въ ту спорону, опкуда исходилъ онъ, не знаю; но я пвердо положилъ себѣ опыскашь незнакомку и, если можно, познакомиться съ нею.

Въ шакомъ предположеніи шоропливими шагами иду къ рошѣ; но еще не успѣлъ я выйти изъ неровныхъ дорожекъ, образованныхъ насыпными могилами, какъ увидѣлъ, навспрѣчу идущаго ко мнѣ спарца: Убѣленная временемъ глава его и шакая же брада, осѣнявшая крошккую физиогномію; съ перваго взгляда внушили въ меня къ нему испинное уваженіе.—Кто бы онъ ни былъ, думалъ я, но я спрощу у него, чей голосъ слышенъ изъ роши.—Мы сошлись; привѣпчивая улыб-

ка, сопровождавшаяся легкимъ наклономъ головы, ясный взоръ спарца и видимая годовность его вниманіи мнѣ, казались мнѣ ручательствомъ, что онъ удовлетворитъ моему любопытству.

Кто это поетъ въ роцѣ? спросилъ я, стараясь придать голосу моему столько скромности, сколько требовалось, чтобы вопросъ не показался неумѣстнымъ.

— «Это добрая наша барыня;» отвѣчалъ старикъ вздохнувши. Онъ взглянулъ на меня съ неподозрительнымъ вниманіемъ; но замѣтивъ, казалось, на лицѣ моемъ, еще не сохнувшіе слезы, въ свою очередь спросилъ меня съ примѣшнымъ участіемъ: «Вы вѣрно были знакомы съ покойнымъ господиномъ этого села? (указывая рукою на село В**). О, онъ былъ прекраснѣйшій господинъ: мы, какъ дѣти, оплакиваемъ въ немъ своего отца. Оставалась намъ, продолжалъ старецъ, еще одна опрада—это Ангель - хранитель нашъ—его супруга; но и она, какъ будто умерла для нашего счастья. Слышите-ли, какими горестными пѣснями оплакиваете она смерть своего друга, нашего общаго благодѣтеля?» Слезы оросили лице спарца, онъ не могъ говорить болѣе.

Теперь, уже не любопытство, но сердечное участіе влекло меня увидѣть эту несчастную. Я снова началъ: можно-ли видѣть мнѣ вашу барыню и поговорить съ нею?— «Почему же?» отвѣчалъ старикъ; «она бываетъ иногда спокойна и съ нами разговариваетъ. Если угодно, я васъ провожу къ ней; можете быть, она васъ приметъ.»

Мы отправились; неглубокій околъ опдѣлялъ кладбище; мы перешли черезъ маленький мостикъ въ соседнюю роццу, и по пѣнистой лицевой алеѣ достигли до развалинъ обгорѣлаго каменнаго строения. Голоса уже не было слышно; мы уже подходили къ мѣсту, гдѣ, казалось, были нѣкогда ворота.... «пшше!» шепнулъ мнѣ старецъ и осторожно указалъ рукою на право.—Боже! что представилось моимъ взорамъ! Посреди обгорѣвшихъ бревенъ, на грудѣ камней сидѣла женщина. Черное платье еще болѣе отражало блѣдность впалаго лица ея. Она держала въ рукѣ кирпичъ, занималась имъ и,

казалось, сама была почти столько же безчувственна, какъ предметъ, ею разсматриваемый. Неподвижность въ чертахъ лица, еще носившихъ оппечашокъ небесныхъ прелестей, какъ бы оцепѣннѣе во всѣхъ ея члѣпахъ—представляли теперь, не образъ смертной, но олицетворенную задумчивость, изваянную рѣзцемъ знаменитаго Кановы. Только зефиръ, играя ея черными какъ ночь, распрепанными, но и въ самомъ безпорядкѣ ихъ, очаровательными волосами, придавалъ, казалось, жизненность плѣнительному сему призраку. Мы сползли шагахъ въ двадцати отъ несчастной, не смѣя дышать, чтобы не нарушить ея видимой безчувственности. Я вперилъ все мое вниманіе на сіи неизъяснимыя черты лица, и чѣмъ болѣе всматривался въ нихъ, тѣмъ сильнѣе душа моя воспламенялась желаніемъ познакомиться съ этимъ неземнымъ существомъ.

Продолжалось спокойствіе — но быстро послѣдовала переменна: она бросаетъ кирпичъ; глухой шумъ отъ паденія его на другіе камни огласилъ воздухъ; она вспрепенулась, судорожныя движенія покрыли черты лица ея, и взоръ, мгновенно облепѣвъ окрестность, остановился на насъ. Описываешь ли горестное ея положеніе? Какъ-бы испугавшись при видѣ неизвѣстнаго спранника, она хотѣла бѣжать—но слабая, на мѣстѣ усѣяномъ камнями и бревнами, зацѣпилась и упала; мы поспѣшаемъ на помощь—но тщетно: пронзительные крики ея при нашемъ приближеніи наводили на меня ужасный страхъ. Наконецъ, она вскочила и спавъ, какъ бы въ оборонительномъ положеніи, бросила грозный взглядъ на моего провожатаго; попомъ, всматриваясь въ меня, обратила рѣчь къ спарцу: «Онъ! гдѣ? Откуда пришелъ онъ? Онъ пришелъ ко мнѣ? Мой милый Леодоръ! Но развѣ мертвые встаютъ—нѣтъ! нѣтъ!—Ты, коварный старецъ—это твои хитрости!.....» Дыханіе у ней занялось, грудь ея сильно волновалась; она взглянула на меня еще разъ, и какъ будто увѣрившись въ обманъ—спремительно отскочила отъ прежняго мѣста, и воздѣвъ руки къ небу, закричала могильнымъ, дребезжащимъ голосомъ: «нѣтъ! нѣтъ! это не онъ! онъ тамъ—я тамъ найду его—

мы соединимся!» И, оборотившись къ обгорѣлымъ оспашкамъ дома, побѣжала, сколько было силы—невнятно произнося слова, и вскорѣ скрылась среди развалинъ.

Что было со мною? не помню, но я увидѣлъ себя уже въ липовой алеѣ, ведущей на большую дорогу. Старецъ велъ меня за руку; онъ, видя мое разстройство, принялъ во мнѣ живѣйшее участіе, и когда я уже находился невдалекѣ отъ моего экипажа, онъ предложилъ мнѣ сѣсть отдохнувши на дерновой опушкѣ, возвышавшагося по краямъ дороги ваала, а самъ, скрывшись на нѣкоторое время, снова появился съ ковшемъ чистой ключевой воды.—«Вы слишкомъ встревожились,» сказалъ добрый старикъ, «испейте немножко водицы и намочите голову: вы весь горите.» Съ признательностію принялъ я попеченія старца—и, освѣжась, сказалъ ему: уже поздно, я далѣе не пойду; можно ли въ селѣ В** найти постоялый дворъ, гдѣбъ переночевать?—«Если не обижу васъ моимъ предложеніемъ, отвѣчалъ онъ, то прощу васъ остановиться у меня.» Надобно ли говорить, что я съ восторгомъ последовалъ за нимъ?—Красивый, небольшой домикъ, примыкавшій почти къ самому селенію, принадлежалъ моему спутнику; мы оправились шуда и экипажъ мой медленно попянулся за нами.—Мы вошли въ просторную избу; чистота, опрятность и, почти можно сказать, сельское великолѣпіе нашель я въ тихомъ убѣжищѣ правѣпливаго моего хозяина.—Онъ, распорядившись, какъ слѣдовало, пришелъ въ опивденную мнѣ свѣтлѣку, раздѣливъ въ уединенной бесѣдѣ оспашокъ вечера, и между нами завязался прежній разговоръ.

О, какъ несчастна ваша барыня, началъ я. Ее положеніе приводитъ меня въ ужасъ.

—«Добрый господинъ!» сказалъ мой хозяинъ; «вы скорбите, видя ее въ такомъ жестокомъ состояніи? Нѣтъ, лучше порадуйтесь, что Богъ помрачилъ разсудокъ ея; въ полномъ умѣ она была бы спокрашъ несчастнѣе. О, еслибъ вы знали ее исторію!»

Слова его возбудили во мнѣ живѣйшее любопытство, и въ продолженіи разговора узнавши, что эшотъ старикъ, былъ болѣе другъ

фамиліи покойнаго Р., нежели слуга; ибо онъ, бывъ неразлучнымъ съ дѣшпива съ ошдемъ Маіора и, сопровождая его во всѣхъ путяхъ жизни, посюянною вѣрностію заслуживъ совершенную довѣренность господина, былъ наконецъ награжденъ отъ него всѣмъ, что обезпечивало участіе его съ семействомъ, доживалъ оспальные дни свои, наслаждаясь покоемъ; и потому, убѣдясь, что онъ можетъ мнѣ подробно передать происшествія, случившіяся въ фамиліи Р., я настоятельно просилъ его рассказать мнѣ все, что было ему извѣстно. Онъ долго былъ въ нерѣшимости; но увѣрившись въ чистотѣ моего желанія, излилъ предо мною печальную повѣсть. Я передаю ее свѣту безъ малѣйшихъ перемѣнъ въ обстоятельствахъ; чтобъ показать образецъ, хотя къ величайшему прискорбію, онъ будетъ слишкомъ удаленъ отъ перваго въ эшотъ родѣ, но покажетъ намъ до чего можетъ довести гордость, тщеславіе и несправедливость родителей въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ.

Оспашной Генералъ Б*, отецъ героини нашей повѣсти, былъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Т-й Губерніи.—Корыстолюбіе, гордость, тщеславіе, были ошличительными чертами его характера. Алчный къ богатству, напишанный ложными пованіями о чести, заняшый мыслию о древности своей фамиліи и о заслугахъ предковъ его ошечеству, онъ, жестокосердый отецъ, мѣнилъ счастье дѣшей своихъ на чины и богатство.

Супруга его была совершенно противныхъ правилъ. Крошкая, чувствительная, умная, спрогая къ себѣ, снисходительная къ слабостямъ другаго—она была совершенный образецъ добродѣтели, рѣдкій примѣръ жены и мащери.

Дѣши ихъ, Владиміръ и Антонія, наследовали характеръ и всѣ качества своей мащери. Одаренныя при привлекательной наружности благородными чувствованіями души, соединенныя узами неразрывной, примѣрной дружбы, они служили предметомъ зависти многимъ ошцамъ и мащерамъ.

Воспитанныя съ тщаніемъ подѣ кровномъ родительскимъ, они, кажется—жили, дѣша.

ли только другъ для друга. Никакое чувство, никакая мысль между ними не были тайными. Ихъ души были слышны въ одну: ихъ одно радовало, одно печалило. Чрезвычайное сходство характеровъ и мѣткій со-временемъ болѣе и болѣе сближало ихъ между собою.

Владиміру минуло уже 16 лѣтъ. Опечес-тву угрожала война. Кто изъ Русскихъ не воспоминаетъ съ ужасомъ о нашествіи Наполеона? Наступилъ знаменитый въ лѣтописяхъ Европы 1812-й годъ. Россія трепетала при видѣ исполина, распроспранившаго гибель во всѣхъ краяхъ свѣта; ревностные, признашельные сыны ея, со всѣхъ споро-новъ спекались подъ знамена—защитника родины — Великаго Смоленскаго. Чье сердце не кипѣло благороднымъ рвеніемъ для защиты Опечесства? Чье сердце тогда не горѣло мщеніемъ за бѣдствія собратій, и чья рука не вооружилась мечемъ—рапоборствовать за Царя, за Вѣру? Спρασный къ сла-вѣ, пылкій, благородный Владиміръ, могъ-ли оставаться равнодушнымъ при всеобщемъ смятеніи и, чувствуя себя уже въ силахъ быть полезнымъ Опечесству, могъ-ли онъ оставаться въ бездѣйствіи? И такъ, получивъ благословеніе родителей, Владиміръ простился съ милыми сердцу, простился съ единственнѣмъ другомъ своимъ—доброю Антоніею. Разлука ихъ была неописанна: ры-дая, долго не могли они освободить себя отъ взаимныхъ объятій—но пробилъ роко-вой часъ! померкло блаженство для Антоніи. Уже колокольчикъ вдали бряцалъ едва слышными опголосками, уже облако пыли скры-ло отъ нее образъ ее брата, друга, ее Анге-ла утѣшителя.

Ей тогда было только 11 лѣтъ; но умъ и чувство развернулись въ ней слишкомъ рано. Удрученная поскою о потерю друга, неутѣшная, она не могла перенести разлуки съ братомъ. Здоровье ее примѣтно распрои-валось; едва начинавшія расцвѣтать на юныхъ щекахъ ее розы — уже стали увядать, и ве-селость, такъ мило одушевлявшая ее въ присуствіи брата—мгновенно исчезла. Ан-тонія, дощоль рѣзвая и живая, начала задумываться. Сердце видно вѣщало ей, что къ

ней не возвращаются дни радости, и рѣдко; рѣдко слезы осыхали на темныхъ, длинныхъ рѣсницахъ ее: она сохла; паяла; бесплодны были просьбы отца, крошкія увѣщанія нѣж-ной матери; и всѣ усилія домашняго лекаря поправить ее здоровье оставались тщесны. Грусть и тоска содѣлались неразлучными ее спутниками

Между тѣмъ, счастье благопріятствовало Владиміру. Служа въ Гусарскомъ полку, онъ уже имѣлъ многіе случаи встрѣчаться съ непріятелями въ дѣлѣ, и отличною храбро-стию и мужествомъ умѣлъ снискать лестное вниманіе своего Начальства, и вскорѣ, произ-веденный въ Офицеры, уже былъ украшенъ знакомъ военнаго Ордена. Поощреніе еще болѣе воспламеняло его, и потомъ, гдѣ былъ Владиміръ — тамъ была смерть; гдѣ была опасность — тамъ былъ Владиміръ.

Такія извѣстія о молодомъ воинѣ, оживля-ли неутѣшную сестру его; онъ писалъ къ ней, сколько позволялъ досугъ, и милая Ан-тонія, исцѣленная славою Владиміра—возвра-тилась къ жизни. Снова розы зардѣлись на пре-десныхъ щекахъ, снова прояснилась улыбка на коралловыхъ устахъ и спокойствіе водво-рилось въ душѣ расцвѣтающей красавицы.

Время лепѣло. Москва была въ рукахъ вра-говъ и опять перешла въ руки Русскихъ. Уже Французы вытѣснены за предѣлы Опечес-тва — и побѣдоносныя знамена Александра опразились въ зеркалѣ Сены. Война кончи-лась—Слава провозгласила Свѣту о подвигахъ вождей и воиновъ — и побѣдители возвра-щающся въ лоно признашельнаго, спасеннаго нми Опечесства.

(Продолж. въ слѣд. листкѣ.)

ЛЮБОВНИЦА РАЗБОЙНИКА.

Былъ полдень подъ небомъ Калабріи: зной-ный Сироко скользилъ по волнамъ Адриати-ческаго моря, озареннымъ лучами Июльскаго солнца. Въ глубинѣ лѣсовъ, покрывающихъ поморіе, Французскій полкъ по командѣ стой! остановился. Солдаты, извуренные труд-нымъ переходомъ, бросились на правую опдыхаться, между тѣмъ, какъ бдительные часо-вые завали свои мѣста по флангамъ, гошо-

вые шотчасъ подашь знакъ тревоги. Начальникъ сего опряда съѣлъ подь деревомъ, окруженный нѣсколькими Офицерами. Онъ былъ человекъ лѣтъ тридцати: храбрость и воинскія дарованія скоро возвысили его на степенъ Генерала. Когда онъ, устремивъ глаза въ землю, съ поникшею головою, предавался частымъ и продолжительнымъ размышленіямъ, тогда на лицѣ его изображалось спокойствіе, свойственное только старикамъ; когда же приподнималъ голову и повелѣвалъ опряду, или велъ его на непріятеля, тогда чело его пылало всемъ жаромъ юности. Судя по рассказамъ о немъ, трудно рѣшить, получилъ ли онъ отъ природы кровожадный, безжалостный характеръ, или военная жизнь измѣнила расположеніе души, способной къ нѣжнымъ ощущеніямъ. Въ самой жаркой битвѣ онъ хладнокровно убивалъ непріятеля, просившаго пощады; при разграбленіи города, взятаго приступомъ, онъ первый предавался ужасамъ кровопролитія. Въ другое время, онъ радушно помогалъ бѣднымъ поселянамъ для построения ихъ хижинъ и пропитанія дѣшей. Характеръ неизъяснимый, смѣсь противорѣчащихъ спраспей, образующаяся посреди кровопролитныхъ явленій мятежей и бурной военной жизни! Таковъ былъ человекъ, которому поручалось очистить Калабрію отъ опустошавшихъ ее разбойниковъ; порученіе сіе соединено было съ неограниченною властію. Его неутомимая и благоразумная дѣятельность, его спрогямѣры, исполняемая безъ оплагательства и безъ жалости, произвели то, что путешественники снова спали посѣщаютъ область, отъ которой столь долго спраха удалялъ ихъ.

Генераль, сѣвъ подь деревомъ, подалъ знакъ своему Адъютанту, который на минуту вышелъ и опять явился съ молодою дѣвушкою. — Калабріенка шла съ поникшею на обнаженныхъ плечи головою, въ задумчивости, посреди солдатъ, которые слѣдили ее взорами. Приблизясь къ Генералу, она откинула длинныя черныя кудри, разбросанныя по лицу ея. Она безмолвствовала, тогда какъ у Офицеровъ сильно билось сердце, при видѣ необыкновенной красоты сей шестнадцатилѣтней дѣвицы. На устахъ Генерала мель-

кнула легкая улыбка, которалъ рѣдко ихъ посѣщала; быть можетъ, нѣжныя ощущенія любви, или жалости смягчили на минуту суровыя черты его. Но это скоро кончилось; онъ сдѣлалъ быстрое движеніе рукою, какъ бы желая освободиться отъ непріятной мысли и обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— «Тебя зовутъ Еленою?»

— Такъ.

— «Знаешь ли, какая казнь угрожаетъ тѣмъ, которые дають пристанище разбойникамъ?»

— Знаю.

— «Ты скрывала *Папарано* въ хижинѣ отца своего: ты заслужила смерть, и не избѣгнешь ее, если не опкроешь намъ, куда онъ скрылся.»

Молодая дѣвушка улыбнулась съ видомъ негодованія.

— Мы приняли въ домъ *Папарано*: онъ мой женихъ, я люблю его; онъ безопасенъ отъ вашихъ преслѣдованій; болѣе вы ничего отъ меня не узнаете.»

Между Офицерами послышался ропотъ соспраданія, когда они увидѣли, что сія прелестная дѣвушка рѣшилась умереть. Младшій изъ нихъ не могъ удержаться отъ слезъ и заклиналъ ее говорить. Она отвѣчала ему однимъ пріятнымъ наклоненіемъ головы. На лицѣ ея изображались прогашельная задумчивость и самоотверженіе.

Генераль вспалъ и тихо сказалъ молодой дѣвушкѣ: «говори, говори; мои приказанія непремѣнны; я не дѣлаю ни для кого исключенія: говори, можетъ быть солдаты мои не поймутъ твоего любезнаго, и . . . ты спасена.» — Онъ искренно предлагалъ ей средство избѣгнуть смерти; но *Елена* отошла въ сторону и заняла мѣсто между солдатами, которые привели ее. Генераль подозвалъ къ себѣ капрала, тихо сказалъ ему нѣскольکو словъ, которыя только онъ могъ слышать, но всякой могъ опгадашь; потомъ, обратясь къ Офицерамъ, подалъ знакъ къ походу. Звукъ трубы громко раздался въ лѣсу, и полкъ двинулся вдоль берега Адриатическаго моря. Когда проходила послѣдняя роща, Генераль махнулъ саблей надъ головою: два Офицера, бывшіе близъ него, повняли сей знакъ и спомрѣди на капрала, кото-

рый караулил на берегу молодую дѣвушку. Они видѣли, какъ онъ зарядилъ ружье и опомелъ на нѣсколько шаговъ отъ Калабріенки. Она спала на колѣна, прижала руки къ сердцу и обратила взоры къ небу: въ эту минуту раздался выстрѣлъ, пуля засвистѣла, и прелестныя волосы молодой дѣвушки смѣшались съ окровавленнымъ пескомъ.

Генераль нахмурилъ брови какъ бы для того, чтобы удержатъ слезу; потомъ, принявъ опять прежній спокойный видъ, по-скакалъ впередъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С О Н Ъ (*).

Отрывокъ изъ большова стихотворенія.

(Ея Ситтельству Графини Фикельмонъ.)

A change came v'erttu spirit of mi dream.
L. ВУРОН.

Въ мое окно стучалъ морозъ полночный —
И въперъ вылъ; — а я, предъ камелькомъ,
Забывъ давно покоя часъ урочный,
Сидѣлъ согрѣтъ привѣснымъ огонькомъ...
Я полонъ былъ глубокихъ впечатлѣній,
Ихъ мрачношью волнующихъ сердца,
Смѣшался духъ мечпаньями пѣвца —
Подземныхъ пайнъ и горестныхъ видѣній!...
Я обмиралъ, но къ нимъ спремилъ мой взглядъ,
Сквозь пьму вѣковъ, на безнадежный адъ...
Въ томлени чувствъ, на лонъ поздней ночи,
Внезапно сонъ сомкнулъ успалы очи;
Но тѣ мечты проникли въ душу мнѣ,
Ужасное мнѣ видѣлось во снѣ:
И съ Даншомъ я бродилъ въ странѣ мученья, —
Смѣнялся одно другимъ явленья!...
Тамъ плачь и вопль лешащъ въ унымый слухъ,
Мнѣ жжетъ глаза, мелкая злобный духъ —
И въ заревъ грѣховной, душной сѣни —
Предстали мнѣ спрдадьческія тѣни!..
То вижу я, испугаю чуднымъ сномъ,
Какъ Фаринашъ, горя въ гробу своемъ,
Приподнялся, бросая взоръ кичливый
На ужасъ мукъ. — Мяшежникъ горделивый!
Его крушитъ не гробъ его въ огнѣ,
Крушитъ позоръ въ родимой створнѣ!..
То новый страхъ!.. Невольно дыбомъ волосъ!
Я вижу кровь, — я слышу муки гомосъ:
Преступникъ самъ, смѣшенъ холодной мглой,
(* Изъ С. Петербурскаго Вѣстника.

Терзаемый и гнѣвомъ и тоской,
Вопль Уголинъ злодѣя черепъ гложетъ,
Но смертъ дѣшей отецъ забытъ не можетъ;
Клянетъ и мститъ, и сердцемъ слышитъ онъ
Не вошь врага, — своихъ младенцевъ спонъ!..

Бушуетъ въспрѣ, и въ бурной шмѣ кружится,
Шумитъ, свиститъ, и воетъ и клубится!..
Ни холодъ мглы, ни пламень гробовой,
Не такъ спрашатъ, какъ вихоръ роковой!..
Въ слезахъ, чета прекрасная младая
Несетъ съ нимъ, другъ друга обнимая...
Погибло все: — и юность и краса, —
Упращены Франческаго небеса!
И смертъ дана, — я знаю: чей рукою,
И вижу я: — швой милый другъ съ тобою,
Но гдѣ — и какъ, скажи, узнала ты
Любви молодой превожныя мечтцы?..
И былъ ошвѣтъ: «О, нѣтъ мученья боль,
Какъ вспоминашь дни счастья въ тяжкой долѣ!..
Безъ тайныхъ думъ, въ привольной пишинѣ,
Случилось намъ читать наединѣ:
Какъ Ланцелотъ помидся спрасстью нѣжной;
Блѣднѣли мы — и рдѣлся взоръ мяшежной...
Сердца увлекъ пѣвншельный разсказъ;
Но, ахъ, одно, одно сгубило насъ!
Какъ мы прочли, когда любовникъ спрасшный
Прелестныя уста поцѣловалъ,
Тогда и онъ, поварницъ мой несчастный,
Но мой навѣкъ, къ груди меня прижалъ,
И на моихъ уста его дрожали,
И мы топъ день ужъ больше не читали!..

И снился мнѣ другой чудесный сонъ;
Свѣплвѣтъ мракъ, замолкли вопль и спонъ,
И въ замкѣ я какомъ-то очутился,
Вокругъ меня все блещетъ, все горитъ,
И музыка веселая гремитъ,
И нѣжный хоръ красосъ молодыхъ рѣзвился!..

Франческа! я грустилъ швоей тоскою;
Но что жъ? И здѣсь уже ли ты со мною:
И въ видѣ томъ, какъ давнею порой
Являлась ты предъ жадною толпой;
Не зная слезъ, цвѣтя въ землѣ родимой!..
Вопъ образъ швой, и швой нарядъ любимой;
Но ты ужъ тѣтъ; кого жъ всшрѣчаю я?
Кто вдругъ шбой предстала предъ меня?..
Свѣжѣ розъ, прекрасна какъ надежда,
Съ огнемъ любви въ пѣвншельныхъ очахъ,
Съ улыбкою спыдливой на устахъ —
И черная изъ бархата одежда,
Съ богатою узорной бахрамой,
Воздушный станъ, рисуя, обнимаетъ,

Цвѣтъ радости на поляхъ играетъ, —
И локоны, какъ бы гордая собой,
Бѣгутъ на грудь лилейную струями,
Ихъ мягкій шелкъ унизанъ жемчугами;
И грудь ея, во блескъ молодомъ,
Плываешь взоръ не свѣтлымъ жемчугомъ!
Какъ снѣгъ было, изъ дымки покрывало
Къ ней за плеча небрежное упало! . .

Иванъ Козловъ.

LOGOGRIPHE.

Avec mon chef, l'homme d'esprit m'évite
Dans ses écrits comme dans ses discours;
Et sans mon chef sur le sein d'Amphitrite
Le bon marin me cherche tous les jours.

Въ No 73, помѣщенная шарада значить: *Дороги.*

MODES.

Une foule de femmes et d'hommes d'une mise élégante abonde tous les soirs aux Tuileries, et vient respirer le frais dans l'allée des orangiers; malgré l'affluence de toilettes qu'offre cette réunion, il n'y a pas moyen d'y découvrir la plus petite mode nouvelle. Nous avons seulement remarqué que le blanc, pour robes, est plus que jamais en faveur. Une robe de couleur unie est maintenant une rareté; celles fond blanc ont des dessins de couleur très-petits.

Les chapeaux et les capotes forment la plus grande majorité des coiffures de promenade; on voit cependant quelques bonnets qui sont ornés de rubans.

Les souliers-cothurnes sont en plus grand nombre que les brodequins; ils doivent sans doute la préférence dont ils jouissent à la chaleur. Les brodequins sont tous d'une nuance pâle: celle tourterelle nous a semblé la plus généralement adoptée.

Les bas de fil d'Ecosse et à jour sont les seuls de bon ton.

Les coiffures à la chinoise, avec deux petits crochets de cheveux sur les tempes, se multiplient journellement. Beaucoup de femmes portent aussi les cheveux lisses sur le front; d'autres à l'anglaise; c'est-à-dire en long tirebouchons; d'autres enfin n'ont pas quitté les touffes. Aucune mode n'existant pour la disposition des cheveux sur le front, les dames adoptent celle qui convient le mieux au caractère de leur figure.

Aux représentations de l'*Orgie*, à l'Opéra, les toilettes qui ont été le plus remarquées sont les robes blanches et les chapeaux à plumes.

Pl. No 22. Les façons de robes les plus usitées.

МОДЫ.

Всякой вечеръ въ Тюльерійскомъ саду бываетъ множество женщинъ и мужчинъ въ щеголеватыхъ нарядахъ, приходящихъ сюда наслаждаться свѣжимъ воздухомъ въ помѣранцовой алей; не смотря на разнообразіе нарядовъ, нѣтъ возможности открыть какую нибудь перемѣну въ модахъ. Мы замѣтили только, что бѣлыя платья, болѣе нежели когда либо были въ употребленіи. Одноцвѣтное платье теперь рѣдкость; платья по бѣлому грунту, съ самыми мелкими узорами, также въ употребленіи.

Шляпки и капоты составляютъ большую часть уборовъ для прогулокъ; видны однако иногда чепчики, опдѣланные лентами.

Башмаки-сандали, болѣе въ употребленіи нежели сапожки: они вѣрно обязаны своимъ преимуществомъ жаркому времени. Сапожки дѣлаютъ все бѣлыхъ цвѣтовъ: всего болѣе, кажется, носятъ туртурелевые.

Прозрачные чулки изъ Шотландскихъ вѣшокъ; одни почитаются щегольскими.

Китайскія прически, съ двумя маленькими крючками изъ волосъ на вискахъ, ежедневно размножаются. Многія дамы носятъ волосы на лбу, гладкіе; инныя на Англійскій манеръ; но есть: длинными шпупорами; другія же наконецъ, продолжаютъ носить куски. Для переднихъ волосъ нѣтъ никакой особенной моды, и дамы привимаютъ ту, которая болѣе прилична расположенію лица ихъ.

На предсавленіяхъ *Оргіи* (*Orgie*) въ Оперѣ, замѣчательнѣйшіе наряды были, бѣлыя платья и шляпки съ перьями.

Карп. No 22. Самые употребительнѣйшіе фасоны платьевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 19 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Не льстись предательствомъ ты счастье сыскать!

У самыхъ твоихъ всегда предатель низокъ,

Кто при нуждѣ его не спавитъ въ грѣхъ ласкать;

И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЕСЛИ БЫ — ТО БЫ.

Еслибъ Издапель журнала долѣе сидѣлъ въ канцлерской, нежели въ своей рабочей: *то бы* книжки его никогда не выходили въ срокъ. Это весьма естественно.

*

Еслибъ Издапель газетны часто запаздывалъ въ птрактирѣ: *то* и листки его запаздывали бы. Это очень просто.

*

Еслибъ иностранецъ, благосклонно принятый въ какомъ царствѣ, пользовался правами равными съ гражданами онаго: *то бы* онъ не долженъ бросать грязью ни въ гражданъ, ни въ правительство сего госперіимнаго царства. А *еслибъ* началъ бросать: *то бы* надобно было поешагать его.

*

Еслибъ бродяга былъ принятъ подъ кровъ челоукомъ сострадательнымъ и, опогрѣвшись и наѣвши, поднялъ руку на своего благотворителя: *то бы* онъ достоинъ былъ висѣлицы.

*

Еслибъ блудный сынъ, возлежа на пиршествѣ отца, осмѣлился злословить доб-

рыхъ братьевъ своихъ: *то* онъ стоилъ бы, чшобы ему опрѣзать языкъ.

*

Еслибъ измѣнникъ проповѣдовалъ о вѣрности, а предатель о чести: *то бы* они похожи были на Лафонтеневу лису - проповѣдницу.

*

Если бы какой писатель часто бывалъ хмѣлень: *то* и сочиненія его пахли бы снѣухомъ.

*

Еслибъ Издапель журнала, испортивъ, или чего бы то нибыло, собравъ съ Публики деньги, не выдалъ книгъ и не возвратилъ подписчикамъ денегъ: *то* онъ принадлежалъ бы къ разряду злосныхъ банкротовъ.

*

Если бы безграмотный или полуграмотный вздумалъ судить о произведеніяхъ людей грамотныхъ: *то* должно бы ему запрещать это, какъ запрещается лечить невѣждамъ, необучавшимся медицинѣ.

*

Если бы кто всякими средствами добивался чести сдѣлаться членомъ какой нибудь Академіи и добился: *то бы* ему надлежало дѣятельно участвовать въ трудахъ ея, а не злословить еѣ.

*

Если бы староста заставлялъ подчиненных своихъ работашъ безъ крайней надобности въ праздники: *то* его надлежало бы опослать въ монастырь на покаяніе.

*

Если бы кто дерзнулъ назвать бунповщика *Стеньку-Разина* выпяземъ добродѣтели, мясешника *Булавина* героемъ вольности: *то* было бы простишительно предполагашъ, что онъ въ сословіи назвашъ *Владимира Мономаха* злодѣемъ, *Суворова* прусомъ, а *Ломоносова* безпаланнымъ.

*

Если бы кто ежегодно за-два за-при дѣлца схватилъ по полумиліончику: *то* ему бы легко было безкорыстно рѣшашъ мѣлочныя тяжбы между бѣдняками.

*

Если бы за судьями не было контроля: *то* они могли бы распахливать печь девяшью десятыми просбъ, изъ провинцій къ нимъ присылаемыхъ.

*

Если бы казначей какого нибудь большова барина, будучи имъ приспавленъ кормишь дворовыхъ людей, угощалъ ихъ пропхлюю солониною, а въ концѣ года предешавилъ барину накопленную имъ экономическую сумму: *то*, вмѣсто награды, надлежало бы посадить его на мѣсяць на хлѣбъ да на воду.

*

Если бы управитель, получа отъ своего господина сапоги для раздачи дворовымъ людямъ, заперъ ихъ въ кладовую, а людей водилъ босикомъ: *то* онъ спойлъ бы, чтобы его самага заставили пошанцовашъ босикомъ на двадцати-градусномъ морозѣ.

*

Если бы какой богатый любитель опеченной словесности, отъѣзжая надолго въ чужіе края, ежегодно оппускалъ своему пріятелю (пожилому и опышному), извѣстную сумму денегъ на раздачу бѣднымъ Литерапорамъ, на доставленіе имъ средствъ къ напечатанію своихъ произведеній, на ободреніе юныхъ, распускающихся талантовъ, а ссей пріятель отдавалъ деньги въ ростъ и, по возвращеніи своего довѣршеля, вмѣсто кипы

умныхъ книгъ, предешавилъ ему кипу билеповъ Сохранной Казны: *то* его надлежало бы прогнашъ сквозь спрой эпиграммъ и сашаръ.

*

Если бы комисіонеръ какого нибудь пышнаго Князя или Графа, недавно ходившій въ изорванномъ сертучишкѣ, купилъ каменные палаты на имя жены своей: *то* намъ бы простишительно было думать, что сей домъ не есть *благопріобрѣтенный*.

*

Если бы мнѣ случилось подемошрѣшъ въ респорачіи моего кучера, пирующаго вмѣстѣ съ моимъ поспавщикомъ фуража: *то* мнѣ было бы простишительно подозрѣвашъ, что они сговариваются кормишь жалкихъ лошадокъ моихъ — гнилымъ сѣномъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТРАДАЛИЦА.

(Повѣсть.)

(Продолженіе.)

Провекло пять лѣтъ послѣ незабвенной войны. Владиміръ не возвращался въ домъ родителей. Извѣстія отъ него спановились рѣже, а между этимъ временемъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Генераль Б* съ супругою и дочерью переѣхалъ на жишье въ обновлявшуюся Москву.

Аншонія въ 17 лѣтъ, обладая всеми превосходными качествами души и одаренная красою—появилась въ столицѣ. Еще поспрадавшая за Россію Москва не успѣла излечить ранъ своихъ, но уже многіе семейства съѣхались и жили въ обновленныхъ домахъ своихъ. Юная, прелестная Аншонія вошла въ обществу возвращившихся Москвитянь—и очарованіе разлилось вокругъ нее: мужчины ее обожали—благоговѣли предъ нею; женщины завидовали.

Толпа ласкателей окружали Аншонію, но она, казалось, была для всѣхъ неприслушна.— Съ каждымъ равно любезна, равно ласкова, равно привѣтлива — она никому не польспила надеждою, никому не дала причинны сказаши: *она благосклонна ко мнѣ.*

Давно уже забыто о Наполеонѣ; гостеприимная Москва блистаетъ вечерами, балами. Антонія всегда бывала украшеніемъ Московскихъ собраний. Музыка, пѣніе, танцы, казалось, были спихіею юной красавицы: она всѣхъ обворожала во всѣхъ родахъ у веселій; но дома, въ кругу приличныхъ ей упражненій, она была не такова. — Рѣдко улыбка прояснялась на прелестныхъ устахъ ея, и попечительная мать скоро замѣтила въ ней эту перемену. — Нерѣдко, по цѣлымъ часамъ просиживала Антонія въ глубокой задумчивости, вперивъ взоры свои на какойнибудь одинъ предметъ. Тайная грусть тяготила ее; но никто не могъ проникнуть ее мечали, узнать причину ее задумчивости.

Маіоръ Р. лишившись въ одномъ сраженіи въ минувшую кампанію лѣвой руки, и тяжело раненый въ голову, оспался опъ полка своего въ Москвѣ для излеченія ранъ, и хотя въ послѣдствіи получилъ облегченіе, но разстроенное здоровье не позволяло ему продолжать службы—и онъ поселился въ Москвѣ.

Маіоръ Р. имѣлъ чрезвычайное сходство съ Владиміромъ. Тѣ же черты лица, такой же звучный и пріятный голосъ; поппъ же стройный станъ и величественная поступь и почти въ однихъ съ нимъ лѣпахъ. — Родителей Антоніи забывались, когда смотрѣли на него, когда говорили съ нимъ. Это открыло ему входъ въ домъ Генерала Б**, и вскорѣ пріятнымъ, непринужденнымъ обращеніемъ заслуживъ общую довѣренность и любовь, сдѣлался какъ-бы своимъ, какъ-бы членомъ этого маленькаго семейства.

Кто хотя однажды видѣлъ Антонію, поппъ уже любилъ ее. Что же долженъ чувствовать поппъ, кто всякой день былъ съ нею, кто съ каждымъ днемъ открывалъ въ ней новыя достоинства, новую очаровательность. — Р. полюбилъ Антонію и полюбилъ такъ, какъ только можно было любить Антонію.

А Антонія? — Нужно ли упоминать, что она болѣе всѣхъ была поражена сходствомъ Маіора съ ее другомъ-братомъ? Надобно ли говорить, что она эпою милою копіею занималась такъ, какъ-бы самимъ подлинникомъ?

И такъ, могла ли она не любить того, кто напоминалъ ей Владиміра? Она сначала смотрѣла на Маіора, чтобъ видѣть черты брата; говорила съ нимъ для того, чтобъ слышать милый, знакомый сердцу голосъ; а потомъ опъ того, что уже она не могла не смотреть на него; опъ того, что уже не могла не говорить съ нимъ—и вошь ее іпайна.

Кто любилъ, кто былъ любимъ, поппъ знаетъ, какимъ образомъ открываются чувства любящихся. Я скажу просто: Р. и Антонія нашли случай говорить наединѣ. Въ минушу сладостнаго самозабвенія, въ упоеніи спрости—Антонія изъяснила предъ Р. свои чувствованія, и кляшвы въ вѣчной вѣрности передавались опъ одной другому въ безчисленныхъ выраженіяхъ.

Еще, кажется, не вполне обнаружилось чувства ихъ; еще, кажется, Антонія не совершенно упилась блаженствомъ слышать впервые *люблю* изъ устъ любимаго человека; еще, кажется, они не довольно наглядѣлись другъ на друга; но уже судьба готовила для нихъ первый ударъ свой, ударъ, едва ли переносимый въ первые минушы блаженства, въ минушы райскаго наслажденія взаимною любовью. — Едва только Р. успѣлъ получить согласіе Антоніи просить руки ее у ея родителей, и намѣреніе было еще ихъ собственною іпайною, и въ то время—какъ предположеніе сіе занимало всѣ мысли Антоніи, когда она, одинокая, въ своей комнатѣ предавалась сладостнымъ мечтамъ о предметѣ, столь еще для нее новомъ, съ такимъ неперивѣнемъ ожидаемомъ,—входитъ къ ней камердинеръ Генерала Б* съ докладомъ, чтобъ она поспѣшила къ опцу своему—въ кабинетъ. Невольный пререпъ пробѣжалъ по ея жиламъ; какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что ей готовится неожиданное бѣдствіе.

«Антонія!» сказалъ ей ласково отецъ, когда она вошла въ кабинетъ—«я хочу говорить съ тобою, сядь и выслушай меня: мои лѣша и слабое состояніе моего здоровья не позволяютъ мнѣ надѣяться прожить долго. Твоя мать также очень, очень слаба. Намъ извѣстно твое чувствительное, доброе-сердце, и зная твою нѣжную къ намъ

привязанность, не хопѣлось бы огорчать тебя такою мыслию; но свое собственное благополучіе, спокойствіе своею жизни опѣ насъ этого пребуютъ. Ты уже въ такомъ возрастѣ, что уже тебѣ пора избрать достойнаго друга—пора думать о замужествѣ.— Послушай, Графъ Г., истинный другъ мой и старый мой сослуживецъ, просишь твою руку для своего сына.—Ты знаешь Эдуарда: онъ прекрасный, образованный молодой человекъ и хопя, говоря опкровенно, немножко вѣтренъ, но за то онъ Графъ съ 2000 душъ, единственныи наследникъ богатаго своего опца. Антонія! я ожидаю твоего согласія.»

Я не берусь описывать, что чувствовала Антонія, когда слушала слова опца своего. Довольно вообразить, что, когда еще сладкій шопоть любви опзывался въ еѣ слухъ, когда еще сердце не перестало шрепешать опѣ перваго признанія, когда еще клятва, никому не принадлежащая, кромѣ Р., казалось, не сошла съ устъ ея—руку ея предлагающъ другому—и кому? Эдуарду, развращенному, ненавистному, презрѣнному во мнѣніи людей благомыслящихъ.— Она хопѣла говорить, хопѣла опкрыть душу, обнаружитъ передъ опцемъ тайныя чувствованія своего сердца—но шщетно.— Языкъ ея какъ будто опѣмѣлъ. Казалось, жестокая, тяжелая рука сжимала ея сердце.— Поблѣднѣвшая, пощупивъ неподвижно глаза въ полъ, сидѣла Антонія, какъ окаменѣлая— не произнося ни одного слова; коварный опецъ бросаетъ испышующій взоръ на шренещущую дочь свою, какъ-бы желая проникнуть въ ея душу.

Оба молчали нѣсколько минушъ; опецъ не домогался скорого отвѣта, напередъ будучи увѣренъ въ непрекословномъ ея согласіи; наконецъ, крупныя слезы полились изъ глазъ Антоніи, спѣсенная грудь ея нѣсколько облегчилась—она падаетъ къ ногамъ жестокаго своего опца.

—Башюшка, рыдая произнесла она, проститіе виновную. Я не могу располагать сердцемъ—не могу опдать руки моеи—выслушайте! умоляю васъ, ради Бога, не погубите дочь вашу.—Я, Башюшка—я люблю; я поклялась въ вѣчной вѣрности—я уже

опдала руку мою. Никому, никому не могу принадлежать я, кромѣ Маібра Р.

«Какъ!» загремѣлъ Б*, «и ты могла, ты осмѣлилась располагать своею рукою безъ моего согласія, безъ благословенія своихъ родителей? Несчастливая! О, какъ жестоко, какъ неожиданно обманулся я! Могъ-ли я думать, чтобы дочь, въ которой заключалась вся надежда моя, которая, казалось, служила примѣромъ скромности и дѣтской горячности, чтобы она очернила, опозорила опца своего, и положила неизгладимое пятно на честь мою—доселѣ столь неприкосновенную, столь чистую!»

Нѣтъ, вскричала Антонія, я не заслужила этихъ упрековъ. Но, Башюшка, подумайте: могу-ли я, слабое швореніе, управлять теми чувствами; могу-ли сказать сердцу—не люби; могу-ли принадлежать я кому либо, кромѣ того, которому посвящено каждое бѣеніе моего сердца? Нѣтъ! никогда, никогда! Боже! Родитель мой! уже-ли слезы мои не пирогаютъ васъ? Неужели опчаяніе мое не перзаепѣ вашего сердца?—Башюшка! сжалось надо мною—я не могу жить безъ него.

Б* молчалъ.—Что-то страшное изображалось во взорахъ его. Онъ хорошо зналъ Антонію, зналъ благородную душу ея, и потому, не надѣясь вынудить ея согласіе угрозами, онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости.

Коварство избрѣшательное. Онъ мгновенно расположилъ новый планъ оболъщенія, и показавъ видъ, что онъ понимаетъ страданія своей дочери и какъ-бы соболѣзнулъ, началъ говорить смягченными голосомъ.

—«Встань, дочь моя,» сказалъ онъ ей, взявъ ея за руку.—«Доселѣ я скрывалъ опѣ себя ужасную тайну.—Узнай ея. Шестъ лѣтъ тому назадъ, я занялъ у Графа большую сумму денегъ подъ залогъ всего моего имѣнія.—Нынѣ кончился срокъ, я не въ силахъ уплатить долга, и потому, долженъ лишиться всего, что имѣю.—Вообрази, можешь быть, обремененные нуждою; можешь быть, безъ куска хлѣба, безъ приюта, гдѣбы преклонить голову—родители твои привуждены будущъ влачить послѣдніе дни свои въ спыдѣ и горести.— Антонія, неужьшо ты рѣшишься погубить насъ? Ужели сердце свое не про-

гаешь ужасная будущность—намъ предспоящая?—Умоляю себя, преодолѣй, превозмоги неумѣстную спрасъ твою. Пожертвуй своею рукою и спаси своихъ родителей отъ позорной нищеты.»

Онъ закрылъ лице руками и съ прищворнымъ опчаяніемъ повергся въ кресла. Любовь къ Р. и обязанность дочери боролись въ сердцѣ Антоніи; несчастная не могла пропиться силъ священнаго чувства. Тщепно сердце напоминало ей, что оно не можетъ биться для другаго; щепно воображеніе представляло опчаяніе обманунаго любимца души ея: все свершилось! Вѣроломство воспоржествовало—и Антонія произнесла роковой обѣщъ повинувшись воли родителя.

Испоргнувъ такимъ образомъ согласіе дочери, Б*, подъ какимъ-то предлогомъ опказалъ Маіору Р. отъ своего дома, и, пользуясь наружнымъ спокойствіемъ Антоніи, успѣшилъ совершить обрученіе ея съ молодымъ Графомъ, и не далѣе какъ черезъ мѣсяць назначилъ день, въ который жертва корысти и вѣроломства должна будетъ произнести предъ священнымъ алтаремъ нерушимую клятву въ вѣрности человеку ненавистному.

Антонія, находясь по большій часъ въ удивеніи, предалась совершенно поскѣ своей; грусть ни на минушу ея не оставляла; ничто не представлялось къ ея упѣшенію. При одной мысли о приближеніи ужасной минуты, въ которую должна будетъ рѣшиться ея участь навѣки, кровь замирала въ ея жилахъ—столь шлгостно было ея положеніе: но, сохраняя приличіе, обязанная безусловнымъ повиновеніемъ даровавшему ей жизнь, она въ присутствіи жениха своего, спаралась казаться, если не совершенно веселою, по крайней мѣрѣ, не столь огорченною.

Чувствительная, щжная мать Антоніи, очень ясно понимала поску единственной своей дочери, и душевно сокрушалась объ участи несчастной. Антонія, опчаяясь съ нею наединѣ, свободно могла ей переливать поску свою; ей открывала она свои чувствованія; на ея грудь проливали благошворныя слезы: и эщо одно, быть можетъ, удер-

живало ее въ всей жизни, облегчая бремя непереносимаго спраданія.

Въ одинъ вечеръ Антонія, съ привычною печалію, съ грустною думою, сидѣла въ опдаленной алѣ родительскаго сада; предавшись влеченію сердца, она мыслию переносилась къ незабвенному своему другу, къ милому Р.; надежда на благополучіе была уже совершенно пошеряна. Счастіе едва, едва ей улыбувшееся, исчезло какъ метеоръ, какъ призракъ сна; но еще неясныя мечты закрадывались въ ея душу; она хотѣла еще оставаться въ заблужденіи—ипакъ сильно въ ней было опшращеніе отъ противосердечнаго брака. Въ сихъ мечпахъ она слышавъ—недалекъ зашевелились листья, кто-то приближается; Антонія успремляетъ взоры, и—о Боже! эщо былъ онъ!—Кто выразишь, что чувствовала Антонія при видѣ сего прелестнаго образа? Маіоръ Р. стоялъ передъ нею, блѣдный; горестъ исказила очаровательныя черты лица его; съ спрудомъ можно было узнать его. — Помупившійся взоръ, впалыя щеки, все ясно показывало, что онъ перенесъ и что преперпѣваетъ въ душѣ своей.

Испуганная Антонія не знала на что рѣшиться; долтъ чеспи говорилъ ей, что она должна избѣгать тайнаго свиданія съ человекомъ, которому не можетъ принадлежать рука ея; она готова была убѣжать отъ него; но Р. успѣлъ схватить ее за руку.

«Вы бѣжите отъ меня, милая Антонія!» сказалъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ; «но я васъ долго не задержу; прошу у васъ только одной минуты. Я захвалъ съ вами проспиться; лошади уже гошовы; я оставляю по мѣсто, гдѣ всякій предметъ, всякое обшоятельство напоминаетъ мнѣ, что я не могу быть болѣе счастливымъ; шо мѣсто, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ васъ; гдѣ впервые услышалъ отъ васъ слово *люблю*, и гдѣ навѣки похоронилъ свое счастіе! Антонія! вы не сдержали вашего слова; другой счастливецъ будетъ обладать вами; но видишь Богъ, какъ я люблю васъ! и не смопря на всю вашу невѣрность, я.....»

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БУРЯТСКАЯ ПѢСНЯ.

Бальчжа! ты видишь ли обонь⁽¹⁾,
Вдали, надъ свѣшлымъ Горуканомъ?
Когда лазурный небосклонъ
Ночнымъ заспелется шуманомъ:
Я буду шамъ.

*

Тамъ близъ обона естъ курганъ,
Кругомъ обложенный камнями;
Подъ нимъ покоився Шаманъ,
Донынѣ грозный между нами:
Я буду шамъ.

*

Его кыценъ⁽²⁾ еще виситъ
Надъ одинокою могилой,
И въ вѣшеръ буйный онъ звучитъ,
Бальчжа, и дико и уныло:
Я буду шамъ.

*

Я знаю, робкимъ спрашенъ онъ,
Сей холмъ съ погибнувшимъ Шаманомъ;
Иди безстрашно за обонь,
Не пренеци передъ курганомъ:
Я буду шамъ.

*

Мой легкій конь съ ухра спонитъ
Въ сѣдлѣ съ роскошною насѣчкой,
Еще съ развѣтша онъ звенитъ
И актамчжами⁽³⁾ и уздечкой:
Я буду шамъ.

*

Лишь ночи звездочка блеснетъ,
Какъ взглядъ Бальчжи въ странѣ небесной,
Мой конь, какъ вихрь, перенесетъ
Меня къ обону, — другъ прелестной,
Бальчжа, будь шамъ.

А. Тоскинъ.

Ачинскъ.

Примѣчанія.

(1) *Обонь* — острая груда камней, предъ которою Буряты совершаютъ свои моленія.

(2) *Кыценъ* — на языкъ Бурятовъ означаетъ Шаманскій бубень.

(3) *Актамчжи* — принадлежность Бурятскаго сѣдла, кошорая производитъ звонъ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ЛУДОВИКА ХVII (*).

(Сочиненіе Виктора Гюго.)

Проснись, Капеть!

Врата небесныя, златыя растворились;
Огни Святой Святыкъ очамъ разоблачились;
На мигъ предсталъ весь рай, сіяніемъ дыша,
И лицамъ избранныхъ явился видъ прелестный:
Среди двухъ Ангеловъ, въ чертогъ парила звездный
Младая пѣкая душа.

То былъ дитя, края оставившій земные;
Упылый, онъ являлъ, что въ горестяхъ погасъ;
По блѣдному лицу вились волосы златыя;
И дѣвы райскія, возвысивъ пѣсней гласъ,
Главу его вѣнцомъ невинности покрыли
И мучениковъ пальмами обвили.

И вдругъ послышалось изъ облаковъ:
— «Господь призвалъ тебя въ небесныя долины,
«Дитя, въ объятія къ нему приходи вновь;
«А вы, хвалящіе Владыку всѣхъ міровъ,
«Архангелы, Пророки, Серафимы,
«Склонитесь предъ царемъ;
«Воспойте, мученикъ грядешъ къ вамъ съ порже-
ствомъ!»

— «Но гдѣ я царствовалъ?» спросила шѣнь младая;
«Не Царь, а узникъ я; въ пемницѣ изпывая,
«Вчера я вдругъ уснулъ печалесъ, одинокъ.
«Повѣдай мнѣ, Господь, гдѣ царствовалъ я могъ?
«Родипель мой погибъ; горька его кончина!
«Мучители отца не пощадили сына;
«Во мнѣ ихъ лдъ; увы! я сиръ; здѣсь мать моя,
«Которую въ мечтахъ на небѣ видѣлъ я!»

И Ангелы въ отвѣтъ: — «Гряди, пришедъ
желанный!
«Твой духъ оставилъ міръ, печесъемъ обуянный;
«Бѣги отъ шой земли, гдѣ преломляютъ крестъ,
«Гдѣ царствуетъ убійства духъ и злобы,
«Гдѣ, вырывая гробы,
«Оспанки царскіе его превозитъ перстъ.»

(*) Донынѣ, сынъ несчастнаго Людовика ХVI и Маріи-Антуанеты, страдалецъ, кончившій жизнь въ пемницѣ, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Увѣряютъ, будто бы онъ умеръ отъ яда, даннаго ему сообщниками Робертъера. — В.

— «Какъ! долгихъ дней уже-ль окончили я оста-
покъ?»

Онъ вымолвилъ: — продись, мой сонъ, ты слиш-
комъ сладокъ! —

«Уже-ль шемничный спражъ, изъ райской сей мечпы

«Не воззоветъ меня? Воздѣвши къ Небу руки,

«Я умолялъ его мои окончили муки;

«Иль, Господи, мольбу мою услышалъ ты?

«То въявь ли со мной? я взялъ ли изъ неволи,

«И умереть блаженство мнѣ дано ли?»

«Ахъ! вы не знаете, какъ я несчастливъ былъ!

«День каждый новыя бѣды мнѣ приводилъ;

«Я плакалъ, не имѣвъ и мащери; она бы,

«Съ улыбкой на устахъ, на врикъ мой спала пѣшь!—

«Неисчерпаемыхъ и лютыхъ казней снѣдъ,

«Со снѣбля сорванный, цвѣшокъ забвенный, слабый,

«Я рано изгнать былъ и ввергнутъ въ тяжкій плѣвъ,

«Не вѣдавъ, чѣмъ я спалъ пресупенъ средь пеленъ.

«Но сладоспныхъ и я не чуждъ воспоминаній,

«Хотя въ душѣ моей ихъ слѣдъ почти пропасть;

«Во снахъ моихъ народъ меня благословлялъ;

«Мнѣ слышался и плескъ и славы опзывъ давший.

«Мгновенно палъ на всё таинственный покровъ;

«Объшованнаго грядущаго не спало;

«Я былъ дитя, но, ахъ! и на меня возпало—

«Внезапно соннице враговъ!

«Меня живаго въ еклепъ могильный заключили;

«Мой взоръ блуждалъ во шмѣ, въ слезахъ, добыча
грезъ;

«Но, братья милые, крылатый хоръ небесъ!

«Во снахъ моихъ, ко мнѣ вы часто нисходили.

«Померкли дни мои въ рукахъ враговъ моихъ;

«Но злые не всегда-ль несчастны? О Всевѣчный!

«Услышь мольбу мою, внемли мой зовъ сердечный!

«Ахъ! я молюсь Тебѣ за нихъ!»

И пѣли Ангелы привѣта голосами:

— «Раскрывъ передъ шобой ковчегъ: теки за нами:

«Чело швое звѣздой, а рамена крылами

«Украсятъ швои; и плачущихъ дѣшей

«Ты съ нами полетишь лелѣишь,

«Или на солнцы въяшь

«Дыханьемъ юнаго сіянія лучей.»

Но вдругъ умолкнулъ хоръ; свяпые преклонились,
И нѣкій, мнилося, настала великій часъ;
Среди пѣмыхъ небесъ міры остановились,
И—въ безконечности раздался вѣчный гласъ:

«Монархъ! ты не исполни съезть земныхъ оправы,

«И на шемничный мракъ смѣнилъ чертоги славы.

«Благословляй свои несчастія; чрезъ нихъ

«Мой сынъ, блестящаго избѣтъ ты рабства шрона,

«И лзвъ не врѣзала въ чело швое корона,

«Хоть лзвы опъ цѣпей на раменахъ швоихъ.

«Дитя! согбенъ ты былъ подъ шягопою жизни;

«Межъ пѣмъ какъ сыпалась, среди земной опчизны,

«На колыбель швою златыхъ надеждъ цвѣшы.

«Уптѣшься, и Господь спрадалъ.—Мой сынъ, какъ ты,

«Въ терновомъ былъ вѣнцѣ, и, жертва поруганій,

«Не скипетръ, просшь держалъ во длани.»

И. Погровскій.

Ш А Р А Д А.

Вседневный опытъ насъ, къ несчастью, убѣждаетъ,

Что самолюбіе, въ сужденьяхъ и рвчяхъ,

Мое начальное раждаетъ:

Оно живеть на всѣхъ докучливыхъ устахъ,

Последнее — болѣзнь. Надежда на водахъ,

Надежды сладоспной эмблема —

Моямъ чипашелямъ вся *тема*.

М. Корольковъ.

Въ No 74, помещенный логогрифъ, есть: *Platitude—*
Eatitude.

М O D E S.

Parmi les détails les plus saillans étaient un chapeau de paille de riz avec trois petites aigrettes en esprit, les pieds, également blancs, étaient réunis par un nœud de ruban. Ces trois aigrettes étaient disposées en éventail.

Les coiffures en cheveux étaient, en général, fort simples. quelques-unes avaient, sur le côté, des bouquets en petites roses pompon ou d'autres petites fleurs légères; le plus grand nombre n'avaient qu'une seule natte en couronne.

La plupart des robes étaient blanches, en jaconas ou mousseline. Quelques-unes brodées au-dessus de l'ourlet en couleur.

Beaucoup de redingotes ouvertes et garnies d'une petite dentelle, presque toutes à deux pélerines.

Pour la promenade, un nouvel ornement pour les capotes, est une espèce de soleil formé par des rubans coupés à pointes très-aiguës, posées les unes sur les autres, et toujours diminuant de longueur en s'approchant du centre.

Sous les pantalons de coufil, on place quelquefois un galon de fil blanc, large de deux doigts, qui cache la couture des côtés.

Sur les pantalons de drap, il est beaucoup plus élégant de mettre cette bande en drap pareil que d'une couleur tranchante.

М О Д Ы.

Опишемъ подробно одну басповую шляпку съ премою небольшими хохолками, сдѣланными en esprit, корешки также бѣлыя схвачены банпомъ изъ ленпъ. Сія при хохолка расположены опахаломъ.

Прически изъ волосъ вообще были очень просты; у иныхъ, на боку, букешы изъ маленькихъ розъ или другихъ какихъ мелкихъ легкихъ цвѣтшвъ; по большой же части видны были косы сдѣланныя короною.

Большая часть платьевъ бѣлыя, жаконетовыя или кисейныя; нынѣ вышиты цвѣпнымъ сверкъ рубца.

Много также открытыхъ рединготшвъ, обшитыхъ узенькимъ кружевомъ; почти всѣ съ двойными пелеринками.

Для прогулокъ, на капоты прикалываютъ новое украшеніе, это родъ солнца изъ ленпъ обрѣзанныхъ самыми острыми мысками, и наложенныхъ одна на другую, къ срединѣ все короче.

На каломенковыя панталоны, для прикрытія боковыхъ швовъ, кладущъ иногда,

бѣлый нишпый галушь, шириною въ два пальца.

На суконныя панталоны, несравненно приличнѣ класпъ эпю полоску изъ такого же сукна, нежели яркаго цвѣта.

С М Ъ С Ъ.

Доколь наслаждаемся мирною жизнью, доколь не тревожимы никакимъ страхомъ, доколь мы не относимъ къ Верховному Провидѣнію нашего благоденствія; но какъ скоро постигло насъ несчастіе: то обращаемъ на Него всѣ наши обвиненія.

Блескъ золоту даешъ его унопробленіе.

Жизнь, проведенная въ пупешествіяхъ, доставляетъ много знакомыхъ, но ни одного друга. Всѣ такія перемѣщенія суть не иное что, какъ волненіе, большого разума. Первый шагъ къ внутреннему спокойствію — умѣшь угнѣздиться на одномъ мѣстѣ. Бышь вездѣ, значить: ни гдѣ не бышь.

Нѣсчастіе есть высшее училище, а опыты великая наука.

Ни домъ, ни городъ, ни народъ, ни государство, ни цѣлый Свѣтъ не могутъ существовать безъ управленія.

Не потому человекъ бѣденъ, что имѣетъ мало, а потому, что желаетъ много.

Какъ рука моя не можетъ удержатъ брошеннаго мною вверхъ камня, такъ и усія мои не могутъ возвратитъ произнесеннаго слова.

Ласкашельство тѣмъ опаснѣе, чѣмъ оно ближе подходитъ къ правдѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картинами модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 23 ДНЯ, 1831 ГОДА.

Брагья, всю вражду забудемъ!
Станемъ въ шихомъ миръ жить!
Тамъ насъ будетъ Богъ судить,
Какъ мы здѣсь другъ друга судимъ.

(Изъ Шиллера.)

Мансуровъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О Х О Л Е Р Ъ.

*Письмо первое Оадеа Львовича Остромыслим-
скаго къ Александру Михайловичу Дубовикову.*

Н. . . т., Января 16, 1830 года.

Ты прѣбуешь опъ меня подробныхъ свѣ-
дѣній о Холерѣ, опусшопившей въ минув-
шемъ году нашъ цвѣтущій городъ: ты на-
палъ именно на того челоѡка, котораго
тебѣ надобно. Никто не въ состояніи дасть
тебѣ на свои вопросы опвѣповъ споль
удовлетворительныхъ. *Увѣряю* тебя въ
этомъ съ пакою же *самоувѣренностью*, съ
какою блаженный Издашель *Высоко-взгляд-
ной Жаланги, увѣренный*, — не вѣдаю поче-
му, что онъ ученѣйшій, замысловапѣйшій,
угодливѣйшій изъ Оспъ-Индскихъ журна-
листовъ, — силится *увѣрить* въ этомъ Евро-
пу, Азію, Африку, Америку и Австралію.
Причины, дающія мнѣ право такъ мыслить,
суть слѣдующія: во время свирѣпствованія
Холеры я не переселялся на дачу и, живучи
въ городѣ, 15 дней совсѣмъ не выходилъ со
двора, а послѣ выходилъ рѣдко, и по по-
крайней надобности. Съ природы не будучи

ни храбрецомъ до дерзости, ни боязливымъ
до прусоспи, употребляя я всѣ способы
предосторожности; однакоже не курилъ денно
и ношно маленькихъ комнапокъ своихъ уду-
шающимъ хлоруромъ, не глопалъ поминупно
Гофманскихъ капель, не пилъ мяпной воды
за колодезную. Ты былъ моимъ госпемъ въ
домѣ просвирни *Харламовны*, у Воскресенія
Звоннаго; ты первый вымѣрлялъ, что садикъ
мой проспирается на 150 шаговъ въ длину и
на 63 въ ширину, и прежде всѣхъ заморскихъ
путешественниковъ составилъ деревьямъ,
въ немъ прозлабающимъ, вѣрный счетъ, по
коему оказалось: 2 попола, 1 ель, 14 берѣзъ,
6 рябинъ, 1 черемуха и десятка два кусповъ
сирени и акацій. Согласись, что нѣтъ мѣ-
ста, споль удобнаго для размышлений и вы-
водовъ: высокій съ прѣхъ споронъ заборъ—
заставляетъ душу невольнo съѣживаться
(концентрироваться); пѣснопа мѣста не
дозволяетъ распускать глазъ (разѣеиваться).
Тутъ-по, просидѣвъ на зелѣной софѣ шестъ
недѣль почти неподвижно, я имѣлъ и до-
сугъ и удобно наблюдашь ходъ Холеры,
смотря въ скважину забора на больныхъ,
препровождаемыхъ въ больницы, на усоп-
шихъ, возимыхъ на кладбище цѣлыми сопа-

нами, и на здоровыхъ, при встрѣчѣ взаимно другъ друга наблюдающихъ, дичащихся, упыкающихъ носы въ плашки, напрысканные укусомъ чепырѣхъ разбойниковъ. Сообщу тебѣ свои вышшіе взгляды, свои выводы; но ты знаешь, дорогой другъ, мою склонность къ сапирѣ; знаешь, что я въ самыхъ печальныхъ предметахъ нахожу смѣшное, въ самыхъ бѣлыхъ людяхъ открываю черные пятнышки—и на оборотъ.

Это предисловіе къ тому, чтобы ты не сътовалъ на меня за то, что я и въ Холерѣ отыскалъ хорошую сторону. Да! точно такъ! я говорю не въ шутку. Сей бичъ гнѣва Божія поражаетъ почти всегда порочныхъ, неосторожныхъ, робкихъ и печальныхъ. Безчеловѣчье, чѣмъ со всѣми другими людьми, постыжаетъ она съ пьяницами; не любитъ шѣхъ, кои дрожатъ въ ея присутствіи. Смори ей въ глаза прямо—и она тебя не пронетъ: шрусъ-врачъ, шрусъ-Генераль гибнутъ подъ ея косою. По снранной противоположности, она также не пернишь и дерзкихъ, презирающихъ ея могущество. Въ особености (эпо ей не дѣлаешь чести!) караетъ людей хилыхъ, спраждующихъ невареніемъ желудка, или слабостью нервъ: часто одного стакана холодной воды, одной рюмки мороженаго было достаточно. На примѣръ: двадцати-двухлѣтняя Француженка—учительница, жившая у помѣщика Т—ва, свѣжая, какъ наливное яблочко, попросила за обѣдомъ стаканъ холоднаго квасу, благоразумные хозяева ей отказали. Послѣ стола, она велѣла горничной скрытно принестъ себѣ бупылку кислыхъ щей въ садъ и, съ перваго стакана, почувствовала головокруженіе: семь часовъ спустя, она уже лежала въ гробу, между шѣмъ, какъ Полковница П....ва, чахоточная, здравствуетъ. Толстая и глупая, какъ Холмогорская корова, Провіантмейстерша *Рожкова*, обрадовалась дешевизнѣ дынь—и сожрала послѣ ужина полуудовую: Холера въ ту же ночь сожрала ее. Сестра ея, Оберъ-Кригсъ-Коммисарша *Светильниина*, нѣсколько лѣтъ спрдавшая разслабленіемъ нервъ и желудочными спазмами, кончила жизнь свою отъ рюмки мороженаго. Ты, въ бытность твою въ П....ѣ, шрешьяго года

лѣтомъ, вѣрно замѣшилъ высокаго роста, храбраго Маіора *Верзилина*? Онъ при тебѣ утверждалъ, что наши прапрашурь—*Адамъ* и *Ева* бесѣдовали въ раю о любви по Славянски, что Вавилонъ (Babylone) поспроенъ Русскими: ибо имя его есть чисто-Русское и значитъ *Бабье лоно*, что Вѣна принадлежала въ старину Славянамъ и что одинъ изъ Великихъ Князей нашихъ отдалъ ее въ *Вѣно* за дочьрю, что слово: *Кабинетъ* придумано Варяго-Россами и означаетъ *тайникъ*, комнату, въ которой хозяина—*какъ-быльть*. Эпоть *Верзилинъ* вообразилъ, что Холеры не существуетъ въ нашемъ городѣ и что она вымышлена Нѣмцами-медиками для разоренія Русскихъ огородниковъ. Въ горячкѣ патриотизма, онъ хотѣлъ доказать безвредность сырыхъ овощей бравому Офицеру: съѣлъ залпомъ чепыре десяшка свѣжихъ огурцовъ—и заплашилъ жизнью за доброе мнѣніе свое о Россійскомъ желудкѣ. Богачиха *Глушадова* попарилась на верхнемъ полку въ банькѣ, а потомъ, отдыхая въ передбанникѣ, выпила цѣлый жбанъ малиноваго мѣду со льдомъ! Въ полночь почувствовала нестерпимую боль подъ ложкою; черезъ полчаса обнаружилась рвота, поносъ, корчи. Тщетный вопль ея слышанъ былъ по всей улицѣ. Черезъ три часа смерть навѣки сомкнула ей уста и вѣжды. Извѣстная писательница наша *Лѣтова* чуть, чуть не переселилась туда, идѣже нѣтъ ни плача, ни воздыханій: она въ одномъ коленкоровомъ плащницѣ вздумала прогуливаться позднимъ вечеромъ по городскому саду. Сердобольный врачъ *Веселонравовъ*, побѣдоносно сражавшій Холерную гидру, въ послѣдствіи времени возгордился своими успѣхами и, одинъ разъ, забывъ лютоспіе заразы, покушалъ икры да солененькой рыбки на званомъ завтракѣ, да запилъ двумя бупылками Шампанскаго, и съ безпечноспію отправился въ больницю. Это значило тоже, что подставилъ открытый бокъ шпагѣ непріятеля: Холера умершвила его! Ничто не сердило меня столько, какъ невоздержаніе на пищу. Одинъ Капитанъ, пожилыхъ лѣтъ, ошець и единственныи кормилецъ большова семейства, и, какъ всѣ его знакомые свидѣтельствуютъ, чело-

вѣкъ спетевный и умный, кончилъ дни свои позорною смерпью — онъ объѣлся малины съ густыми сливками. Одинъ Профессоръ, который чрезмѣрно боялся заразиться, и не только свою кварширу, но и коляску ежедневно опрыскиваль хлорурнымъ растворомъ, накликалъ на себя Холеру, похлѣбавъ за ужиномъ бошвиньи съ огурцами. Но . . . почка! . . . Еслибъ я имѣлъ сто языковъ и мѣдную грудь, и тогда бы не могъ исчислить всѣхъ случаевъ, въ которыхъ заболѣвшіе напрасно клепали на Холеру: она званая приходила къ нимъ.

Но множество пало невинныхъ жерпвъ подъ всегубительною косою Холеры. О нихъ и теперь, по прошествіи чепырѣхъ мѣсяцовъ, не могу я вспомнить безъ слезъ. Почти прошивъ меня, въ собственномъ домѣ живѣтъ Типулярный Совѣтникъ *Горелькинъ*: у него двое дѣтей: дочь и сынъ, служащій Прапорщикомъ въ одномъ изъ гренадерскихъ полковъ и находящійся въ дѣйствующей прошивъ Польскихъ мяшжниковъ арміи. Мать, до безумія его любившая, прочитавъ въ *Инвазидѣ* о кровопролитномъ сраженіи подъ Оспроленкою, въ которомъ блистательно участвовалъ полкъ сына ея, вообразила, что онъ убитъ. Она спала сперва унывая, потомъ плакала, потомъ сокрушалась. На бѣду ея, письма, приходившіе прежде часно, совсѣмъ не приходили. Это еще пуще утвердило еѣ въ мысли о его смерти. Здоровье ея крайне расстроилось — и Холеръ не лрудно было уложитъ въ могилу, бѣдную, полуумершую спрадалицу. Въ тотъ самый день принесли два письма изъ арміи; но она уже лежала въ гробу.

Прощай до слѣдующей почты!

Примѣчаніе: Сіе письмо, также какъ два, кои будущъ въ слѣдъ за симъ помѣщены въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, увидѣлъ я нечаянно у пріятеля своего А. М. *Дубовикова*, и выпросилъ у него дозволеніе списать ихъ и пустить въ свѣтъ. Здѣсь они являютя безъ малѣйшей перемѣны.

А. *Кораблинскій*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТРАДАЛИЦА.

(Повѣсть.)

(Окончаніе.)

— Нѣтъ! не обвиняй меня, Леодоръ, сказала шепещущая Антонія; но выслушай, если можешь, мое оправданіе.

Она рассказала ему происходившее между ею и опцемъ ея и, такимъ образомъ, обнаружила передъ нимъ причины, побудившія ее измѣнить данному слову, и прошивъ воли сдѣлаться клятвопресупницею.

«Эпо клеветаш!» вскричалъ Маіоръ; «эпо коварный умыселъ пвоего опца! Повѣрь мнѣ, я очень хорошо знаю дѣла его. Онъ никогда не былъ долженъ Графу; но, жестокосердый, онъ приноситъ себя въ жерпву своему пщеславію, въ добычу ненасытному корыстоплюбію. Взгляни на меня, Антонія! я не перенесу разлуки съ тобою. Ты, обманутая, будешь убійцею того, кто посвящаетъ тебѣ каждое біеніе своего сердца!»

Ужась овладѣвъ всѣми членами Антоніи; свѣтъ померкъ въ глазахъ ея — и она безъ чувствъ упала въ объятія своего друга.

Какая мысль не возникнетъ въ головѣ спрашнаго любовника, видя обожаемый предметъ свой въ такомъ положеніи, чтобъ только овладѣть имъ? На что не готовъ рѣшиться онъ, когда спрашная разлука предстоитъ ему съ милою сердцу его? Чего было медлить? — Коляска стояла у задней калитки сада; вечернее время благопріятствуетъ его намѣренію: одно усилие, одинъ шагъ — и Антонія его навѣки. — Свершилось! — Она увезена! — Дихая чепверня почтовыхъ лошадей уже далеко мчитъ ихъ по сполбовой дорогѣ.

Нужно ли говорить, что чувствовала Антонія, когда пришла въ себя? — Она плакала, перзалась стыдомъ и совѣстію; умоляла любезнаго похищителя возвратитъ еѣ подъ кровь родительскій. Но чего не сдѣлаешь любовь? — Въ 40 верстахъ отъ Москвы, въ небольшомъ селѣ, Леодоръ и Антонія, предъ священнымъ алтаремъ, во храмъ Покровицнеля спраждущихъ — сдѣлались супругами.

Всякой можетъ вообразитъ бѣшенство стараго Генерала, когда всѣ его видѣ на

богатство и значныя связи были оборваны; всякой предсавить горестъ матери, лишившейся единственнoй, милой дочери.

Тщешно по всѣмъ дорогамъ были разосланы за бѣглецами верховые; напрасны остались всѣ ихъ поиски.—Р. и Антонія, своротивъ съ большою, по проселочнымъ дорогамъ достигли до села В**, наслѣдія фамиліи Р.

Генераль ошибся въ своихъ расчетахъ; Майоръ не любилъ ослѣплять глаза наружнымъ блескомъ богатства; но онъ обладалъ состояніемъ, превосходившимъ состояніе Графа; къ тому же, благородство его заключалось не въ титулахъ и древности фамиліи, но въ личныхъ достоинствахъ, въ собственннхъ заслугахъ Опечесству, и въ рѣдкихъ качествахъ возвышеннoй души его.

Напрасно Антонія писала къ отцу своему, умоляя простить ей еѣ проступокъ, совершенный, какъ она выражалась, въ невольномъ самозабвеніи.—Ничто не помогало; ничто не было въ силахъ пронуть сердце, закрытое для всего чистаго—хладное къ гласу самой природы: онъ, не только не желалъ видѣть своей дочери, но даже никогда не хотѣлъ слышать и имени ея.—

Между тѣмъ любовь супруговъ нимало не охлаждалась его суровостію, казалось, съ каждымъ днемъ становилась еще сильнѣе. Но прежней Антоніи уже не было. Медленный ядъ, тоска, оправляла ее юность.—Розы на прелестныхъ щекахъ ея смѣнились блѣдностію. Казалось, она умерла для свѣта. Только въ объятіяхъ Леодора, только на его груди она забывалась сладостнымъ, но кратковременнымъ спокойствіемъ; съ однимъ обожаемымъ ею супругомъ она была счастлива.

Такъ прошло три года—и Антонія носила уже на рукахъ двухъ прелестныхъ малюшкѣ. Владиміръ и Лидія, рожденные въ одинъ день, соединяли въ чертахъ своихъ вѣжныя прелести Антоніи съ мужественною красотою Леодора.

Но Антоніи не суждено было наслаждаться счастіемъ.—Она получила роковое извѣстіе: ея добрая мать, недолго переносила злополучіе милой дочери—и Ангельская ду-

ща ея воспарила въ обитель вѣчнаго упокоенія, въ страну неземныхъ наслажденій.—

Ничто не могло утѣшить Антонію въ невозвратимой потерѣ. Скорбь превозмогла слабія ея силы, и она занемогла жестокою горячкою.—Уже Ангель смерти лежала надъ нею; уже свѣтъ жизни угасалъ въ очахъ ея; но Всевышнему угодно было посѣтить ее еще тягчайшими горестями.—и молодость восторжесствовала надъ болѣзнію.

Въ одинъ вечеръ, когда здоровье ея стало уже поправляться и она, припавъ на грудь своего супруга, наслаждалась невинными ласками, прекрасныхъ какъ весенніе цвѣты, рѣзвыхъ какъ бабочки, малюшкѣ: вдругъ послышался колокольчикъ; ближе... ближе... Сердце Антоніи вздрогнуло непонятнымъ предчувствіемъ; растворяются двери и, кто бы могъ подумать—входитъ Владиміръ, вѣжннй другъ ея юности, милый братъ ея, о которомъ уже два года она проливала слезы, какъ по умершемъ, не имѣя о немъ никакаго извѣстія.

Кто опишетъ радость свидѣвшихся, послѣ столь долговременной разлуки, вѣрныхъ, истинныхъ друзей? Одни вопросы, не удовлетворенные еще отвѣтами, безпрестанно смѣнялись другими; они не могли наговориться, не могли насмотрѣться другъ на друга столько, сколько бы имъ хотѣлось.

Но Владиміръ былъ уже не шопъ пылкій, прекрасный юноша. Широкой шрамъ во всю щеку обезобразилъ прелестныя черты лица его. Охлаждалось ко всему окружающему, знакъ перенесенныхъ горестей, заступила мѣсто обыкновенной его веселости. Даже въ первый вечеръ по своемъ пріѣздѣ, онъ уже началъ обнаруживать тоску, свѣдавшую его душу; казалось, на эпой, бывшей когда-то, столь чистой, столь благородной душѣ, пягошѣла ужаснѣйшая пайна.

Эпо еще болѣе крушило, и безъ того уже, столь несчастную Антонію, преданную всею душою милому Владиміру. Но одно обстоятельство еѣ превозило всего болѣе.—Владиміръ, рѣдкій сынъ, примѣръ молодыхъ людей, скорбѣвшій о потерѣ драгоценной матери, проливавщій обильныя слезы при одномъ воспоминаніи о прошекшихъ дняхъ,

проведенныхъ подъ кровомъ родительскимъ— никогда въ разговорахъ не упоминалъ объ общѣ своемъ. Усна его дрожали, блѣдность покрывала лице его, когда Антонія спрашивала: видѣлъ ли онъ его. Опвѣтъ его всегда былъ спраренъ, двусмысленъ и неудовлетворителенъ.

Время проходило; Владиміръ частъ-опъ-часу становился грустнѣе: какая-по мерпвен-поспъ была видна во всѣхъ его поспункахъ, въ каждомъ его движеніи. Ничто его не прогало, не возбуждало его вниманія. Вперивъ померкшіе глаза свои на одно мѣсто, онъ часто просиживалъ по цѣлымъ часамъ неподвижно. Тщепно Р. и Антонія спарались разсвѣять его—иди сорвашъ темный покровъ, заключавшій подъ собою роковую его шайну.

Прошло еще три года; попка совершенно изсушила Владиміра. Казалось, хладный трупъ умершаго имѣлъ въ себѣ болѣе жизненности, нежели Владиміръ въ лучшихъ годахъ своей жизни.

Въ одно утро Владиміръ долго не приходилъ къ сеспрѣ. Антонія посылаетъ спросить о его здоровьѣ; но его не было дома, и компанія была заперта замкомъ. Проходишь часъ, другой—тщепно ожидають его; наступаетъ полдень, его все нѣтъ.—Леодоръ и супруга его потеряли наконецъ терпѣніе; какой-по шайной голосъ говорилъ имъ, что они его болѣе не увидятъ, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе. Они посылали искапать его въ окрестностяхъ, но поиски ошались безуспѣшны. Цикто изъ всего села въ эпошъ день его не видѣлъ.

Разламываютъ дверь, шамъ все было въ прежнемъ порядкѣ. На столѣ лежалъ небольшой свертокъ бумагъ; Антонія увидала его. Сердце сказало ей ужасную истину: она схватываетъ свертокъ, развертываетъ, пробѣгаетъ нѣсколько строкъ, и безъ чувствъ повергаетъ на полъ.

Это были три письма къ Антоніи.— Они ошались у старика въ цѣлости; я читалъ ихъ и списалъ опъ слова до слова—вошъ они.

«Милая сеспра, писалъ Владиміръ; единственный другъ мой! Я тебя оспавляю. Тайный голосъ угрызающей совѣсти шепчетъ мнѣ, что я долженъ поспѣшить шуда, гдѣ ожидаешь меня спокойствіе. Не спа-

райся, продикнушь шайны, сгубившей меня—это невозможно. Не спарайся искапать меня—это шакже будетъ бесполезно. Одна просьба къ тебѣ.—Молись, Антонія, молись бѣдная «спрадалица о погибшей душѣ твоего брата. «Но извергу нѣтъ прощенія Небесъ. Правосудный, гнѣвный, покараешь опщупника, за-«глушившаго въ сердцѣ священнаго чувства добродѣтели.—Долгъ чести, священнаго клят-«ва—все было забыто мною. . . . Но, довольно! «Вошъ все, что могу сказать о себѣ; пожа-«луй несчастнаго.

«Прости мнѣ, несчастный другъ мой, что «я скрывалъ опъ тебя страшное извѣстіе. «Уже 4-й годъ, какъ мы лишились родителя. «Онъ кончилъ жизнь свою на моихъ рукахъ. «Тщепно я умолялъ его простишь твой «просупокъ—ничто не могло поколебать «его непреклоннаго сердца. За два года передъ «своею кончиною онъ написалъ къ тебѣ «письмо. Ты найдешь его въ эпомъ шертц-«кѣ.—Я не могу болѣе писать.—Прости, «Антонія! прости, безцѣнный другъ мой— «Ангель ушѣшишель мой! Оспавляю тебя «навсегда.»

Пригвожденный къ смертному одру, въ по время, когда уже душа готовилась оспавить брешную оболочку свою, жеспокій губитель довершаетъ бѣдствія несчастной дочери.—Слабою, дрожащею рукою онъ начерпалъ ужасныя строки, приводящія въ содроганіе самое холодное, самое безчувствен-ное сердце.

«Дочь, писалъ онъ, принесшая въ жертву «тнусному оболеспителю спокойствіе роди-«телей, приблизившая ихъ къ краю могилы, «опорочившая память ихъ, преступная, раз-«вращал—не ешь дочь, но убійца даровав-«шихъ ей бытіе.—Правосудіе Всевышняго «не дремлетъ! Мщеніе Небесъ покараетъ оп-«поргнушую опъ груди родительской, обре-«мененную вѣчнымъ проклятіемъ. Нѣтъ, ты «не будешь счастлива! Никогда не держай «произносишь имени опца твоего. Мой прахъ «содрогнулся бы въ нѣдрахъ земли, осквер-«ненный дерзоспными успами опверженной. «Еще разъ повпоряю: мое проклятіе надъ «тубою и надъ твоими чадами, если они «дарованы тебѣ для твоего же мученія.—

«Предъ пресполдомъ Всевышняго я буду умо-
лять Его объ опмщеніи.»

Кляшвы родителей, сколько бы онѣ без-
разсудны, безчеловѣчны и несправедливы ни
были, рано или поздно шлагопѣютъ надъ
главою провинившихся дѣшей.— Непосши-
жимая судьба внемлеть имъ и, подобно гра-
ду, разящему невинныхъ вмѣстѣ съ винов-
ными, испосылаеть шучу бѣдспвій надъ
проклятыми. Берегитесь, огорченные опцы,
въ безразсудномъ гнѣвѣ своемъ призывать
мщеніе Небесное на несчастныхъ чадъ ва-
шихъ; но берегитесь еще болѣе прошивъ
нихъ ожеспочахъ навсегда.— Эмошъ при-
мѣръ убѣдишь васъ до чего можешь довести
подобное безчеловѣчіе.—

По скрытіи Владимира протекъ еще съ
небольшимъ годъ въ непрерывныхъ горе-
сняхъ. Опчаяніе Антонія было невыразимо.
Никакое перо не передастъ чувствъ, волно-
вавшихъ грудь ея, до той ужасной минуты,
когда послѣдній ударъ, сильно поколебавъ
душу ея, когда Небо сжалившись надъ спра-
даницею, навсегда помрачило ея разсудокъ.

Въ ночь съ 20 на 21 Маія, 18.. года, пла-
мя охватило стѣны господскаго дома. Ужас-
ный вопль дѣшей, спавшихъ черезъ двѣ ком-
наты онъ спальной родителей, разбудилъ
Леодора.— Спрашная стихія уже свирѣпство-
вала со всѣхъ споронъ. Въ испугъ Леодоръ
вскакиваетъ и на рукъ своей, съ удивитель-
ною быспрошою, по горящимъ бревнамъ
выноситъ полумертвую Антонію изъ пла-
мени; оставивъ ее, онъ шопчасъ же спре-
мится на крикъ погибающихъ дѣшей. Но
уже было поздно—и Леодоръ палъ жертвою
родительской горячности. Едва онъ успѣлъ
переступить черезъ горѣвшій порогъ дѣш-
ской комнаты, какъ, обезсиленный, задушен-
ный дымомъ, упалъ замертво на полъ. Въ
это мгновеніе потолокъ обрушивается, пла-
мя съ новою силою обхватываетъ стѣны
и всѣ средства къ спасенію становятся
невозможны. Леодоръ и его дѣши погибли
невозвратно!

Антонія открываетъ глаза и видитъ весь
ужасъ своего положенія. Слабой огонекъ еще
мелькалъ на развалинахъ; густой дымъ вы-
ходилъ изъ подъ груды камней, подъ коими

было погребено ея счастье, погребено все,
что ее привязывало къ жизни.

Одна въ цѣломъ свѣлѣ, лишенная един-
ственнаго друга, того, для котораго она
пожертвовала всѣмъ благополучіемъ жизни;
поперывшая вдругъ обонхъ дѣшей, дарован-
ныхъ ей Небомъ, хотя для минутнаго заб-
венія горестей—несчастливая спрадалица не
перенесла послѣдняго удара... Свершилось
предопредѣленіе Небесъ — и она лишилась
разсудка.

На другой день крестьяне опрыли обго-
рѣлый прупъ Леодора; но дѣшей не могли
найти: пламя совершенно истребило милыя,
невинныя существа сіи, посстрадавшія за
виновниковъ своего бытія.—

Съ тѣхъ поръ ничто не могло удержатъ
бѣдной спрадалицы. Она день и ночь прово-
дила время на обгорѣлыхъ развалинахъ; ей
даже не было извѣстно, что опшпки мила-
го друга ея были найдены, и что имъ оп-
данъ послѣдній долгъ погребенія.

Антонія никогда почти не входила ни въ
какое жилище, и что всего удивительнѣе,
она болѣе прехъ лѣтъ, преперпывая всѣ
перемѣны климата, оставалась въ живыхъ.
Долго не могли найти средства заставить
ее принимать пищу; но потомъ выдумали
оставлять на развалинахъ разныя купанья;
она подбѣгала къ нимъ и удовлетворяла
еспешственной необходимости, сама того не
понимая; въ прошивномъ случаѣ, голодъ дав-
но бы довелъ ее до могилы. Пользовались ее
сномъ, или минутами, когда она приходила
въ себя—чтобъ перемѣнять ее одежду. Въ
такомъ ужасномъ состояніи проводила дни,
дочь, проклятая своимъ родителемъ»

Вопъ всѣ подробности, которыя сообщили
мнѣ почтенный спарикъ.— На обратномъ
пути моемъ, я снова проѣзжалъ черезъ село
В**.— Учасіе къ спрадалицѣ завлекло меня
на кладбище. Подлѣ могилы Леодора, спольлѣ
другой, подобный первому, памятникъ. На
немъ крупными буквами было изображено:
Антонія Р. Маія 23, 1829 года.

Съ кладбища пошелъ къ доброму спарикъ;
онъ вспрѣшилъ меня со слезами, и, не до-
ждаясь опъ меня новыхъ вопросовъ на

сцепъ своей госпожи, объявилъ, что несчастную страдальцу ровно черезъ 4 года послѣ того дня, въ который она всего лишилась, нашли на развалинахъ, и оспашки ея похоронили, какъ слѣдовало, возлѣ ея друга.—

Евг. Адауровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УТРО НА ЕНИСЕѢ.

Кипучій, быстрый Енисей!

Неси меня своей волною;

Ужъ солнце всходитъ за горою,

Неси меня, неси скорый! —

* * *

Какъ будио синій Океанъ

Клубишь подъ бурными вѣтрами,

Такъ надъ пивонми оспровами

Клубиши упревнѣй туманъ.

* * *

Онъ подымался на ушесь;

Онъ заслонялъ его вершину;

Но вѣтеръ освѣжилъ долину

И въ даль небесъ его унесъ!

* * *

Я видѣлъ: сквозь зеленый лѣсъ

Мелькали горы голубыя,

И розы облаковъ младыя,

И золопой пожаръ небесъ.

* * *

Гордись, рѣка! Я препешалъ

Передъ надводными скалами;

Я жилъ тогда, когда мечтами

Въ странѣ возвышенной лещалъ!

* * *

О Енисей! увижуль вновь

Твои плѣнительныя волны,

И буду ли, восторга полный,

Тупъ пѣшь Творца, себя, любовь? —

* * *

Кипучій, быстрый Енисей!

Неси меня своей волною;

Ужъ солнце свѣтитъ надъ горою

И цѣль близка . . . . неси скорый!

В. Соколовскій.

МЫШЁНОКЪ.

Басня.

Одинъ мышёнокъ полевой,

Быть можетъ, сбившись съ дороги,

Взбѣжалъ на барской дворъ большой

И думаетъ: вотъ истинно чертоги!

Не то, что дымный пашъ овинъ;

Тупъ вѣрно и мясо: вишь жишель господинъ!

Не лучшелъ припаюся,

И выбравъ время—я въ покои проберуся!

Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ. . .

И вотъ уже въ норъ, полною окружёнъ

Мышей домовыхъ,

Несетъ имъ разный вздоръ о временахъ суровыхъ,

И говоритъ, что бросилъ онъ овинъ

За пѣмъ, что вѣлъ лишь хлѣбъ одинъ;—

Но что съ проворствомъ онъ и дерзостью своею

Конечно здѣсь найдетъ и лакомый кусокъ.

«Послушай, мой дружокъ!»

Ему мышъ старая сказала,

«Въ проворствѣ безъ ума, повѣрь мнѣ, шолку мало!

«И ежели мы здѣсь хорошее ѣдимъ,

«То опышны: а пѣмъ и кормъ сей доспается. . .

«Но у шакихъ, какъ ты, мы правду говоримъ,

«И въ мышеловкахъ хвостъ нерѣдко оспашется. . .

«Да, чтобы избѣжать отъ гибели большой,

«И въ зубы не попасть къ копу здѣсь домовому,

«Признайся самъ, что нуешь умъ не швой,

«Что опышность нужна мышёнку полевому!»

*

Подъ видомъ пици въ баспѣ сей,

Писашеля я славу разумью. . . .

Но славы-ль криптику добился Фалелею,

Безъ знаній, безъ ума—лишь съ дерзостью своею

И съ долгошюй Мидасовыхъ ушей.

С.— С.—

Сердобскій Уездъ.

ENIGME.

Construit depuis long-temps, tous les jours on me fait;

On me prend dans les champs, on me prend à la ville:

Ce que j'offre d'unique, et qui l'est en effet,

C'est que, même étant seul, on me compte par mille.

Въ No 75, помещенная шарада значить: *Я-корь.*

M O - D E S.

Si les toilettes n'offrent rien de nouveau, elles ont généralement un ensemble qui plaît: telles sont celles que nous avons remarquées dans plusieurs grandes réunions.

A la dernière fête de Tivoli, où se trouvaient beaucoup d'étrangers, la majeure partie des robes était blanche, et les chapeaux en paille de riz; une légère écharpe de gaze de couleur complétait cette mise simple, mais élégante.

Nous avons remarqué que des dames avaient remplacé l'écharpe longue par le petit fichu de tulle noir: d'autres avaient des demi-écharpes mises en sautoir.

Quelques ceintures se font en ruban large, dont les deux bouts s'agrafent par derrière: un nœud, semblable pour la forme à ceux que l'on porte sur les capotes, cache l'endroit où la ceinture est agrafée.

On remarquait à l'une des dernières représentations de l'Opéra, une capote en taffetas bleu-ciel, à passe tuyautée, et soutenue, ainsi que la forme, par des balcines: un bouquet de plumes lui servait d'ornemens.

Les canezous en mousseline se multiplient, et leur forme varie beaucoup. Un des plus nouveaux que nous ayons vus avait deux jokers tuyautés qui retombaient sur les épaules, le devant et le derrière étaient plissés à plis très-réguliers et égaux: le collet se tenait un peu relevé à la Médicis.

Un chapeau que nous venons de voir est fait en blonde: il a pour ornement un nœud de ruban de gaze.

La pagne grise s'emploie toujours pour chapeaux: on la double assez généralement en rose.

Les cravates en satin noir, qui sembleraient ne pas être de saison, sont plus que jamais en faveur.

Les habits les plus légers sont les seuls que nos élégans consentent à porter pendant ces jours de chaleur. Pour donner à ces habits toute la légèreté possible, nos premiers tailleurs les doublent entièrement en soie d'une nuance assortie à celle du drap.

M O Д Ы.

Если въ нарядахъ нѣтъ никакой перемѣны: то въ цѣломъ костюмѣ есть нѣчто опмѣннo щеголеватое; вопъ наши замѣчали, во многихъ большихъ замѣчаніяхъ.

На послѣднемъ праздникѣ въ Тиволи, гдѣ было много чужестранцевъ, дамы были, по большой части, въ бѣлыхъ платьяхъ и баспovýchъ шляпкахъ; прибавьте къ этому легкой цвѣтной газовой шарфъ, и вопъ все, что составляло сей простой и щеголеватый нарядъ.

Мы замѣтили, что дамы замѣнили длинные шарфы небольшими черными шюлевыми косыночками; на иныхъ были небольшіе шарфы надѣшны крестообразно.

Мы видѣли нѣсколько поясовъ изъ широкихъ леншъ, застегнушыхъ сзади крючками: баншъ, такой, какъ носятъ на капошахъ, прикрывалъ мѣсто, гдѣ поясъ застегнушъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ представлений въ Оперѣ, замѣченъ шафшаной капотъ небесно-голубаго цвѣта; поле трубочками, на коспочкахъ, также какъ и шуля, ошдѣлавъ букешомъ перьевъ.

Кисейныя канзу все болѣе входятъ въ употребленіе, и форма ихъ весьма измѣняется. Одно изъ самыхъ новѣйшихъ, какое мы видѣли, было съ двумя эпюлешами, сдѣланными въ трубочки и упадающими на плеча; задъ и передъ сложенъ правильными и ровными складками, ворошникъ приподнятъ *à la Médicis*.

Мы недавно видѣли блондовую шляпку, на кошорой ничего не было, кромѣ банша изъ газovýchъ леншъ.

Сѣрая пagne все еще употребляется на шляпки; еѣ подкладываютъ по большой части розовымъ.

Черныя апласныя галстуки, кошорые, какъ залось, не приличны бы были по времени года, весьма въ большомъ употребленіи.

Щеголи наши въ сіе жаркое время носятъ только самыя легкіе фраки. Лучшіе наши поршные, чтобы придать имъ всевозможную легкость, подкладываютъ ихъ все шелкового шканью, подъ цвѣтъ сукну.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 77.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 24-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 26 дня, 1851 года.

Хозяйку я люблю, какъ друга, какъ жену,
Но къ Богу я её въ стихахъ не привнжаю;
Съ ней вмѣстѣ коѣ-какъ шягло свое шягу,
Не спрою лиры ей, а по-просту люблю.

Князь Долгорукий.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ ПО ЧИХАНЬЮ.

Искусные наблюдатели люди опасные. Передъ ними нельзя опкрыть ни малѣйшей части состава нашего, по которой бы они не добрались до глубины сердечной. Покажите имъ лице: *челогаданіе* укажетъ имъ всё недоставки, всё прихоти вашего нрава. Протяните имъ руку: они узнають по прямымъ, косвеннымъ, кривымъ и параллельнымъ линиямъ, самыя сокровенныя ваши тайны, какъ будто у васъ сердце было на рукѣ. Если случайно они увидяшь босую вашу ногу: съ помощію *подоскопій* они опкроютъ такія вещи, копорыхъ вы вовсе не ожидали. Не менѣе опасно выставлять носъ передъ занимающимися *риноскопіею*. Какъ бы вы невинно ни смѣялись, *Глазкопическій* трактиръ Прюспера *Альдоріза* пособитъ въ копорымъ наблюдателямъ усмопрѣть въ смѣхъ вашемъ пороки, которые вы спараетесь скрыть отъ самихъ себя.

Что-же остается дѣлать, дабы избѣжать отъ всѣхъ изысканій *физиогномической* науки! Завернувшись съ головы до ногъ, въспанчу, какъ *Сіамскій* жрецъ! Но *Г. Мюсаръ* не опгадещъ ни движеній вашего сердца, по вашей

осанкѣ, поступи? Будьте вы сама богиня, вы не скроетесь:

..... Et vero incessu patuit dea. (*Виргилій*)

И поступь гордая Богиню открываетъ.

Что я говорю! Будьте вы невидимкою и тогда не ускользнете отъ безприсстрастного суда одного ученаго изъ моихъ знакомыхъ, копорому, для совершенія сего непонятнаго усилія ума человѣческаго, нужно только, чтобы вы чихнули. Да, Милоспивые Государя и Милоспивыя Государыни: самое легкое чиханье достаточно для него къ опкрытію непримѣнѣйшихъ оппѣнокъ вашего ума, самыхъ сокровенныхъ изгибовъ сердца и ничтожныхъ прихотей характера.

«Признаюсь, сказалъ онъ мнѣ однажды, чихнувъ съ нѣкопорымъ принужденіемъ, что наука, копорую я называю *этноскопіею*, мнѣ самому сначала казалась сбивчивою; но физиологи, для объясненія чиханія, не должны ли вопрошать грудобрюшную перепонку, лёгкое, горпань, остановляющіе биеіе сердца, наконецъ приводить въ движеніе или бездѣйствіе главныя жизненныя пружины? Если такъ, то сколько вещей опкроется въ чиханіи. Во время онаго бываетъ слышна одна изъ шести гласныхъ буквъ: А. Е. I. O. U. OU;

си гласныя, по своей системѣ, дѣляютъ чиханіе на столько же отличныхъ разрядовъ.

«Кто чихая произноситъ букву *A*, тотъ навѣрное человекъ благомыслящій, благородный, любитель опокровенной веселости; особливо, если онъ послѣ сей гласной прибавляетъ слогъ: *гуль*, то есть *а гуль!* Замѣните же, кто чихая, произноситъ *E*, съ прибавленіемъ *чь*: тогда человекъ скучный, вздорный, ненавистникъ всѣхъ удовольствій, больной по воображенію, можетъ быть, ропшавшій.

«Буква *I* въ такомъ случаѣ означаетъ тихость, скромность. Прелестные Ангелы, которыхъ мы называемъ дѣвцами, очень часто чихаютъ плакъ: *игъ!* Вы легко узнаете жезлолюбца, гордеца, задорнаго спихотворца по буквѣ *O*, ибо фибры его грудобрюшной перепонки сжимающіяся для сильнаго изверженія воздуха горшанью: *уъ!* *угуль!*

«Но берегитесь того, у кого при чиханьи вырывается *U* съ прибавленіемъ гортанной и придыхательной *чьрь*. Это одна изъ пѣтъ мертвыхъ душъ, о которыхъ говоритъ Руссо: быть можетъ это воплощенный свайшша, или Эскобаръ.

«Чего нельзя видѣть въ балетѣ? восклицаетъ Хореграфъ Марсель: а я скажу, чего нельзя узнать посредствомъ чиханья. Я замѣчалъ непреодолимое взаимное влеченіе между людьми, издающими въ чиханьи извѣстные звуки, и кривеями ихъ, отличающимися другими определенными звуками. Если мушкетеръ издастъ звукъ *A*, то скорѣе сблизится его съ пѣмъ, кто чихнулъ слогомъ *игъ*. Они будутъ неразлучны. Таковы были у Грековъ Орей и Эвридика, Филемонъ и Бавкида, а у Римлянъ Сабинъ и Эповина. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ будущи друзьями, которые чихаютъ слогомъ: *агъ*. Касторъ и Поллуксъ, Орестъ и Пиладъ, Низосъ и Эвриаль вѣрно чихали такимъ манеромъ.

«Послѣ сего, неправда ли, сударь, продолжалъ мой ученый, что честные родители, желающіе соединить дѣшей своихъ союзомъ супружескимъ, до заключенія свадебнаго контракта, должны были бы заставлятъ будущихъ супруговъ чихнуть одинъ передъ дру-

гимъ; опшюдь не допускатъ соединенія такихъ паршій, коихъ чиханіе не представляеть симпатическихъ признаковъ, и не прежде благословляютъ союзъ дѣшей, какъ женихъ чихнетъ слогомъ: *агъ*, а невеста опвѣтитъ ему: *игъ?* Тогда вѣрно мы находили бы вездѣ счастливыя супружесыя, превосходныхъ опцевъ семейства, добрыхъ супруговъ. Золотой вѣкъ Цимена снова насталъ бы на землѣ, и наши законодательныя Палаты не принимали бы болѣе просьбъ о разводѣ.

«Одинъ благоразумный молодой человекъ, воспитанный моими правилами, сватался за молодую дѣвушку, чудо прелестней, невинности и красотою: у ней было значительное приданое, что придавало ей новый блескъ. До заключенія контракта, опспорожный молодой человекъ хотѣлъ знать, какимъ образомъ чихаетъ его возлюбленная. Но какъ заставили чихнуть молодую дѣвицу? Дѣшю не бываетъ насморковъ, следовательно опъ ней не дождешься чиханья. Подчиванье табакомъ изъ единственной табакерки, со всею ловкостію записнаго франца, прелестнѣйшей дѣвицы въ свѣтѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, не имѣло удачи. Наконецъ оппылъ сей удался на одной изъ блистательныхъ вечеринокъ. Дѣвушка поднесла къ своему милтому носу нѣсколько апомовъ табаку, влнпыхъ кончикомъ ея маленькаго пальчика... какое очарованіе! Молодой человекъ услышалъ споль желаемое *игъ*. Онъ опвѣчалъ ей симпатическимъ: *агъ*. Онъ запрепеталъ опъ радости; онъ вѣ себя... *игъ! агъ! ... игъ! агъ!* повпторились нѣсколько разъ. Женихъ опшчасъ хочеть подписать контрактъ, должствующій оптвердить его счастье; онъ болѣе не думаетъ о приданомъ. — Вскорѣ онъ объявилъ мнѣ о семъ важномъ событши. — «Да, это хорошо, сказалъ я ему; но не замѣнили ль вы, въ которую сторону обращаетъ невеста голову во время чиханія, вправо или влѣво?» — Мнѣ помнится, опвѣчалъ онъ, что она оборачивалась въ лѣвую сторону. — Прекрасно! вскричалъ я. Еслибъ она повернула голову вправо, то это вѣрный признакъ, что въ ней есть немного кокетства; а еслибъ она чихала прямо, то ужъ вѣрно она была бы своенравна. Носы свѣдали са-

мый счастливый выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ счастливѣйшимъ супругомъ, и дѣти, происшедшіе отъ сего супружества, чихали точно также, какъ ихъ отецъ и мать, каждый, сообразно своему полу. . .»

При сихъ словахъ, онъ удался, поподчивавъ меня напередъ табакомъ, отъ чего я отказался, опасаясь чихнуть симпатическимъ образомъ.

Пер. В. Соколовъ.

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПОЛИШИНЦЕЛЕЙ.

Въ одинъ пріятный лѣтній вечеръ, прелестная супруга Сира де Куси сидѣла на шеррасѣ своего замка. Фрейлины окружали ея богатыя кресла и веселыми пѣнями спарались разсѣять свою владыпелъницу: тщетныя усилія! Ильдеберга, блѣдная и безмолвная, подобно холодному мрамору, безпрестанно устремляла взоры свои на обширное пространство водъ, омывающихъ подошву шерраса; на волны ихъ, по воздымающіяся, по разбивающіяся съ сѣдою пѣною. Ильдеберга мечтала о томъ днѣ, когда она собственными руками надѣла лапы на своего супруга, когда сей отважный Рыцарь, сопровождаемый васаллами, сѣлъ на корабль и помышлялъ защищать св. Гробъ. Съ тѣхъ поръ она не получала вѣсти, живъ ли ея милый Рауль, не поглощенъ ли волнами, или не палъ ли подъ ударами Сарациновъ. Впрочемъ, отеревъ слезы, кашившіяся изъ глазъ ея и желая развеселить молодыхъ дѣвицъ, опечаленныхъ ея грустію, она обратилась къ младшей изъ нихъ и сказала: «позови ко мнѣ стараго Менестреля, который владыпелъ искусствомъ разсказывать чудныя повѣсти; этотъ вечеръ придастъ новую прелесть его разсказамъ о старинѣ.» Молодая дѣвица полетѣла какъ серна и скоро возвратилась ведя за собою стараго Эврика. Его благородная и величественная осанка, большіе, лашенные свѣта, глаза, напоминали о важныхъ Бардахъ древней Германіи. Прелестныя дѣвы, уважая сѣдины спарца, коему ливная брада еще болѣе придавала санови-

тости, поспѣшили подать ему кресла; потомъ составя кругъ около печальной Ильдеберги, безмолвно ожидали начала повѣсти. Тогда владыпелъница замка сказала Менестрелю: «Эврикъ, разскажи моимъ фрейлинамъ самую забавную и оспроумную изъ своихъ старинныхъ повѣстей.» Менестрель, покорный волю супруги своего повелителя, началъ слѣдующій разсказъ:

«При Дворѣ Карла находился молодой, смѣлый и оспроумный Рыцарь, по имени Изамбертъ де Файель. Онъ удивлялъ всѣхъ храбростію на шурнирахъ и ловкостію въ панцахъ; но когда онъ появлялся въ придворныхъ собраніяхъ, куда знатное происхождение его открывало ему входъ, прелестныя дѣвицы смѣялись, а молодые люди, перешепываясь между собою, коварно улыбались. Я разскажу вамъ, что было причиною сихъ насмѣшекъ. Природа, споль щедрая къ нашему Рыцарю, въ одномъ полъко отказала ему: онъ имѣлъ позади горбъ, который впрочемъ онъ не скучалъ. Сей недостатокъ ни мало не мѣшалъ Рыцарю бытъ веселымъ: будучи всегда любезенъ и оспроуменъ, онъ самъ забавлялся надъ симъ, по словамъ его, излишнимъ украшеніемъ.

«Однажды ѣхалъ онъ тихо на бѣломъ конѣ своемъ, въ надеждѣ увидѣть на степяхъ какого нибудь стараго замка, волнующіяся складки одежды юной красавицы, заключенной злымъ Рыцаремъ, какъ вдругъ онъ остановленъ въ пущи своемъ: конь его, какъ бы ослѣпленный блескомъ, не могъ двинуться съ мѣста. Изумленный Рыцарь сморилъ впередъ; каково же было его удивленіе! передъ нимъ возвышался замокъ, когото стѣны были изъ онала, столпы выпесаны изъ рубиновъ и изумрудовъ, а кровля сверкала отличнѣйшими алмазами. Смѣлый Паладинъ, который слышалъ уже о сихъ чудесныхъ замкахъ, рѣшился искасть въ немъ приключеній: онъ привязываетъ къ дереву своего ратнаго коня, и подойдя къ подъемному мосту, прубишь въ рогъ. Тотчасъ является Карла въ богатой одеждѣ, украшенной полами и говоритъ ему: «Добро пожаловать, любезный Рыцарь; благодѣтельная волшебница прислала васъ къ себѣ.» Изамбертъ проходитъ

дворъ, вымощенный богатою мозаикою, и сквозъ пышную галерею вспунаеть въ длинный рядъ комнатъ, коихъ всѣ двери были отворены. Плафоны ихъ, росписанныя съ изящнымъ вкусомъ, поддерживались бирюзовыми и аметистовыми колоннами, копорыя представляли удивительный видъ. Въ сихъ очаровательныхъ чертогахъ было многочисленное собраніе. Игры, концерты смѣнялись однѣ другими; хоръ крылатыхъ геніевъ огласилъ своды своимъ магическимъ гнѣмъ; словомъ, все изумляло и приводило въ восторгъ въ семь волшебномъ жилищѣ. Нѣсколько дамъ, коихъ ослѣпительная красота помрачала блескъ пышныхъ уборовъ ихъ, пригласили его, съ коварною улыбкою, принять участіе въ танцахъ. Нимало не думая опказываться отъ шого, чего дамы, безъ сомнѣнія ожидали, Рыцарь беретъ прелестнѣйшую изъ нихъ и начинаетъ танцовать. Это была сама волшебница; она удивилась искусству и ловкости своего кавалера: «если бы не это горбъ, сказала она, то онъ былъ бы совершеннымъ кавалеромъ; но онъ не спянетъ жалеть о томъ, что танцовалъ со мною.»

«Въ самомъ дѣлѣ, послѣ конпръ-танца, прикоснувшись къ спинѣ Рыцаря, она сняла горбъ и приказала одному изъ геніевъ вынести его вонъ. Изамбертъ, чувствуя себя освобожденнымъ отъ тяжелой ноши и видя, какъ посланникъ Феи понесъ горбъ его, палъ на колѣни передъ нею и излилъ признательность свою за сію услугу (предоставляю вамъ судить, въ какихъ словахъ). «Идите, Г. Рыцарь, ошвѣчала она ему, идите блистать при Дворѣ, который вы украшаете своимъ умомъ и любезностію.» Рыцарь вышелъ изъ залы, тысячу разъ благославляя имя благодѣтельной Феи, и опыскавъ свою лошадь на прежнемъ мѣстѣ, поскакалъ въ Парижъ. Можете себѣ представить, мои прелестныя слушательницы, въ какомъ удивленіи находился весь городъ и Дворъ, увидѣвъ Рыцаря съ стройнымъ спаномъ и найдя его любезнѣе прежняго.

«Другой горбатый Рыцарь, узнавъ о семъ странномъ приключеніи, надѣялся быть также счастливымъ. Онъ отправился не-

медленно въ замокъ Феи; но къ несчастію, онъ нимало не имѣлъ ловкости Изамберта, и принужденная веселость его не повлилась прекрасной волшебницѣ, любящей истину. Чтобы наказанъ его за сію самонадѣльность, она приспавила ему спереди другой горбъ; снятый у любезнаго Изамберта. Бѣдный Рыцарь, проклиная свое путешествіе, возвратился къ поварищамъ съ двумя горбами. Сіе-то подало поводъ къ изобрѣненію полшинелей.»

Менесипрель кончилъ рассказъ, но молодыя дѣвицы еще не переспавали слушать его. Между тѣмъ на подзорной башнѣ пробило 10 часовъ, и владѣтельница возвратилась въ свой наследственный замокъ.

С К А З К А.

Въ 1551 году, человекъ пріятной наружности, вечернею и ночью порою являлся на Берлинскихъ улицахъ. На немъ была куршка съ куньею выпушкою, широкое плисовое нижнее платье, сапоги съ острыми носками, а на головѣ бархатный карпузъ съ краснымъ перомъ. Онъ былъ ловокъ, обходился со всѣми ласково, особливо съ женщинами и молодыми дѣвицами, къ копорымъ всегда обращался съ сладкими и льстивыми рѣчами.

—Сударыня, говорилъ онъ почтенной дамѣ, располагайте мною; если вы питаете какое нибудь желаніе въ вашемъ сердцѣ, то вашъ покорнѣйшій слуга тошовъ исполнитъ вашу волю. —

Молодымъ дѣвушкамъ повпорлялъ: — дай Богъ вамъ жениха, достойнаго вашихъ добродѣтелей и красоты.

Обхожденіе его съ мужчинами было также заманчиво, и потому немудрено, что всѣмъ любилъ сего чужестранца и спарался поддержанъ его, когда онъ спотыкался, или давалъ ему дорогу: ибо, хотя онъ былъ высокаго роста и строенъ, но прихрамывалъ на одну ногу и безъ кочыльи не могъ ходить. Если кто подавалъ ему руку, то онъ прыгалъ вмѣстѣ съ нимъ фушовъ на шесть отъ земли и отскакивалъ шаговъ на 12 отъ прежняго мѣста. Это не носердцу было

знакомымъ его, и многіе изъ горожанъ были отъ него нездоровы; но иностранецъ извинялся, увѣряя, что прежде, нежели онъ охромѣлъ, былъ онъ инанцовщикомъ при Дворѣ Короля Венгерскаго, и что при малѣйшемъ прикосновеніи, старая привычка въ немъ возбуждала охоту къ прыжкамъ. Проказникъ успѣлъ пріучить всѣхъ плясать по своей дудкѣ; многіе даже находили въ томъ забаву, смотря, какъ невольны прыгали съ нимъ какойнибудь Совѣтникъ, духовная или другая важная особа. Хотя иностранецъ сей по видимому былъ всеелаго нрава, но въ спущкахъ его нельзя было не замѣтить странности; не рѣдко находила на него странствъ бродить ночью по улицамъ и спучаться у ворошъ. При появленіи хозяевъ, онъ пугалъ ихъ своимъ бѣлымъ саваномъ и жалобными воплями. На другой день онъ сгѣшилъ извиниться, говоря, что онъ это дѣлаеть прошивъ воли, желая напомнить правдырнымъ о смерти и о томъ, что пора помыслить имъ о спасеніи души своей. При семъ случаѣ, онъ всегда проливалъ слезы и до глубины сердца прогалъ слушателей.

Чужестранецъ не пропускалъ ни однихъ похоронъ, всегда слѣдовалъ чинно за гробомъ и сопровождалъ погребальное пѣніе воплемъ и спонами. Но сколько онъ предавался при пакихъ случаяхъ горести и сосраданію, сполько же или болѣе веселился на свадьбахъ, копорые въ то время опправлялись въ Hôtel-de-Ville. Онъ пѣлъ разныя пѣсни весьма пріятно, игралъ на ципрѣ, вернѣлся въ вальсъ по цѣлымъ часамъ съ молодыми дамами и пригожими дѣвицами; умѣя очень искусно скрывать свой пѣлесный недоспаюкъ, и заслуживалъ благодарность отъ всего собранія но что всего болѣе правилось супругамъ, онъ всегда дарилъ ихъ по золотую цѣпочкою, по другимъ дорогимъ вещамъ.

Слухъ о благонравіи, добродѣтеляхъ, щедроспи чужестранца разнесся по цѣлому Берлину и достигъ до ушей Курфирсина. Сей послѣдній разсудилъ, что человекъ съ такими отличными качествами будетъ украшеніемъ его Двора, и предложилъ ему мѣсто при ономъ. Но иностранный гость написалъ къ Курфирсту письмо на пергаментѣ,

длиною аршина въ два, красными чернилами, въ коемъ съ должнымъ уваженіемъ отблагодаривъ его за сдѣланную ему честь, просилъ оставить его въ счастливой неизвѣстности, копорая доставляетъ ему сполько удовольствій. Я избралъ для своего мѣспонребыванія Берлинъ, такъ писалъ онъ, потому что ни въ какомъ другомъ мѣспѣ не нашелъ и сполько прямодущія и искренности, споль похвальныхъ нравовъ и обычаевъ. Курфирсинъ и Дворъ его удивились сему отвѣсу.

Въ это время случилось, что супруга Совѣтника Вальтера Люшкенса была беременна первыми родами. Старая повивальная бабка Варвара Роллофинъ предсказывала, что пригожая Совѣтница разрѣшится отъ бремени прекраснымъ мальчикомъ, и радость Совѣтника была неописанна.

Чужестранецъ, пировавшій на его свадьбѣ, часпенъко посѣщалъ его, и однажды встрѣтился шупъ съ Варварою Роллофинъ.

Какъ скоро старая Варвара увидѣла чужестранца, она испустила радостный крикъ; казалось, что морщины на лицѣ ея вдругъ изгладились; блѣдныя губы ея запѣлали багрянцемъ: словомъ молодость и красота, давнымъ давно распавшіяся съ нею, внезапно возвратились.

—А! а! Г. Конюшій, благополучно ли вы воропились? Отъ всей души васъ поздравляю. Такъ говорила Варвара Роллофинъ и чупъ не повалилась въ ноги иностранцу. Послѣдній взглянулъ на нее съ досадою; глаза его, казалось, сверкали пламенемъ. Но ни кпо не слыхалъ, что онъ сказалъ старухѣ, копорая опошла въ уголь ворча что-то про себя и поблѣднѣвъ отъ ужаса.

—Любезный Люшкенсъ, сказалъ потомъ иностранецъ Совѣтнику, берегитесь, чтобы въ домѣ вашемъ не случилось бѣды, и чтобы супруга ваша разрѣшилась благополучно. Старая Варвара Роллофинъ не такъ опытна въ повивальномъ искусствѣ, какъ вы думаете. Я давно ее знаю, и она не одного ребенка вмѣстѣ съ родильницею опправила на шопъ свѣшъ.

Слова сіи произвели глубокое впечатлѣніе на Совѣтника и супругу его. Они не сомнѣвались въ томъ, что старая Варвара худо

знаешь свое дѣло; потчасъ отказали ей опть дома и послали за другою бабкою.

Старая Варвара пришла въ бѣшенство, и грозила, что Совѣшникъ съ женою своею скоро раскается въ своемъ несправедливомъ поступкѣ.

Надежда и радость Люпкенса превратились въ глубокую печаль, когда супруга его, вмѣсто прекраснаго мальчика, произвела на свѣтъ ужаснаго урода. Онъ былъ кашпанаваго цвѣта, съ двумя рогами, большими глазами, безносою, рошъ былъ у него по уши, съ бѣлымъ, искривленнымъ языкомъ.

Люпкенсъ былъ въ опчаянн.

— Праведное Небо! вскричалъ днъ, что со мною дѣлается! Можешь ли сынъ мой слѣдовать по стопамъ опца своего? Кто видалъ, чтобы Совѣшники бывали съ рогами на лбу?

Чужестранецъ спарался упѣшать бѣднаго Люпкенса, какъ умѣлъ. Хорошее воспианіе, говорилъ онъ, много сдѣлаешь; хопя новорожденный имѣеть не слишкомъ православную наружность, но въ большихъ глазахъ его видны признаки ума и мудрость изображается на челѣ его между двумя рогами. И не бывъ Совѣшникомъ, онъ можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ; тогда безобразіе его будетъ служить рѣдкостью, и всякой, смотря на лице его, будетъ уважать его дарованія.

Г. Люпкенсъ невольно приписывалъ бѣду сію старой Варварѣ, которую видѣлъ онъ сидящею у воротъ дома его во все время, пока супруга его мучилась родами. Впрочемъ, Совѣшница со слезами увѣряла, что гнусная харя старой бабки безпрестанно мечталась ей.

Г. Люпкенсъ не имѣлъ львыхъ доказательствъ, чтобы подать на нее формальную жалобу; но Небу угодно было скоро обнаружить козни сей старухи.

Однажды въ полдень поднялась спрашная буря съ вихремъ, и городскіе жители видѣли, какъ старую Варвару подняло на воздухъ выше кровель и башецъ, потомъ она тихо спустилась у городскихъ воротъ.

Съ той поры всѣ заключили, что старая вѣдма имѣеть связь съ Вельзевуломъ. Люпкенсъ подалъ жалобу, и Варвару схватили.

Она запералась долго и упорно; пока не принялись пытать ее. Не въ силахъ выдержать боли, она созналась, что давно уже имѣеть связь съ воплощеннымъ сашаномъ, и занималась всѣми чародѣйствами. Между прочими чародѣйствами, она околдовала жену Совѣшника и вмѣстѣ съ двумя другими сгубила множество младенцевъ, коихъ жиръ упопрѣбляла она для колдовскаго свадебья.

Старую колдунью присудили живую сжечь на кострѣ среди новой площади.

Наступилъ день казни, Варвару привели на площадь, гдѣ сложенъ былъ костеръ. Спеченіе зрителей было чрезвычайное. Ей велѣно было связать съ себя богатую теплую шубейку; но она рѣшилась опть того опказалась, и просила, чтобы въ сей одеждѣ привязали ее къ столбу, что и сдѣлано.

Огонь обхватилъ уже костеръ со всѣхъ сторонъ, когда замѣтили чужеземца, который до плечъ превышалъ головою полну, и кидать пронзительные взгляды на старуху.

Дымъ чернымъ клубомъ поднимался вверхъ и занялось уже платье старухи, какъ вдругъ она вскричала. — Демонъ, такъ-то ты держишь свое слово! — Скорѣй спасай меня, ерокъ условію еще не кончился.

Вдругъ чужестранецъ оборотился въ крысу, которая кинулась подъ шубу старухи и далеко унесла ее съ костра, въ ту же минуту погасшаго.

Народъ пораженъ былъ ужасомъ, и каждый видѣлъ, что злой духъ въ человѣческомъ образѣ искушалъ Совѣшника и всѣхъ честныхъ людей и добродѣтельныхъ женщинъ въ городѣ.

Такова сія вражія, опть коюрой Небо хранишь насъ!

(Изъ Гофмана.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОРУЖЕЙНИКЪ-ТУЛЯКЪ.

Скажи, что задумчивъ ты, добрый Тулякъ?

«Ахъ, злая памъ баринъ година! . . .

Работалъ я много, а вопіе все бѣдьякъ. . .

Такъ на сердцѣ ляжетъ кручина:
Жена и ребяна безъ хлѣба сидятъ,
А мнѣ на заводѣ работатъ велятъ.» —

Послушай, любезный, все это пустякъ —
Есть вѣрно другая причина,
А въ этомъ помогушь? . . Возми четвертакъ;
Да, слушай и вѣрь мнѣ дѣшина:
Подъ камень лежащей вода не печешъ,
А пьяницамъ счастья Богъ не даешъ!

Куда же бѣжишь нашъ печальный Тулякъ,
Хвала добро господина? . . —
Бѣжишь не домой оиъ, бѣжишь оиъ въ кабакъ,
И вошь — пролица ужъ полшина;
А венеромъ вскорѣ и весь четвертакъ —
И вошь, какъ и прежде — оиъ оиъ бѣднякъ.

А, здравствуй знакомецъ, любезный Тулякъ,
Что дѣши? — Приспроишь ли сына?
«Охъ, грустно и молвишь, какъ словно червякъ
На сердцѣ! . .» — Вошь видишь, дѣшина,
Что пьяницамъ нейдутъ и денежки впрокъ;
Веди себя скромно, не пей — хошь годокъ.

И вошь, мнѣ все потъ же на встрѣчу Тулякъ.
Годъ минулъ. Одышь, какъ купчина —
Опрятно и чисто. Вошь, добрый есть знакъ —
Сказалъ я. — Здорово, дѣшина! —
Ну, какъ поживаешь, что дѣши швои,
Безъ хлѣба, какъ прежде, скорѣи говори?

«Нѣшь, баряиъ, грѣхъ молвишь, сказалъ мой Тулякъ,
Дай Боже здоровья Начальнику, сына
Приспроишь оиъ къ мѣсту — и я не бѣднякъ!» . . .
Не вѣшь? — «Ужъ годъ целый!» — Такъ вошь и
причина!

*

Десять лѣтъ, такъ пронеслися;
Нашъ Тулякъ разбогатѣлъ,
И — читатель не дивися,
Цитъ ни рюмки не хопѣлъ;
Но при спаросити взбѣсилъ,
Говорятъ, оиъ Тулякъ:
Слухи были, что оиъ оиъ —
И предъ смертью былъ бѣднякъ.

*

Правда, пилъ спарикъ Горацій
И вишо въ спичахъ хвалилъ,
Но любилъ оиъ также Грацій:
Mediocritas! — твердилъ;
А Вольперъ — поэшь, орапоръ,
Цѣмой нации въ укоръ,
Какъ Философъ — Липпераноръ,
Водку назвалъ: l'eau-de-mort.

Л. Якубовичъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое въ союзахъ пощине,
Конецъ же мой рѣка, ужасно глубока
И рыбы бездна въ ней, какой себя хощине:
Оиъ осетра до судака.
Но цѣлое мое не рыба, но лишь птица,
Не воробей и не синица,
Но жалобно поешъ и хорошо, ей, ей!
Хопя совсѣмъ не соловей.

В. Шелиховъ.

Въ № 76, помѣщенная загадка значить: *Chemin.*

М О Д Е С.

Nous avons déjà dit que la jupe des robes se portait longue, et qu'en toilette surtout, elle doit former un peu la queue par derrière; cette mode est entièrement adoptée maintenant, même pour les robes du matin; quant aux corsages, rien de changé dans leur forme.

Les manches collantes depuis le poignet jusqu'au coude, ne sont plus portées que par les femmes qui ne peuvent encore renoncer à cacher un joli bras; les manches, toujours larges du haut pour élargir leur poitrine, doivent être demilarges sur l'avant-bras, et là, tournant deux ou trois fois sur elles-mêmes, par l'effet de la coupe et de la manière dont elles sont assemblées, elles doivent former la vis.

Quelques manches de robes du matin sont terminées par une patte qui ne diffère de celle des manches des hommes que parce qu'elle s'arrondit sur la main, tandis qu'aux habits d'hommes elle se termine carrément.

Le foulard, pour tabliers, est remplacé par le gros-de-Naples moire; ces tabliers se font alors à bretelles formant des jockeis sur les épaules, et ils ont

une petite garniture froncée ou tuyautée qui les borde entièrement.

Une toilette d'un excellent goût se composait d'une robe de mousseline à corsage plissé, et croisé en cœur par devant et par derrière; d'une écharpe de gaze de laine blanche, brodée en soie de couleur sur chaque bord et aux deux bouts; et d'un chapeau de paille de riz, surmonté de trois plumes couleur lapis. Une petite chaîne à maillons d'or, entremêlés de petits camés, tournée quatre fois sur le poignet, tenait lieu de bracelets.

La nuance mauve-rose paraît une de celles le plus généralement adoptées pour chapeaux. Depuis quinze jours, surtout, elle semble être préférée au bleu qui était en faveur.

On voit quelques chapeaux sur lesquels on place des fleurs montées en gerbes; un petit nœud de ruban cache le bas de ce bouquet et semble lui servir de lien.

Les dames portent chez elles des fançons à la *Tagliani*. Ce sont des espèces d'auréoles en blondes, qui se posent en avant et entre les coques de cheveux: un nœud les arrête sous le menton.

М О Д Ы.

Мы говорили уже, что юбки у платьевъ носятъ длинныя и что въ нарядъ особливо онѣ должны быть сзади нѣсколько длиннѣе и составлять родъ шлейфа; мода сія вообще принята.—Лифы дѣлаютъ все тѣмъ же покроемъ.

Рукава въ обтяжку носятъ только дамы, —которыя не могутъ еще рѣшились скрыть красивую руку; рукава вверху все также широки, чтобъ казаться шире въ плечахъ; въ срединѣ руки въ половину уже и оборачиваясь около руки два или три раза, будучи такъ выкроены, составляютъ винтъ.

Иные рукава у упренныхъ платьевъ дѣлаютъ съ обшлагами, какъ у мужскихъ фракъ, и вся разница только въ томъ, что у шѣхъ они четверугольные, а эти округляютъ.

Передники вмѣсто фулара дѣлаютъ изъ море, съ помочами, составляющими на пле-

чахъ эпюлетты, а вокругъ собранная или сложенная въ трубочки оборочка.

Мы видѣли особу, одѣшую съ отличными вкусомъ: кисейное платье, лифъ складками, крестообразно сзади и спереди; шарфъ изъ шерстянаго бѣлаго газа, выпитъ цвѣтнымъ шелкомъ по краямъ и на концахъ; баспоявая шляпка съ премо перьями голубаго (lapis) цвѣта.—Вмѣсто браслетъ, узенькая цѣпочка изъ золотыхъ колечекъ, перемѣшанныхъ съ антиками, обернута въ четыре раза около кисти.

Лиловаго - розовый (Mauve-rose) цвѣтъ въ большомъ употребленіи для шляпъ.—Недѣли двѣ особливо его носятъ предпочтительно предъ голубымъ, который былъ въ модѣ.

Мы видѣли нѣсколько шляпъ, на которыхъ цвѣты сдѣланы колосьями, небольшою бантою изъ лентъ, прикрывающею низъ букета.

Дамы носятъ дома косыночки à la *Tagliani*. Это родъ сіянья—изъ блонды, которое кладется спереди и между петель волосъ, ихъ прихватываютъ бантомъ на подбородкѣ.

С М Ъ С Ь.

Ложь, придуманная завистью и клеветою, имѣетъ сначала нѣкоторую силу, но въ послѣдствіи она скоро исчезаетъ.

Въ Свѣтѣ щеславіе имѣетъ большой перевѣсъ передъ пользою.

Миръ питаетъ земледѣльца даже и на землѣ песчаной, война, и среди обильныхъ жабивою полей, доводитъ его до голода.

Лучше быть приневолену на хорошее дѣло, нежели добровольно пускаться на дурное.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе первой части Литер. Прибавленій къ Русск. Шивалиду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 24-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ дошивкою и пересылкою 55 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 30 ДНЯ, 1851 ГОДА.

Кто ползати родился, тому ужь не лезать.

Хелницерь.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КОРМИЛЪ ДО УСА, КОРМИ ДО БОРОДЫ!

(Русская народная поговорка.)

Усердный сотрудникъ Издавателя *Слв. Меркурія* и *Гирланды*, Владиміръ Петровичъ *Бурнашевъ*, напечаталъ въ № 21 на Французскомъ языкѣ издающагося въ С. Петербургѣ журнала *le Miroir* нижеслѣдующія строки:

— «Наше послѣднее *Эхо* Русской литературы возвѣстило о наступающемъ смертномъ часѣ *Гирланды*. Теперь съ неприкрытымъ удовольствіемъ увѣдомились мы, что сей хорошенькой журналецъ, изящный «сколокъ съ *la Mode*, выздоровѣлъ, въ слѣдствіе счастливаго перелома болѣзни, угрожавшей его существованію. Но 25 вышелъ — и возвѣстилъ, что восемь опскавшихъ его «шварницей скоро — форсированнымъ маршемъ — догонятъ его въ 4 перехода. Пріятная «новость!»

«Видно, что сложеніе *Слв. Меркурія* было «слабѣе; ибо сей маленькой журналецъ, на «смѣшливый и оспроумный, прекратилъ «своенравныя свои явленія въ Свѣтъ. Онъ «оканчивается честнымъ образомъ. Половина «подписныхъ денегъ будетъ возвращена под«писчикамъ. *Меркурій* употребитъ праздно «время на укрѣпленіе силъ своихъ — и съ но«выми силами, съ свѣжею солью эпиграммъ,

«1 Января начнеть выходить по три раза «въ недѣлю регулярно, съ гравюрами — каки-«ми? . . . Это шайна Издавателя!» — — —

Мы ни одной секунды не сомнѣвались въ благородствѣ и честности Михаила Алексѣевича *Бестужева-Рюмина*. Сдѣлавшись несправнымъ и, не надѣясь выдать всѣ опоздавшіе нумера своей газеты къ новому году, онъ принялъ благое намѣреніе закончить изданіе оной и честно раскланяться съ Публикою, возвражая ей, какъ того требуетъ справедливость, подписную сумму. Не такъ поступаетъ *Г. Полевой*, Издаватель *Моск. Телеграфа*, Авторъ, такъ названной имъ, *Исторіи Русскаго Народа*: онъ въ 1850 году не додалъ трѣхъ книжекъ своего журнала — и молчитъ, какъ будто бы это не его дѣло. Онъ, вмѣсто обѣщанныхъ *двенадцати* книжекъ *въ годъ*, издалъ *три* въ пять лѣтъ, слѣдственно, по пропорціи и прогрессіи, въ *десять* лѣтъ напечатаетъ онъ *шесть* книгъ, а всю *дюжину* въ *двадцать*.

Хвала *Г. Бестужеву*; но теперь, кажется намъ, кспати будетъ покорябйше доложитъ ему, что сверхъ *половиной* суммы, имъ возвращаемой, слѣдуетъ еще получить съ него, намъ подписчикамъ, за 24 картинки модъ, имъ обѣщанныхъ, но невыданныхъ (*), и за

(*) Мы не кладѣмъ въ счетъ трѣхъ обѣщанныхъ, лубочныхъ картинокъ, приложенныхъ прежде къ издывавшей оной недоставка наличнаго воздуха *Гирландъ*, а

15 номеров *Меркурія*, въ минувшемъ 1830 году имъ удержанныхъ.

Мы увѣрены, что Г. *Бестужевъ-Рюминъ* поспѣшитъ сполна удовлетворить насъ, и пѣтъ опиниметь у звонкоязычнаго *Колокольчика* случай прозвенѣть, а у скоропоспѣжно умершаго *Петербургскаго Вѣстника* возвѣстить о его неисправности. Я уже не пугаю его *Молвою*; сохрани Господь *Издателя Меркурія*—попасть къ ней на зубы: она споустая и оспрозубая. Ея голосъ громко раздается!

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРОБНИЦА НА ОСТРОВѢ РЮГЕНѢ.

(Повѣсть.)

Спранникъ, котораго завелъ случай или склонность къ пшину и уединенію, въ пустынный Рюгенъ, найдетъ въ Воспочной споронѣ сего острова живописную долину, улаждающую взоръ, упомлненный дикими, однообразными картинами сѣверной природы. Высокія скалы, о которыя ярспно разбиваются волны морекія, ограждаютъ сей пѣсный рай земной; угрюмыя сосны разстилаютъ свои мрачныя пѣши по зеленѣющей равнинѣ, среди коей возвышается холмъ, обсаженный березами и плакучими ивами. Одиъ только развалины сельскаго дома свидѣтельствуютъ, что сія еспрана была некогда обитаема, а гробница, оспненная печальными ивами, шемно говоритъ объ участи жишлей сей долины. Тоскующій Геній съ обращеннымъ внизъ факеломъ склонился надъ урною изъ бѣлѣйшаго мрамора, у подножія коей разорванная цѣпь соединяетъ два сердца. Спранствуя по острову Рюгену, я зашелъ однажды въ сію священную долину, гдѣ шайнсивенная гробница обрашила на себя все мое вниманіе. При видѣ ея въ душѣ моей пробудилось желаніе узнать, кто прежде жилъ въ сихъ мѣстахъ, и цей

помощь къ *Слв. Меркурію*. Для чести Г. *Бестужева* мы готовы вѣрнть, что это была небольшая мисти-фикація.

Прил. Кораблинскаго.

прахъ покрывающъ сіи надгробныя камни. Паспоръ небольшого мѣшечка М....удовлетворилъ мое любопытство, вручивъ мнѣ письма, содержація въ себѣ испорію прежнихъ обиапелей долины.

Предлагаю письма сіи въ помъ видѣ, какъ они писаны однимъ благороднымъ молодымъ человекомъ къ другу и шоварицу своей юности. Они служатъ новымъ доказательствомъ, сколько бѣдспвій испытало человѣчество отъ гордости и предразсудковъ, свойственныхъ людямъ знатнаго происхожденія, и какъ много благороднѣйшихъ существъ сдѣлалось жертвою могущества опношеній!—

Ахъ! скоро ли заря истиннаго просвѣщенія разсѣетъ глубокой мракъ предразсудковъ? Скоро ли голосъ природы споль же кротко будетъ опзывать въ недспупныхъ сердцахъ, какъ шумъ дробящихся волнъ, какъ перекапы грома оглашающъ ушесы Рюгена?—

Артуръ къ Годви.

Кобленцъ, въ Маѣ 1793 года.

Пишу къ тебѣ, Годви, изъ прелестнѣйшаго края нашего опечесива, тогда какъ опецъ мой и ты вѣрно полагаете, что я давно уже брожу подъ сводами шоржеспвенныхъ воропъ Траяновыхъ, или въ лимонныхъ ронцахъ Бесперидъ.—Мнѣ здѣсь такъ пріятно, Годви! Природа здѣсь такъ прелестна и я чувспвую себя споль невыразимо счастливымъ, что—проститъ ли меня?—я чуть было не забылъ о моемъ другѣ. Но сегодня сердце мое шебя шребуетъ, и гошво изливается передъ шобою въ чувспвахъ живѣйшей, искреннѣйшей любви и невѣдомой радости. Слушай! Въсптъ съ восходомъ упренней зари сегодня, посѣнилъ я одну изъ высочайшихъ вершинъ Эренбрейшштейна, опкуда любовался величеспвенною, живописною долиною, разстилавшееся передо мною. Рейнъ спокойно капился въ берегахъ своихъ, привѣжливо принимая въ свои нѣдра сребрипыя струи Мозеля; легкокрылыя суда мелькали мимо цвѣпущихъ береговъ, и изъ нѣсколькихъ сопенъ деревенъ упренный вѣспрокъ переносилъ ко мнѣ колокольной звонъ ранней обѣдни. О Годви! сколько явленій

жизни опирались мнѣ въ сей карпипнѣ природы, явленій *моей* жизни—*моего* младенчества! И твой образъ я видѣлъ,—глубоко, глубоко въ моемъ сердцѣ. Воспоминанія о счастливыхъ дняхъ первой юности живо пробудились въ душѣ моей, какъ отголосокъ медленно умолкающей музыки;—и я почувствовалъ, что сердце мое еще не умерло для благороднѣйшихъ чувствъ, для добродѣтели, дружбы и любви. Ахъ! никогда не забуду пѣхъ счастливыхъ дней, въ которые ты предсталъ предо мною, мой Годви!—Сія минута, подобно лучезарной, пупеводной звѣздѣ, сверкаетъ среди угрюмой, печальной ночи минувшаго!—

Я сынъ владѣтельнаго Графа, наслѣдникъ богатыхъ, обширныхъ помѣстій, и—рабъ воли пиранской, исполненной предразсудками, рабъ неукротимой гордости моего отца. Ахъ! для чего слово *отецъ*, мнѣ такъ чуждо; для чего съ симъ словомъ сливается понятіе объ ущемъ, о которъи рушатся всѣ мои справедливыя желанія, всѣ мои скромныя надежды!—Тебѣ извѣстно, какъ холодно, какъ сурово обходился со мною отецъ мой съ самаго моего дѣтства. Сколь часто, еще бывши въ нѣжномъ возрастѣ, завидовалъ я дѣшамъ будущихъ моихъ подданныхъ, видя ихъ въ объятіяхъ отца или маіери; они будио говорили мнѣ: ты не богатѣ насъ!—Увы! они были въ самомъ дѣлѣ богатѣ меня;—я любилъ со всѣмъ жаромъ юнаго сердца, но принужденъ былъ скрывать свою любовь, какъ пресупленіе, ибо она не согласовалась съ достоинствомъ моего родителя и съ строгими законами приличія. Тогда судьба свела меня съ побою, Годви, однимъ изъ подвластныхъ моему отцу; я искалъ твоей дружбы и не могъ не полюбить тебя. Вѣчно незабвеннымъ опасеніемъ для меня шомъ день, когда ты, съ опасностью собственной жизни, извелъ меня изъ пучины лѣснаго потока; когда въ твоихъ объятіяхъ я опять увидѣлъ жизнь и слышалъ признаніе твоей дружбы. Эшомъ день, какъ свѣшлый лучъ яснаго неба, озаряетъ для меня минувшее. Мы возрастали, но дружба наша не измѣнялась. Ты отправился въ Университетъ, а я?—я, въ сопрово-

жденіи блестящей свиты предпринялъ пупешествіе, предназначенное мнѣ честолюбивыми замыслами отца. Да, Годви, я знаю къ чему спремются сіи замыслы: къ наложенію тяжкихъ оковъ на мою волю, къ пожертвованію сердцемъ моимъ холоднымъ расчетамъ, къ шому, шюбы печальное бытіе мое облечь въ саванъ семейнаго несчастія. Но, довольно объ эшомъ!—Можетъ быть мои опасенія были напрасны;—въ случаѣ крайности, я умѣю сохранить независимость! Пусть другой владѣетъ отцовскимъ наслѣдствомъ! я могу безъ него обойтись!—

Прощай!

Онъ же къ Годви.

Спрасбургъ, Іюль 1793.

Я счастливъ, Годви, сполько съ сшлвѣ, что едва ли одинъ изъ тысячъ людей наслаждается такимъ счастьемъ. Я не принадлежу болѣе землѣ, не чувствую оковъ ея, живу на небѣ. Я опять сдѣлался человекомъ свободнымъ, независимымъ; нашелъ сердца, меня понимающія, которыя я также понимаю. Позволь рассказать тебѣ, Годви, какимъ образомъ нашелъ я счастье, возможное въ сей жизни; нѣжный шипокъ его еще не распустился, но онъ общается уже пышный цвѣтъ, если буду его рачительно дѣлать.

Весело провелъ я время въ Кобленцѣ и его райскихъ окрестностяхъ; вдругъ я рѣшился отправиться въ дальнѣйшій путь; за сборами дѣло не шало. Я опослалъ экинажъ и людей своихъ въ Спрасбургъ, оставя при себѣ шолько Гейнриха, которъи, какъ тебѣ извѣстно, болѣе всѣхъ мнѣ преданъ. Хозяинъ мой объявилъ мнѣ, что въ шомъ же день отправляется гондола вверхъ по Рейну, и что сей способъ пупешествія естѣ самый удобный и пріятный.—Я очень обрадовался сему случаю и посѣщилъ съ моимъ Гейнрихомъ на берегъ. Мы сѣли и очутились въ шолѣ различнаго званія людей. Труппа странствующихъ актеровъ, пупешествующіе студенты, изгнанные аббаты, Жиды, ѣхавшіе на Франкфуртскую ярмарку, — словомъ, всѣ образчики гражданскаго быта мнѣ представились. Вскорѣ я сблизился съ своими

спутниками. Опложивъ шипло Графа, которое такъ часто лишало меня невинныхъ удовольствій, я назвался Бауманомъ, Саксонскимъ помѣщикомъ. Мнѣ скоро наскучилъ шумный говоръ на палубѣ и я сошелъ въ оплично убранную каюту, гдѣ новое общество обратило на себя мое вниманіе. За однимъ изъ споловъ сидѣлъ высокій, почтенный старикъ и что-то чишалъ; подлѣ него занимали мѣсто двѣ дамы подѣ покрывалами, изъ коихъ я одну почелъ матерью, а другую ея дочерью. Онѣ отвѣчали на мое привѣтствіе безмолвнымъ вклоненіемъ головы, и, казалось, не обратили на меня вниманія. Я сѣлъ не далеко отъ нихъ, въ намѣреніи завести съ ними разговоръ. Старая дама часто посматривала на меня испытующимъ взоромъ — и, только что я хотѣлъ говорить, какъ она спросила что-то по Французски у молодой дамы. Всѣ чувства мои перелились въ слухъ, чтобы не проронишь отвѣта, который наконецъ въ сладостныхъ, плѣнительныхъ звукахъ дошелъ и до меня изъ-подъ зависпливаго покрывала. Судя по чистому ихъ произношенію, можно было подумать, что это одно изъ нѣхъ несчастныхъ семействъ, кои бѣдственной революціею изгнаны изъ отечества. Самъ же не понимаю, что заставило меня безмолвствовать: иностраннѣйшій ли языкъ, на которомъ говорили дамы, или уваженіе, которое неволью чувствовалъ я къ сему, вѣроятно несчастному семейству, или наконецъ впечатлѣніе, произведенное на меня прелестными формами и сладостнымъ голосомъ дѣвушки.

Солнце закапывалось за горы, съ обѣихъ сторонъ Рейна величественно возвышающіяся, и бросало послѣдніе, прощальные лучи свои сквозь боковыя окна на покрывало, зависпливо скрывавшее лице молодой дѣвицы. Тупъ я увидѣлъ очеркъ сего лица, прелестныя кудри и души исполненные глаза! — Мало по малу въ низу спановилось шумнѣе, ибо вечерняя прохлада заставила сойти большую часть пассажировъ. Мы сдвинулись нѣсколько, и я осмѣлился спросить моихъ знакомокъ о цѣли ихъ путешествія. Онѣ вѣхали въ Спрасбургъ, и оштуда намѣрены были отправиться въ Швейцарію.

Такимъ-то образомъ, милый мой Годви, завязался разговоръ, въ продолженіе коего, при безпрерывномъ шумѣ многочисленнаго собранія, болѣе и болѣе выказывался образованный умъ и благородное сердце молодой незнакомки. Робосіе, обыкновенная при встрѣчѣ съ незнакомыми людьми, скоро успушила мѣсто взаимной непринужденной довѣренности. Мало по малу вокругъ насъ становилось тише, и одинъ только шумъ величественной рѣки прерывалъ нашу бесѣду. Я простился съ симъ семействомъ и бросился на свою постелю; но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ: я занятъ былъ происшествіями этого дня, и тысячи противоположныхъ чувствъ волновали мою душу.

Упреннее солнце, озлапивъ воспокъ, пробудило меня, и одно воспоминаніе оспалось мнѣ отъ прекраснаго пророческаго сновидѣнія. Я вскочилъ; все вокругъ меня еще покоилось глубокимъ сномъ. Я вышелъ на палубу, чтобы освѣжиться и развѣять обольстительныя грезы, которыя все еще занимали мои мысли. Она стояла на колыняхъ и молилась; лице ея обращено было къ восходящему солнцу. Услышавъ шаги мои, она встала, обернулась и привѣтствовала меня дружески, какъ стараго знакома. Другъ мой! я увидѣлъ существо, котораго пылкое воображеніе мое не предсказывало мнѣ столь прелестнымъ. Я схватилъ ея руку, и не смѣлъ на нее взглянуть, но въ темно-синемъ зеркалѣ рѣки я видѣлъ изображеніе спящаго подлѣ меня ангела. Нѣтъ, Годви, не хочу осквернять благороднѣйшія чувства моего сердца; не хочу въ мертвыхъ словахъ изображать сію важную минуту; но знай, что минуша сія рѣшила мою участь, и заставила меня забыть всѣ высокіе замыслы моего родителя. Близъ Сень-Гоара бросили якорь; мы съ Маріею вышли на берегъ, и пошли вдоль Рейна, подѣ сѣнію цвѣтущихъ деревьевъ, которыя соловей, любимецъ весны, оглашалъ своимъ восхищительнымъ пѣніемъ. Мы бесѣдовали на нашемъ родномъ Нѣмецкомъ языкѣ, не спрашивал другъ друга о своемъ происхожденіи; языкъ души и сердца насъ сблизилъ.

Такъ прибыли мы въ Страсбургъ,—я съ сердцемъ, пылающимъ любовью къ прелестной, съ сыновнимъ уваженіемъ къ ея родителямъ,—Марія съ пламеннымъ взоромъ высренняго блаженства. Мы живемъ подъ одною кровлею; насъ почитаютъ за одно семейство; для слугъ моихъ я нанялъ квартиру въ другой части города. Я счастливъ, Годви, прощай! —

Онъ же къ Годви.

Шафгаузенъ, въ Октябрѣ 1793.

Я боролся съ смертію, Годви,—стоялъ на краю могилы—моя молодость и спаранія врачей вырвали меня изъ объятій смерти—но не могли истребить горести, свирѣпствующей въ душѣ моей, испоргнувъ изъ могилы надеждъ моихъ. Увы, милый Годви! исчезъ прекрасный призракъ, созданный моимъ младенческимъ воображеніемъ; но я не ропщу на участь, которая зависливо похищала у меня прелестнѣйшій въ мірѣ цвѣтокъ. Я сдѣлался крошечъ, какъ младенецъ; одна только спрасть волнуешь мое сердце: пламенная любовь къ упраченной для меня Маріи. Такъ, Годви, я лишился ее въ ту минуту, когда полагалъ назвать ее навсегда своею; не знаю, почему ее лишился, и увижу ли ее когда нибудь.

Какъ счастливы были дни, которые проводилъ я съ нею въ Страсбургъ. Почтенное семейство любило меня, какъ роднаго; Марія сдѣлалась моею сесипрою, а мать ея называла меня сыномъ. По несчастному случаю, во время моего отсутствія, попались въ руки опца мой паспортъ опъ Національнаго Конвента, въ которыхъ я названъ Нѣмецкимъ владѣтельнымъ Графомъ. Я въ это время осматривалъ берега Рейна, всходилъ на Мюнстеръ, обозрѣвалъ отдаленную цѣпь синеватыхъ альпъ; и зданіе моего счастья казалось мнѣ столь же неизблемымъ, какъ сія гранитные утесы. Вечеромъ возвращаюсь домой; хозяинъ объявилъ мнѣ, что семейство отправилось въ дальнѣйшій путь и оставило письмо на мое имя. Я распечатываю его дрожащею рукою и читаю:

«Графъ! Случай открылъ мнѣ ваше имя, и этотъ случай принуждаетъ меня съ вами

разстаться. Примите мое увѣреніе въ помѣ, что я уважаю, люблю васъ какъ сына!—Дай Богъ, чтобы одно мое сердце спрало опъ сей разлуки! Будьте счастливы!»

Душевно вамъ преданный Б. Ф. З.

Въ смертномъ оцѣпѣннн нѣсколько разъ перечитывалъ я сіи спроки, и не могъ понять ихъ смысла; ибо душа моя занята была *одного* только мыслию: для меня уже нѣтъ Маріи!—Вдругъ увидѣлъ я на оборотѣ листа слѣдующія спроки, дрожащею рукою написанныя:

«Намъ должно ѣхать! зачѣмъ, не знаю. Прощайте, прощайте навсегда!»

Марія.

Я немедленно велѣлъ подать лошадей и поскакалъ по дорогѣ, которую мнѣ указалъ хозяинъ, но ихъ и слѣдъ проспалъ.

Въ Бернѣ и Базелѣ, на Луцернскомъ озерѣ и на высочайшей вершинѣ Сенъ-Готтарда, вездѣ я искалъ ихъ, и не разъ подвергался насмѣшкѣ, осыпая каждаго впрѣчнаго вопросомъ о семействѣ, коего не зналъ даже имени.

Рѣшась отыскать ее, вочпо бы то ни спало, я бродилъ при мѣсяца по долинамъ Швейцаріи, по райскимъ полямъ Италіи, коихъ красота не сдѣлала на меня никакого впечатлѣнія. Я всходилъ на скалу, съ которой мепкая сврѣла освободилела Швейцаріи пронзла сердце злобнаго утѣснителя ея, благоговѣлъ передъ пѣнями сподвижниковъ Винкельрида; но сердце мое не согрѣлось воспоминаніемъ о сихъ великодушныхъ защитникахъ опечеснпа. На вѣчныхъ льдахъ я напечатлѣлъ имя Маріи, и слезы мои смѣшались съ брызгами Рейнскаго водопада. Я видѣлъ возникшіе изъ нѣдръ земли города Геркуланъ и Помпею, посѣщалъ пещеру Павлилинскую, но въ сердцѣ моемъ осталась та же пустота, которую не могло наполнить зрѣлище красотъ, созданныхъ природою и искусствомъ. Такъ прѣхалъ я сюда, больной тѣломъ и душою. Я изнемогалъ—недѣли двѣ боролся съ смертію; безпрерывно звалъ Марію, но никто не понималъ меня.

—Я возвратилъ здоровье, но душевный недугъ неизлечимъ.—Людей своихъ отправилъ

я изъ Спрасбурга домой, кромѣ вѣрнаго Гейн-
риха, когорый во все время моей болѣзни не
покидалъ меня ни на минушу.

Я отпраляюсь въ южную Францію—сре-
ди ужасовъ мясепжнаго народа. Среди варвар-
скихъ сценъ разрушенія и неисповсва хочу
искашь споль нужнаго мнѣ спокойствія. Но
найду ли его, Говди?—Прощай!

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А Л И Н А.

(*Изъ Шиллера.*)

Боръ мрачный шумишь,
Валь бѣлый бѣжишь,
На брегѣ рыдалъ Алина сидишь.
Бушуютъ стихіи, сводѣ неба трясется,
Вздохъ дѣвушки глухо вдоль мрака несется,
А взоры опъ слезъ омраченны.

Гдѣ другъ твой, Алина! не въ морѣ ли онъ
Погибнулъ, несчастный? о горе!

Съ побою остались вой бури и громъ,
И спрашно ревущее море.

В. Г.

*Графу Паскевичу-Эриванскому; по прогнетіи Журнала
Его Сіятельства—о взятіи Варшавы (*).*

Какъ сердце Русское забилось,
Почулъ грозной битвы кликъ!
Блеснулъ какъ молнія пашъ штыкъ! —
И шуча брани разразилась.

*

Къ стопамъ Царя Варшава пала:
Вершеть крамолы — сокрушенъ;
Такъ палъ мясепжнй Карфагенъ; —
— И злоба мощну длань познала.

*

(*) Сія стихія были напечатаны въ № 231 *Русскаго Ин-
валида*; здѣсь они являютсѣ переправленными Авто-
ромъ. Знаюки поэзи, слича пѣ и другіе, сами уви-
дѣшь: выиграло ли сіе стихотвореніе чрезъ передѣлку,
или нѣтъ.

В.

Герой! услышь ты нашъ восторгъ,
И наши о тебѣ моленья!

Сердечныя восклицовенья:

Великъ — и дивенъ Русскій Богъ!

*

Монархъ воззвалъ тебѣ для славы:

Ты зрѣлъ Кавказъ — и Араратъ!

Поникъ днешъ новый супоспашъ,

Испивши ядъ своей оправы.

*

Читая битвы твоихъ журналъ:

Всякъ восхищенною душею —

Лешитъ въ пылъ свчи за побою,

Туда — гдѣ мечъ твой заблсиналъ!

*

Какъ храбро, стройными рядами

Герои двинулись къ стѣпамъ!

Родныя пѣсни слышны намъ!

Ура! побѣда надъ врагами.

Сморженко.

6 Сентября 1831.

С. Петербургъ.

КЪ СТАТУѢ НАПОЛЕОНА,

*въ современномъ костюмѣ, съ сложеными на груди
руками, на высокомъ пьедесталѣ.*

Вопшъ мрачный образъ твой, быстро протекшій
Геній,

Звѣзда испорин, Поэзія мечты! —

Такъ средѣ полей рѣшишельныхъ сраженій

Повелѣвалъ судьбой Европы ты! —

Такъ, счастиемъ низвергнушый съ вершины,

Такъ, брошенный въ пустыню средѣ морей,

Ты, жертва гордая измѣнницы судьбины,

Глядѣлъ угрюмо вдаль съ высотъ скалы своей! —

О, сколь твой видъ священъ и милъ воображеню!

Онъ мысли жизнь даетъ и пищу вдохновеню.

Александръ Гльбовъ.

ENIGMO-CHARADO-LOGOGRIPE.

Je suis la terreur des combats,

On me voit aussi à l'église;

Ce qui fait que guerriers, prélats,

M'estiment chacun à leur guise.

Je vous assure, en verité,
 Que si vous m'arrachez la tête,
 Je suis le petit d'une bête,
 Dont on prise l'utilité.
 Otez le chef à ce qui reste,
 Et vous aurez ce mot affreux,
 Au solliciteur malheureux
 La réponse la plus funeste.
 Etant de nouveau racourci,
 Je suis pronom indéfini.
 J'en ai dit assez, je l'espère;
 Otez ma tête encore, bon!
 Je commence et finis le nom
 D'un des plus grands homme de guerre.

Въ No 77, помѣщенная шарада значить: *И--Волга.*

Н О В А Я К Н И Г А.

О неблагоуразумномъ и превратномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей, въ примѣрахъ, по способу Сальзмана. Книга для родителей и наставниковъ. Въ 2-хъ частяхъ.—С. П. Б.—1831.

Слава Богу, у насъ на Руси довольно уже хорошихъ книгъ и своихъ и въ переводѣ, изданныхъ для дѣшей; но въ числѣ ихъ весьма мало; и, кажется, почти вовсе нѣтъ такихъ, которые бы разсматривали физическое и нравственное воспитаніе дѣшей, начиная съ самаго рожденія человѣка: всѣ онѣ, болѣе или менѣе, относящаяся до воспитанія дѣшей послѣ перваго ихъ возраста. Посему книга: *о неблагоуразумномъ и превратномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей* есть драгоценный подарокъ для родителей, не по своей рѣдкости впрочемъ, но по достоинству самаго содержанія оной.

Авторъ беретъ младенца изъ колыбели; разбираетъ поспешенно весь вредъ разныхъ спаринныхъ привычекъ въ воспитаніи, какъ то: ихъ пеленаніе, приученіе къ теплу, надѣваніе на головы шапочекъ, на ноги чулковъ, качаніе въ люлькѣ, кормленіе жвачкой и т. п. Далѣе разсматриваетъ, какую должно давать ребенку пищу и какъ приучать его къ оной; какъ удалить оныя лакомства

и всякаго объяденія. Какъ надзираетъ за дѣшми, когда уже развиваются ихъ чувствованія и получаютъ первыя впечатлѣнія; какъ оповращаетъ ихъ отъ упрямства, непослушанія, разныхъ дурныхъ наклонностей; какъ раскрываетъ по немногу познавательныя способности человѣка и изощряетъ способности чувствованія; какъ наблюдаетъ за ихъ ученіемъ, за ихъ нравственностью; какъ выбираетъ учителей и училища; однимъ словомъ: Авторъ развертываетъ весь ходъ нашей младенческой и юношеской жизни, и преподаетъ на всякую степень возраста прекрасныя и наставительныя правила.

Все сочиненіе основано на самой чистой нравственности, на любви къ человѣчеству, на убѣжденіяхъ сердца и разсудка. Въ немъ нѣтъ никакихъ оплеченныхъ умствованій и философскихъ доказательствъ: вездѣ примѣры очевидныя и неоспоримыя; случаи — самые естественныя, взятые изъ общешитія; обстоятельства, встрѣчающіяся въ каждомъ семействѣ: все показываетъ, что Авторъ много и долго наблюдалъ свой предметъ. Языкъ сочиненія самой простой и понятный каждому, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣсколько грубоватъ; если встрѣчаются какія либо погрѣшности въ слогѣ и выраженіяхъ, то оныя споль незначительны, что замѣчатъ оныя, въ подобнаго рода сочиненіи, было бы излишнею придиркою. Одинъ сполько недостатковъ весьма разительны въ этой книгѣ, то, что Авторъ, разсматривая воспитаніе дѣшей и всѣ случаи, относящіеся къ оному, руководствовался однимъ сполько среднимъ и даже высшимъ сословіемъ людей, упустивъ, по видимому, изъ виду высшій кругъ, хотя въ иныхъ мѣстахъ обнаруживается, впрочемъ слабо, намѣреніе Автора коснуться и къ оному. — Мы, замѣтивъ одну сію погрѣшность, представляемъ другимъ, болѣе знающимъ подобнаго рода предметы, приискивать другіе недостатки; съ своей стороны мы осмеемся въ полной увѣренности, что если найдутся оныя, то вмѣстѣ съ нѣмъ, можно будетъ открыть и совершенствъ еще болѣе, какихъ мы не замѣтили. Во всякомъ впрочемъ случаѣ, Авторъ заслуживаетъ пол-

ную и совершенную благодарность за столь полезный для человечества трудъ; и желаніе искреннѣйшее наше — чтобы родители и наставники обратили особенное вниманіе на эту драгоценную книгу.

Романовичъ.

M O D E S.

Les chals d'été sont toujours très variés, et la manière dont les dames les drapent au-dessus des manches exige qu'ils soient d'une grande largeur, pour que les bouts puissent tomber par devant, au-dessous de la ceinture.

Aux chals de mousseline-cachemire ont succédé, depuis quelque temps, les écharpes de même tissu brodé en soie de diverses couleurs, et dont nous avons déjà parlé.

Rien de plus varié que la nuance, et surtout la disposition des poches des tabliers que les dames portent chez elles. Il est de ces poches qui ont la forme d'un portefeuille, d'autres celle d'une corbeille; d'autres, enfin, n'ont pour ouverture qu'une fente oblique avec une petite patte, et sont fermées par un bouton.

Le blanc, comme nous l'avons dit et répété, est en majorité partout, aux promenades, aux spectacles, dans les salons. Dans les soirées cependant, où les robes de soie se permettent plus volontiers, on en voit quelques-unes en gros-de-Berlin; la nuance batiste écru est, de toutes les couleurs claires, les seules portées, celle qui soit généralement en faveur.

Les étoffes les plus légères s'emploient pour le dessus ou la doublure des chapeaux et des capotes. Nous avons cité dernièrement un chapeau en tulle; on en fait aussi en crêpe, en gros d'été blanc doublé de crêpe rose-mauve très pâle. Un chou en ruban se place toujours au haut de la forme: du bas de ce chou part un ruban qui l'entoure d'abord, descend de chaque côté, et sert de brides. La même disposition de ruban s'emploie aussi quand l'ornement du chapeau est un bouquet de plumes.

Il paraît peu de bijoux nouveaux; les boucles de ceinture, et les boucles d'oreilles en or, à compartimens en émail, sont les seules nouveautés que les magasins les plus en renom offrent en ce moment.

М О Д Ы.

Лѣтнія шапи чрезвычайно разнообразны, и какъ надѣваютъ ихъ сверхъ рукавовъ, то онѣ должны быть весьма широки, для того, чтобы концы опускались ниже пояса.

Съ нѣкотораго времени, шарфы изъ кашемировой кисеи, вышитые разноцвѣтными шелками, о которыхъ мы уже упоминали, замѣнили шапи изъ подобной шкани.

Ничего нѣтъ разнообразнѣе цвѣтовъ матерій, употребляемыхъ на передники, которые дамы носятъ дома, и формы кармановъ. Есть карманы, имѣющіе видъ записной книжки, другіе корзинки, у иныхъ просто прорешки поперегъ съ клапаномъ, застегнушымъ на пуговку.

Бѣлый цвѣтъ, какъ мы уже говорили и вопоряли, предпочтительно носятъ вездѣ, на прогулкахъ, въ спектакляхъ, въ собраніяхъ. На вечерахъ однакожь, куда охотно надѣваютъ и шелковыя платья, видно было нѣсколько платьевъ изъ gros-de-Berlin; цвѣтъ неблѣнаго башиспа вообще предпочитается прочимъ свѣтлымъ цвѣтамъ, единственно употребляемымъ.

Верхъ и подбой у шляпъ дѣлаютъ изъ самыхъ легкихъ шканий. Мы недавно упоминали о пюлевой шляпкѣ; дѣлаютъ также креповья, изъ блага gros-d'été, надкладывая въ весьма блѣднымъ лилово-розовымъ крепомъ. Репеёкъ изъ лентъ прикалывается на верху тульи: снизу репейка кладется лента, которая, окружая сперва его, спускается съ каждой стороны и составляетъ лопоспи. Такимъ же образомъ кладется лента, когда на шляпѣ букетъ перьевъ.

Новыхъ вещей мало видно; пряжки для поясовъ, серги золотыя съ эмалевыми фигурками, воптъ все, что можно теперь видѣть новаго въ лучшихъ нашихъ магазинахъ.

Силь нумеромъ оканчивается третья часть Литер. Прибавлений къ Русск. Инвал.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1831 ГОДЪ.

І.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Речь противъ женщинъ	спр. 415.
Расчётливое открытіе, пер. <i>Анны Ситниковой</i>	431.
Что есть щасіе, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	447.
Провинціалъ въ Парижъ: первая картина	465.
— — — — — вторая картина	553.
— — — — — третья картина	431.
— — — — — четвертая картина	489.
Шарманъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	504.
Блаженные Валласовы времена, пер. <i>В. Соколова</i>	537.
Чего прѣбуется нынѣ ошъ молодаго челоѡвка	538.
Объявленіе о наймѣ, продажѣ и проч., соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	553.
Прокшъ, соч. <i>Г. Трилунаго</i>	561.
Сплетни, Глава II, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	569.
Чудная вещь! Непонятная вещь! или о томъ, что <i>Г. Бестужевъ-Рюминъ</i> , издатель <i>Свѣ. Меркурія</i> , о кончинѣ <i>Барона Дельвига</i> , послѣдовавшей 17 Января, напечаталъ въ No 5, въ шедшемъ въ свѣтъ Января 12 днл.	576.
Еще чудная вещь! Непонятная вещь! или о томъ, что <i>Г. Бестужевъ-Рюминъ</i> , издатель <i>Свѣ. Меркурія</i> , о смерти Профессора <i>Щеглова</i> , случившейся 26 Іюня, возвысилъ сѣтуюющей публикѣ 15 Іюня	577.
Если-бы—то-бы, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	585.
Письмо первое о Холерѣ	593.
Способъ узнавать людей по чиханью, пер. <i>В. Соколова</i>	601.
Русская пословица: корми до уса, корми до бороды, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	609.

ІІ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Косейникъ, волшебная сказка	407.
— — — — — (<i>Ожоганіе</i>).	416.
День передъ свадьбою, повѣсть	409.
— — — — — (<i>Ожоганіе</i>).	418.

Живописецъ Колонна, анекдотъ XVI вѣка, пер. <i>В. Соколова</i>	спр. 423.
Кончина Лудовика XIV, пер. <i>его же</i>	425.
Великодушіе Русскаго крестьянина	426.
Альбомъ женщины	427.
— — — — —	461.
— — — — —	550.
Холера	428.
Воспоминанія о Швейцаріи: Женева, пер. <i>В. Соколова</i>	434.
— — — — — Женева, (<i>Продолженіе</i>)	452.
— — — — — Женева, (<i>Ожоганіе</i>)	470.
Петръ Пристли	436.
Воръ, истинный анекдотъ, пер. <i>В. Соколова</i>	439.
Мысли Ларошфуко, пер. <i>Иполита Глѣбова</i>	451.
Бѣдная мать, истинное происшествіе	453.
Черты изъ картинъ природы, соч. <i>Ѡ. Н. Глинки</i>	457.
О Глазгофскомъ домѣ ума лишенныхъ	458.
Домъ Наполеона въ Аякціо	459.
Молочныя деревья	462.
Варварство разбойника	462.
Таинственный гость, повѣсть, пер. <i>В. Тило</i>	466.
— — — — — (<i>Продолженіе</i>).	474.
— — — — — (<i>Продолженіе</i>).	482.
— — — — — (<i>Продолженіе</i>).	490.
— — — — — (<i>Ожоганіе</i>).	496.
О происхожденіи корсезовъ	477.
Воспоминанія о Швейцаріи: Бріенцкое озеро, пер. <i>В. Соколова</i>	512.
Мосье смерти	515.
Мысли	516.
Первая любовь	524.
Живописецъ Гиджи	528.
Нещастіе щасливѣйшаго челоѡвка, пер. <i>В. Соколова</i>	538.
Жиневра, пер. <i>его же</i>	545.
Лучшій Французскій Министръ, пер. <i>его же</i>	554.
Букеты	555.
Завтракъ въ пустынь	556.

Сказка, подслушанная у дверей, пер. В. Соколова.	стр. 556.
Большой носъ, Франц. анекдотъ	562.
Форпепиано, истинное происшествіе.	564.
Спірадалица, повѣсть, соч. Е. Ададурова	576.
— — — — — (Продолженіе)	586.
— — — — — (Окончаніе).	595.
Невидимка.	574.
Любовница разбойника.	584.
О происхожденіи Поляшипелей.	603.
Сказка.	604.
Гробница на оспровѣ Рюгенѣ, повѣсть, пер. В. Тило	610.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Завѣдъ съ большой дороги, соч. <i>Θ. Н. Глинки</i>	411.
Арабъ и трубочистъ, басня, соч. <i>Л. Якубовича</i>	412.
Отрывокъ изъ поэмы: Князь Андрей Переяславль-скій, соч. <i>А. Б—ева</i>	412.
Надежда и воспоминаніе, соч. <i>Трилунаго</i>	420.
Подражаніе Петраркѣ, <i>В. Романовича</i>	429.
Кружка, соч. <i>его же</i>	430.
Рыбакъ, соч. <i>Θ. Слыуиукина</i>	436.
Молитва дѣшей (изъ Мицкевича), пер. <i>В. Романовича</i>	446.
Измѣненіе, соч. <i>А. Глѣбова</i>	455.
Покровъ Пресвятой Богородицы, соч. <i>Якубовича</i>	463.
Эпиграмма, соч. <i>II. Манасеина</i>	471.
Молитва во время бѣгства, (изъ Кернера), пер. <i>Манасеина</i>	478.
Сверзь, соч. <i>А. Глѣбова</i>	487.
Грузинская пѣсня, пер. <i>Л. Якубовича</i>	495.
Пѣвецъ, мелодія, соч. <i>В. Романовича</i>	502.
Разговоръ между дамою и лекаремъ, соч. <i>Якубовича</i>	516.
Нищій, соч. <i>Θ. Н. Глинки</i>	526.
Жизнь, соч. <i>II. Чижова</i>	532.
Великій Богъ! Чудесный Богъ! соч. <i>Θ. Н. Глинки</i>	535.
Таврида, соч. <i>Авраама Норова</i>	535.
Персепень, соч. <i>Н. Языкова</i>	535.
Отрывокъ изъ поэмы: Князь Андрей Переяславль-скій, соч. <i>А. Б—ева</i>	542.
Поэту, соч. <i>Л. Якубовича</i>	551.
Деньги, соч. <i>Л. Якубовича</i>	559.
Карты, соч. <i>Трилунаго</i>	565.
Отголосокъ, соч. <i>В. Романовича</i>	575.
Упрѣкъ, соч. <i>А. Б—аго</i>	575.
Сонъ, соч. <i>II. И. Козлова</i>	583.
Бурлеская пѣсня, подражаніе, <i>А. Тоскина</i>	590.
Преставленіе Лудовика XVII (изъ Викторо Гюго), пер. <i>II. Покровскаго</i>	590.
Утро на Еипсѣ, соч. <i>В. Соколовскаго</i>	599.

Мышѣпокъ, басня, соч. <i>Степанова</i>	стр. 599.
Оружійникъ-Тулякъ, соч. <i>Л. Якубовича</i>	606.
Алиа (изъ Шиллера), пер. <i>В. Г.</i>	614.
Графу Паскевичу-Эриванскому на взятіе Варшавы, соч. <i>Стороженки</i>	614.
Къ стапуу Наполеона, соч. <i>А. Глѣбова</i>	614.

IV.

КРИТИКА.

Извѣстіе о новой, достопамятной книгѣ	421.
Удивительный человекъ, романъ, соч. <i>II. Л. Яковлева</i>	478.
Мертвый осель и обезглавленная женщина, романъ, пер. съ Французскаго	503.
Братъ за брата, комедія-водевиль, соч. <i>II. Григорьева</i>	517.
О вышавкѣ отечественныхъ издѣлій въ Москвѣ (изъ Молвы).	518.
Опповѣдь сочинительницы статьи <i>Размышленія Русской</i> , издателью <i>Furet</i>	526.
Одесскій альманахъ на 1831 годъ.	532.
Актеръ и музыкантъ, комедія-водевиль, соч. <i>II. Григорьева</i>	542.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

<i>Нечаянный закладъ</i> , комедія въ одномъ дѣйствіи, пер. съ Французскаго	413.
<i>Приключеніе на охотѣ</i> , балетъ	413.
<i>Дядя на прокатъ</i> , водевиль.	413.
<i>Митавская ярмарка</i> , или <i>филатка въ маске-радъ</i> , дивертиссементъ.	413.

V.

СМѢСЬ.

Печаталась почти въ каждомъ номерѣ.

VI.

ШАРАДЫ, ЗАГАДКИ, ОМОНИМЫ, АНАГРАММЫ, ЛОГОГРИФЫ.

Русскія. — Шарады: 1) Жс-па; 2) Вор-онъ; 3) Ворон-ка; 4) Рей-да; 5) До-роги; 6) Я-корь; 7) И-Волга. *Омонимы*: 8) Лукъ. *Анаграммы*: 9) Гербъ-Брегъ. *Логогрифы*: 10) Клюква; 11) Спукъ. *Шарада-Омонимы*: 12) Ба-ба.

Французскія. — Шарады: 1) Ver-dure; 2) Drap-eau; 3) Tu-renne; 4) Dé-bat; 5) Dé-jeûner; 6) Sou-ris. *Загадки*: 7) L'instant présent; 8) Chemin. *Логогрифы*: 9) Hercule; 10) Pendule; 11) Platitude. *Загадка-анаграмма*: 12) Agir-Riga. *Шарада-эпигло-логогрифы*: 13) Сапог.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помещаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и крашенныхъ карпинокъ.